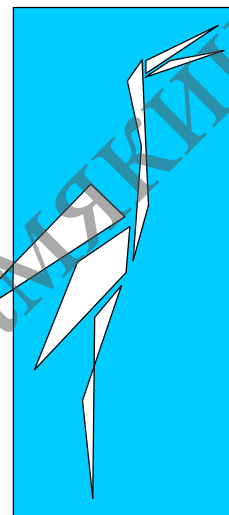

ВЕСНІК

Мазырскага
дзяржаўнага
педагагічнага
універсітэта

2006 **1**⁽¹⁴⁾

МГПУ им. И.П.Шамшуркина

Галоўны рэдактар
д. біял. н. В.В. Валетаў

Рэдакцыйная калегія:

к. філал. н., намеснік галоўнага рэдактара С.Б. Кураш,
к. ф.-м. н., адказны сакратар Э.Я. Грачаннікаў,
д. пед. н. В.І. Анісімаў, д. ф.-м. н. В.І. Башмакоў, д. ф.-м. н. В.І. Громак,
к. псіхал. н. Л.М. Іванова, к. пед. н. Л.В. Ісмайлава, д. філал. н. У.І. Коваль,
д. гіст. н. В.М. Ляўко, д. біял. н. В.І. Парфенаў, д. псіхал. н. Л.А.Пергаменшчык,
д. пед. н. В.Ф. Русецкі, д. гіст. н. К.А. Рэвяка, д. псіхал. н. Т.М. Савельева,
д. т. н. У.С. Савенка, д. т. н. В.В. Смірноў, д. т. н. В.Я. Старжынскі,
к. гіст. н. С.В. Целяпень, д. ф.-м. н. В.В. Шапялёвіч, д. філал. н. В.В. Шур,
д. ф.-м. н. М.Д. Юдзін, к. ф.-м. н. М.М. Ягораў

Заснавальнік

Установа адукацыі

«Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт»

Зарэгістраваны ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь,
пасведчанне № 1508 ад 30.10.2002 г.

Адрас рэдакцыі:

247760 Рэспубліка Беларусь,
Гомельская вобласць, г. Мазыр,
вул. Студэнцкая, 28.
Тэл.: +375 (2351) 2-46-29

Здадзена ў набор 15.02.2006. Падпісана ў друк 19.05.2006
Фармат 60x90 1/8. Папера афсетная.
Гарнітура Times New Roman Сур. Ум. друк. арк. 22,75.
Тыраж 110 экз. Заказ № 39.

Ліцэнзія № 02330/0133016 ад 30 красавіка 2004 г.

Карэктары: Т.М. Ліпская, Л.М. Бажэнка, П.Р. Кошман, Л.В. Жураўская
Камп'ютэрная верстка: А.Л. Шчака, Л.І. Фядула
Тэхнічны рэдактар: А.В. Ліс

Надрукавана на тэхніцы рэдакцыйна-выдавецкага аддзела
Установы адукацыі

«Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт»
247760, Гомельская вобл., г. Мазыр, вул. Студэнцкая, 28, к. 114
Тэл.: +375 (2351) 2-46-29

Меркаванні, выказаныя аўтарамі,
могуць не супадаць з пунктам погляду рэдакцыі

ISBN 978-985-477-163-6

© Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт, 2006

ВЕСНІК

Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта

Навуковы часопіс
Выходзіць 2 разы ў год

№ 1 (14)

2006

ЗМЕСТ

МАТЭМАТЫКА

<i>Гойко В.И.</i> О классе конечных нильпотентных групп.....	3
<i>Задорожнюк Е.А.</i> Конечные группы с p -эквидистантными минимальными подгруппами.....	7
<i>Кожуренко Н.В.</i> О старшем показателе линейной дифференциальной системы с возмущениями, суммируемыми со степенью и весом	11
<i>Юдин М.Д.</i> К вопросу об аппроксимации распределений сумм зависимых случайных величин безгранично делимыми распределениями.....	16

ФІЗІКА

<i>Навныко В.Н., Шепелевич В.В.</i> Дифракционная эффективность отражательных голограмм в кристалле $\text{Bi}_{12}\text{SiO}_{20}$ произвольного среза	21
<i>Кулак В.Н., Николаенко Т.В.</i> Особенности оптико-акустической диагностики твердых тел в условиях термоупругости.....	25

БІЯЛОГІЯ

<i>Лебедев Н.А., Сикорский В.Г., Дегтярев В.А.</i> Длиннопалый рак <i>Astacus leptodactylus</i> Eschw. оз. Гудшие Мозырского района.....	30
<i>Лекунович С.Н.</i> Зависимость накопления Cs-137 зеленой массой многолетних трав от водного режима корнеобитаемого слоя почвы	35
<i>Рупасова Ж.А., Варавина Н.П., Рудаковская Р.Н., Рубан Н.Н., Пятница Ф.С., Яковлев А.П.</i> Влияние географического фактора на макроэлементный состав плодов <i>Vaccinium corymbosum</i> L. на фоне внесения минеральных удобрений в Беларуси	39
<i>Хмелевский В.И.</i> Сукцессионные процессы в лесах национального парка «Припятский», связанные с заболачиванием его территории	42
<i>Чайковский А.И.</i> Таксономическое разнообразие паразитов грача (<i>corvus frugilegus</i> L.) Беларуси	47
<i>Яблонская И.В., Валетов В.В., Кравченко В.И., Кардаков Н.Л.</i> Использование «йодтеста» в эколого-биологическом мониторинге йодной обеспеченности детского населения Полесья	49
<i>Яблонская И.В.</i> Йодная обеспеченность территории Гомельской области	53

ГІСТОРЫЯ

<i>Олюнина И.В.</i> Полесская экспедиция Юзефа Обрембского (1934–1937 гг.) и традиция изучения белорусского Полесья	56
<i>Сувалаў А.М.</i> Этнастатыстычнае вывучэнне беларусаў у XIX – пачатку XX ст.	60
<i>Толочко Д.М.</i> Мероприятия советской власти по национализации промышленности в западных областях БССР (сентябрь 1939–1940 гг.)	64

ФІЛАЛОГІЯ

<i>Даніленка С.І.</i> Топіка «Скалы» ў патрыятычнай лірыцы беларускіх савецкіх паэтаў 30-х гг. XX ст.	69
<i>Дзенісюк Н.В.</i> Праблема постмадэрнісцкага героя	73
<i>Гришкова О.Н.</i> Интертекстуальность как основа систематизации поэтических текстотипов (на материале русского поэтического дискурса)	78
<i>Іваноў Я.Я.</i> Да праблемы ўкладання слоўніка афарызмаў мовы твораў Якуба Коласа	83
<i>Карніловіч І.В.</i> Фонавая інфармацыя і катэгарызацыя.....	88
<i>Кліменка В.У.</i> Лексікалізацыя форм назоўнікаў у беларускай дыялектнай мове	93
<i>Кожевникова А.А.</i> Сложное слово в истории русского языка как объект изучения номинативной деривации	97
<i>Коновод Л.М.</i> Конкретная поэзия Э. Яндля в историко-культурной парадигме XX века	101
<i>Літвінава Ю.М.</i> Колеравая гама паэзіі Уладзіміра Караткевіча	105
<i>Мінакова Л.М.</i> Спосабы ўтварэння намінацый у тэхнічнай тэрміналогіі беларускай мовы	111
<i>Морозова И.И.</i> К. Леонтьев и Л. Толстой: антиномии имморализма, или парадоксы нравственности	117
<i>Ненадавец А.М.</i> Уладзімір Караткевіч – міф і прырода	120
<i>Паўлюская А.А.</i> Жанр эсэ ў сучаснай беларускай прозе (на матэрыяле твораў Андрэя Федарэнкі)	125
<i>Ревуцкий О.И.</i> Сложные тропы: семантика и структура	128
<i>Юрченко И.А.</i> Ареалы распространения структурно-семантических соответствий адъективных устойчивых сравнений русского и других славянских, балтийских, германских языков	132

ПЕДАГОГІКА І ПСІХАЛОГІЯ

<i>Баширкина Е.А.</i> Условия и результаты функционирования модели воспитания гуманистических отношений	137
<i>Гульчик В.В.</i> Условия конструктивного и деструктивного влияния ситуативной тревожности на продуктивность творческой деятельности студентов	141
<i>Евтюгина А.А.</i> Технология повышения уровня профессионально-речевой образованности студентов	147
<i>Кухаронак В.Г.</i> Психолого-педагогические условия организации художественно-творческой деятельности младших школьников	152
<i>Шабалина Л.В.</i> Особенности эмоциональных переживаний у детей из семей, злоупотребляющих алкоголем	155
<i>Якубинская А.Д.</i> Гульнявая культура дзяцей як фактар сацыялізацыі ў традыцыйным грамадстве беларусаў другой паловы XIX – пачатку XX ст.	160

ПЕРСАНАЛІ	165
------------------------	-----

ХРОНІКА	169
----------------------	-----

БІБЛІЯГРАФІЯ	171
---------------------------	-----

РЭФЕРАТЫ	172
-----------------------	-----

АЎТАРЫ НУМАРА	179
----------------------------	-----

МАТЭМАТЫКА

УДК 512.44

В.И. Гойко

О КЛАССЕ КОНЕЧНЫХ НИЛЬПОТЕНТНЫХ ГРУПП

Возьмем счетное множество классов Фиттинга и возьмем множество \mathcal{B} всех таких конечных разрешимых групп, у которых инъекторы, построенные относительно этих классов Фиттинга, нормальны в самой группе. Докажем, что построенный класс \mathcal{B} содержит класс всех конечных нильпотентных групп. Очевидно, что класс \mathcal{B} не вырождается в класс всех конечных нильпотентных групп.

Все рассматриваемые группы и классы групп берем из класса всех конечных групп.

1. Класс Фиттинга F – это такой непустой класс конечных групп, для которого выполняются условия: а) если $G \in F$ и N – нормальная подгруппа в G , то $N \in F$; б) если M и N – нормальные подгруппы в G и $M \in F$, $N \in F$, то $MN \in F$.

Подгруппа H группы G называется *F-инъектором* [1], если для любой субнормальной подгруппы V группы G пересечение $H \cap V \in F$ является F -максимальной подгруппой группы V .

Подгруппа V группы G называется *достижимой* в группе G , если V содержится в некотором нормальном ряде группы G .

Подгруппа M группы G называется *F-максимальной подгруппой* в G , если $M \in F$, и из условий $M \subseteq N \subseteq G$, $N \in F$ всегда следует, что $M = N$.

Лемма 1.1. Пусть K – подгруппа группы G , g – произвольный элемент из G , H – F -инъектор группы K . Тогда H^g – F -инъектор в группе K^g .

Доказательство. Из изоморфизма $H \cong H^g$ следует, что $H^g \in F$. Возьмем V – произвольную достижимую подгруппу в группе K . Рассмотрим пересечение $H^g \cap V^g$. Очевидно, что V^g – достижимая подгруппа в группе K^g . Допустим, что $H^g \cap V^g \subseteq L$, где L – F -максимальная подгруппа в группе V^g . По лемме Гашюца (см. лемму 3.2 в [2]) теперь получим, что $H \cap V \subseteq L^x$, где $x = g^{-1}$. Так как $L^x \in F$, то получили противоречие с допущением. Значит, $H^g \cap V^g$ является F -максимальной подгруппой группы V^g . Лемма доказана.

Лемма 1.2. Пусть K – нормальная подгруппа группы G , H – F -инъектор группы K . Тогда справедливо: $G = N_G(H)K$.

Доказательство. Пусть g – произвольный элемент из G . Из включения $H \subseteq K$ следует, что $H^g \subseteq K^g = K$. В силу леммы 1.1 получаем теперь, что H^g – F -инъектор группы K . Подгруппы H и H^g сопряжены в K с помощью элемента $k \in K$, т. е. $H^k = H^g$. Отсюда получаем, что $H = kg^{-1}H^gk^{-1} = (gk)^{-1}H(gk)$. Значит, $gk^{-1} \in N_G(H)$. Отсюда: $g \in N_G(H)k$. Следовательно, $g \in N_G(H)K$. Поскольку g – произвольный элемент из G , то $G = N_G(H)K$. Лемма доказана.

Лемма 1.3. F -инъектор подгруппы $\Phi(G)$ – является нормальной подгруппой в группе G .

Доказательство. Пусть H – F -инъектор подгруппы $\Phi(G)$. Применяя лемму 1.2, получаем: $G = N_G(H)\Phi(G)$. Поскольку $N_G(H)\Phi(G) = N_G(H)$, то $G = N_G(H)$. Лемма доказана.

Лемма 1.4. Пусть K – нормальная подгруппа группы G , H – F -инъектор группы G . Тогда $K \cap H$ – F -инъектор группы K .

Доказательство. Введем обозначение: $K \cap H = L$. Тогда L – нормальная подгруппа в H . Отсюда следует, что $L \in F$. Пусть V – произвольная достижимая подгруппа группы K . Так как K – нормальная подгруппа в G , то всякая достижимая подгруппа в K является достижимой подгруппой и в группе G . Тогда $H \cap V$ является F -максимальной подгруппой в группе V . Из очевидного равенства $H \cap K \cap V = H \cap V$ теперь получаем, что $H \cap K$ является F -инъектором группы K . Лемма доказана.

Теорема 1.5. Пусть K – достижимая подгруппа группы G , H – F -инъектор группы G . Тогда $K \cap H$ – F -инъектор группы K .

Доказательство. Поскольку \mathbf{K} – достижимая подгруппа в \mathbf{G} , то \mathbf{K} входит в некоторый нормальный ряд группы \mathbf{G} : $\mathbf{K} = \mathbf{K}_n \subseteq \mathbf{K}_{n+1} \subseteq \dots \subseteq \mathbf{K}_1 \subseteq \mathbf{K}_0 = \mathbf{G}$.

Применяя лемму 1.4, получим:

$\mathbf{K}_1 \cap \mathbf{H} = \mathbf{H}_1$ есть F -инъектор группы \mathbf{K}_1 ,

$\mathbf{K}_2 \cap (\mathbf{K}_1 \cap \mathbf{H})$ – F -инъектор группы \mathbf{K}_2 .

Поскольку $\mathbf{K}_2 \subseteq \mathbf{K}_1$, то получаем, что $\mathbf{K}_2 \cap \mathbf{H}$ есть F -инъектор группы \mathbf{K}_2 . Рассуждая аналогичным образом и далее, получим, наконец, что $\mathbf{K}_n \cap (\mathbf{K}_{n-1} \cap \mathbf{H})$ есть F -инъектор группы $\mathbf{K}_n = \mathbf{K}$. Следовательно, в силу того, что $\mathbf{K}_n \subseteq \mathbf{K}_{n-1}$, теперь получаем, что $\mathbf{K} \cap \mathbf{H}$ есть F -инъектор группы \mathbf{K} . Теорема доказана.

2. Возьмем счетное множество классов Фиттинга $\{F_1, F_2, \dots, F_n, \dots\}$. Обозначим через \mathbf{B} множество всех таких конечных разрешимых групп, которые имеют инвариантные F_i -инъекторы для всех $i = 1, \dots, n, \dots$. Очевидно, что если F_i есть примарные формации, то класс \mathbf{B} является классом всех конечных нильпотентных групп.

Лемма 2.1. Пусть \mathbf{F} есть F -инъектор конечной разрешимой группы \mathbf{G} , \mathbf{H} – подгруппа группы \mathbf{G} такая, что $\mathbf{H} \supseteq \mathbf{N}_G(\mathbf{F})$. Тогда $\mathbf{H} = \mathbf{N}_G(\mathbf{H})$.

Доказательство. Возьмем произвольный элемент \mathbf{n} из $\mathbf{N}_G(\mathbf{H})$. Тогда $\mathbf{H} = \mathbf{H}$. Теперь из включений $\mathbf{F} \subseteq \mathbf{N}(\mathbf{F})$ и $\mathbf{N}_G(\mathbf{F}) \subseteq \mathbf{H}$ (последнее имеет место по условию) получаем, что $\mathbf{F} \subseteq \mathbf{H}$. Значит, $\mathbf{F} \subseteq \mathbf{H} = \mathbf{H}$. Поскольку \mathbf{F} и \mathbf{F}^n – это два F -инъектора группы \mathbf{G} , то по теореме 1 из [1] существует такой элемент \mathbf{h} из \mathbf{H} , что $\mathbf{h}^{-1}(\mathbf{F})\mathbf{h} = \mathbf{F}$. Отсюда $(\mathbf{nh})^{-1}\mathbf{F}(\mathbf{nh}) = \mathbf{F}$. Тогда получим, что $\mathbf{nh} \in \mathbf{N}(\mathbf{F}) \subseteq \mathbf{H}$. Значит, $\mathbf{nh} \in \mathbf{H}$ и $\mathbf{n} \in \mathbf{H}$. Следовательно, $\mathbf{N}(\mathbf{H}) \subseteq \mathbf{H}$. Поскольку обратное включение очевидно, то и получаем равенство: $\mathbf{N}_G(\mathbf{H}) = \mathbf{H}$. Лемма доказана.

Пусть \mathbf{N} – класс всех конечных нильпотентных групп.

Теорема 2.2. Справедливо включение: $\mathbf{N} \subseteq \mathbf{B}$.

Доказательство. Пусть $\mathbf{G} \neq \langle 1 \rangle$ и $\mathbf{G} \in \mathbf{N}$. Тогда все максимальные подгруппы группы \mathbf{G} нормальны в \mathbf{G} . Допустим, что существует F -инъектор \mathbf{H} группы \mathbf{G} , не являющийся нормальной подгруппой в \mathbf{G} . Тогда $\mathbf{N}_G(\mathbf{H}) \neq \mathbf{G}$. Пусть \mathbf{M} – максимальная подгруппа группы \mathbf{G} , которая содержит $\mathbf{N}_G(\mathbf{H})$. По лемме 2.1 имеем, что $\mathbf{M} = \mathbf{N}_G(\mathbf{M})$. Но из того, что \mathbf{M} является нормальной подгруппой в \mathbf{G} , получаем, что $\mathbf{G} = \mathbf{N}_G(\mathbf{M})$. Полученное противоречие завершает доказательство. Теорема доказана.

Теорема 2.3. Класс \mathbf{B} является классом Фиттинга.

Доказательство. Покажем выполнимость условий (а) и (б) в определении класса Фиттинга.

а) Пусть $\mathbf{G} \in \mathbf{B}$. Тогда F_i -инъекторы \mathbf{H}_i группы \mathbf{G} нормальны в \mathbf{G} ($i = 1, 2, \dots, n$). Пусть \mathbf{N} – нормальная подгруппа в \mathbf{G} . По лемме 1.4 имеем, что $\mathbf{H}_i \cap \mathbf{N}$ есть F_i -инъектор группы \mathbf{N} . Кроме того, очевидно, что $\mathbf{H}_i \cap \mathbf{N}$ – нормальная подгруппа в \mathbf{N} . Значит, $\mathbf{N} \in \mathbf{B}$.

б) Возьмем подгруппы $\mathbf{M} \triangleleft \mathbf{G}$, $\mathbf{N} \triangleleft \mathbf{G}$ такие, что $\mathbf{M}, \mathbf{N} \in \mathbf{B}$. Пусть $\mathbf{H}_i, \mathbf{K}_i$ – F -инъекторы групп \mathbf{M} и \mathbf{N} соответственно. Тогда в силу определения класса \mathbf{B} имеем, что $\mathbf{H}_i \triangleleft \mathbf{M}$, $\mathbf{K}_i \triangleleft \mathbf{N}$. Покажем, что $\mathbf{H}_i \triangleleft \mathbf{MN}$. Возьмем в группе \mathbf{MN} произвольный элемент \mathbf{x} . Тогда $\mathbf{x} = \mathbf{mn}$. Рассмотрим следующее равенство:

$$(\mathbf{H}_i)^{mn} = (\mathbf{mn})^{-1} \mathbf{H}_i (\mathbf{mn}) = (\mathbf{H}_i)^n.$$

Теперь поскольку $M \triangleleft G$, $n \in G$, то $(H_i)^n \subseteq M$. Кроме того, $(H_i)^n$ является F -инъектором в M . По лемме Гашюца (см. лемму 3.2 в [2]) в группе M найдется такой элемент y , что будет выполняться равенство: $(H_i)^n = (H_i)^y$. Теперь ввиду того, что $H_i \triangleleft M$, получим равенство: $(H_i)^n = H_i$. Итак, $(H_i)^x = H_i$. Следовательно, $H_i \triangleleft MN$. Аналогично рассуждая, показываем, что $K_i \triangleleft MN$. Тогда $H_i K_i \triangleleft MN$. Покажем далее, что $H_i K_i$ является F_i -инъектором группы MN . В самом деле, из включений $H_i \in F_i$, $K_i \in F_i$, из условий $H_i \triangleleft MN$, $K_i \triangleleft MN$ и в силу того, что F_i – класс Фиттинга, получаем, что $H_i K_i \in F_i$. Далее пусть V – произвольная достижимая подгруппа группы MN . Рассмотрим ряд:

$$V = V_0 \triangleleft V_1 \triangleleft \dots \triangleleft V_{n-1} \triangleleft V_n \triangleleft MN.$$

Поскольку F_i – класс Фиттинга и $H_i K_i \cap V_n \triangleleft MN$, то $H_i K_i \cap V_n \in F_i$. Далее так как подгруппа $H_i K_i \cap V_{n-1}$ входит в $H_i K_i \cap V_n$ и является нормальной в ней, то $H_i K_i \cap V_{n-1} \in F_i$. Продолжая аналогичные рассуждения и дальше, получим, наконец, что $H_i K_i \cap V \in F_i$. Покажем теперь, что $H_i K_i \cap V$ является F_i -максимальной подгруппой в группе MN . Допустим противное, т. е. $H_i K_i \cap V \subset T \subset V$ и $T \in F_i$. Теперь из условий $T \cap M \triangleleft T$ и $T \in F_i$ получим, что $T \cap M \subseteq H_i$. Значит, $T \cap M \subseteq H_i \cap V$. Аналогично показываем, что $T \cap N \subseteq K_i \cap N$. Следовательно, $(T \cap M)(T \cap N) \subseteq (H_i \cap V)(K_i \cap V)$. Далее из предположения, что $H_i K_i \cap V \subset T$, следует, что $(H_i \cap V)(K_i \cap V) \subseteq (T \cap M)(T \cap N)$. Отсюда теперь следует равенство: $(H_i \cap V)(K_i \cap V) = (T \cap M)(T \cap N)$. Допустим, что $H_i K_i \cap V \subset (T \cap M)(T \cap N) = (H_i \cap V)(K_i \cap V)$. Но так как $(H_i \cap V)(K_i \cap V) \subseteq H_i K_i \cap V$, то получаем противоречие. Значит, $H_i K_i \cap V \supseteq (T \cap M)(T \cap N) = T$. Последнее противоречит предположению о включении $H_i K_i \cap V \subset T$. Итак, $H_i K_i \cap V$ является F_i -максимальной подгруппой в группе V . Значит, $H_i K_i$ является F_i -инъектором группы MN . Поскольку, кроме того, выше доказали, что $H_i K_i \triangleleft MN$, то и получаем, что $MN \in B$. Показали, что B – класс Фиттинга. Теорема доказана.

3. Определение. Подгруппа N группы G называется F -достижимой в группе G , если для каждого F -инъектора F группы G пересечение $N \cap F$ есть F -инъектор в группе N .

В силу теоремы 1.5 ясно, что каждая достижимая подгруппа группы G является F -достижимой подгруппой группы G .

Теорема 3.1. Пусть все максимальные подгруппы разрешимой группы G являются F -достижимыми в группе G . Тогда F -инъектор группы G – нормальная подгруппа в G .

Доказательство. Пусть F – произвольный F -инъектор группы G . Допустим, что F не является нормальной подгруппой в G . Тогда $N_G(F) \neq G$. Значит, существует максимальная подгруппа M группы G такая, что $M \supseteq N_G(F)$. Отсюда следует теперь, что $M \supseteq F$. По условию: M – F -достижимая подгруппа группы G . Значит, $M \cap F$ – F -инъектор группы M . Поскольку $F \subseteq M$, то F – F -инъектор группы M . Далее, пусть x – произвольный элемент группы G . Тогда F^x – F -инъектор группы G . Следовательно, $M \cap F^x$ – F -инъектор группы M . Тогда в силу теоремы 1 из [1] получаем, что существует такой элемент m из M , что $F^m = M \cap F^x$. Отсюда $F^m = F^x$. Значит, $F^x \subseteq M$ и $F \subseteq M^y$, где $y = x^{-1}$. Последнее включение справедливо для любого элемента x из M . Значит, $F \subseteq M_G$. Теперь в силу леммы 1.2 получаем соотношение: $G = M_G N_G(F) \subseteq M_G M = M$. Получили очевидное противоречие. Теорема доказана.

Будем в дальнейшем символом F обозначать локальную формацию Фиттинга (т. е. F одновременно локальная формация и класс Фиттинга).

Теорема 3.2. Пусть $\text{Ext}_F F = F$, $F \supseteq N$ и пусть F – F -инъектор группы G , $N \triangleleft G$ и все максимальные подгруппы разрешимой группы G являются F -достижимыми в G . Тогда FN/N есть F -инъектор группы G/N .

Доказательство. Если $G \in F$, то теорема выполняется тривиально. Пусть $G \notin F$. Предположим, что FN/N не является F -инъектором группы G . Очевидно, что $FN/N \in F$. В силу теоремы 3.1. имеем, что $F \triangleleft G$. Тогда $FN/N \subseteq R/N$, где R/N – некоторый F -инъектор группы G/N . Пусть R_G – наибольшая нормальная подгруппа в R . Ясно, что $F \subseteq R_G$. Рассмотрим следующие возможные случаи.

1. $R \subset G$. Если теперь допустить, что $R \in F$, то $F = R$, и из равенства $FN/N = R/N$ получаем требуемое утверждение. Полагаем теперь, что $R \notin F$. Поскольку $|R| < |G|$, то по индукции для R теорема выполняется: FN/N есть F -инъектор группы R/N . Но $R/N \in F$. Следовательно, $FN/N = R/N$.

2. $R = G$. Допустим, что $F = R_G$. Тогда R/F является R -главным фактором и, кроме того, нефраттиниевым F -эксцентральным. Значит, существует максимальная F -абнормальная подгруппа S в группе G , ($S \neq G$), которая дополняет R/F в группе R , т. е. $SF = R$, $S \cap R = F$. Кроме того, $SR = R$. Но $R \subseteq R_G = F \subseteq S$. Отсюда получаем, что $S = R$. Противоречие. Полагаем теперь, что

$$F \subset R_G. \quad (1)$$

В силу того, что F является F -гиперцентральной подгруппой в группе R , все максимальные F -абнормальные подгруппы группы R покрывают R -главные факторы от 1 до F . Отсюда получаем, что $F \subseteq \Delta^F(R)$. Теперь с применением [3] получаем, что $\Delta^F(R) \in F$. Следовательно,

$$F = \Delta^F(R). \quad (2)$$

2.1. Допустим, что N – минимальная нормальная подгруппа в G . Поскольку $G/N \in F$ и $G \notin F$, то G^F – минимальная нормальная подгруппа в G и т. к. G – разрешима, то G^F – абелева группа. Теперь в силу теоремы 21.10 из [4] получаем, что все дополнения к G^F в G являются F -нормализаторами и, кроме того, ясно, что эти дополнения есть максимальные F -абнормальные подгруппы группы G . Теперь с учетом формулы (2) легко видно, что F – максимальная F -абнормальная подгруппа группы G . Отсюда имеем, что $FN = G$. Значит, $FN = R$, и поэтому $FN/N = R/N$.

2.2. N не является минимальной нормальной подгруппой в G . Возьмем G – главный фактор N/N_1 . Тогда в силу изоморфизма $(G/N_1)/(N/N_1) \cong G/N$, включений $N/N_1 \in F$, $G/N \in F$ и условия теоремы получим, что $G/N_1 \in F$. Если N_1 – минимальная нормальная подгруппа в G , то рассуждения проводим аналогично пункту 2.1. Пусть N_1 не минимальная нормальная подгруппа в G . Возьмем G – главный фактор N_1/N_2 . Ясно, что $G/N_2 \in F$, и дальше рассуждаем аналогично вышеприведенному. Наконец, возьмем G – главный фактор N_{k-1}/N_k , где N_k – минимальная нормальная подгруппа в G ($k \geq 1$, $N_{k-1} = N$, если $k = 1$), $G/N_k \in F$. Все дополнения M к подгруппе N_k в группе G являются максимальными F -абнормальными подгруппами группы G и, очевидно, $M \in F$. В силу формулы (2) теперь ясно, что $F = M$, и поэтому $M \triangleleft G$. Отсюда следует, что $F = R_G$. Последнее равенство противоречит формуле (1).

Теорема доказана.

Литература

1. Fischer, B. Injektoren endlicher auflösbarer Gruppen / B. Fischer, W. Gaschutz, B. Hartley // Math. Zeitschr. 102, 1967. – P. 337–339.
2. Гойко, В.И. Характеристические классы подсистем конечных алгебраических систем / В.И. Гойко – Гомель, ГГТУ им. П.О. Сухого, 2005.
3. Селькин, М.В. О влиянии максимальных подгрупп на формационное строение конечных групп / М.В. Селькин // Конечные группы. – Минск: Наука и техника, 1975. – С. 151–163.
4. Шеметков, Л.А. Формации конечных групп / Л.А. Шеметков – М.: Наука, 1978.

Summary

Take countable set of Fitting classes $F_i (i = 1, \dots, n, \dots)$ and take the set of all finite solvable groups in which F_i -injectors are normal in groups $(i = 1, \dots, n, \dots)$. Had proved that this class is the class of Fitting and this class containing class of all nilpotent groups. The conditions of normality of the injectors in finite solvable groups are investigating.

Поступила в редакцию 05.12.05.

УДК 512.542

Е.А. Задорожнюк

**КОНЕЧНЫЕ ГРУППЫ С p -ЭКВИДИСТАНТНЫМИ
МИНИМАЛЬНЫМИ ПОДГРУППАМИ**

Все рассматриваемые нами в данной работе группы конечны. Все определения и обозначения стандартны и соответствуют принятым в [1].

Напомним, что цепь

$$G = G_0 \supset G_1 \supset \dots \supset G_n = H$$

называется $(G - H)$ -цепью (с индексами $|G_{i-1}:G_i|$). Если при этом G_i является максимальной подгруппой в G_{i-1} для любого $i > 0$, то указанная цепь называется максимальной $(G - H)$ -цепью. Длиной данной цепи называется число отличных от группы H членов цепи. Группа G удовлетворяет условию Жордана-Дедекинда относительно цепей, если для любой ее подгруппы H все максимальные $(G - H)$ -цепи имеют одну и ту же длину, обозначаемую $l[G/H]$ (см., например, [2]). Понятно, что условие Жордана-Дедекинда эквивалентно следующему: все максимальные $(G - 1)$ -цепи имеют одну и ту же длину. Очевидно, что условие Жордана-Дедекинда является решеточным и наследственным для подрешеток решетки всех подгрупп группы G .

Пусть теперь p – некоторое фиксированное простое число. Тогда мы будем говорить, что подгруппа H группы G p -эквилидистантна в G , если в любой максимальной $(G - H)$ -цепи имеется одно и то же число индексов, делящихся на p . И это число мы будем обозначать символом $l_p[G/H]$.

Целью данной работы является изучение групп, у которых все их минимальные подгруппы p -эквилидистантны.

Имеет место следующая

Лемма 1. Пусть K – p -эквилидистантная подгруппа в группе G . Тогда любая подгруппа H группы G , содержащая подгруппу K , является p -эквилидистантной в G , группа K является p -эквилидистантной в H , причем справедлива формула

$$l_p[G/K] = l_p[G/H] + l_p[H/K].$$

Доказательство. Рассмотрим максимальную $(G - K)$ -цепь, проходящую через H :

$$K = G_0 < G_1 < \dots < G_j = H < G_{j+1} < \dots < G_{j+n} = G.$$

Пусть в этой цепи число индексов, делящихся на p , равно m . Зафиксируем часть этой цепи от H до K . Пусть в $(H - K)$ -цепи число индексов, делящихся на p , равно k . Тогда в любой $(H - K)$ -цепи число индексов, делящихся на p , равно $m - k$. Итак, группа H является p -эквилидистантной в G .

Если зафиксировать часть цепи от G до H , то, рассуждая аналогично, получим, что и в любой максимальной $(H - K)$ -цепи число индексов, делящихся на p , одно и то же. Таким образом, имеет место формула

$$l_p[G/K] = l_p[G/H] + l_p[H/K].$$

Лемма доказана.

Лемма 2. Если группа G p -сверхразрешима, то каждая ее подгруппа p -эквилидистантна в G .

Доказательство. Из p -сверхразрешимости группы G для любой максимальной подгруппы M группы G имеет место в точности одна из следующих возможностей:

- 1) $|G:M| = p$;
- 2) $|G:M| - p'$ -число.

Значит, если p^n – порядок силовой p -подгруппы G_p группы G , то в любой максимальной цепи группы G имеется в точности n индексов, делящихся на p . Отсюда и из леммы 1 вытекает, что все подгруппы из G p -эквиливантны в G . Лемма доказана.

Лемма 3. Пусть $K \triangleleft G$ и H – произвольная подгруппа группы G , содержащая K . Тогда подгруппа H/K p -эквиливантна в G/K тогда и только тогда, когда подгруппа H p -эквиливантна в группе G .

Лемма 4. Пусть $G = [P] M$, где P – p -подгруппа группы G , M – p -сверхразрешимая подгруппа группы G . Пусть Z – подгруппа простого порядка группы M . Тогда группа PZ является p -эквиливантной в группе G , причем имеет место равенство

$$l_p [G/PZ] = l_p [M/Z].$$

Доказательство. Из p -сверхразрешимости группы $M \triangleleft G/P$ ввиду леммы 2 следует, что подгруппа PZ/P является p -эквиливантной в G/P . Ввиду леммы 3 подгруппа PZ является p -эквиливантной в группе G . Осталось доказать равенство

$$l_p [G/PZ] = l_p [M/Z].$$

Рассмотрим максимальную $(G - PZ)$ -цепь

$$PZ = M_0 < M_1 < \dots < M_t = G$$

и максимальную $(G/P - PZ/P)$ -цепь

$$PZ/P = M_0/P < M_1/P < \dots < M_t/P = G/P.$$

Из p -сверхразрешимости группы $M \triangleleft G/P$ следует, что для любого $i = 1, \dots, t$ индекс $|M_i/P : M_{i-1}/P|$ равен p либо является p' -числом. А так как $|M_i : M_{i-1}| = |M_i/P : M_{i-1}/P|$, то и индекс $|M_i : M_{i-1}|$ для любого $i = 1, \dots, t$ равен p либо является p' -числом. Так как

$$PZ \cap M = Z (M \cap P) = Z \text{ и } G \cap M = M,$$

то, пересекая каждый член первой цепи с подгруппой M , имеем цепь подгрупп

$$Z = M_0 \cap M \leq M_1 \cap M \leq \dots \leq M_t \cap M = M.$$

Понятно, что

$$M_i = M_i \cap PM = P (M_i \cap M).$$

Поскольку

$$\begin{aligned} |M_i : M_{i-1}| &= \frac{|M_i|}{|M_{i-1}|} = \frac{|P(M_i \cap M)|}{|P(M_{i-1} \cap M)|} = \frac{|P||M_i \cap M|}{|P||M_{i-1} \cap M|} \cdot \frac{|P \cap (M_{i-1} \cap M)|}{|P \cap (M_i \cap M)|} = \frac{|M_i \cap M|}{|M_{i-1} \cap M|} = \\ &= |M_i \cap M : M_{i-1} \cap M|, \end{aligned}$$

то число индексов, делящихся на p , в последней цепи равно числу индексов, делящихся на p , в первой цепи. Значит, имеет место равенство

$$l_p [G/PZ] = l_p [M/Z].$$

Лемма доказана.

Теорема 1. Пусть G – p -разрешимая группа, такая, что в любой ее максимальной цепи число индексов, делящихся на p , одно и то же. Тогда G – p -сверхразрешимая группа.

Доказательство. Предположим, что теорема не верна, и пусть G – контрпример минимального порядка. Пусть P – минимальная нормальная подгруппа группы G .

Рассмотрим факторгруппу G/P . Так как условие теоремы переносится на факторгруппу G/P и $|G/P| < |G|$, то ввиду выбора группы G факторгруппа G/P является p -сверхразрешимой. Поскольку по условию теоремы группа G является p -разрешимой, то P – либо элементарная абелева p -группа, либо p' -группа. Если P – p' -группа, то G является p -сверхразрешимой группой. Противоречие.

Значит, P – элементарная абелева p -группа. Положим, $|P| = p^n$. Тогда из того, что группа G не p -сверхразрешима, следует, что $n > 1$. Если $P \subseteq \Phi(G)$, то из p -сверхразрешимости факторгруппы G/P следует p -сверхразрешимость группы $G/\Phi(G)$. Но тогда и группа G p -сверхразрешима, так как формация всех p -сверхразрешимых групп является насыщенной. Противоречие.

Итак, $P \ntriangleleft \Phi(G)$, т. е. среди максимальных подгрупп группы G найдется такая, скажем, M , которая не содержит P . Так как $P \cap M \triangleleft G$, а P – минимальная нормальная подгруппа в группе G , то $P \cap M = 1$. Итак, $G = [P]M$. Ввиду условия теоремы в любой максимальной $(G - 1)$ -цепи – одно и то же число индексов, делящихся на p . Значит, и в любой максимальной $(M - 1)$ -цепи – одно и то же число индексов, делящихся на p . Ясно, что в любой максимальной $(G - 1)$ -цепи, проходящей через подгруппу M

$$1 = G_0 < G_1 < \dots < G_t = M < G,$$

имеет место равенство

$$l_p [G/1] = l_p [M/1] + 1.$$

С другой стороны, в любой максимальной $(G - P)$ -цепи – одно и то же число индексов, делящихся на p . Очевидно,

$$l_p [G/P] = l_p [M/1].$$

Но тогда

$$l_p [G/1] = l_p [G/P] + 1.$$

Так как ввиду леммы 1 $l_p [G/1] = l_p [G/P] + l_p [P/1]$, то получаем, что $l_p [P/1] = 1$, т. е. $|P| = p$.

Противоречие завершает доказательство теоремы.

Теорема 2. Пусть p -разрешимая группа G не является p -сверхразрешимой. Тогда любая минимальная подгруппа P группы G является p -эквидистантной в G тогда и только тогда, когда $G = [P]M$, где P – нециклическая минимальная нормальная подгруппа группы G , являющаяся ее силовской p -подгруппой, причем $P = C_G(P) = O_p(G) = F(G)$, M – p -сверхразрешимая подгруппа нечетного порядка, каждая нетривиальная подгруппа которой действует неприводимо на P .

Доказательство. Необходимость. Пусть G – p -разрешимая, но не p -сверхразрешимая группа. Пусть P – минимальная нормальная подгруппа группы G . Докажем, что P – единственная минимальная нормальная подгруппа.

Действительно, ввиду леммы 3 в любой максимальной цепи факторгруппы G/P содержится одно и то же число индексов, делящихся на p . Понятно, что группа G/P является p -разрешимой. Но тогда ввиду теоремы 1 группа G/P является p -сверхразрешимой. Значит, P – либо p' -группа, либо p -группа. Но в первом случае из p -сверхразрешимости факторгруппы G/P следует p -сверхразрешимость самой группы G . Значит, P – элементарная абелева p -группа. Но тогда и группа G p -сверхразрешима. Так как формация всех p -сверхразрешимых групп является насыщенной, то $P \ntriangleleft \Phi(G)$. Тогда ввиду леммы 18.3 [3]

$$P = C_G(P) = O_p(G) = F(G).$$

Таким образом, P – единственная минимальная нормальная p -подгруппа группы G . Ясно также, что $|P| \neq p$.

Пусть M – максимальная подгруппа группы G , не содержащая P . Понятно, что $P \cap M = 1$, поэтому $G = [P]M$. Пусть Z_q – подгруппа простого порядка q из M . Рассмотрим группу $D = [P]Z_q$. Ясно, что

$$l_p [G/Z_q] = l_p [M/Z_q] + 1.$$

Ввиду леммы 4 имеем

$$l_p [G/PZ_q] = l_p [M/Z_q].$$

Но тогда

$$l_p [G/Z_q] = l_p [G/PZ_q] + 1.$$

С другой стороны, ввиду леммы 1 имеем

$$l_p [G/Z_q] = l_p [G/PZ_q] + l_p [PZ_q/Z_q],$$

т. е.

$$l_p [PZ_q/Z_q] = 1,$$

что означает, что подгруппа Z_q является максимальной в группе D .

Предположим, что в группе D существует неединичная нормальная подгруппа P_1 , порядок которой меньше порядка группы P . Тогда

$$Z_q < P_1 Z_q < D,$$

что противоречит максимальности подгруппы Z_q в группе D .

Итак, P является единственной минимальной нормальной подгруппой в группе D . Понятно также, что P является минимальной нормальной подгруппой и в группе $T = [P] H$, где H – любая подгруппа группы M . Тогда H является максимальной подгруппой в группе T .

Предположим, что порядок группы M делится на простое число p . Пусть Z_p – группа порядка p группы M . Так как Z_p является максимальной подгруппой в группе PZ_p , а индекс Z_p в PZ_p равен p , то $|P| = p$.

Противоречие.

Покажем, что порядок группы M не делится на 2. Предположим, что это не так, и пусть Z_2 – группа порядка 2 в M . Поскольку $Z_2 < PZ_2$, то PZ_2 – группа Шмидта. Значит, ввиду [4, 243] $|P| = p$. Противоречие. Необходимость доказана.

Достаточность. Пусть p -разрешимая группа G не является p -сверхразрешимой и $G = [P] M$, где P – нециклическая минимальная нормальная подгруппа группы G , являющаяся ее силовой p -подгруппой, причем $P = C_G(P) = O_p(G) = F(G)$, M – p -сверхразрешимая подгруппа нечетного порядка, каждая нетривиальная подгруппа которой действует неприводимо на P .

Пусть Z – произвольная подгруппа простого порядка группы P . Докажем, что подгруппа Z является p -эквилидистантной в группе G . Допустим, что существует максимальная $(G - Z)$ -цепь, не проходящая через группу P . Тогда в группе G найдется такая максимальная подгруппа T , что

$$Z \subseteq T \text{ и } P \not\subseteq T.$$

В этом случае

$$G = PT \text{ и } T \cap P = 1.$$

Но

$$1 \neq Z \subseteq T \cap P.$$

Противоречие.

Значит, все максимальные $(G - Z)$ -цепи проходят через подгруппу P , и пусть

$$Z < P_1 < \dots < P_k = P < \dots < P_n = G -$$

одна из них. Если $|P| = p^r$, то в этой цепи r индексов, делящихся на p , Z является p -эквилидистантной в группе G .

Пусть теперь Z – произвольная подгруппа простого порядка q группы G , не входящая в подгруппу P . Тогда $q \neq p$, и поэтому Z содержится в некоторой холловской p' -подгруппе группы G . Рассмотрим произвольную максимальную $(G - Z)$ -цепь, проходящую через подгруппу M^x для некоторого $x \in G$:

$$Z < \dots < M^x < G.$$

В любой максимальной цепи такого вида имеется только один индекс, делящийся на p , а именно: $|G : M^x| = |P|$.

Рассмотрим теперь произвольную максимальную $(G - Z)$ -цепь, не проходящую через подгруппу M^x для всех $x \in G$:

$$Z = M_0 < M_1 < \dots < M_k < M_{k+1} < \dots < M_t = G,$$

в которой все M_i содержатся в группе M^x для некоторого $x \in G$, где $i \in \{0, \dots, k\}$, а M_i для любого $i = k + 1, \dots, t$ не содержатся в M^x для любого $z \in G$. Это означает, что $p \nmid |M_i|$ для любого $i = k + 1, \dots, t$. Тогда ввиду [1, 21] $(M_i)_p = P \cap M_i$ – силовая p -подгруппа в группе M_i , где $i = k + 1, \dots, t$. Так как $(M_i)_p \triangleleft M_i$, то ввиду [5, 221] в группе M_i имеются холловские p' -подгруппы. Пусть $(M_i)_{p'}$ – одна из них. Тогда

$$M_i = [M_i \cap P] (M_i)_{p'}.$$

Так как $(M_i)_p$ действует неприводимо на P , то в P нет такой собственной подгруппы P_1 , что $(M_i)_p \subseteq N_G(P_1)$.

Значит, так как $(M_i)_p = P \cap M_i \acute{a} M_i$, то $P \cap M_i = P$, т. е. $M_i = [P](M_i)_p$.

Понятно, что индексы $|M_i : M_{i-1}|$ для любого $i = 1, \dots, k$ на p не делятся.

Для любого $i = k + 2, \dots, t$ индексы

$$|M_i : M_{i-1}| = \frac{|M_i|}{|M_{i-1}|} = \frac{|[P](M_i)_{p'}|}{|[P](M_{i-1})_{p'}|} = \frac{|P \parallel (M_i)_{p'}|}{|P \cap (M_i)_{p'}|} \cdot \frac{|P \cap (M_{i-1})_{p'}|}{|P \parallel (M_{i-1})_{p'}|} = \frac{|(M_i)_{p'}|}{|(M_{i-1})_{p'}|}$$

также не делятся на p . Так как

$$|M_{k+1} : M_k| = \frac{|M_{k+1}|}{|M_k|} = \frac{|[P](M_{k+1})_{p'}|}{|M_k|} = \frac{|P \parallel (M_{k+1})_{p'}|}{|P \cap (M_{k+1})_{p'}| \cdot |M_k|} = \frac{|P \parallel (M_{k+1})_{p'}|}{|M_k|},$$

то в рассмотренной выше максимальной $(G - Z)$ -цепи только один индекс делится на p .

Таким образом, любая минимальная подгруппа группы G , не входящая в подгруппу P , также является p -эквилидистантной. Теорема доказана.

Теорема 3. Пусть G – p -разрешимая группа. Тогда в том и только в том случае любая минимальная подгруппа P группы G является p -эквилидистантной в G , когда либо группа G является p -сверхразрешимой, либо G – такая не p -сверхразрешимая группа, что $G = [P]M$, где P – нециклическая минимальная нормальная подгруппа группы G , являющаяся ее силовой p -подгруппой, причем $P = C_G(P) = O_p(G) = F(G)$, M – p -сверхразрешимая подгруппа нечётного порядка, каждая нетривиальная подгруппа которой действует неприводимо на P .

Доказательство вытекает из леммы 2 и теоремы 2.

Литература

1. Doerk, K. Finite Soluble Groups / K. Doerk, T. Hawkes – Berlin–New York: Walter de Gruyter, 1992. – 892 p.
2. Schmidt, R. Subgroup lattices of groups / R. Schmidt – Berlin–New York: de Gruyter, 1994. – 572 p.
3. Шеметков Л.А. Формации алгебраических систем / Л.А. Шеметков, А.Н. Скиба – М.: Наука, 1989. – 256 с.
4. Шеметков, Л.А. Формации конечных групп / Л.А. Шеметков – М.: Наука, 1978. – 272 с.
5. Gorenstein, D. Finite Groups / D. Gorenstein – New York: Harper and Row (reprinted by Chelsea), 1980. – 527 p.

Summary

The main object of this paper is described the structure of a p -soluble group in which every minimal subgroup is p -equidistant in this group.

Поступила в редакцию 22.02.06.

УДК 517.925.51

Н.В. Кожуренко

О СТАРШЕМ ПОКАЗАТЕЛЕ ЛИНЕЙНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ С ВОЗМУЩЕНИЯМИ, СУММИРУЕМЫМИ СО СТЕПЕНЬЮ И ВЕСОМ

Рассмотрим линейную дифференциальную систему

$$\dot{x} = A(t)x, \quad x \in R^n, \quad t \geq 0, \quad (1)$$

с кусочно-непрерывной ограниченной матрицей коэффициентов A такой, что $\|A(t)\| \leq M < +\infty$ при всех $t \geq 0$. Наряду с системой (1) рассмотрим возмущенную систему

$$\dot{y} = A(t)y + Q(t)y, \quad y \in R^n, \quad t \geq 0 \quad (2)$$

с кусочно-непрерывной ограниченной матрицей возмущений Q , удовлетворяющей условию интегральной ограниченности [1, 252], т. е. неравенству $\int_t^{t+1} \|Q(\tau)\| d\tau \leq C_Q < +\infty$ при всех $t \geq 0$,

где C_Q – некоторая константа, зависящая от Q . Обозначим через $X(t, \tau)$ матрицу Коши системы (1), а через $\lambda_n(A+Q)$ – старший показатель системы (2).

Пусть M – произвольный класс возмущений. Величина $\Lambda(M) := \sup\{\lambda_n(A+Q) : Q \in M\}$ называется точной верхней границей подвижности старшего показателя системы (2) с возмущениями из класса M .

Получение точных верхних границ (достижимых оценок) для старшего показателя линейных дифференциальных систем с возмущениями из различных классов является одной из основных задач теории характеристических показателей. Так, в [2] была построена оценка сверху для старшего показателя системы (2) с малыми возмущениями (центральный показатель $\Omega(A)$). Достижимость этой оценки была доказана В.М. Миллионщиковым в [3] с помощью его, ставшего уже классическим, метода поворотов [3, 4, см. также 5, 90]. Старший сигма-показатель $\nabla_\sigma(A)$, являющийся достижимой оценкой сверху для старшего показателя системы (2) с σ -возмущениями, т. е. возмущениями, удовлетворяющими при всех $t \geq 0$ неравенству $\|Q(t)\| \leq N_Q e^{-\sigma t}$ с фиксированным $\sigma > 0$ и с некоторой постоянной N_Q , зависящей от Q , вычислен в [6]. В [7] рассмотрен класс всех экспоненциально убывающих возмущений и вычислен экспоненциальный показатель $\nabla_0(A)$. Промежуточные случаи, когда возмущение затухает на бесконечности, но скорость его убывания медленнее, чем экспоненциальная, рассмотрены в [8, 9]. В работе [10] получены достижимые оценки сверху для старшего показателя системы (2) с интегрируемыми на полуоси возмущениями. Точные границы подвижности показателей Ляпунова при малых в среднем возмущениях найдены в [11]. В [12] доказана достижимость верхнего центрального показателя для систем с возмущениями, стремящимися к нулю на бесконечности. В работе [13] вычислены точные верхние границы подвижности старшего показателя линейных систем с возмущениями, интегрируемыми со степенью и интегрируемыми с монотонным положительным весом. В [14, 15] получены достаточные условия для того, чтобы граница подвижности вверх для старшего показателя систем с возмущениями, интегрируемыми с немонотонным весом, вычислялась по алгоритму, аналогичного алгоритму вычисления сигма-показателя Н.А. Изобова.

Из результатов работ [6, 8–10, 13–15] вытекает, что полученные там оценки могут быть вычислены с помощью общего алгоритма (алгоритма Н.А. Изобова), согласно которому точная верхняя граница для старшего показателя линейной дифференциальной системы с возмущением Q из некоторого класса возмущений M вычисляется по формуле

$$\Lambda(M) = \overline{\lim}_{m \rightarrow \infty} m^{-1} \ln \eta_m,$$

где последовательность η_m , $m > 0$ удовлетворяет рекуррентному соотношению $\eta_m = \max_{k < m} (\|X(m, k)\| \beta(k) \eta_k)$, $k, m \in N$ с произвольным начальным условием $\eta_0 > 0$, а функция $\beta(k)$ зависит от класса M .

В данной работе рассмотрены классы возмущений суммируемых со степенью и весом и бесконечно малых в среднем со степенью и весом. При этом вычислены достижимые верхние границы для возмущений из указанных классов в случае монотонного веса и получены достаточные условия для вычисления таких границ по алгоритму Н.А. Изобова в случае немонотонной функции φ .

Пусть φ – положительная функция, определенная на промежутке $[0; +\infty[$. Обозначим через $L^p[\varphi]$ и $I^p[\varphi]$, $p > 1$ множества кусочно-непрерывных и интегрально ограниченных матриц Q , удовлетворяющих условиям $\overline{\lim}_{t \rightarrow +\infty} t^{-1} \int_0^t \varphi(\tau) \|Q\|^p d\tau = 0$ и $\int_0^\infty \varphi(\tau) \|Q\|^p d\tau < +\infty$ соответственно. При $p = 1$ будем употреблять обозначения $L[\varphi] = L^1[\varphi]$, $I[\varphi] = I^1[\varphi]$.

Теорема 1. Если функция φ кусочно-непрерывна и возрастает к $+\infty$ на промежутке $[0, +\infty[$, то при всех $p > 1$ справедливо равенство $\Lambda(L^p[\varphi]) = \overline{\lim}_{m \rightarrow \infty} m^{-1} \ln \eta_m$, где

последовательность η_m , $m > 0$ удовлетворяет рекуррентному соотношению $\eta_m = \max_{k < m} (\|X(m, k)\| \varphi^{-1/p}(k) \eta_k)$, $k, m \in N$ с произвольным начальным условием $\eta_0 > 0$.

Теорема 2. Если функция φ кусочно-непрерывна и возрастает к $+\infty$ на промежутке $[0, +\infty[$, то при всех $p > 1$ справедливо равенство $\Lambda(I^p[\varphi]) = \overline{\lim}_{m \rightarrow \infty} m^{-1} \ln \eta_m$, где последовательность η_m , $m > 0$ удовлетворяет рекуррентному соотношению $\eta_m = \max_{k < m} (\|X(m, k)\| k^{-1/p} \varphi^{-1/p}(k) \eta_k)$, $k, m \in N$ с произвольным начальным условием $\eta_0 > 0$.

В теоремах 1 и 2 функция φ предполагается монотонной и возрастающей к бесконечности. Однако и в случае немонотонного веса при выполнении некоторых дополнительных условий на φ граница подвижности вверх старшего показателя линейных систем из классов $L^p[\varphi]$ и $I^p[\varphi]$ может быть вычислена по алгоритму Н.А. Изобова.

Обозначим $\varphi_k = \text{essinf}\{\varphi(t) : k \leq t \leq k+1\}$ – существенный минимум функции φ на единичном отрезке $[k, k+1]$, $k \in N$.

Теорема 3. Пусть функция φ кусочно-непрерывна и $\varphi(t) \geq 2^p$ при всех $t \in [0, \infty[$. Если при некотором положительном $\varepsilon_0 < 1$ для каждого $\varepsilon \in]0, \varepsilon_0[$ выполняется равенство $\overline{\lim}_{m \rightarrow \infty} m^{-1} \sum_{k=1}^m \varphi_k^{-(1+\varepsilon)} \int_{k-1}^k \varphi(\tau) d\tau = 0$, то для всех $p > 1$ справедлива формула $\Lambda(L^p[\varphi]) = \overline{\lim}_{m \rightarrow \infty} m^{-1} \ln \eta_m$, где последовательность η_m , $m > 0$ удовлетворяет рекуррентному соотношению $\eta_m = \max_{k < m} (\|X(m, k)\| \varphi_k^{-1/p} \eta_k)$, $k, m \in N$ с произвольным начальным условием $\eta_0 > 0$.

Введем в рассмотрение величину $v(k)$, $k \in N_0$, определяемую равенствами $v(0) = 0$, $v(k) = k^{-1} \varphi_k^{-1}$.

Теорема 4. Пусть функция φ кусочно-непрерывна на промежутке $[0; \infty[$ и при всех $k \in N$ справедлива оценка $v(k) \leq 1/2^p$. Если при некотором положительном $\varepsilon_0 < 1$ для каждого $\varepsilon \in]0, \varepsilon_0[$ выполнено неравенство $\sum_{k=1}^{\infty} v(k)^{(1+\varepsilon)} \int_{k-1}^k \varphi(t) dt < +\infty$, то при всех $p > 1$ справедлива формула $\Lambda(I^p[\varphi]) = \overline{\lim}_{m \rightarrow \infty} m^{-1} \ln \eta_m$, где последовательность η_m , $m > 0$ определяется рекуррентным соотношением $\eta_m = \max_{k < m} (\|X(m, k)\| v(k)^{1/p} \eta_k)$, $k, m \in N$ с произвольным начальным условием $\eta_0 > 0$.

В теоремах 1–4 оценки сверху для старшего показателя системы (2) с указанными возмущениями получаются с помощью метода, описанного в работе [13]. Для доказательства достижимости этих оценок в теоремах 3 и 4 используется та же схема, что и в [14]. Заметим, что построенные таким образом возмущения Q , как и возмущения, построенные в [14], ограничены, что является достаточно жестким условием. Если же в доказательстве достижимости допустить использование неограниченных возмущений из классов $L[\varphi]$ и $I[\varphi]$ (что вполне соответствует их определению), то можно получить значительно менее жесткие условия на функцию φ .

Теорема 5. Пусть функция φ такова, что при всех $t \geq 0$ справедлива оценка $\varphi(t) \geq 4$. Если при некотором положительном $\varepsilon_0 < 1$ для каждого $\varepsilon \in]0, \varepsilon_0[$ выполняется равенство

$\overline{\lim}_{m \rightarrow \infty} m^{-1} \sum_{k=1}^m \varphi_k^{-\varepsilon} = 0$, то справедлива формула $\Lambda(L[\varphi]) = \overline{\lim}_{m \rightarrow \infty} m^{-1} \ln \eta_m$, где последовательность η_m , $m > 0$ определяется рекуррентным соотношением $\eta_m = \max_{k < m} (\|X(m, k)\| \varphi_k^{-1} \eta_k)$, $k, m \in N$ с произвольным начальным условием $\eta_0 > 0$.

Теорема 6. Пусть функция φ такова, что при всех $k \in N$ справедлива оценка $v(k) \leq 1/4$. Если при некотором положительном $\varepsilon_0 < 1$ для каждого $\varepsilon \in]0, \varepsilon_0[$ выполняется условие $\sum_{k=1}^{\infty} k^{-1} v(k)^{-\varepsilon} < +\infty$, то справедлива формула $\Lambda(I[\varphi]) = \overline{\lim}_{m \rightarrow \infty} m^{-1} \ln \eta_m$, где последовательность η_m , $m > 0$ определяется рекуррентным соотношением $\eta_m = \max_{k < m} (\|X(m, k)\| v(k) \eta_k)$, $k, m \in N$ с произвольным начальным условием $\eta_0 > 0$.

Введем обозначения. Пусть $t_0 > 0$, $T > 0$ – произвольные числа и $a = \text{essinf} \{ \varphi(t) : t_0 \leq t \leq t_0 + T \}$ – существенный минимум функции φ на отрезке $[t_0, t_0 + T]$. Под матрицей поворота O_α на угол α в пространстве R^n будем понимать матрицу линейного оператора, действующего поворотом на угол α в некоторой заданной плоскости и совпадающего с тождественным преобразованием на ортогональном дополнении к этой плоскости. Справедливы следующие леммы.

Лемма 1. Для любой матрицы O_α существует такое семейство возмущений Q_h , $h \in (0, T^*]$, где $T^* < T$, которое удовлетворяет следующим условиям:

1) каждое возмущение Q_h определено всюду на полуоси $[0, +\infty[$, но отлично от нуля лишь на некотором отрезке длины h , содержащемся в отрезке $[t_0, t_0 + T]$;

2) для матрицы Коши Y_h возмущенной системы имеет место представление $Y_h(t_0 + T, t_0) = X(t_0 + T, t_0)(O_\alpha + \Delta_h)$, в котором Δ_h – некоторая матрица, зависящая от h таким образом, что $\Delta_h \rightarrow 0$ при $h \rightarrow 0$;

3) справедлива оценка $\overline{\lim}_{h \rightarrow 0} \int_{t_0}^{t_0+T} \varphi(\tau) \|Q_h(\tau)\| d\tau \leq a e^{2MT} |\alpha|$.

Лемма 2. Пусть $T > 1$. Для любого медленного на отрезке $[t_0, t_0 + T]$ решения $x(t)$ невозмущенной системы и любого числа $\varepsilon \in \left(0, \frac{\pi}{4}\right]$ существует возмущение Q , сосредоточенное на единичном отрезке $[t_0, t_0 + 1]$, такое, что решение соответствующей возмущенной системы с тем же начальным вектором $x(t_0)$ является быстрым на отрезке $[t_0, t_0 + T]$ и выполняется оценка $\int_{t_0}^{t_0+1} \varphi(\tau) \|Q(\tau)\| d\tau \leq 4a(t_0) \varepsilon e^{2M}$, где $a(t_0) = \text{essinf} \{ \varphi(t) : t_0 \leq t \leq t_0 + 1 \}$.

Доказательство достижимости полученных в теоремах 5 и 6 оценок, основано на леммах 1, 2.

В случае $p > 1$ оказывается невозможным произвольно уменьшать длину h того промежутка, на котором $Q_h \neq 0$, так как при этом сильно возрастает норма возмущения, и условие его принадлежности требуемому классу перестает выполняться. Это обстоятельство, в свою очередь, приводит к необходимости наложения существенно более жестких условий на свойства функции φ , чем те, что были использованы в теоремах 3, 4. Ввиду этого всюду далее будем считать, что функция φ непрерывна и, более того, ее логарифм $\ln \varphi$ равномерно непрерывен на полуоси $t \in [0, +\infty[$. Обозначим $a(i) = \min \{ \varphi(t) : t \in [i, i+1] \}$ и q – показатель, сопряженный показателю p , т. е. удовлетворяющий соотношению $1/p + 1/q = 1$.

Теорема 7. Пусть функция φ удовлетворяет сделанным предположениям и такова, что при всех $t \geq 0$ справедлива оценка $\varphi(t) \geq 4^p$. Если при некотором положительном $\varepsilon_0 < 1$ для каждого $\varepsilon \in]0, \varepsilon_0[$ выполняется равенство $\overline{\lim}_{m \rightarrow \infty} m^{-1} \sum_{k=1}^m a^{1/q-\varepsilon}(k) = 0$, то при всех $p > 1$

справедлива формула $\Lambda(L^p[\varphi]) = \overline{\lim}_{m \rightarrow \infty} m^{-1} \ln \eta_m$, где последовательность η_m , $m > 0$ определяется рекуррентным соотношением $\eta_m = \max_{k < m} (\|X(m, k)\| a^{-1/p}(k) \eta_k)$, $k, m \in N$ с произвольным начальным условием $\eta_0 > 0$.

Теорема 8. Пусть функция φ удовлетворяет сделанным предположениям и такова, что при всех $k \in N$ справедлива оценка $v(k) = k^{-1} a^{-1}(k) \leq 1/4^p$. Если при некотором положительном $\varepsilon_0 < 1$ для каждого $\varepsilon \in]0, \varepsilon_0[$ выполнено неравенство $\sum_{k=1}^{\infty} k^{-1} v^{-1/q-\varepsilon}(k) < +\infty$, то при всех $p > 1$ справедлива формула $\Lambda(I^p[\varphi]) = \overline{\lim}_{m \rightarrow \infty} m^{-1} \ln \eta_m$, где последовательность η_m , $m > 0$ определяется рекуррентным соотношением $\eta_m = \max_{k < m} (\|X(m, k)\| v(k)^{1/p} \eta_k)$, $k, m \in N$ с произвольным начальным условием $\eta_0 > 0$.

Доказательство достижимости оценок, полученных в теоремах 7 и 8, основано на леммах, аналогичных леммам 1, 2.

Литература

1. Былов, Б.Ф. Теория показателей Ляпунова и ее приложения к вопросам устойчивости / Б.Ф. Былов [и др.]. – М., 1966.
2. Виноград, Р.Э. О центральном характеристическом показателе системы дифференциальных уравнений / Р.Э. Виноград // Матем. сборник. – 1957. – Т. 42. – № 2. – С. 207–222.
3. Миллионщиков, В.М. Доказательство достижимости центральных показателей линейных систем / В.М. Миллионщиков // Сиб. матем. журнал. – 1969. – Т. 10. – № 1. – С. 99–104.
4. Миллионщиков, В.М. Критерий малого изменения направлений решений линейной системы дифференциальных уравнений при малых возмущениях коэффициентов систем // Матем. заметки / В.М. Миллионщиков // Матем. заметки. – 1968. – Т. 4. – Вып. 2. – С. 173–180.
5. Изобов, Н.А. Линейные системы обыкновенных дифференциальных уравнений / Н.А. Изобов // Итоги науки и техн. Мат. анализ. – М., 1974. – Т. 12. – С. 71–146.
6. Изобов, Н.А. О старшем показателе линейной системы с экспоненциальными возмущениями / Н.А. Изобов // Дифференц. уравнения. – 1969. – Т. 5. – № 7. – С. 1186–1192.
7. Изобов, Н.А. Верхняя граница показателей Ляпунова дифференциальных систем с возмущениями высшего порядка / Н.А. Изобов // Докл. АН БССР. – 1982. – Т. 26. – № 1. – С. 5–8.
8. Барабанов, Е.А. О крайних показателях Ляпунова линейных систем при экспоненциальных и степенных возмущениях / Е.А. Барабанов // Дифференц. уравнения. – 1984. – Т. 20. – № 2. – С. 357.
9. Барабанов, Е.А. Точные границы крайних показателей Ляпунова линейных дифференциальных систем при экспоненциальных и степенных возмущениях: автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук / Е.А. Барабанов. – Минск, 1984.
10. Барабанов, Е.А. Точные границы показателей Ляпунова линейной дифференциальной системы с интегрально ограниченными на полуоси возмущениями / Е.А. Барабанов, О.Г. Вишневская // Докл. АН Беларуси. – 1997. – Т. 41. – № 5. – С. 29–34.
11. Сергеев, И.Н. Точные границы подвижности показателей Ляпунова линейных систем при малых в среднем возмущениях / И.Н. Сергеев // Труды семинара им. И.Г. Петровского. – 1986. – Вып. 11. – С. 32–73.
12. Сергеев, И.Н. Точные верхние границы подвижности показателей Ляпунова системы дифференциальных уравнений и поведение показателей при возмущениях, стремящихся к нулю на бесконечности / И.Н. Сергеев // Дифференц. уравнения. – 1980. – Т. 16. – № 3. – С. 438–448.
13. Макаров, Е.К. Об оценке сверху для старшего показателя линейной дифференциальной системы с интегрируемыми на полуоси возмущениями / Е.К. Макаров, И.В. Марченко, Н.В. Семерикова // Дифференц. уравнения. – 2005. – Т. 41. – № 2. – С. 215–224.
14. Макаров, Е.К. Об алгоритме построения достижимых верхних границ для старшего показателя возмущенных систем / Е.К. Макаров, И.В. Марченко // Дифференц. уравнения. – 2005. – Т. 41. – № 12. – С. 1621–1634.
15. Марченко, И.В. О старшем показателе линейной дифференциальной системы с возмущениями из классов, определяемых немонотонными функциями / И.В. Марченко // Вестник Мог. гос. ун-та им. А.А. Кулешова. – 2004. – № 4. – С. 146–151.

Summary

We consider perturbed linear systems with perturbation which are power integrable on the semiaxis with positive weight and with perturbation which are vanishing in the power mean with positive weight. A sufficient condition for the upper bound of Lyapunov exponent of such systems to be evaluable by means of the algorithm by N.A. Izobov is established.

Поступила в редакцию 05.04.06.

УДК 519.21

М.Д. Юдин

**К ВОПРОСУ ОБ АППРОКСИМАЦИИ РАСПРЕДЕЛЕНИЙ СУММ
ЗАВИСИМЫХ СЛУЧАЙНЫХ ВЕЛИЧИН
БЕЗГРАНИЧНО ДЕЛИМЫМИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯМИ**

В данной статье устанавливается корректность найденных нами ранее [1] условий аппроксимации распределений сумм зависимых случайных величин безгранично делимыми распределениями.

Пусть $\{\xi_{ns}\}_{s=1}^n$, $n = \overline{1, \infty}$ – система серий случайных величин, имеющих нулевые математические ожидания (м. о.), и конечные дисперсии, $S_n = \sum_{s=1}^n \xi_{ns}$, $\varphi_n(t)$ – характеристическая функция (х. ф.) суммы S_n , $G_n(x)$ – функция распределения (ф. р.) суммы S_n ,

$$\begin{aligned} K_n(x) &= \sum_{s=1}^n M(\xi_{ns}^2; \xi_{ns} \leq x), \\ a_n &= \sum_{s \neq q} M \xi_{ns} \xi_{nq}, \\ \psi_n(t) &= \int_{-\infty}^{\infty} (e^{itx} - 1 - itx) \frac{1}{x^2} dK_n(x) - \frac{a_n t^2}{2}, \end{aligned} \quad (1)$$

$F_n(x)$ – ф. р. с х. ф. $\exp \psi_n(x)$.

Заметим, что функция $K_n(x)$ ограниченная и неубывающая.

Положим,

$$K_n\left(\frac{c}{\sqrt{n}} + o\right) - K_n\left(-\frac{c}{\sqrt{n}} - o\right) = b_n^2, \quad c > 0, \quad (2)$$

$$\sum_{s=1}^n M\left(\xi_{ns}^2; \left|\xi_{ns}\right| > \frac{c}{\sqrt{n}}\right) = g_n^2. \quad (3)$$

В [1] доказываются теорема и лемма, содержание которых мы сформулируем в виде одного предложения.

Теорема. Пусть системы серий $\{\xi_{ns}\}$ $m_n = m_0 n^\rho$ – зависимая, где $0 \leq \rho < 1/4$, m_0 – любое постоянное число, кроме того, существуют постоянные H_1, H_2, n_0 и c такие, что при $n \geq n_0$, $0 < |p-s| \leq m_0 n^\rho$, $0 \leq |q-s| \leq m_0 n^\rho$ выполняются условия:

$$\max_s M \xi_{ns}^2 \leq \frac{H_1}{n}, \quad (4)$$

$$\max_{s,p,q} M \left| \xi_{ns} \xi_{nr} \xi_{nq} \right| \leq \frac{H_2}{n^{3/2}}, \quad (5)$$

$$\inf_n a_n \geq 0, \quad (6)$$

$$b_n^2 \geq g_n^2. \tag{7}$$

Тогда при $|t| \leq An^{1/2-\delta}$, где $\delta > 0$, A – любое постоянное число, найдется n_1 такое, что при $n \geq n_1$, будут выполняться неравенства

$$|\varphi_n(t) - \exp \psi_n(t)| \leq \frac{C_1 |t|^3}{n^{1/2-2\rho}}, \tag{8}$$

$$\sup_x |G_n(x) - F_n(x)| \leq \frac{C_2}{n^{1/8-\rho/2}}, \tag{9}$$

где C_1 и C_2 – независимые от n постоянные.

Мы ставим перед собой задачу нахождения примера серий m_n – зависимых случайных величин, которая удовлетворяла бы всем условиям приведенной теоремы.

Пример. Пусть $Y_{n1}, Y_{n2}, \dots, Y_{n(n+1)}, Z_{n1}, Z_{n2}, \dots, Z_{nn}$ – система серий, $n = \overline{1, \infty}$, независимых (в совокупности) случайных величин, где Y_{nq} , $q = 1, n+1$, случайные величины, имеют одинаковое распределение:

$$Y_{nq} = \begin{cases} -\frac{\sigma}{\sqrt{n}}, & p_1 = \frac{1}{2}, \\ \frac{\sigma}{\sqrt{n}}, & p_2 = \frac{1}{2}, \end{cases} \quad \sigma > 0.$$

Величины Z_{np} также распределены одинаково, причем

$$Z_{np} = \begin{cases} 0, & p_1 = \frac{n-\lambda}{n}, \\ 1, & p_2 = \frac{\lambda}{n}, \end{cases} \quad p = \overline{1, n}, \quad \lambda > 0.$$

Составим систему серий $m = 2$ зависимых случайных величин ξ_{ns} , имея в виду, что

$MZ_{np} = \frac{\lambda}{n}$, положив

$$\left. \begin{aligned} \xi_{n1} &= Y_{n1} + Y_{n2} + Z_{n1} - \frac{\lambda}{n}, \\ \xi_{n2} &= Y_{n2} + Y_{n3} + Z_{n2} - \frac{\lambda}{n}, \\ &\dots \dots \dots \\ \xi_{nn} &= Y_{nn} + Y_{n(n+1)} + Z_{nn} - \frac{\lambda}{n} \end{aligned} \right\}, \quad n = \overline{1, \infty}. \tag{10}$$

Очевидно, что величины системы (10) имеют нулевые м. о., для этой системы $\rho = 0$, $m_0 = 2$.

Заметив, что

$$MY_{nq}^2 = \frac{\sigma^2}{n} \cdot \frac{1}{2} + \frac{\sigma^2}{n} \cdot \frac{1}{2} = \frac{\sigma^2}{n},$$

$$M \left(Z_{np} - \frac{\lambda}{n} \right)^2 = MZ_{np}^2 - \frac{\lambda^2}{n^2} = \frac{\lambda}{n} - \frac{\lambda^2}{n^2},$$

найдем для величин системы (10), в силу независимости слагаемых, $Y_{ns}, Y_{n(s+1)}, Z_{ns}$,

$$M\xi_{ns}^2 = \frac{2\sigma^2}{n} + \frac{\lambda}{n} - \frac{\lambda^2}{n^2}. \quad (11)$$

Из (11) следует, что существует число $H_1 > 0$ такое, что

$$M\xi_{ns}^2 \leq \frac{H_1}{n},$$

т. е. условие (4) теоремы выполняется.

Пусть \mathcal{B}_{ns} – σ -алгебра, порожденная величиной ξ_{ns} . Тогда, очевидно,

$$M\left(\xi_{np}^2 / \mathcal{B}_{ns}\right) \leq \frac{\sigma^2}{n} + \frac{\sigma^2}{n} + \frac{\lambda}{n} - \frac{\lambda^2}{n^2}, \quad |p - s| = 1.$$

Поэтому, используя также (11), найдем

$$M\left|\xi_{ns}\xi_{np}^2\right| = M\left(\xi_{np} M\left(\xi_{np}^2 / \mathcal{B}_{ns}\right)\right) \leq \left(\frac{2\sigma^2}{n} + \frac{\lambda}{n} - \frac{\lambda^2}{n^2}\right) M^{1/2}\left|\xi_{np}\right|^2 \leq \left(\frac{2\sigma^2}{n} + \frac{\lambda}{n} - \frac{\lambda^2}{n^2}\right)^{3/2}. \quad \text{Если же}$$

s, p и q различны, то какие-то две величины из $\xi_{ns}, \xi_{np}, \xi_{nq}$ независимы. Пусть, например, ξ_{ns} и ξ_{nq} независимы. Тогда

$$\begin{aligned} M\left|\xi_{ns}\xi_{np}\xi_{nq}\right| &= M\left(\xi_{ns} M\left(\xi_{np} / \mathcal{B}_{ns}\right) M\left(\xi_{nq} / \mathcal{B}_{ns}\right)\right) \leq \\ &\leq \left(\frac{2\sigma^2}{n} + \frac{\lambda}{n} - \frac{\lambda^2}{n^2}\right) M^{1/2}\left|\xi_{ns}\right|^2 \leq \left(\frac{2\sigma^2}{n} + \frac{\lambda}{n} - \frac{\lambda^2}{n^2}\right)^{3/2}. \end{aligned}$$

Таким образом, найдется постоянная H_2 , при которой будут выполняться неравенства

$$M\left|\xi_{ns}\xi_{np}\xi_{nq}\right| \leq \frac{H_2}{n^{3/2}}.$$

Это значит, что условие (5) выполняется.

Впрочем, оценку смешанных моментов третьего порядка можно было провести непосредственно, не пользуясь условным м. о.

Оценим в нашем примере a_n . Очевидно, здесь

$$a_n = \sum_{0 < |s-p| \leq 1} M\xi_{ns}\xi_{np}.$$

Поскольку

$$\begin{aligned} M\xi_{ns}\xi_{n(s+1)} &= M\left\{\left(Y_{ns} + Y_{n(s+1)} + Z_{ns} - \frac{\lambda}{n}\right)\left(Y_{n(s+1)} + Y_{n(s+2)} + Z_{n(s+1)} - \frac{\lambda}{n}\right)\right\} = \\ &= MY_{n(s+1)}^2 = \frac{\sigma^2}{n}, \end{aligned}$$

то

$$a_n = \sum_{0 < |s-p| \leq 1} M\xi_{ns}\xi_{np} = 2(n-1)\frac{\sigma^2}{n}. \quad (12)$$

Следовательно, при $n > 1$ $\text{infa}_n > 0$. Это показывает, что выполняется условие (6).

Выберем числа $\sigma > 0$, $c > 0$ и n_0 так, чтобы при $n > n_0$ выполнялось неравенство

$$\frac{\lambda}{n} + \frac{\sigma}{\sqrt{n}} < \frac{c}{\sqrt{n}} < 1 - \frac{\lambda}{n} - \frac{\sigma}{\sqrt{n}}. \quad (13)$$

Очевидно, это всегда можно сделать. Подсчитаем непосредственно значения b_n^2 и g_n^2 , определенных в (2) и (3). Имеем

$$b_n^2 = \mathbf{K}_n \left(\frac{c}{\sqrt{n}} + o \right) - \mathbf{K}_n \left(-\frac{c}{\sqrt{n}} - o \right) = \sum_{s=1}^n M \left(\xi_{ns}^2; |\xi_{ns}| < \frac{c}{\sqrt{n}} \right) =$$

$$= \left\{ 4 \left(\frac{\sigma}{\sqrt{n}} + \frac{\lambda}{n} \right)^2 + 2 \frac{\lambda^2}{n^2} + 4 \left(\frac{\sigma}{\sqrt{n}} - \frac{\lambda}{n} \right)^2 \right\} \frac{1}{4} \frac{n-\lambda}{n} n = \left(\frac{2\sigma^2}{n} + \frac{5\lambda^2}{2n^2} \right) (n-\lambda).$$

Также

$$g_n^2 = \sum_{s=1}^n M \left(\xi_{ns}^2; |\xi_{ns}| > \frac{c}{\sqrt{n}} \right) =$$

$$= \left\{ \left(-\frac{2\sigma}{\sqrt{n}} + \left(1 - \frac{\lambda}{n} \right) \right)^2 + 2 \left(1 - \frac{\lambda}{n} \right)^2 + \left(\frac{2\sigma}{\sqrt{n}} + \left(1 - \frac{\lambda}{n} \right) \right)^2 \right\} \frac{1}{4} \frac{\lambda}{n} n = \left(\frac{2\sigma^2}{n} + \left(1 - \frac{\lambda}{n} \right)^2 \right) \lambda.$$

Таким образом, мы получили

$$b_n^2 = \left(\frac{2\sigma^2}{n} + \frac{5\lambda^2}{2n^2} \right) (n-\lambda) \xrightarrow{n \rightarrow \infty} 2\sigma^2,$$

$$g_n^2 = \left(\frac{2\sigma^2}{n} + \left(1 - \frac{\lambda}{n} \right)^2 \right) \lambda \xrightarrow{n \rightarrow \infty} \lambda.$$

Следовательно, если взять в неравенстве (13) $0 < \lambda < 2\sigma^2$, то, начиная с некоторого n_0'' , будет $b_n^2 > g_n^2$, т. е. будет выполняться условие (7) теоремы.

Таким образом, при $n_0 = \max(n_0', n_0'')$ система серий (10) будет удовлетворять всем условиям теоремы. Следовательно, при $|t| \leq A^{1/2-\rho}$, где A – любое постоянное число, для системы (10) найдется n_1 и независимые от n постоянные C_1 и C_2 такие, что будут выполняться неравенства (8) и (9).

Если в нашем примере рассматривать действия величин Y_{ns} в сумме $S_n = \sum \xi_{ns}$ как «помехи», причем соседние две «помехи» накладываются, то следует заметить, что поскольку $a_n \rightarrow 2\sigma^2$, то «корреляционный шум» сохранится и в предельном распределении S_n .

Условие (7), по-видимому, выполняется в тех случаях, когда значения величины, попадающие в окрестность нуля, имеют сравнительно большие вероятности, а сами значения убывают «не очень быстро». Это ведет к появлению нормального компонента в предельном распределении S_n , дисперсионный параметр которого даст скачок функции

$$K(x) = \lim_{n \rightarrow \infty} K_n(x) \text{ в нуле.}$$

Кстати, имея в виду асимптотическое поведение b_n^2 и g_n^2 , получим

$$\mathbf{K}(x) = \begin{cases} 0 & , \quad x \leq 0, \\ 2\sigma^2 & , \quad 0 < x \leq 1, \\ 2\sigma^2 + \lambda & , \quad x > 1. \end{cases} \quad (14)$$

Если воспользоваться теоремой 1 из [2], ее условия в нашем примере выполнены, то из равенств (14), (1) и соотношения $a_n \rightarrow 2\sigma^2$ последует, что суммы S_n будут иметь предельное распределение, логарифм х.ф. которого

$$\psi(x) = \int_{-\infty}^{\infty} (e^{itx} - 1 - itx) \frac{1}{x^2} d\mathbf{K}(x) - \frac{2\sigma^2 t^2}{2}.$$

или

$$\psi(x) = -\frac{2\sigma^2 t^2}{2} + \lambda \left(e^{it} - 1 - it \right) - \frac{2\sigma^2 t^2}{2}.$$

Поскольку $\exp\left(-\frac{4\sigma^2 t^2}{2}\right)$ – х. ф. нормального распределения с дисперсией $4\sigma^2$ и нулевым м. о., а $\exp\left(\lambda(e^{it} - 1 - it)\right)$ – х. ф. сдвинутого распределения Пуассона, то суммы S_n будут иметь предельное распределение, которое является сверткой нормального и пуассоновского распределений.

Литература

1. Юдин, М.Д. Замечание к аппроксимации распределений сумм зависимых величин безгранично делимыми распределениями / М.Д. Юдин // Весці АН БССР, Сер. фіз.-мат. навук. – 1987. – № 2. – С. 38–41.
2. Юдин, М.Д. Об обобщениях формул Колмогорова и Леви-Хинчина на суммы зависимых величин / М.Д. Юдин // Доклады АН БССР. – 1986. – Том XXX, № 1. – С. 29–31.

Summary

It is built example, in which the distribution of the sums of dependent random variables is approximated by the infinitely divisible distribution.

Поступила в редакцию 24.03.06.

ФІЗИКА

УДК 535.42

*В.Н. Навыко, В.В. Шепелевич***ДИФРАКЦИОННАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОТРАЖАТЕЛЬНЫХ ГОЛОГРАММ
В КРИСТАЛЛЕ $\text{Bi}_{12}\text{SiO}_{20}$ ПРОИЗВОЛЬНОГО СРЕЗА**

Кубические оптически активные фоторефрактивные пьезокристаллы силленит-типа $\text{Bi}_{12}\text{GeO}_{20}$ (BGO), $\text{Bi}_{12}\text{SiO}_{20}$ (BSO), $\text{Bi}_{12}\text{TiO}_{20}$ (BTO) представляют особый класс регистрирующих сред, перспективных для записи и считывания отражательных голограмм [1]. По сравнению с кристаллами LiNbO_3 , BaTiO_3 , SBN фоторефрактивные кристаллы силленит-типа имеют меньшие электрооптические коэффициенты, но обладают более быстрым фоторефрактивным откликом. Совместное действие оптической активности и фотоиндуцированной анизотропии приводит к возникновению комплекса сложных поляризационных эффектов при записи и считывании отражательных голограмм.

При изучении зависимости поляризационных (выходной азимут и эллиптичность дифрагированной предметной волны) и энергетических (относительная интенсивность дифрагированной предметной волны и дифракционная эффективность) характеристик отражательных голограмм от толщины кристалла и входного азимута поляризации предметной волны в фоторефрактивных кристаллах силленит-типа основное внимание уделяется срезам (001) и (111) [1–4]. В [5] показано, что в толстых кристаллах среза (111) выходные энергетические характеристики отражательных голограмм имеют более высокие значения, чем в аналогичных кристаллах среза (001).

Несмотря на наличие ряда публикаций, посвященных определению поляризационных и энергетических характеристик отражательных голограмм в кубических фоторефрактивных кристаллах, в научной литературе уделено мало внимания рассмотрению произвольного среза кристалла и оптимизации процессов считывания оптической информации. Кроме того, очень мало работ, учитывающих влияние пьезоэлектрического эффекта на свойства фазовых отражательных решеток. В то же время при изучении пропускающих голограмм в кубических фоторефрактивных кристаллах показано [6], что пьезоэлектрический эффект может изменять выходные энергетические характеристики голограмм в несколько раз.

Определению выходных энергетических характеристик отражательных голограмм в фоторефрактивных кристаллах произвольного среза посвящено несколько публикаций [7–9]. В [7] дана оценка коэффициента усиления отражательных голограмм, записанных в фоторефрактивных полупроводниках класса симметрии $\bar{4}3m$ произвольного среза. В [8] проведено теоретическое и экспериментальное исследование энергетических характеристик пропускающих голограмм в фоторефрактивных кристаллах силленит-типа произвольного среза, помещенных во внешнее постоянное электрическое поле. Зависимость максимальных значений относительной интенсивности предметной волны и дифракционной эффективности отражательных голограмм, выбранных путем анализа всех возможных срезов кристаллического образца, от толщины кристалла BSO изучена в [9]. Показано, что в этом кристалле толщиной до 6,44 мм максимальные значения относительной интенсивности предметной волны и дифракционной эффективности отражательной голограммы достигаются в кристалле среза (001). При толщине кристалла, лежащей в интервале от 6 мм до 20 мм, максимальные значения относительной интенсивности предметной волны и дифракционной эффективности отражательной голограммы в случае среза (111) превышают аналогичные значения для среза (001) и близки к максимально возможным значениям, выбранным путем анализа всех возможных срезов кристаллов.

В данной работе представлены результаты теоретического изучения зависимости дифракционной эффективности (η) отражательной голограммы, записанной в кубическом фоторефрактивном пьезокристалле BSO произвольного среза, от толщины кристалла. Целью исследования является определение оптимальных срезов кристалла BSO фиксированной толщины, лежащей в диапазоне $0 < d < 20$ мм, для которых поляризационно оптимизированная дифракционная эффективность отражательной голограммы достигает экстремально высоких значений.

На основании общей феноменологической модели дифракции света в фоторефрактивных кристаллах с помощью волнового уравнения для гиротропных сред в приближении заданной решетки в [10] получена система уравнений, описывающая одновременную дифракцию двух световых волн на отражательных голограммах в кубических оптически активных пьезокристаллах. Аналитическое решение системы уравнений связанных волн, позволяющее определить комплексные проекции дифрагированной предметной

волны на выходной грани кристалла, получено и проанализировано в [11]. Учет совместного действия электрооптического, фотоупругого и пьезоэлектрического эффектов в постоянных связях проведен на основании выражений, определяющих изменение компонент обратного тензора диэлектрической проницаемости для пространственно периодического электрического поля голографической решетки, представленных в [12]. Напряженность электрического поля голографической решетки принимается равной 0,6 кВ/см [13].

На рис. 1 представлена огибающая (кривая 1) семейства зависимостей дифракционной эффективности отражательной голограммы от толщины кристалла, выбранных путем анализа всех возможных срезов кристаллического образца, а также зависимости дифракционной эффективности от толщины кристалла d для срезов $(00\bar{1})$ и $(\bar{1}\bar{1}\bar{1})$ (кривые 2 и 3). Из сравнения зависимостей $\eta(d)$ для кристалла срезов $(00\bar{1})$ и $(\bar{1}\bar{1}\bar{1})$ (кривые 2 и 3) с огибающей $\eta^{\max}(d)$ (кривая 1) можно видеть, что для $d = 6,44$ мм наибольшее значение дифракционной эффективности отражательной голограммы достигается в кристалле среза $(00\bar{1})$. Для остальных значений толщины кристалла в интервале $6,44 < d < 20$ мм экстремальные значения дифракционной эффективности отражательной голограммы превышают значения дифракционной эффективности в кристалле среза $(00\bar{1})$.

Для наглядного представления о зависимости дифракционной эффективности отражательной голограммы от среза при фиксированной толщине кристалла воспользуемся методом указательных поверхностей [12]. На рис. 2 представлена указательная поверхность, характеризующая зависимость дифракционной эффективности отражательной голограммы от среза кристалла при $d = 4,03$ мм (точка А на рис. 1).

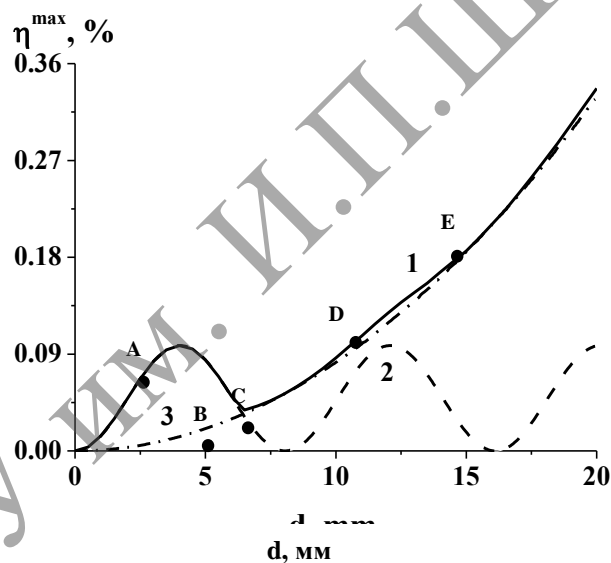

Рис. 1. Зависимость дифракционной эффективности η^{extr} (η^{\max} , η^{\min}) отражательной голограммы от толщины d кристалла.

- 1 – $\eta^{\max}(d)$, произвольный срез;
- 2 – $\eta^{\max}(d) = \eta^{\min}(d) = \eta(d)$, срез $(00\bar{1})$;
- 3 – $\eta^{\max}(d) = \eta^{\min}(d) = \eta(d)$, срез $(\bar{1}\bar{1}\bar{1})$.

Из рис. 2а видно, что симметрия указательной поверхности содержит элементы симметрии (поворотные оси симметрии второго и третьего порядка), присущие фоторефрактивным кристаллам силленит-типа. Экстремальные значения дифракционной эффективности ($\eta^{\max} = 0,1\%$, $\eta^{\min} = 0$) достигаются соответственно в кристаллах срезов $\{100\}$ и $\{110\}$. Локальные минимумы указательной поверхности существуют вдоль направлений $\langle 111 \rangle$. Дифракционная эффективность отражательных голограмм в кристалле среза $\{111\}$ в 7,35 раз меньше, чем в кристалле среза $\{100\}$.

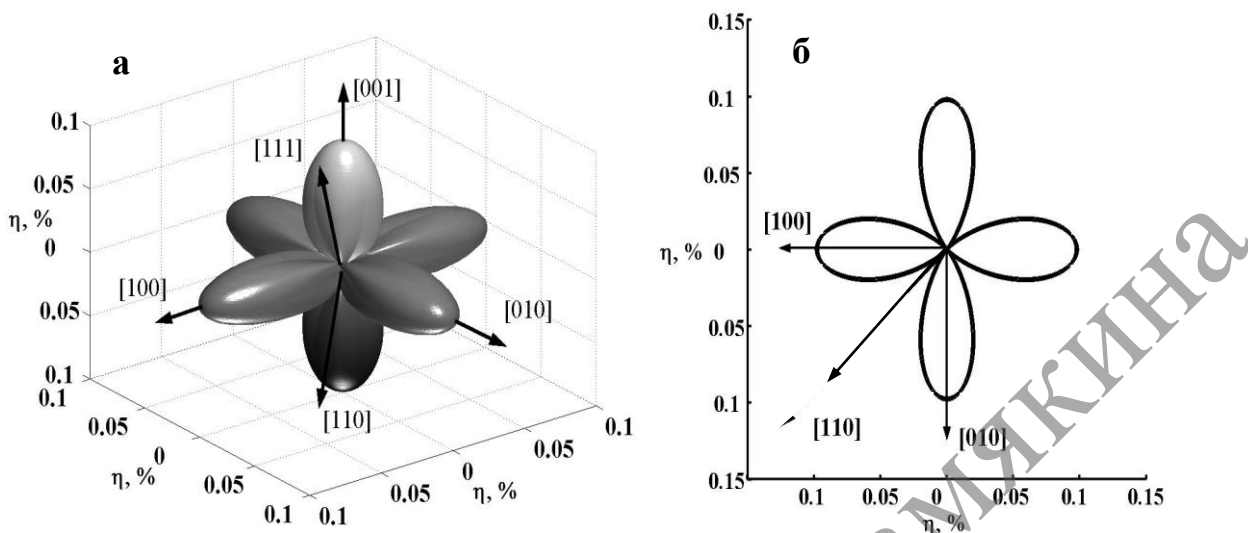

Рис. 2. Указательная поверхность дифракционной эффективности отражательной голограммы для кристалла толщиной 4,03 мм:
 а – общий вид указательной поверхности;
 б – сечение указательной поверхности плоскостью (001).

Рассмотрим представленную на рис. 3 указательную поверхность дифракционной эффективности отражательной голограммы для кристалла BSO толщиной 8,06 мм (точка С на рис. 1). Видно, что указательные поверхности для кристаллов толщиной 4,03 мм и 8,06 мм содержат одинаковые элементы симметрии, но принимают различную форму. Трансформация формы указательной поверхности обусловлена оптической активностью кристалла, которая приводит к снижению дифракционной эффективности в кристалле среза {100} в интервале $4,03 < d < 8,06$ мм (рис. 1). Дифракционная эффективность отражательной голограммы при данной толщине кристалла достигает экстремально высокого значения ($\eta^{\max} = 0,053\%$) в кристаллах среза {111}. Абсолютный минимум дифракционной эффективности ($\eta^{\min} = 0$) достигается в кристаллах срезов {100}, {110}.

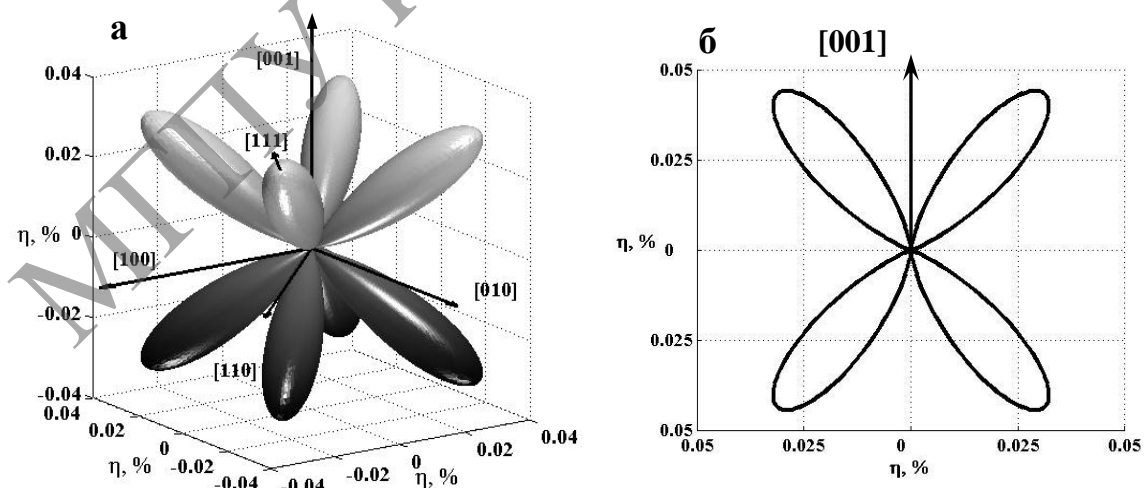

Рис. 3. Указательная поверхность дифракционной эффективности отражательной голограммы для кристалла толщиной 8,06 мм:
 а – общий вид указательной поверхности;
 б – сечение указательной поверхности плоскостью (110).

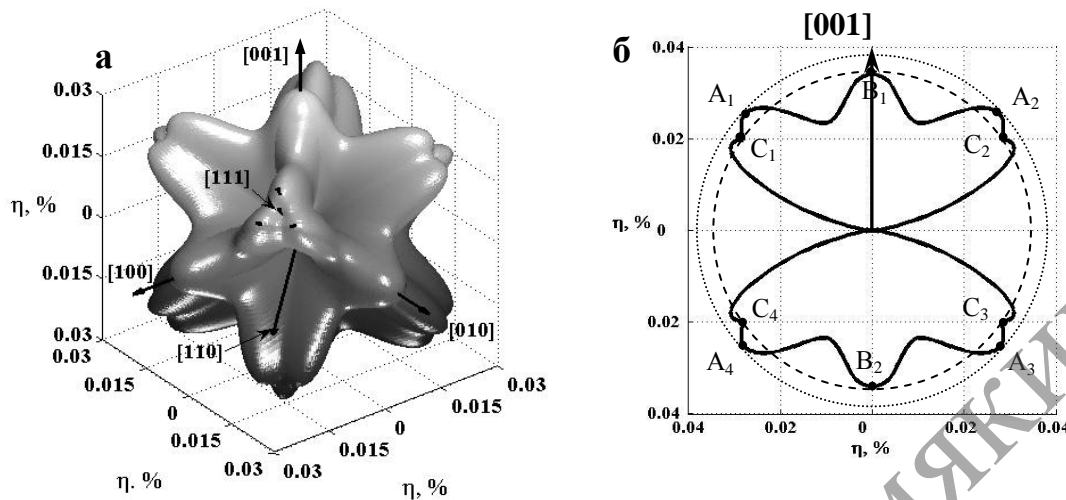

Рис. 4. Указательная поверхность дифракционной эффективности отражательной голограммы для кристалла толщиной 6,44 мм.
 а – общий вид указательной поверхности;
 б – сечение указательной поверхности плоскостью (110) вместе с вспомогательными окружностями.

Рассмотрим на рис. 4 указательную поверхность дифракционной эффективности отражательной голограммы для кристалла BSO толщиной 6,44 мм (точка В на рис. 1). В этом случае указательная поверхность имеет сложную форму и содержит элементы симметрии, присущие фоторефрактивным кристаллам силленит-типа. Вокруг поворотных осей симметрии третьего порядка (направления $\langle 111 \rangle$) возникают тройные оси, вдоль которых достигаются наибольшие значения дифракционной эффективности отражательной голограммы. Пространственное расположение точек указательной поверхности, лежащих на тройных осях, расположенных вокруг направления $[111]$ (изображены на рис. 4а), в сферической системе координат [14] характеризуется следующими координатами (ρ , θ , φ): $(40^\circ, 59^\circ, 0,37\%)$, $(46^\circ, 49^\circ, 0,37\%)$, $(52^\circ, 59^\circ, 0,37\%)$. Вдоль направлений $\langle 111 \rangle$ расположен локальный минимум с дифракционной эффективностью ($\eta = 0,337\%$), близкой к ее наибольшему значению. Аналогичное значение дифракционной эффективности отражательной голограммы достигается также в кристалле среза $\{100\}$. Абсолютный минимум дифракционной эффективности отражательной голограммы ($\eta^{\min} = 0$) достигается в кристалле среза $\{110\}$.

В точках A_1, A_2, A_3, A_4 тройные оси пересекаются с указательной поверхностью, и в этих точках достигаются наибольшие значения дифракционной эффективности отражательной голограммы; в точках B_1, B_2 достигаются максимальные значения дифракционной эффективности для кристалла среза $\{100\}$; в точках C_1, C_2, C_3, C_4 достигаются максимальные значения дифракционной эффективности для кристалла среза $\{111\}$, совпадающие по значению максимумом η для среза $\{100\}$.

Таким образом, максимальное значение дифракционной эффективности отражательной голограммы достигается в кристалле среза $\{100\}$ для $d = 6,44$ мм. В этом интервале абсолютный максимум дифракционной эффективности отражательной голограммы имеет место при толщине 4,03 мм. В кристалле толщиной 6,44 мм дифракционная эффективность отражательной голограммы для срезов $\{100\}$ и $\{111\}$ одинакова. В кристалле среза $\{111\}$ дифракционная эффективность отражательной голограммы совпадает с ее максимальным значением, выбранным путем перебора всех срезов кристалла, при толщине 8,06 мм и 16,12 мм. Для остальных значений толщины кристалла, принадлежащих интервалу $6,44 < d < 20$ мм, дифракционная эффективность отражательной голограммы достигает максимума в случае, если кристалл вырезан перпендикулярно одной из тройных осей.

Литература

1. Mallick, S. Polarization properties of self-diffraction in sillenite crystals: reflection volume gratings / S. Mallick, M. Miteva, L. Nikolova // *J. Opt. Soc. Am. B.* – 1997. – Vol. 14. – P. 1179–1186.
2. Kukhtarev, N.V. Influence of the optical activity on hologram formation in photorefractive crystals / N.V. Kukhtarev, G.E. Dovgalenko, V.N. Starkov // *Appl. Phys. A.* – 1984. – Vol. 33. – P. 227–230.
3. Kukhtarev, N. Reflection holographic gratings in [111] cut $\text{Bi}_{12}\text{TiO}_{20}$ crystal for real time interferometry / N. Kukhtarev [et al.] // *Opt. Commun.* – 1993. – Vol. 104. – P. 23–28.
4. Miteva, M. Polarization-dependent self-induced changes in the optical rotation and optical transmittance in doped crystals of the sillenite type / M. Miteva, L. Nikolova // *J. Mod. Optics.* – 1996. – Vol. 43. – P. 1801–1809.
5. Шепелевич, В.В. Дифракция световых волн на отражательных голограммах в кубических пьезокристаллах / В.В. Шепелевич [и др.] // *Письма в ЖТФ.* – 2003. – Т. 29, № 18. – С. 22–28.
6. Shepelevich, V.V. Optimization of diffraction efficiency and gain for two-wave mixing in cubic (111)-cut photorefractive piezocrystals / V.V. Shepelevich [et al.] // *Ferroelectrics.* – 2002. – Vol. 266. – P. 305–333.
7. Eichler, H.J. Photorefractive two-wave mixing in semiconductors of the $\bar{4}3m$ space group in general spatial orientation / H.J. Eichler, Y. Ding, B. Smandek // *Phys. Rev. A.* – 1995. – Vol. 52. – P. 2411–2418.
8. Deliolanis, N.C. Diffractive properties of volume phase gratings in photorefractive sillenite crystals of arbitrary cut under the influence of an external electric field / N.C. Deliolanis [et al.] // *Phys. Rev. E.* – 2003. – Vol. 68. – P. 056602.
9. Навныко, В.Н. Ковариантные методы в физике / В.Н. Навныко, В.В. Шепелевич // *Оптика и акустика: сборник научных трудов; редкол.: А.М. Гончаренко (главн. редактор) [и др.].* – Минск: Ин-т физики НАН Беларуси, 2005. – С. 158–164.
10. Shepelevich, V.V. Light diffraction by holographic gratings in optically active photorefractive piezocrystals / V.V. Shepelevich, S.M. Shandarov, A.E. Mandel // *Ferroelectrics.* – 1990. – Vol. 110. – P. 235–249.
11. Шандаров, С.М. Изменение тензора диэлектрической проницаемости в кубических фоторефрактивных пьезоэлектрических кристаллах под действием электрического поля голографической решетки / С.М. Шандаров, В.В. Шепелевич, Н.Д. Хатков // *Опт. и спектр.* – 1991. – Т. 70, № 5. – С. 1044–1048.
12. Шаскольская, М.П. Кристаллография / М.П. Шаскольская. – М.: Высш. шк., 1984. – 376 с.
13. Навныко, В.Н. Двухволновое взаимодействие света в отражательных голограммах / В.Н. Навныко [и др.]. – Мозырь, 2005. – 71 с. – (Препринт / УО МГПУ; № 3).
14. Бронштейн, И.Н. Справочник по математике для инженеров и учащихся ВТУЗов / И.Н. Бронштейн, К.А. Семендяев. – М.: Наука, 1981. – 704 с.

Summary

The dependence of diffraction efficiency of the reflection grating in cubic photorefractive crystal $\text{Bi}_{12}\text{SiO}_{20}$ of arbitrary cut on the crystal thickness is investigated. The cut of crystal with fixed thickness where the diffraction efficiency of the reflection grating attains highest value are determined.

Поступила в редакцию 24.03.06.

УДК 534.8:535.5

Г.В. Кулак, Т.В. Николаенко

**ОСОБЕННОСТИ ОПТИКО-АКУСТИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ ТВЕРДЫХ ТЕЛ
В УСЛОВИЯХ ТЕРМОУПРУГОСТИ**

Оптико-акустические источники звука имеют ряд преимуществ перед традиционными акустическими излучателями: отсутствие контакта со средой, возможность легкого изменения геометрических параметров оптико-акустической антенны и диапазона излучаемых частот, возможность создания источников звука, движущихся с любой скоростью [1]. При этом диапазон звуковых частот простирается от низких звуковых ~ 1 кГц до гиперзвуковых. В работе [2] рассмотрен процесс оптической генерации звука двухчастотной лазерной накачкой в пьезополупроводниковых кристаллах с отражающей задней поверхностью. Возбуждение гиперзвука основано на эффекте электрострикции в условиях вынужденного

рассеяния Мандельштама-Бриллюэна. В [3] получено основное уравнение фотоакустического эффекта в конденсированных средах на основе термоупругого эффекта. Дано его общее решение для случая импульсного режима лазерного излучения. Рассмотрены частные случаи, когда пренебрегают эффектом термодиффузии. Экспериментальное исследование импульса силы, переданного импульсом CO_2 – лазера поверхности металла в условиях возбуждения плазменного факела и детонационной ударной волны, проведено в работе [4]. В работе [5] экспериментально исследована лазерная генерация ультразвука в металлах за счет линейного термоупругого эффекта и лазерной абляции.

В настоящей работе с использованием формализма тензорной функции Грина для уравнения Ламе [6] исследованы особенности генерации продольных и сдвиговых УЗ волн в твердых телах в режиме термоупругости.

При интенсивностях света, когда отсутствуют фазовые переходы жидкость-газ, твердое тело-жидкость, наблюдается тепловой механизм генерации звука. При малых плотностях мощности света скорость расширения нагретой области мала, по сравнению со скоростью звука в среде, и поэтому можно использовать линейную теорию генерации ультразвука [1, 3]. В случае пренебрежения влиянием теплопроводности на процесс генерации ультразвука выполняется соотношение:

$$l \gg \chi / v_s,$$

где l – характерный размер тела, в котором генерируется звук,

χ – коэффициент температуропроводности,

v_s – фазовая скорость УЗ волны.

В большинстве случаев основной интерес представляет поле излучения в области Фраунгофера (см. рис. 1а). Предполагается, что лазерный луч из верхнего полупространства $z < 0$, падает на свободную поверхность твердого тела.

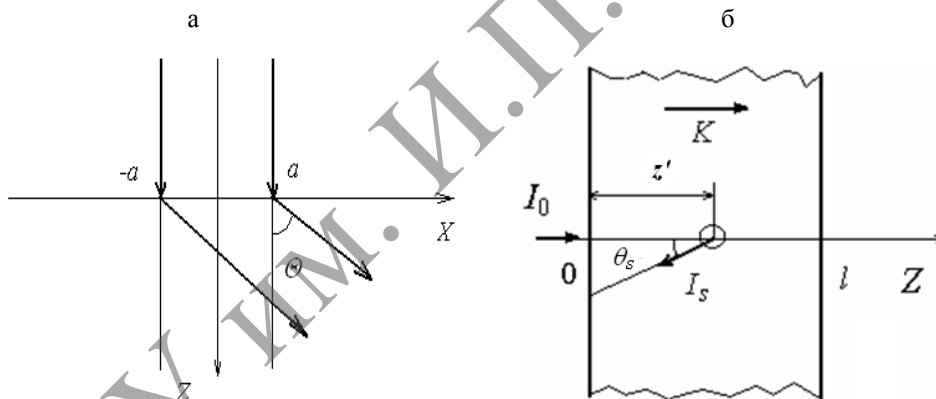

Рис. 1. Схема возбуждения ультразвуковой волны оптическим методом (а) и рассеяния ультразвуковой волны на сферическом дефекте (б).

Распределение интенсивности падающего света имеет вид:

$$I(x', y') = I_0 \exp [-(x'^2 + y'^2) / a^2],$$

где I_0 – интенсивность света в центре пучка, a – радиус светового пучка.

Световой импульс длительностью τ возбуждает в твердом теле упругие деформации за счет термоупругого эффекта [6, 7]:

$$u_{ij} = \alpha_{ij} \Delta T, \quad (1)$$

где α_{ij} – коэффициенты теплового расширения,

ΔT – изменение температуры тела.

Количество теплоты, сообщенное лазерным излучением интенсивностью I единице объема вещества, позволяет найти изменение температуры тела ΔT из очевидного соотношения [8]:

$$c_p \rho \Delta T = \chi_i I / v, \quad (2)$$

где c_p – удельная теплоёмкость вещества,
 ρ – плотность материала,
 v – фазовая скорость световой волны,
 χ_i – коэффициент поглощения лазерного импульса.

Импульс УЗ деформаций $u_{ij}(\vec{r}, t)$ имеет ширину полосы $\Delta\Omega$, которая определяется длительностью падающего светового импульса $\tau \sim 1/\Delta\Omega$. Предположим, что центральная частота УЗ импульса равна Ω . Тогда уравнение Ламе, описывающее импульсное возбуждение ультразвука за счет распределенной объемной силы $\vec{f}(\vec{r}')$ на поверхности металла, вызванной упругими напряжениями, имеет вид [8, 11]:

$$\hat{L} \vec{u} = -\vec{f} \delta(\vec{r} - \vec{r}'), \quad (3)$$

где $\delta(x)$ – дельта-функция.

Предполагается в дальнейшем, что в рамках линейной теории $\vec{u} \sim \exp(-i\Omega t)$.

Оператор \hat{L} – дается соотношением:

$$\hat{L} = \mu \Delta + (\lambda + \mu) \text{grad div} + \rho \Omega^2, \quad (4)$$

где λ, μ – постоянные Ламе.

Решение стационарного уравнения (3) имеет вид [8]:

$$u_j(\vec{r}) = \int G_{ij}(\vec{r} - \vec{r}') f_j(\vec{r}') d\vec{r}', \quad (5)$$

где G_{ij} – компоненты тензорной функции Грина,

\vec{r}' – произвольные внешние параметры.

Компоненты тензорной функции Грина даются соотношениями:

$$G_{ij} = \frac{1}{4\pi\rho\Omega^2} \left\{ \delta_{ij} k_l^2 \frac{e^{ik_l R}}{R} - \frac{\partial^2}{\partial x_i \partial x_j} \left[\frac{e^{ik_l R}}{R} - \frac{e^{ik_t R}}{R} \right] \right\}. \quad (6)$$

Здесь введены обозначения: $R = |\vec{r} - \vec{r}'|, k_l = \Omega/v_l, k_t = \Omega/v_t$, где $v_l = \sqrt{(\lambda + 2\mu)/\rho}, v_t = \sqrt{\mu/\rho}$; произвольные внешние параметры \vec{r}' связаны с областью лазерного воздействия на поверхности металла. Для дифракции в дальней зоне следует положить

$$R = r - (x' \cos \alpha + y' \cos \beta + z' \cos \gamma), \quad (7)$$

где $\vec{r}' = (x', y', z')$, $\cos \alpha = x'/r, \cos \beta = y'/r, \cos \gamma = z'/r$, $z' \ll x', y', r = |\vec{r}|$ – расстояние от центра лазерного воздействия до точки наблюдения УЗ поля.

Подставив выражения (6), (7) в (5) и учитывая выражения (1)–(4), получим выражение для проекции вектора смещений продольной УЗ волны u_3 , лежащей в плоскости XZ:

$$\begin{aligned} u_3(r, \theta) = & u_l \left\{ (k_l a)^2 \cos^2 \theta \exp \left[-\frac{1}{4} (k_l a)^2 \sin^2 \theta \right] e^{ik_l r} \right\} + \\ & u_l \left\{ (k_l a)^2 \sin^2 \theta \exp \left[-\frac{1}{4} (k_l a)^2 \sin^2 \theta \right] e^{ik_l r} \right\} + \\ & \frac{1}{2} u_l \left\{ (k_l a)^2 \exp \left[-\frac{1}{4} (k_l a)^2 \sin^2 \theta \right] e^{ik_l r} - (k_l a)^2 \exp \left[-\frac{1}{4} (k_l a)^2 \sin^2 \theta \right] e^{ik_t r} \right\}, \end{aligned} \quad (8)$$

где $u_l = \sigma_3^0 / 4\rho\Omega^2 r$, $\sigma_3^0 = (\lambda + 2\mu)\alpha_{33}\chi_i I_0 / \rho v c_p$; полярный угол θ отсчитывается от оси OZ.

Проекцию вектора смещений u_1 на плоскость XZ для сдвиговой УЗ волны находим из соотношения:

$$u_1(r, \theta) = u_t \left\{ (k_1 a)^2 \sin^2 \theta' \exp \left[-\frac{1}{4} (k_1 a)^2 \sin^2 \theta' \right] e^{ik_1 r} \right\} +$$

$$u_t \left\{ (k_1 a)^2 \cos^2 \theta' \exp \left[-\frac{1}{4} (k_1 a)^2 \sin^2 \theta' \right] e^{ik_1 r} \right\} +$$

$$\frac{1}{2} u_t \left\{ (k_1 a)^2 \exp \left[-\frac{1}{4} (k_1 a)^2 \sin^2 \theta' \right] e^{ik_1 r} - (k_1 a)^2 \exp \left[-\frac{1}{4} (k_1 a)^2 \sin^2 \theta' \right] e^{ik_1 r} \right\}, \quad (9)$$

где $u_t = \sigma_1^0 / 4\rho\Omega^2 r$, $\sigma_1^0 = (\lambda + 2\mu) \alpha_{11} \chi_l I_0 / \rho v c_p$, $\theta' = \theta - \theta_t$. Угол θ_t сноса сдвиговой УЗ волны относительно продольной, центральный луч которой распространяется вдоль оси OZ, находим из соотношения: $\theta_t = \arccos(v_t / v_l)$ [6, 7].

На рис. 2 представлена зависимость амплитуды смещений $|u_3|$ продольной УЗ волны, возбуждаемой оптическим методом, от угла рассеяния θ по отношению к нормали плоской поверхности металла (железо). Из рис. видно, что максимальное смещение происходит в направлениях, близких к углу $\theta = 0$. С увеличением центральной частоты источника ультразвука $f = \Omega / 2\pi$ имеет место некоторое уменьшение амплитуды деформаций $|u_3|$ при значительных углах θ , однако вблизи нормали величина деформации практически не изменяется. При $\theta = 90^\circ$ наблюдается наличие продольных смещений УЗ волн.

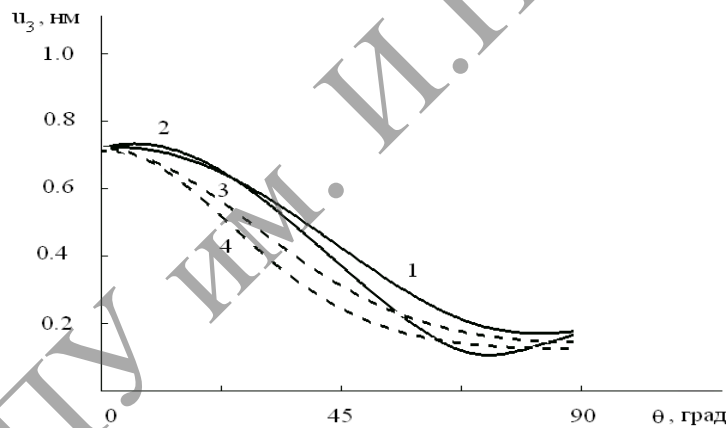

Рис. 2. Зависимость амплитуды деформации продольной ультразвуковой волны u_3 от угла рассеяния θ при различных частотах f : 1–10, 2–20, 3–30, 4–40 МГц ($I_0 = 10^8$ Вт/см², $r = 1$ см, $f = 3$ мм, $\chi_l = 0,1$, Fe).

Амплитуда деформации сдвиговой УЗ волны $|u_1|$ изменяется аналогично амплитуде продольной волны. При этом величина смещения ~ 1 нм, однако максимум $|u_1|$ локализуется вблизи угла $\theta_t = \arccos(v_t / v_l)$ в соответствии с фазовыми условиями возбуждения продольных и сдвиговых УЗ волн на плоской границе твердого тела [7]. Величины смещений u_1 и u_3 , как следует из выражений (8) и (9), сдвинуты по фазе, поэтому возбужденные светом УЗ волны являются, в общем случае, эллиптически поляризованными.

При наличии на пути УЗ волны препятствия сферической формы (рис. 1б) происходит её рассеяние, и амплитуда деформации $|u_s|$, рассеянной УЗ волны под углом θ_s к оси OX, даётся соотношением [9]:

$$|u_s| = |u| \left| \frac{m' \sin \theta_s - \sqrt{n'^2 - \cos^2 \theta_s}}{m' \sin \theta_s + \sqrt{n'^2 - \cos^2 \theta_s}} \right| \left| \frac{a'}{4z'} \right| \cos \theta_s, \quad (10)$$

где $m' = \rho_0 / \rho$ (ρ_0 – плотность материала препятствия),

$n' = v_{l,t} / v'_{l,t}$ ($v'_{l,t}$ – фазовая скорость продольной (сдвиговой) УЗ волны внутри области рассеяния),

a' – радиус препятствия,

z' – расстояние от препятствия до входной грани кристалла,

u – одна из компонент вектора смещений, даваемая выражениями (8) или (9).

Для полого дефекта сферической формы амплитуда рассеянной УЗ волны $|u_s| \sim \cos \theta_s$, так как $m \ll 1$ и коэффициент френелевского отражения от полого дефекта в (10) близок к единице [7]. Для плотных УЗ дефектов ($m \sim 1$) диаграмма рассеяния значительно «острее» и интенсивность рассеянной волны, как следует из (10), стремится к нулю при значительно меньших углах рассеяния. Для любых рассеивателей круглой формы $|u_s| / |u_{l,t}| \sim 10^{-2} - 10^{-1}$ для углов рассеяния θ , θ' и θ_s , близких к нулю.

В настоящее время существуют два основных метода обнаружения ультразвука возмущающего поверхность материала: метод оптического гетеродинамирования [10] и метод, основанный на эффекте фото-электродвижущей силы (Photo-EMF) в фоторефрактивных кристаллах [11]. В [12] интерферометрическим методом проведена диагностика ультразвука частотой 7,5 МГц, возмущающего неровную поверхность металла. Чувствительность такого метода $S_v \approx 10^{-4} \text{ \AA} / \sqrt{\text{Гц}}$. Отмечено [13], что чувствительность Photo-EMF метода может быть на порядок выше гетеродинамирования. Из рис. 2 следует, что указанные методы позволяют детектировать УЗ сигналы на противоположной грани материала толщиной $l = 1 \text{ см}$, а также рассеянного УЗ излучения на поверхности $z = 0$ (см. рис. 1б).

При возбуждении объемных УЗ волн могут возбуждаться также и поверхностные волны Рэлея. Рэлеевская УЗ волна имеет, однако, меньшую фазовую скорость, а также испытывает дополнительное затухание на неровной поверхности материала по сравнению с продольной и сдвиговой объемными УЗ волнами [7].

Литература

1. Лямшев, Л.М. Оптико-акустические источники звука / Л.М. Лямшев // Успехи физ. наук. – 1981. – Т. 135. – В. 4. – С. 636–669.
2. Адхамов, А.А. Фотовозбуждение звука в полупроводниках двухчастотной лазерной накачкой / А.А. Адхамов // Акуст. журн. – 1988. – Т. 34. – В. 2. – С. 209–214.
3. Lin, Gu. Theory of the photoacoustical effect in condensed medium / Gu Lin // Appl. Opt. 1982. – V. 21. – № 5. – P. 955–960.
4. Pirri, A.N. Momentum transfer and plasma formation above a surface with and high-power CO₂ laser / A.N. Pirri, R. Schlier, D. Northam // Appl. Phys. Lett. – 1972. – V. 21, № 3. – P. 79–81.
5. Zang, S.Y. Experimental study of laser-generated shear waves using interferometry / S.Y. Zang [et al.] // Res. Nondestr. Eval. 1990. – V. 2. – P. 143–155.
6. Ландау, Л.Д. Теория упругости / Л.Д. Ландау, Е.М. Лифшиц – М.: Наука, 1987. – 244 с.
7. Кайно, Г. Акустические волны. Устройства, визуализация и аналоговая обработка сигналов / Г. Кайно – М.: Мир, 1990. – 652 с.
8. Борн, М. Основы оптики / М. Борн, Э. Вольф – М.: Наука, 1973. – 719 с.
9. Мурачиков, К.Л. О формировании изображений неоднородных объектов лазерным фотоакустическим методом / К.Л. Мурачиков // Письма в ЖТФ. – 2004. – Т. 30. – В. 22. – С. 58–64.
10. Paul, M. Interferometric detection of ultrasound at rough surfaces using optical phase conjugation / M. Paul, B. Betz, W. Arnold // Appl. Phys. Lett. – 1987. – V. 22. – № 1. – P. 1569–1571.
11. Petrov, M. High-frequency branch of space-charge waves in photorefractive crystals / M. Petrov [et al.] // J. Opt. Soc. Am. 2005. – V. 22. – № 7. – P. 1529–1537.

Summary

The generation of ultrasound by intensive laser radiation and by means of thermoelastic effect have been investigated theoretically. The dependency of the deformation amplitudes of longitudinal and shear ultrasonic wave from polar angle to the rate of the normal to the plane the boundary of region which is occupied of ultrasound is investigated. It is shown, that ultrasonic waves, excited by the laser pulses and scattered by the defects of circle form may be detected by the heterodyne or Photo-EMF methods.

Поступила в редакцию 12.04.06.

БІЯЛОГІЯ

УДК 595.384.16(476.2)

*Н.А. Лебедев, В.Г. Сикорский, В.А. Дегтярев***ДЛИННОПАЛЫЙ РАК *ASTACUS LEPTODACTYLUS* ESCH
В ОЗ. ГУДШИЕ МОЗЫРСКОГО РАЙОНА****1. Введение**

Из промысловых видов беспозвоночных в водоемах Мозырского района встречается только длиннопалый рак (*Astacus leptodactylus* Esch). По различным данным [1, 2], этот вид по сравнению с широкопалым раком менее требователен к условиям существования, лучше использует кормовую базу, имеет более высокий темп роста, большую плодовитость. Этот вид распространен по территории Беларуси практически равномерно, за исключением северной части. Считается, что популяции длиннопалого рака в Гомельской области являются самыми крупными в Беларуси, а водоемы юга Беларуси наиболее перспективными для ведения рачного промысла [3]. В то же время из всех регионов Беларуси хуже всего изучено распространение и состояние популяции раков в р. Припять и в бассейне р. Припять Гомельской области. Данные по распространению речных раков в водоемах окрестностей г. Мозыря отсутствуют вообще. В этой связи целью работы явилось *изучение экологических условий обитания и биологических особенностей длиннопалого рака в оз. Гудшие Мозырского района.*

2. Материал и методы исследований

Из экологических условий обитания раков были определены полезная площадь, видовой состав водной растительности и рыб, тип грунта, глубина водоема, физические свойства и химический состав воды. Из биологических особенностей устанавливались рабочая плодовитость, сроки выклева эмбрионов, размерно-половая структура, численность особей, содержание ^{137}Cs и ^{90}Sr в раках. Гидрохимические съемки проведены в зимний (январь), весенний (март и апрель), летний (июль), осенний (сентябрь) периоды 2004–2005 гг. Таким образом, качество воды было исследовано в различных гидрологических ситуациях и в разные периоды года. Определение гидрохимических параметров проведено по стандартным методикам [4, 5]. В пробах воды были определены кислород, водородный показатель, аммонийный азот, нитратный азот, нитритный азот, хлориды, минеральный фосфор, железо общее, общая жесткость, кальций. Температура в летний период измерялась ежедекадно ртутным термометром на глубине 1 м. Определение содержания ^{137}Cs и ^{90}Sr в раках проведено по стандартной методике [6]. У отловленных особей измерялись зоологическая и промысловая длина, масса. Рабочая плодовитость самок определялась путем снятия икры с плеоподов самки. Диаметр яиц устанавливался непосредственно на свежей икре с использованием статистического усреднения. Отлов взрослых раков произведен раколовками различного типа, молоди – сачком на мелководье. В связи с невысокой уловистостью раколовки для определения численности раков в августе 2005 г. в различных частях озера было выделено 3 участка площадью по 100 м² каждый с глубинами до 2,0–2,2 м (средняя глубина составила 1,5 м). На этих участках проводился визуальный осмотр (с помощью маски) и вручную отлавливались раки. Промысловая плотность раков рассчитывалась по методике, предложенной Цукерзисом Я. [2]. Для расчета учитывались только раки промысловых размеров согласно правилам рыболовства Республики Беларусь [7].

3. Результаты и обсуждение

Экологические условия обитания раков. Оз. Гудшие расположено на левобережье р. Припять, вблизи железнодорожной станции Пхов. Длина береговой линии составляет 270, ширина – 95 м. Форма озера близка к прямоугольной. Площадь озера составляет 25650 м² (2,56 га). Максимальная глубина (4 м) зарегистрирована в центральной части озера. Таким образом, оз. Гудшие относится к числу небольших озер, типичных для поймы р. Припять. Грунты песчаные (юго-восточная часть), илистые (северо-западная часть), заиленные пески (преимущественно). С юго-западной и северной сторон вблизи от водоема находятся пахотные земли, с противоположной стороны – луг, зарастаемость берегов кустарником невысокая. Такое открытое месторасположение способствует ветровому перемешиванию и обогащению воды кислородом, а также выравниванию температурного режима. Берега преимущественно низкие, заболоченные в северо-западной части. По берегам и на

дне хорошо развита водная растительность, которая является кормом и одновременно служит укрытием для раков. Растительность озера представлена следующими видами: сальвиния плавающая, кувшинка белая, кубышка желтая, стрелолист обыкновенный, уруть колосистая, ряска малая, рдест блестящий, водокрас обыкновенный, роголистник темно-зеленый, элодея канадская, хвощ приречный, ситняг болотный, горец земноводный, камыш озерный, частуха подорожниковая, телорез алоэвидный, сусак зонтичный. Таким образом, видовой состав растительности насчитывает 17 видов, из которых 2 вида занесены в Красную книгу (сальвиния плавающая и кувшинка белая). Следует отметить, что сальвиния плавающая до этого времени в окрестностях г. Мозыря не регистрировалась, ближайшие места обитания этого вида [8] указываются примерно в 30 км выше или 50 км ниже г. Мозыря. Кубышка вместе со стрелолистом и некоторыми другими растениями вдоль северо-западной, северо-восточной и юго-западной сторон образуют полукольцо шириной до 10–15 м. В ихтиофауне водоема обнаружены следующие виды рыб: щука, плотва, окунь, красноперка, густера, щиповка, горчак, вьюн и подкаменщик (редко). Большое видовое разнообразие гидробионтов в сравнительно малом водоеме (2,56 га) объясняется соединением озера в весенний период с р. Неначь, которая, в свою очередь, впадает в р. Припять. В летние месяцы температура воды в озере в среднем составила $+21,2^{\circ}\text{C}$ (с колебаниями от $+19$ до $+25^{\circ}\text{C}$), что находится в пределах температурного оптимума для длиннопалых раков [1, 2]. Прозрачность воды по диску Секки в различные периоды года колебалась от 0,7 до 1,3 м. Согласно расчетам зарастаемость озера прибрежно-водной, воздушно-водной и растительностью с плавающими на поверхности воды листьями составляет 15%. Развитая растительность создает хорошую кормовую базу для раков, поскольку значительная часть из встречающихся в озере макрофитов служит для них пищей [1, 2, 9]. Считается [1], что длиннопалый рак может обитать в водоемах с илистым дном, практически равномерно распределяясь до 4–5 метровых глубин. В этой связи большая часть площади оз. Гудшие может быть определена как полезная. При обследовании раки не регистрировались только в юго-восточном секторе с чисто песчаными грунтами и слабой зарастаемостью дна, а также по краям водоема, в местах застаивания воды. С учетом этого полезная площадь данного водоема оценена нами в 1,8 га. Результаты химического анализа воды в различные периоды 2004–2005 гг. приведены в табл. 1. Температура воды указана на момент взятия проб.

Таблица 1

Химический состав воды в оз. Гудшие в 2004-2005 гг.

Показатель	Норма	Период года			
		зима	весна	лето	осень
Температура, $^{\circ}\text{C}$	18–25 (лето); > 0,5 (зима)	3	2–11	24	20
O_2 , мг/дм ³	>5,0	8,4	7,9–9,9	6,1	6,4
pH	6–10	7,9	7,0–7,6	7,8	7,8
Аммонийный азот (NH_4^+), мг/дм ³	0,5–1,0	0,25	0,65–2,3	н. о.	1,2
Нитратный азот (NO_3^-), мг/дм ³	до 0,2	1,90	0,63–0,8	0,01	0,24
Нитритный азот (NO_2^-), мг/дм ³	до 0,01	0,006	0,022–0,023	0,002	0,005
Хлориды (Cl^-), мг/дм ³	до 10	17,5	21,7–26,6	18,2	14,9
Минеральный фосфор (PO_4^{3-}), мг/дм ³	0,2–0,5	0,016	0,013–0,037	0,011	н. о.
Железо общее, мг/дм ³	до 1,4	0,28	0,38	0,36	0,92
Общая жесткость, мг·эquiv/л	1,0–4,0	3,0	3,0–3,6	не опр.	2,5
Кальций (Ca^{2+}), мг/дм ³	10–60	не опр.	52,1–62,5	не опр.	48,9

Примечание: в столбце «Норма» приводятся обобщенные данные различных авторов [2, 10]; не опр. – не определялась; н. о. – не обнаружено.

Как видно из табл. 1, температурный режим в различные периоды года в полной степени соответствовал экологическим потребностям раков. Содержание растворенного в воде кислорода также соответствовало нормативам. Этот показатель варьировался от 6,1 до 9,9 мг/дм³ при норме для взрослых раков 5,0–9,1 мг/дм³ [2, 10]. В зимний период содержание растворенного в воде кислорода было высоким – 8,4 мг/дм³. Высокая концентрация кислорода в воде объясняется отбором пробы в первой половине января 2005 г., когда озеро из-за аномально высокой плюсовой температуры воздуха было свободно ото льда. По нашим данным (табл. 1), величина pH в

исследованных водоемах колебалась от 7,0 до 7,9 при норме 6–10. Предельно допустимая концентрация аммония в воде рачьих водоемов не должна превышать 0,5–1,0 мг/дм³ по азоту. Сезонные изменения концентраций аммонийного азота в оз. Гудшие в целом соответствовали естественному годовому ходу с максимумом зимой, снижением в период вегетации и увеличением к осени. Так, в зимний период (табл. 1) концентрация аммонийного азота составила 0,25 мг/дм³, а в осенний – 1,2 мг/дм³ по азоту. Однако в весенний период концентрация аммонийного азота в воде составила 0,65–2,3 мг/дм³. Возможно, это связано с попаданием в воду удобрений с расположенных вблизи озера пахотных участков. Таким образом, в отдельные периоды года концентрация аммонийного азота в воде превышала предельно допустимые концентрации для рачьих водоемов (максимально **2,3 ПДК**). Концентрация нитратов в поверхностных водах подвержена заметным сезонным колебаниям: минимальная – в вегетационный период, максимальная – зимой. Предельно допустимая концентрация этого показателя для рачьих водоемов составляет 0,2 мг/дм³. В оз. Гудшие в зимний период концентрация нитратного азота в воде составила 1,90 мг/дм³, в весенний – 0,63–0,80 мг/дм³, в летний – 0,01 мг/дм³, в осенний – 0,24 мг/дм³. Таким образом, в весенний и зимний периоды этот показатель превышал предельно допустимые концентрации для рачьих водоемов. Превышение в указанные периоды составило **1,2–9,5 ПДК**. Концентрация нитритов в поверхностных водах составляет сотые (иногда даже тысячные) доли миллиграмма в 1 дм³. Предельно допустимые концентрации для нитритов в пересчете на азот для рачьих водоемов составляют 0,01 мг/дм³. В оз. Гудшие этот показатель в зимний период составлял 0,006 мг/дм³, в весенний – 0,022–0,023 мг/дм³, в летний – 0,002 мг/дм³, в осенний – 0,005 мг/дм³. Следовательно, изменения концентраций азота нитритного от сезона к сезону не соответствовали естественным внутригодовым изменениям с отсутствием зимой и появлением к концу лета, что свидетельствует о загрязнении вод нитритами. В целом концентрация нитритов лишь в отдельные периоды года превышала предельно допустимые концентрации (максимально **2,2 ПДК**). Содержание хлоридов в пресной воде колеблется от долей миллиграмма до десятков, сотен, а иногда и тысяч миллиграммов на литр. Нами отмечено повышенное содержание хлора по сравнению с рекомендуемым уровнем для рачьих водоемов (**1,5–2,7 ПДК**). Концентрация фосфатов в природных водах обычно очень мала – сотые, редко десятые доли миллиграммов фосфора в 1 дм³, в загрязненных водах она может достигать нескольких миллиграммов в 1 дм³. Норматив содержания растворимых фосфатов в воде водоемов для раков составляет не более 0,2–0,5 мг/дм³. По нашим данным, содержание фосфора в оз. Гудшие в зимний период составляло 0,016 мг/дм³, в весенний – 0,013–0,037 мг/дм³, в летний – 0,011 мг/дм³, в осенний период – фосфор не обнаружен вообще. Таким образом, во все периоды года концентрации фосфора в воде были ниже предельно допустимых. В то же время изменения концентрации растворимых фосфатов от сезона к сезону не соответствовали естественным внутригодовым изменениям с минимумом весной и летом, максимумом – осенью и зимой. Предельно допустимая концентрация железа в воде для рачьих водоемов составляет 1,4 мг/дм³. По нашим данным, концентрация железа в воде была ниже в зимне-весенний период (0,28–0,38 мг/дм³), чем в летне-осенний (0,36–0,92 мг/дм³) и полностью соответствовала нормам для рачьих водоемов. Общая жесткость варьируется от единиц до десятков, иногда сотен мг-экв/дм³. В наших исследованиях жесткость воды в оз. Гудшие колебалась от 2,5 до 3,6 мг-экв/дм³. Согласно нормативам жесткость воды для рачьих водоемов должна составлять от 1 до 4 мг-экв/дм³. Данный показатель в полной мере удовлетворяет требованиям к воде рачьих водоемов. В пресных водах содержание кальция редко превышает 1 г/дм³. Однако в указанном диапазоне этот показатель существенно варьируется. По нашим данным, содержание кальция в воде колебалось от 49 до 63 мг/дм³ при рекомендуемой норме 10–60 мг/дм³. Высокое содержание ионов Са²⁺ в сочетании с оптимальными значениями pH и хорошим кислородным и температурным режимами создают благоприятные условия для роста и развития речных раков.

В целом (табл. 1) большинство гидрохимических параметров в различные периоды года соответствуют нормам, установленным для рачьих водоемов. В то же время отдельные гидрохимические параметры превышали предельно допустимые концентрации для рачьих водоемов. Превышение имело место по **аммонийному, нитратному, нитритному азоту, хлоридам**. Как известно, развивающиеся зародыши речных раков чувствительны к различным химическим веществам [1]. На зимний и весенний периоды приходится большая часть времени эмбрионального развития речных раков. При неблагоприятном гидрохимическом режиме возможна гибель зародышей или сброс икры с плеоподов самки. Возможно, причина невысокой плодовитости у части самок заключается в нестабильности и превышении ПДК по отдельным гидрохимическим показателям.

Биологические особенности раков. Улов раков в оз. Гудшие на одну ловушку за ночь составил 0,3 шт. При учете раков путем отлова на контрольных площадках наибольшая численность раков (19 шт. на 100 м²) зарегистрирована на песчано-илистых грунтах с хорошо развитой подводной растительностью. Наименьшая численность (9 шт.) наблюдалась на грунтах с более сильным заилением. В среднем на 100 м² полезной площади отловлено 14 раков. Размер отловленных особей колебался от 7,7 до 14,8 см, масса – от 13,0 до 110,0 г. Средний размер составил 10,1 ± 1,69 см, масса – 34,5 ± 21,4 г. Максимально зарегистрированные размеры у отловленных нами особей составили: у самцов – зоологическая длина 14,8 см, масса 110 г; у самок – 14,2 см, масса 72 г. По литературным данным, в р. Припять встречаются особи длиной 16–17 см [3]. Размерный состав раков представлен в табл. 2.

Таблица 2

Размерный состав раков, отловленных в августе 2005 г. в оз. Гудшие

Общее количество	Размерный состав, см												Половая структура, %		Промысловая плотность, кг/га
	3–5		5–7		7–9		9–11		11–13		13–15		♂	♀	
	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%			
60	18	30	-	-	12	20	21	35	7	12	2	3	60	40	28

Как видно из табл. 2, промысловая плотность раков в оз. Гудшие составила 28 кг/га. Молодь и раки непромысловых размеров составляют в среднем 50% от числа отловленных особей. Половое соотношение ♂:♀ (60:40) свидетельствует о незначительном перевесе самцов.

В конце мая 2005 г. в оз. Гудшие и в р. Припять нами были отловлены самки-икрянки. Следует отметить, что в этот период в оз. Гудшие отлов их не представлял большой сложности – несколько самок были пойманы под камнями на глубине 30–40 см. Данные по рабочей плодовитости самок приведены в табл. 3.

Таблица 3

Рабочая плодовитость длиннопалого рака в оз. Гудшие

Количество самок, шт.	Зоологическая длина самок, см	Плодовитость, шт.	
		колебания	среднее
12	9,3–13,0	118–452	258,2

Как видно из табл. 3, рабочая плодовитость самок в оз. Гудшие варьировалась от 118 до 452 шт. эмбрионов в зависимости от размера. В среднем рабочая плодовитость отловленных самок составила 258,2 ± 129,5 шт. Большие колебания плодовитости самок объясняются не только различиями в размерах. На наш взгляд, отдельные самки теряют часть икры в процессе её инкубации. Так, у самки длиной 13 см рабочая плодовитость составила 118 шт. икринок, у самки длиной 12 см – 452 шт. икринок. Таким образом, наблюдалось отклонение от классической зависимости возрастания плодовитости самки с увеличением ее размера. В целом полученные данные по рабочей плодовитости самок раков можно считать высокими для водоемов Беларуси. Диаметр яиц перед выклевом (30–31 мая 2005 г.) колебался от 2,3 до 2,8 мм (в среднем 2,52 ± 0,19 мм) при массе 8–12 мг. В 2005 г. выклев молоди проходил в первой декаде июня (10 июня 2005 г. нами были отловлены самки с вылупившимися личинками под брюшком). Температура воды в период с 30 мая по 10 июня колебалась в диапазоне от 19 до 24⁰С. Таким образом, последние стадии развития икры перед выклевом в 2005 г. проходили в широком температурном диапазоне. Размер рачков в первой декаде июля (05.07.) составил в среднем 1,46 ± 0,05 см (n = 12). Во второй (20.07.) и третьей (30.07.) декадах июля соответственно 2,01 ± 0,25 (n = 17) и 2,57 ± 0,11 см (n = 15). К концу августа (30.08) сеголетки раков достигли длины 3,83 ± 0,36 см и массы 1,62 ± 0,37 г (n = 18). Таким образом, темп роста молоди раков в оз. Гудшие был более высоким по сравнению с другими регионами Беларуси. Так, по данным Кулеш В., Алехнович А. [11], за вегетационный период (132 суток) при выращивании длиннопалых раков в монокультуре в пруду рыбхоза Белозерский сеголетки достигли средних размеров 3,08 ± 0,3 см и массы 0,86 ± 0,25 г.

По нашим данным, удельная активность ^{137}Cs составила в раках 11,4 Бк/кг, удельная активность ^{90}Sr – 0,36 Бк/кг. В растительности удельная активность ^{137}Cs составила 9,8 Бк/кг, удельная активность ^{90}Sr – 0,28 Бк/кг. Показатели воды составили соответственно менее 4,0 Бк/л и 0,16 Бк/л. Таким образом, содержание ^{137}Cs и ^{90}Sr в раках, отловленных из оз. Гудшие, полностью удовлетворяет требованиям существующей инструкции для пищевых продуктов [12]. Согласно этому документу ПДУ для Cs^{137} составляют 370 Бк/кг, для ^{90}Sr – 3,7 Бк/кг (нормы взяты для прочих продуктов питания). Уровень содержания в раках ^{137}Cs был всего 3,1%, ^{90}Sr – 9,7% от предельно допустимых концентраций. Более высокое накопление ^{90}Sr по сравнению с ^{137}Cs , возможно, обусловлено особенностью химического состава тела раков (высокое содержание кальция, который является аналогом стронция). Содержание данных радионуклидов в воде также было ниже норм, установленных для питьевой воды (предельно допустимый уровень для ^{137}Cs – 10 Бк/л и ^{90}Sr – 0,37 Бк/л соответственно).

4. Заключение

В целом химический состав воды в оз. Гудшие соответствовал нормам, установленным для рачьих водоемов. В то же время отдельные гидрохимические параметры превышали предельно допустимые концентрации. Превышение предельно допустимых концентраций, в основном, имело место по аммонийному и нитратному азоту, хлоридам. Так, превышение предельно допустимых концентраций хлоридов составило 1,5–2,7 ПДК, нитратов – 1,2–9,5 ПДК, азота аммонийного – 1,2–2,3 ПДК. Улов на раколовку за ночь составил 0,3, промысловая плотность раков – 28 кг/га. Рабочая плодовитость самок в оз. Гудшие является высокой по сравнению с плодовитостью самок других популяций длиннопалого рака в Беларуси. Этот показатель варьировался от 118 до 452 (в среднем 258,2) штук эмбрионов. В 2005 г. выклев молоди проходил в первой декаде июня. Темп роста длиннопалых раков в оз. Гудшие является высоким. Сеголетки раков в конце августа достигли длины $3,83 \pm 0,36$ см и массы $1,62 \pm 0,37$ г. Содержание ^{137}Cs и ^{90}Sr в образцах раков из оз. Гудшие в полной мере удовлетворяет требованиям существующей инструкции для пищевых продуктов. Уровень содержания в раках ^{137}Cs был всего 3,1%, ^{90}Sr – 9,7% от предельно допустимых концентраций.

Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (грант Б04М-062).

• Литература

1. Федотов, В.П. Разведение раков / В.П. Федотов. – Петербург: Биосвязь, 1993. – 108 с.
2. Цукерзис, Я.М. Речные раки / Я.М. Цукерзис. – Вильнюс: Мокслас, 1989. – 140 с.
3. Кулеш, В.Ф. Речные раки как ценнейший ресурсный компонент фауны Беларуси / В.Ф. Кулеш, А.В. Алехнович, Г.П. Прищепов // Природные ресурсы Беларуси. – 1998. – № 1. – С. 39–49.
4. Новиков Ю.В. Методы исследования качества воды водоемов / Ю.В. Новиков, К.С. Ласточкина, З.Н. Болдина. – М.: Медицина, 1990.
5. Сборник методик выполнения измерений, допущенных к деятельности лабораторий экологического контроля предприятий и организаций Республики Беларусь. – Минск, 1997. – Ч. 1.
6. Методика измерения активности радионуклидов в счетных образцах на сцинтилляционном гамма-спектрометре с использованием программного обеспечения / ПРОГРЕСС; ГП ВНИИФТРИ, 1999.
7. Правила промыслового рыболовства Республики Беларусь. – Минск, 1998. – 18 с.
8. Чырвоная кніга Рэспублікі Беларусь: Рэдкія і тыя, што знаходзяцца пад пагрозай знікнення віды жывёл і раслін / Беларус. Энцыкл.; гал. рэдкал. А.М. Дарафееў. – Мінск: БелЭн, 1993. – 560 с.
9. Черкашина, Я.Я. Рост и питание молоди длиннопалого рака *Astacus leptodactylus* Esch / Я.Я. Черкашина // Зоологический журнал, 1977. – Том LVI, вып. 5. – С. 704–708
10. Александрова Е.Н. Раководство и условия его развития в России / Е.Н. Александрова // Рыбоводство и рыболовство. – 1999. – № 4. – С. 21–22.
11. Кулеш, В. Получение и выращивание сеголетка длиннопалого рака в условиях Беларуси / В. Кулеш, А. Алехнович // Тез. докл. междунар. совещания астакологов 2–6 августа 1999 г. – Астрахань, 1999. – С. 10–11.
12. Республиканские допустимые уровни содержания радионуклидов цезия-137 и стронция-90 в пищевых продуктах и питьевой воде (РДУ-99). – Минск, 1999.

Summary

In article the environmental conditions of inhabitation and the biological features of population *Pontastacus leptodactylus* Esch in lake are considered Gudshie of Mozir area.

Поступила в редакцію 01.11.05.

УДК 631.432:504.53.054:338.24

С.Н. Лекунович

ЗАВИСИМОСТЬ НАКОПЛЕНИЯ Cs-137 ЗЕЛЕННОЙ МАССОЙ МНОГОЛЕТНИХ ТРАВ ОТ ВОДНОГО РЕЖИМА КОРНЕОБИТАЕМОГО СЛОЯ ПОЧВЫ

Накопление радионуклидов растениями зависит от многих факторов и условий. При этом основными регулируемыми факторами в течение вегетационного периода являются водный режим и агрохимические свойства почвы.

В применяемой в настоящее время системе мер по снижению загрязнения радионуклидами сельскохозяйственной продукции фактор водного режима недостаточно учтен в силу малочисленности и ограниченности разработок вопросов в этом направлении.

Научные исследования, выполненные авторами [1, 2], выявили существование некоторой пропорциональности между поглощением корневыми системами влаги и накоплением растениями радионуклидов, что позволило сделать вывод о возможности управления загрязнением сельскохозяйственной продукции путем регулирования водного режима почвы. В работах [3, 4] установлено, что интенсивность поступления радионуклидов в растения (R) из единицы объема почвы на глубине z пропорциональна содержанию в ней радионуклида (S) и величине поглощения из нее влаги корнями растения (W_k):

$$R = \mu S(z) W_k,$$

где μ – коэффициент эффективного поглощения радионуклида, зависящий от вида растения, положения уровней грунтовых вод, типа почвы и концентрации в ней элемента – аналога радионуклида.

В свою очередь, поглощение влаги корнями растений из единицы объема почвы на глубине z зависит от распределения по глубине влажности почвы и массы корней.

Накопление радионуклидов следует рассматривать как процесс, состоящий из перемещения их в почве к поверхности корней, из поглощения корнями, передвижения по стеблю, из участия в химических реакциях и частичного их вывода из растения. Перечисленные этапы общего процесса чрезвычайно сложны, и во многом их физиологическая сущность к настоящему времени недостаточно известна. Поэтому дальнейшее изучение данного процесса невозможно без использования математической модели. Для этого разработана теоретическая модель, в которой учтены основные составляющие процесса накопления радионуклидов в условиях изменяющегося водного режима почв. Практическая значимость данной модели заключается в том, что она позволит сделать прогнозные расчеты накопления радионуклидов в зеленой массе трав в зависимости от изменения водного режима.

Для описания накопления радионуклидов зелёной массой трав принята следующая математическая модель:

$$R = \frac{1}{M} \mu S_{\Delta z} E_{\Delta t} \frac{\sum_0^{h_n} (\theta^3_{\Delta z, \Delta t} m_{\Delta z} \Delta z)}{\sum_0^{h_n} (\theta^3_{\Delta z, \Delta t} m_{\Delta z} \Delta z)}, \text{ Бк/кг}, \quad (1)$$

где R – активность загрязнения радионуклидами зелёной массы многолетних трав, Бк/кг;

M – биологическая масса растений, кг/м²;

μ – коэффициент эффективного поглощения радионуклида, кг/л;

$S_{\Delta z}$ – содержание радионуклидов в весовой единице сухого вещества пахотного слоя почвы, Δz кБк/кг;

$E_{\Delta t}$ – транспирация влаги культурой за время Δt ; л/м²;

h_n – мощность пахотного слоя почвы, м;

h_k – мощность корнеобитаемого слоя, м;

$\theta_{\Delta z, \Delta t}$ – относительная влажность слоя почвы Δz на промежутке времени Δt ;

$m_{\Delta z}$ – содержание массы корней в слое Δz ; %/м;

Δz – мощность расчетных слоёв почвы, м.

Для определения параметров расчетной зависимости использованы материалы исследований, проводимых в полевых условиях на экспериментальных площадках мелиоративной системы «Козицкое» Пинского района Брестской области.

Биологическая масса растений определяется уравнением:

$$M = M_o K_m, \quad (2)$$

где M_o – планируемый урожай в конкретных условиях при оптимальной влажности почвы, кг/м²;

K_m – коэффициент нарастания массы растений в n -ю декаду от начала вегетации.

Коэффициент K_m определяется по табл. 1, полученной по материалам двухлетних наблюдений на опытных площадках в течение вегетационных периодов 2004–2005 годов, значения которого не противоречат литературным данным [5].

Таблица 1

Модульные коэффициенты биологической кривой нарастания массы трав (средние для разнотравья) при сенокосном использовании (K_m)

Укос	Декады вегетации (n)							
	1	2	3	4	5	6	7	8
1	0,15	0,36	0,48	0,76	0,88	0,96	1,0	
2	0,3	0,35	0,50	0,75	0,80	0,94	0,96	1,0

Значения μ коэффициента эффективного поглощения радионуклида для разных типов почв и сельскохозяйственных культур различны. В данных конкретных условиях μ описывается зависимостью

$$\mu = 0,000025 UGB^{2,19}. \quad (3)$$

Содержание радионуклидов $S_{\Delta z}$ в весовой единице сухого вещества почвы слоя Δz определяется по формуле:

$$S_{\Delta z} = \frac{P_{\Delta z}}{h_n * \gamma_o} \text{ кБк/кг}, \quad (4)$$

где $P_{\Delta z}$ – плотность загрязнения радионуклидами слоя Δz , кБк/м²;

h_n – мощность пахотного слоя почвы, м;

γ_o – объёмная масса сухого вещества почвы (для торфа $\gamma_o = 175 \text{ кг/м}^3$). [6]

Транспирация $E_{\Delta t}$ влаги травами по декадам (промежуткам времени Δt) определяется как:

$$E_{\Delta t} = E_o \text{ л/м}^2, \quad (5)$$

где E_o – суммарное испарение, мм, (принимается по табл. 2), полученное из рассчитанных величин за период 1945–1986 годы, по данным [7].

Таблица 2

Испаряемость (E₀) многолетними травами, мм

Месяцы	Декады	Средние многолетние значения	Влажные годы (P = 10%)	Засушливые годы (P = 90%)
Апрель	1	12	11	13
	2	16	17	17
	3	22	19	23
Май	1	28	24	31
	2	36	27	46
	3	38	36	41
Июнь	1	48	42	52
	2	49	39	62
	3	32	31	33
Июль	1	31	25	33
	2	36	32	37
	3	47	43	52
Август	1	40	34	46
	2	35	28	39
	3	31	29	33
Сентябрь	1	18	26	21
	2	15	13	16
	3	12	10	12
Октябрь	1	8	8	9
	2	7	6	8
	3	6	5	6

Относительная влажность θ слоя Δz почвы в течение времени Δt определяется уравнением:

$$\theta_{\Delta z, \Delta t} = \frac{W - W_o}{W_n - W_o}, \quad (6)$$

где W – влажность слоя Δz в течение времени Δt , л/м³ (таблица 3);

W_o – влажность завядания л/м³;

W_n – влажность, соответствующая полной влагоёмкости почвы, л/м³.

Таблица 3

Распределение влажности почвы (W л/м³) при различных уровнях грунтовых вод

Культура	Расчётный слой Δz , м	Влажность слоя почвы W в зависимости от УГВ						Полн. влагоёмкость расч. слоя	Влагоёмкость завядания
		0,5 м	0,6 м	0,7 м	0,8 м	0,9 м	1,0 м		
Многолетние травы	0-0,1	360	340	325	310	300	290	550	100
	0,1-0,2	390	360	345	330	320	310	550	100
	0,2-0,3	380	320	315	290	260	235	550	100
	0,3-0,4	405	304	260	230	205	175	540	95
	0,4-0,5	500	255	200	175	173	170	510	90
	0,5-0,6		315	240	220	195	170	400	55
	0,6-0,7			310	245	240	205	340	30
	0,7-0,8				310	280	245	340	30
	0,8-0,9					300	255	340	30
	0,9-1,0						300	340	30

Влажность почвы (таблица 3) получена по экспериментальным данным площадок «Перехрестье», «Ольманы», «Б. Диковичи» путем осреднения значений проб, отобранных при одинаковом положении УГВ.

Особенностью изменения влажности данной почвы по глубине является неоднородность почвенного состава. Верхний слой (0–20 см) представлен древесно-осоковым торфом 30% разложённости. Ниже 20 см минерализация торфа увеличивается и на глубине 40–50 см начинается песок. Поэтому влажность, соответствующая полной влагоёмкости почвы W_n верхнего корнеобитаемого слоя 0–20 см, определена экспериментальным путем и принята 550 л/м^3 . Полная влагоёмкость песка и влажность завядания принята по литературным источникам [5, 6].

Содержание массы корней в единичном слое почвы (таблица 4) получено экспериментальным путем на опытной площадке № 1 мелиоративной системы «Козицкое», участок Перехрестье. Полученные нами данные практически совпадают с данными, представленными ранее в работах других ученых [5, 8].

Таблица 4

**Относительное содержание корней
в единице мощности корнеобитаемого слоя m (%/м) на торфяной почве**

Культура	Расчётный слой Δz , м	Относительное содержание корней m при среднем уровне грунтовых вод					
		0,5 м	0,6 м	0,7 м	0,8 м	0,9 м	1,0 м
Многолетние травы (сенокос)	0–0,1	68,0	60,1	51,5	45,8	39,3	31,4
	0,1–0,2	25,0	28,2	33,3	30,9	30,4	33,6
	0,2–0,3	4,7	7,3	8,3	15,6	21,1	24,2
	0,3–0,4	1,8	2,9	3,4	4,4	5,2	5,8
	0,4–0,5	0,5	1,3	2,8	1,6	1,9	2,3
	0,5–0,6		0,2	0,5	0,9	1,1	1,0
	0,6–0,7			0,2	0,6	0,5	0,9
	0,7–0,8				0,2	0,3	0,5
	0,8–0,9					0,2	0,3
	0,9–1,0						

Расчеты по данной модели позволяют выполнить определения загрязнения зеленой массы многолетних трав, исходя из планируемой урожайности для любого промежутка вегетационного периода. Ошибка выполненных проверочных расчетов по принятой модели (рис. 1) составила $\pm 30\%$, что соответствует точности определения накопления радионуклидов прибором.

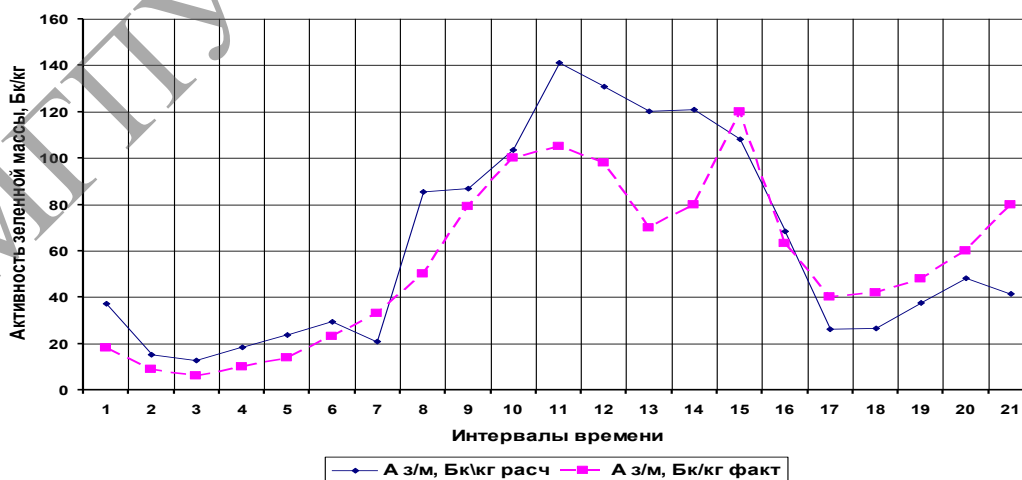

Рис. 1. Изменение фактически измеренных и рассчитанных величин активности зеленой массы травы.

Літэратура

1. Афанасик, Г.И. Влияние водного режима почвы на интенсивность поступления радионуклидов в растительную продукцию. Мелиорация переувлажненных земель: сб. научных работ / Г.И. Афанасик. – Минск: БелНИИМиЛ, 1995. – Том XLII. – С. 22–44.
2. Шабан, Н.С. Влажность торфяных почв и поглощение питательных веществ растениями / Н.С. Шабан, Г.И. Афанасик, В.Н. Пятницкий // Почвоведение. – 1975. – № 7. – С. 101–106.
3. Афанасик, Г.И. Пути снижения загрязнённости сельскохозяйственной продукции радионуклидами на мелиорированных землях / Г.И. Афанасик, А.С. Судас, Э.Н. Шкутов // НТИ, Мелиорация и водное хозяйство. – Минск, 1994. – С. 32.
4. Рекомендации по определению требуемого водного режима для минимизации накопления радионуклидов многолетними травами: утв. Комчernoбыль / под ред. А.С. Судаса [и др.]; Брестский филиал РНИУП «Институт радиологии». – Пинск, 2004. – 32 с.
5. Временные рекомендации по проектированию, строительству и эксплуатации мелиоративных систем на загрязнённых радионуклидами землях. – Минск: БелНИИМиЛ; Белгипроводхоз, 1995. – 98 с.
6. Финский, А.И. Исследование капиллярного подпитывания торфяной почвы / А.И. Финский // Сб. тр. – Минск: БелНИИМиВХ, 1970. – Т. XVIII. – С. 60–71.
7. Шебеко, В.Ф. Водохозяйственные расчеты при мелиорации переувлажненных земель / В.Ф. Шебеко. – Минск: БелНИИМиЛ, 2000. – 311 с.
8. Моисеев, А.А. Цезий-137 в биосфере / А.А. Моисеев, П.В. Рамзаев. – Атомиздат, 1975. – 182 с.

Summary

In article it is described mathematical model which allows to calculate and predict accumulation of ^{137}Cs in any interval of the vegetative period of perennial cereals. The executed verifying calculations on the given model have shown good convergence of the designed and measured sizes of accumulation ^{137}Cs in green weight of grasses.

Поступила в редакцию 21.11.05.

УДК 634.738(476):581.19

Ж.А. Рупасова, Н.П. Варавина, Р.Н. Рудаковская, Н.Н. Рубан, Ф.С. Пятница, А.П. Яковлев

ВЛИЯНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ФАКТОРА НА МАКРОЭЛЕМЕНТНЫЙ СОСТАВ ПЛОДОВ *VACCINIUM CORYMBOSUM* L. НА ФОНЕ ВНЕСЕНИЯ МИНЕРАЛЬНЫХ УДОБРЕНИЙ В БЕЛАРУСИ

Общеизвестно, что элементный состав плодов ягодных растений в значительной степени определяется почвенно-климатическими условиями районов их возделывания [4]. Указания на это применительно к объекту наших исследований – голубике высокорослой – приводят американские ученые [5]. В связи с интродукцией и введением в культуру данного ботанического вида в Белорусском регионе особый научный и практический интерес представляет исследование макроэлементного состава его плодов на фоне внесения минеральных удобрений в разных его частях.

В этой связи в предполагаемых районах культивирования голубики высокорослой в южной, центральной и северной агроклиматических зонах Беларуси – соответственно в Малоритском и Ганцевичском районах Брестской области, а также в Сенненском районе Витебской области, находящихся на удалении друг от друга на расстоянии 190 и 320 км, что в совокупности составляет 510 км, в 2001 г. были заложены идентичные полевые опыты с классической 8-вариантной схемой внесения N_{60} , P_{60} , K_{60} (кг/га д.в.) при густоте посадки опытных растений $2,0 \times 1,0$ м.

В качестве объектов исследований были привлечены растения 3-х модельных сортов голубики высокорослой – Дюк (из раннеспелых), Блюкроп (из среднеспелых) и Нельсон (из позднеспелых).

Саженьцы голубики были высажены в заранее вырытые ямы размером $60 \times 70 \times 50$ см, заполненные смесью минеральной почвы (легкосуглинистой в северном, супесчаной – в центральном и песчаной – в южном районах исследований) и верхового торфа в соотношении 1:1. Минеральные удобрения – суперфосфат двойной и сульфат калия – вносили однократно в начале вегетации

(апрель), сернокислый аммоний – в 3 приема: 50% – в апреле, 30% – в мае и 20% – в июне. Способ внесения удобрений – поверхностный вразброс, с последующими заделкой на глубину 3-4 см и поливом. Повторность опыта пятикратная.

В период съемной зрелости плодов в их усредненных, высушенных при $t = 65^{\circ}\text{C}$ пробах определяли содержание N, P и K по методу К.П. Фоменко и Н.Н. Нестерова [3], Ca и Mg – после мокрого озоления по Г.Я. Ринькису [2] – атомно-эмиссионным методом на спектрометре «Плазма-100» (США). Все определения выполнены в 3-кратной биологической повторности и обработаны статистически [1]. При этом средняя квадратичная ошибка среднего не превышала 1,5–2,0%.

В результате проведенных исследований было установлено, что в зависимости от сортовой принадлежности растений среднее в рамках полевого опыта относительное содержание элементов питания в сухой массе плодов голубики в южной, центральной и северной агроклиматических зонах Беларуси составляло соответственно: N – 0,84-1,20; 0,92-1,27 и 1,13-1,22%; P – 0,22-0,25; 0,16-0,18 и 0,19-0,22%; K – 0,38-0,42; 0,37-0,43 и 0,46-0,47%; Ca – 0,11-0,13; 0,12-0,13 и 0,10-0,12%; Mg – 0,04; 0,03 и 0,02-0,03%. При этом суммарное содержание макроэлементов составляло соответственно 1,65-2,0; 1,61-1,99 и 1,93-2,04%.

На первый взгляд, изменение географического положения района исследований не вызвало существенных изменений в макроэлементном составе плодов голубики. Тем не менее определенные подвижки в содержании в них макроэлементов, имевшие достоверный характер по t-критерию Стьюдента, все же имели место. Об их направленности и относительных размерах можно судить по данным табл. 1. Оказалось, что при продвижении к северу в плодах раннеспелого и особенно позднеспелого сортов голубики происходит усиление аккумуляции азота на 27 и 45% соответственно. При этом у первого из них различия между северным и двумя другими районами исследований по данному показателю оказались весьма схожи. У среднеспелого сорта подобных межрегиональных различий выявлено не было. Отмеченные изменения в характере аккумуляции азота сопровождалось обеднением фосфором на 17–20% плодов раннеспелого и среднеспелого сортов голубики, причем аналогичные расхождения между южным и центральным районами исследований оказались более выразительными, нежели между южным и северным, и были идентичными у всех трех модельных сортов голубики, составив 26–28%. Более выраженное, чем в южном районе, ограничение поступления данного элемента в плоды голубики в центральном, нежели в северном районе, обусловило даже достоверное превышение его содержания в них у средне- и позднеспелого сортов в северном районе относительно центрального. Аналогичная картина у этих сортов наблюдалась и в отношении калия.

Таблица 1

**Межрегиональные различия усредненных
в рамках полевых опытов показателей элементного состава плодов голубики высокорослой, %**

Сорт голубики	Сравниваемые районы исследований	N	P	K	Ca	Mg	Сумма макроэлементов
Дюк	центр./южн.	–	–26,1	–	–	–	–
	сев./южн.	+27,4	–17,4	–	–23,1	–25,0	–
	сев./цент.	+31,5	–	–	–23,1	–	+17,8
Блюкроп	центр./южн.	–	–28,0	–	+9,1	–	–
	сев./южн.	–	–20,0	–	–	–50,0	–
	сев./цент.	–	+11,1	+23,7	–8,3	–33,3	–
Нельсон	центр./южн.	–	–27,3	–	–	–25,0	–
	сев./южн.	+45,2	–	–	–	–25,0	+23,6
	сев./цент.	+29,8	+37,5	+24,3	–	–	+26,7

Примечание: здесь и в табл. 2 прочерк означает отсутствие статистически достоверных различий при $P < 0,05$.

Что касается кальция и магния, то с продвижением в северном направлении отмечено преимущественное ослабление аккумуляции данных элементов в плодах голубики, нашедшее статистическое подтверждение в первом случае у раннеспелого сорта и составившее 23%, во втором – уже у всех модельных сортов голубики в пределах 25–50%.

Вполне логично, что сортовые особенности ответной реакции растений на воздействие географического фактора, проявившиеся в разной степени мобилизации питательных элементов из субстрата, обусловили также известные изменения в характере сортовых различий в макроэлементном составе плодов голубики в разных районах исследований. Вместе с тем, как свидетельствуют данные табл. 2, они оказались не столь существенны и заключались в более выраженном (на 38%) в центральной, нежели в южном районе, накоплении азота в плодах сорта Блюкроп относительно сорта Дюк и менее значимом ослаблении (на 7–14%) аккумуляции калия и кальция в плодах позднеспелого сорта относительно раннеспелого, при нивелировании различий между ними по содержанию азота. Для северного же района исследований отмечено отсутствие достоверных сортовых различий в накоплении азота, но при этом ослабление поступления фосфора в плоды сорта Дюк, по сравнению с сортами Блюкроп и Нельсон, на 5 и 15%, а также кальция, по сравнению с последним, на 20%.

Таблица 2

**Сортовые различия усредненных
в рамках полевых опытов показателей элементного состава плодов голубики высокорослой, %**

Агроклиматическая область	Объекты сравнения	N	P	K	Ca	Mg	Сумма макроэлементов
Южная	Блюкроп/Дюк	–	–	–	–15,4	–	–
	Нельсон/Дюк	–11,6	–	–	–	–	–
	Нельсон/Блюкроп	–30,0	–	–	+18,2	–	–17,5
Центральная	Блюкроп/Дюк	+38,0	–	–	–	–	+17,8
	Нельсон/Дюк	–	–	–14,0	–7,7	–	–
	Нельсон/Блюкроп	–26,0	–	–	–	–	–19,1
Северная	Блюкроп/Дюк	–	+5,3	–	–	–	–
	Нельсон/Дюк	–	+15,8	–	+20,0	–	–
	Нельсон/Блюкроп	–	–	–	–	–	–

Наряду с этим было показано весьма заметное влияние географического фактора на степень изменчивости элементного состава плодов голубики при адекватном варьировании минерального фона, на что указывают заметные различия коэффициентов вариации его компонентов в разных районах исследований (табл. 3).

Таблица 3

**Средние значения коэффициентов вариации
показателей элементного состава плодов голубики высокорослой
в разных агроклиматических областях Беларуси в рамках полевых опытов, (%)**

Агроклиматическая область	N	P	K	Ca	Mg	Сумма макроэлементов
Южная	13,3	11,9	38,4	17,0	24,4	14,2
Центральная	14,7	27,2	11,7	9,7	22,0	8,4
Северная	23,7	7,1	8,5	10,1	21,4	15,3
Южная	31,1	13,0	25,7	13,8	18,9	16,4
Центральная	20,1	15,6	14,1	8,6	22,0	15,2
Северная	12,8	9,8	6,6	11,5	21,8	8,2
Южная	9,0	18,6	19,8	16,3	14,3	7,9
Центральная	14,4	11,1	15,8	10,2	22,3	9,2
Северная	18,6	4,9	4,7	10,2	22,3	11,1

Так, независимо от сортовой принадлежности растений при увеличении широты местности отмечено снижение их значений у параметров накопления фосфора в 1,3–3,8 раза, калия – в 3,9–4,5 и кальция – в 1,2–1,7 раза, что однозначно свидетельствует в пользу ослабления их зависимости от эдафического фактора в рамках полевого эксперимента. При этом для параметров накопления

азота подобное снижение коэффициента вариации в 2,4 раза отмечено лишь в плодах среднеспелого сорта, тогда как у двух других сортов, напротив, наблюдалось его увеличение в 1,8–2,1 раза, что указывало уже на усиление зависимости содержания в плодах данного элемента от состояния минерального фона. Аналогичное усиление этой зависимости в 1,2–1,6 раза отмечено также для параметров накопления магния в плодах среднеспелого и позднеспелого сортов голубики при ее ослаблении в 1,1 раза у раннеспелого сорта.

Таким образом, в результате проведенных исследований макроэлементного состава плодов голубики высокорослой в опытной культуре при адекватном варьировании минерального фона в 3-х агроклиматических областях Беларуси установлено весьма заметное влияние на него географического фактора. Так, при продвижении культуры в северном направлении происходило усиление на 27–45% аккумуляции в плодах азота у растений ранне- и позднеспелого сортов, сопровождавшееся ослаблением на 17–20% накопления фосфора у ранне- и среднеспелого сортов, при более выраженных для второго элемента различиях южного района с центральным, нежели с северным. На этом фоне отмечена активизация не более чем на 25% накопления калия в плодах средне- и позднеспелого сортов голубики в северном районе относительно центрального, тогда как для калия и магния – преимущественное ослабление аккумуляции на 23–50% в плодах раннеспелого сорта для первого элемента и у всех модельных сортов – для второго. Независимо от сортовой принадлежности растений, это сопровождалось ослаблением в 1,1–4,5 раза зависимости от состояния минерального фона параметров накопления в плодах фосфора, калия и кальция, а также азота у среднеспелого сорта и магния – у раннеспелого, но вместе с тем ее усилением в 1,2–2,1 раза для азота у ранне- и позднеспелого сортов и для магния у средне- и позднеспелого сортов. Показанные изменения в элементном составе плодов голубики при увеличении широты местности приводили к усилению сортовых различий по азоту и калию в центральном, а по фосфору – в северном районе исследований.

Литература

1. Лакин, Г.Ф. Биометрия / Г.Ф. Лакин. – М.: Высшая школа, 1980. – 293 с.
2. Ринькис, Г.Я. Оптимизация минерального питания растений / Г.Я. Ринькис. – Рига: Зинатне, 1972. – 355 с.
3. Фоменко, К.П. Методика определения азота, фосфора и калия в растениях из одной навески / К.П. Фоменко, Н.Н. Нестеров // Химия в сельском хозяйстве. – 1971. – № 10. – С. 72–74.
4. Яковлев, А.П. Культивирование клюквы крупноплодной и голубики топяной на выработанных торфяниках севера Беларуси / А.П. Яковлев, Ж.А. Рупасова, В.Е. Волчков. – Минск: Тонпик, 2002. – 188 с.
5. Kushman, L.J. Effect of season, location, cultivar and fruit size upon quality of lightsorted blueberries / L.J. Kushman, W.E. Ballinger // J. Amer. Soc. Hortic. Sci. – 1975. – 100, № 5. – P. 564–569.

Summary

Interregional and varietal differences of the abundance of five macroelements (nitrogen, phosphorus, potassium, calcium, magnesium) in fruits early-, moderato- and late-maturing cultivars of a highbush blueberry is fixed for the first time on a background of addition of mineral fertilizers in austral, central and boreal agroclimatic regions of Belarus. Influence of the geographical factor on a degree of dependence of parameters of accumulation of the listed elements from a state of a mineral background is shown.

Поступила в редакцию 14.11.05.

УДК 630*181.31

В.И. Хмелевский

СУКЦЕССИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЛЕСАХ НАЦИОНАЛЬНОГО ПАРКА «ПРИПЯТСКИЙ», СВЯЗАННЫЕ С ЗАБОЛАЧИВАНИЕМ ЕГО ТЕРРИТОРИИ

На территории Национального парка «Припятский», расположенного в центре Белорусского Полесья на площади 85 841 га и реорганизованного в 1996 году из Припятского заповедника (создан в 1969 году), преобладают широколиственно-сосновые насаждения (50,3%), из них собственно широколиственные занимают 15,6% лесной площади. На долю дубрав приходится 12,6%, ясенников – 2,4%, грабняков – 0,6%. На долю мелколиственных формаций приходится 33,7% лесной площади, из них березняками занято 21,3%, черноольшаниками – 7,1%, ивнякаами – 3,9%.

Отдельными сообществами произрастают кленовики, липняки, осинники. Лесистость составляет 74,3%. Болота занимают 49% территории, из них верховые болота занимают 18 %, переходные – 20 % и низинные – 11%.

Растительный покров Национального парка «Припятский» (Припятского заповедника) еще до своего образования (1969 год) был нарушен в той или иной степени, так как здесь с 1952 года был образован лесхоз, осуществлялась рубка леса и велась заготовка древесины. После введения заповедного режима прослеживается тенденция к восстановлению растительного покрова. В последние десятилетия на заповедной территории природные смены растительности происходят на фоне ослабления водопрпускной способности осушительных мелиоративных систем, устроенных здесь еще в 1873–1898 годах, и изменения гидрологического режима в сторону увеличения обводненности и уменьшения проточности территории парка. Эти факторы и обозначили основные направления сукцессионных процессов, которые обозначились в растительном покрове парка, главным из которых являются последствия проведенной здесь осушительной мелиорации.

В результате устойчивого подтопления и затопления корневой системы деревьев в дальнейшем процесс усыхания древостоев и наступления болота на лес, на наш взгляд, будет преобладать над залесением. Следует отметить, что в последние годы на территории парка заболачивание прогрессирует. Особенно четко этот процесс выражается по берегам мелиоративных каналов, где наблюдаются процессы вторичного заболачивания осушенных болот, а также заболачивания суходолов вблизи дамб, узкоколеек и шоссейных дорог. В результате формируются новые растительные группировки, связанные с устойчивым процессом подтопления, а местами и полного затопления лесных экосистем [1–2].

Изучение современного состояния древостоев на вымочках и примыкающих к ним экосистемам проводилось маршрутным методом. В летний период по границе вымочки, используя карты лесонасаждений, прокладывался маршрутный ход. Через каждые 50–100 м проводилась оценка состояния деревьев с использованием шкалы санитарного состояния древостоев по шести категориям: 1 – без признаков ослабления, 2 – ослабленные, 3 – сильно ослабленные, 4 – усыхающие, 5 – свежий сухостой, 6 – старый сухостой, и определялся класс (категория) биологической устойчивости (жизнеспособности) насаждений: 1 – устойчивые (здоровые) насаждения; 2 – насаждения с нарушенной устойчивостью; 3 – насаждения, утратившие устойчивость. Дополнительно, для более точной характеристики общего состояния насаждений, проводилась оценка степени дефолиации по четырем классам (0 – потеря листьев, хвои менее 10%, 1 – 11%-25%, 2 – 26%-60%, 3 – 61%-90%, 4 – 100%).

В зимний период проводилось обследование современного состояния мелиоративно-осушительной сети парка (степень зарастания и захламленности мелиоративных каналов, наличие на них плотин и бобровых поселений, ширина и глубина каналов и в целом степень функционирования каналов).

По результатам исследований установлено, что процессы заболачивания территории парка обусловлены, главным образом, резким снижением деятельности мелиоративных каналов, которые были проложены еще в 1873–1898 годах экспедицией И.И. Жилинского. Общая протяженность мелиоративной сети на территории парка составляет 300 км, из них 85 км магистральных каналов. Со времен ее устройства и вплоть до 1969 года за мелиоративными системами осуществлялся уход, а по магистральным каналам парка осуществлялся сплав леса. С введением заповедного режима уход за каналами был прекращен.

При обследовании мелиоративных каналов установлено, что удовлетворительно функционируют, осуществляя достаточный сброс воды, без затопления прилегающих территорий, 30 км каналов, или 10% от всей мелиоративной сети. 90 км каналов осушительной сети, или 30% функционируют неудовлетворительно, то есть основная масса сбрасываемой воды в водоприемники не сбрасывается, а затапливает примыкающие участки леса, вызывая здесь развитие болотообразовательных процессов. 180 км, или 60%, каналов осушительной мелиоративной сети практически не функционируют, и излишки паводковых, талых и грунтовых вод затапливают сопредельные территории, вызывая их заболачивание.

В настоящее время на территории национального парка все магистральные каналы, а также часть наиболее крупных каналов собирателей перекрыты бобровыми плотинами. Наибольшее количество бобровых плотин отмечено в верховьях и средних течениях этих каналов. В 2003 году нами отмечены плотины и бобровые поселения и в устьях каналов, то есть идет расселение речного бобра, несмотря на близость дорог и населенных пунктов.

Более мелкие каналы-собиратели находятся в очень плохом состоянии, сильно разрушены, захламлены и заросли водной растительностью. Еще в более плохом состоянии находятся каналы-осушители, расположенные непосредственно на болотах, они сильно заросли водной растительностью, заилились и стали плохо различимыми на местности.

В результате мелиоративная сеть начала заливаться, зарастать, по каналам началось интенсивное расселение речного бобра и устройство им плотин. Учетами поселений бобра в 2002 году выявлено 141 жилище (хатки и норы), общая численность бобра составляла около 400 особей.

По результатам маршрутного обследования в 2001–2004 годах территорий 7 лесничеств национального парка, подвергшимся процессам заболачивания, а также по материалам лесоустроительных работ (1992 года), нами выделены 2 категории растительных группировок, которые формируются под воздействием изменения гидрологического режима:

1) насаждения с нарушенной биологической устойчивостью (усыхающие заболачиваемые лесные насаждения);

2) насаждения, утратившие биологическую устойчивость (погибшие заболоченные лесные насаждения, не сформировавшиеся болотные ценозы и повторно заболоченные лесные насаждения на низинных евтрофных и переходных мезотрофных болотах).

К категории насаждений с нарушенной биологической устойчивостью (усыхающие заболачиваемые лесные насаждения) относятся насаждения, которые непосредственно примыкают к болотным экосистемам или погибшим насаждениям. Процессы усыхания древостоев здесь вызваны продолжительным подтоплением корневых систем (до 6 месяцев) и периодическим кратковременным затоплением (до 2–3 месяцев) верхних слоев почвы. По нашим данным, площадь таких насаждений составляет 3488 га. Усыхают насаждения в 8 лесных формациях: дубовой, березовой, сосновой, черноольховой, осиновой, ясеновой, грабовой и еловой. Типологическая структура усыхающих лесных насаждений представлена 40 типами. Основную долю здесь составляют дубовые (в т. ч. культуры), черноольховые и березовые фитоценозы, соответственно 47%, 24% и 15%, или в целом – 86%. Доминируют влажные и сырые типы лесов: кисличный, черничный, снытевый, папоротниковый, таволговый и долгомошный. Усыхают отдельные участки сосняков (в т. ч. культур), осинников, ясенников, грабняков и ельников. Их процентное участие в структуре усыхающих насаждений составляет от 0,1% до 7%. Наиболее интенсивно процессы усыхания древостоев наблюдаются по понижениям выделов. В местах, где смежные насаждения, примыкающие к вымочкам, располагаются на повышенных участках, процесс роста болот прекратился и усыхание деревьев единично отмечается в контактных зонах вымочка-суходол.

В усыхающих лесных насаждениях состояние древостоев оценивается по 2–4 категориям их состояния (ослабленные, сильно ослабленные и усыхающие). Степень дефолиации древостоев оценивается по 1–2 классу (потеря хвои, листьев от 25% до 60%). Усыхание древостоев в понижениях выделов при прогрессировании процессов заболачивания будет ухудшаться. При стабилизации гидрологического режима возможно улучшение состояния этих древостоев.

В усыхающих, ослабленных насаждениях нами отмечены очаги повреждения их вредителями (участки от 5 до 10 га) общей площадью 112 га, при этом отмечены участки 100% повреждения листьев деревьев, подроста, подлеска и живого напочвенного покрова, что снижает устойчивость древостоев к усыханию.

Возраст усыхающих насаждений составляет: в дубравах пойменных от 70 до 150 лет, в среднем 100 лет; в дубравах суходольных от 30 лет, в культурах до 170 лет, в среднем 85 лет; в березняках от 30 до 90 лет, в среднем 65 лет; в сосняках 70–100 лет, в среднем 85 лет; в черноольшаниках и осинниках от 30 до 90 лет, в среднем 65 лет.

Общий запас стволовой древесины усыхающих насаждений составляет 839567 м³, из которого дуб составляет 48%, ольха – 26% и береза – 12%.

Отдельными локальными участками встречаются усыхающие лесные насаждения различных пород в местах подпора и застоя воды, вблизи дамб польдеров сельскохозяйственных предприятий, шоссе и узкоколейных дорог, так как здесь имеется недостаточное количество водопропускных сооружений или же они вообще отсутствуют. Проектирование этих объектов в 60–70 гг. прошлого века велось без учета влияния на лесные экосистемы парка.

Часть усыхающих лесных насаждений (дуб) находится в пойме реки Припяти (664 га). Это, в основном, дубравы прируслово-пойменные и злаково-пойменные, их усыхание происходит,

по мнению ряда ученых, проводивших здесь исследования, с длительными (до 6 месяцев), высокими половодьями и паводками в течение ряда лет с 1979 по 1985 [3].

Усыхание пойменных дубрав обусловливается также непродуманным спрямлением реки Припяти, что значительно усилило скорость течения воды и ее резкий и быстрый спад в сухие годы и вызывает иссушение корневых систем деревьев, мелиорация пойменных земель.

Насаждения, утратившие биологическую устойчивость (погибшие заболоченные лесные насаждения, не сформировавшиеся болотные ценозы), отмечены нами по границе низинных и переходных болот, а также примыкают к дамбам, шоссейным и узкоколейным дорогам, где наблюдаются подпорные явления. Их гибель вызвана постоянным подтоплением корневых систем деревьев и длительным затоплением верхнего слоя почвы. Данные лесные насаждения испытывают подтопление верхних слоев почвы в течение 9–12 месяцев и затопление до 3–6 месяцев.

По рельефу они занимают, в сравнении с усыхающими насаждениями, более пониженные местопроизрастания и более повышенные местопроизрастания в отличие от повторно заболоченных лесных насаждений. К этой категории насаждений относятся лесные насаждения, которые на момент обследования представлены свежим сухостоем – 5 категория и старым сухостоем – 6 категория. Класс дефолиации 4 (потеря листьев или хвои 100%). Для данной категории характерны не сформировавшиеся болотные ценозы, которые в ближайшем будущем превратятся в болота. Площадь, занятая этой категорией лесных насаждений, составляет 2921 га. Погибшие заболоченные лесные насаждения, не сформировавшиеся болотные ценозы отмечены в 10 формациях: дубовой, березовой, сосновой, черноольховой, осиновой, ясеневой, грабовой, еловой, кленовой и ивняковой. Всего в 47 типах леса. Преобладают березняки – 39%, черноольшаники – 21%, сосняки – 13%, дубравы – 10%, ивняки и осинники – по 7%.

Ясенники, грабняки, ельники и кленовики составляют от 0,01% до 2%. В типологической структуре лесов основная доля приходится на влажные и сырые типы леса: кисличный, папоротниковый, долгомошный и осоковый.

Состояние древостоев в погибших заболоченных лесных насаждениях оценивается по 5–6 категориям состояния (свежий сухостой и старый сухостой), класс дефолиации 4 (потеря листвы и хвои до 100%).

Возраст древостоев погибших лесных насаждений составляет в основных формациях: березняки от 5 до 80 лет, в среднем 50 лет; в ольхах от 35 лет до 80 лет, в среднем 60 лет; в дубравах от 10 лет (культуры) до 150 лет, в среднем 80 лет; в сосняках от 15 лет (культуры) до 105 лет, в среднем 80 лет.

Общий запас стволовой древесины в этой категории лесных насаждений первоначально составлял 518724 м³ с преобладанием древесины березы и ольхи.

Насаждения, утратившие биологическую устойчивость (повторно заболоченные лесные насаждения на низинных евтрофных и переходных мезотрофных болотах), занимают площадь в 6671 га, из них заросшие лесом – 5590 га.

Лесные насаждения болот сформировались на достаточно дренированных торфяных почвах и непосредственно примыкают к мелиоративным каналам, ручьям и речкам. Протяженность отдельных болот достигает 1,0–2,0 км, площадь до 30–100 га. В связи с изменением гидрологического режима в сторону увеличения обводненности и снижения проточности лесные насаждения на болотах испытывают подтопление в течение всего года и затопление до 9–12 месяцев.

Повторно заболоченные погибшие лесные насаждения представлены 4 формациями: сосновой, пушистоберезовой, черноольховой и ивняковой. Типологический состав болотных лесов представлен значительно беднее – 8 типами.

Лесные насаждения низинных и переходных болот представлены лесными, кустарниковыми и травяными фитоценозами (евтрофные болота), лесосфагновыми, угнетенно-редколесными, кустарниково-сфагновыми и травяно-сфагновыми фитоценозами (мезотрофные болота).

Лесные фитоценозы низинных болот представлены сосняками осоковыми, багульниковыми, березняками осоково-травяными и осоковыми, черноольшаниками осоковыми и ивняковыми, общей площадью 3441 га, или 62% от всех повторно заболоченных лесных насаждений.

Возраст сосновых насаждений на низинных болотах составляет от 60 лет до 100 лет, в среднем 80 лет, березовых – от 20 лет до 100 лет, в среднем 70 лет, черноольшаников – от 10 лет до 80 лет, в среднем 55 лет.

Состояние древостоев в этих насаждениях оценивается по 5–6 категориям (свежий и старый сухостой), единично 4 категории (усыхающие насаждения). Класс дефолиации 4 (потеря листьев и хвои – 100%). В дальнейшем эти насаждения при увеличении обводненности трансформируются в кустарниковые ивняковые фитоценозы.

Кустарниковые фитоценозы низинных болот занимают площадь 394 га, или 7% от всех повторно заболоченных насаждений, и представлены ивняками, которые сформировались на месте черноольшаников и сосняков. Возраст ивняков составляет от 15 лет до 35 лет, в среднем 20 лет. Категория состояния 1–2 (без признаков ослабления и ослабленные). При увеличении обводненности и застойности местообитаний ивняки погибнут и трансформируются в травяные фитоценозы.

Травяные фитоценозы низинных болот занимают площадь 505 га, или 7,6% от всех повторно заболоченных фитоценозов. Они представлены, главным образом, тростниковыми ассоциациями, в особенности на самих мелиоративных каналах и вблизи их. Широко распространены осоково-сфагновые и водноманниковые ассоциации.

Лесосфагновые и угнетенно-редколесные фитоценозы переходных болот занимают площадь 1759 га, или 32% повторно заболоченных насаждений. Они представлены сосняками и березняками осоково-сфагновыми. Возраст их составляет от 10 лет до 110 лет, в среднем 60 лет.

При увеличении обводненности местопроизрастаний они трансформируются в кустарниково-сфагновые и травяно-сфагновые открытые болота.

Кустарниково-сфагновые и травяно-сфагновые переходные болота занимают площадь 576 га, или 9% от всех повторно заболоченных территорий, и сформировались на месте лесосфагновых фитоценозов. Здесь доминируют растительные ассоциации: ивняковые, тростниковые, сфагновые.

Запас стволовой древесины низинных и переходных вторично заболоченных лесных насаждений, по данным на 1992 год, составлял 422952 м³. Его составляли насаждения березы, сосны и ольхи черной.

Таким образом, усыхающие, погибшие заболоченные лесные насаждения и повторно заболоченные лесные насаждения на болотах в целом составляют площадь в 13080 га, или 15% от всей площади национального парка. Это свидетельствует о том, что на территории Национального парка «Припятский» в настоящее время интенсивно развиваются процессы заболачивания суходольных фитоценозов, повторного заболачивания ранее осушенных болот и заболоченных лесов и восстановления коренных болотных экосистем, существовавших здесь до проведения осушительных, мелиоративных работ. В результате усиления процессов заболачивания усыхает и погибло значительное количество стволовой древесины, происходят изменения в формационной структуре лесов (уменьшение площади дубрав, сосняков, березняков, черноольшаников и увеличение площади ивняков и открытых болот). В типологической структуре лесов происходит замещение суходольных типов леса более бедными по видовому составу растительности болотными, что ведет к снижению биологического разнообразия лесов парка.

В целях сохранения биологического разнообразия, повышения устойчивости лесных насаждений и улучшения их санитарного состояния необходимо устройство дополнительных водопропускных сооружений на дорогах и дамбах, разрушение полотна узкоколейных дорог в местах подпора их водой естественных водотоков и ландшафтных понижений, что обеспечит устойчивость лесных экосистем. В экосистемах, где усыхание и гибель лесов вызваны деятельностью речного бобра, вмешиваться в природные биоценозы с целью улучшения состояния лесов не допустимо, так как это происходит на заповедной территории. С целью избежания потерь сухостойной древесины следует постоянно проводить выборочные санитарные рубки по краям вымочек, а в зимний период на вымочках – сплошные рубки с учетом зонирования парка (исключив заповедную зону). Необходим мониторинг процессов заболачивания и выявления закономерностей образования болот.

Літэратура

1. Хмелевский, В.И. Антропогенные сукцессии лесной растительности Национального парка «Припятский» / В.И. Хмелевский // Влияние антропогенных факторов на состояние и динамику экосистем Полесья: материалы Международной науч.-практ. конференции. – Брест, 2001. – С. 108–110.
2. Хмелевский, В.И. Влияние процессов заболачивания на лесные биогеоценозы Национального парка «Припятский» / В.И. Хмелевский // Экологические проблемы Полесья и сопредельных территорий: материалы 4 Международной науч.-практ. конференции. – Гомель, 2002. – С. 231–232.
3. Гельтман, В.С. Пойменные леса Припяти и их трансформация в связи с мелиорацией / В.С. Гельтман, Н.Ф. Моисеенко. – Минск: Наука и техника, 1990. – 112 с.

Summary

On the territory National park «Pripiatsky» come be the result of swamping the forest doom. The basic reason it is destroy to reclamation canal. They were built to 120 years ago.

Поступила в редакцию 17.10.05.

УДК 591.69-881.6

А.И. Чайковский

ТАКСОНОМИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ПАЗАРИТОВ ГРАЧА (*CORVUS FRUGILEGUS L.*) БЕЛАРУСИ

Грач *Corvus frugilegus* – гнездящийся перелетный и зимующий вид синантропного комплекса. Численность на территории республики составляет 600000–800000 пар. Значительное увеличение численности отмечается в 70–80-е годы и постепенная стабилизация в 90-е [1].

Сравнительный анализ полученных нами данных с данными, полученными в 70-е годы [2], показали, что за этот период численность врановых птиц в г. Минске возросла в 1,5 раза. В связи с изменившимися экологическими условиями в столице прежние места ночлега врановых на сегодняшний день уже не используются. Нами установлено, что зимой врановые для ночлега используют парковую зону и зону скверов. Основная масса зарегистрированных нами колоний грачей, в основном, сосредоточена в пригородной зоне, хотя и отмечен ряд гнездовых колоний в черте города Минска. Сезонные изменения плотности населения грача выражены очень четко: резкое увеличение обилия в период весеннего пролета, затем уменьшение до гнездового периода, подъем численности в связи с вылетом молодых, откочевка птиц к концу лета. Осенние кочевки приводят к заметному увеличению плотности населения в октябре-ноябре. Зимой численность врановых уменьшается и держится на относительно стабильном уровне, несколько увеличиваясь к концу зимы. Аналогичная ситуация наблюдалась в Минске и более тридцати лет назад. Однако за этот период численность врановых в нашей столице возросла в 1,5 раза.

Материалы и методы

Материалом для написания данной публикации послужили паразитологические сборы с врановых птиц Беларуси. С 1998 г. по 2004 г. на территории республики подвергнуто обследованию 205 птиц и их гнезд. В работе использовались общепринятые методики исследований: орнитологические, паразитологические.

Результаты исследований и обсуждение

Фауна паразитов грача Беларуси представлена 7 видами пухоедов, принадлежащих к родам: *Philopterus* (2 вида), *Myrsidea* (2 вида), *Bruelia* (2 вида), *Colpocephalum* (1 вид). Доминирующим видом является *Colpocephalum subaequale* (Burmeister, 1838), который составляет 45,94% от числа собранных паразитов на граче. Наибольший индекс встречаемости отмечен для этого вида – 94,15, при обилии, равном 7,18 экземпляров на одну птицу. Типичными пухоедами грача являются: *Philopterus atratus* (Nitzsch 1818), индекс встречаемости составляет 92,6 при обилии 1,92; *Myrsidae isostoma* (Nitzsch, 1866), индекс встречаемости равен 80,5, индекс обилия соответственно 5,4 пухоеда на одной птице; *Bruelia varia* (Burmeister, 1838), индекс встречаемости равен 52,2, индекс обилия 0,81.

В наших сборах обнаружены пухоеды, нетипичные для грача – гостепаразиты, такие, как *Philopterus ocellatus* (Scopoli 1763), индекс встречаемости равен 1,46; *Myrsidea cornicis* (De Geer 1778), индекс встречаемости равен 31,71, индекс обилия 0,27; *Brueelia uncinus* (Burmeister, 1838), индекс встречаемости равен 3,41, индекс обилия 0,03.

Анализ паразитологического материала проводился нами в биотопах, различающихся степенью антропогенной нагрузки: лесонасаждения различного типа, агроценоз, свалки.

На свалках и в населенных пунктах на грачах отмечено по 5 видов пухоедов. В естественных биотопах зарегистрировано на грачах 6 видов пухоедов. Обмен эктопаразитами осуществляется при временных контактах птиц в местах концентрации. Фауна пухоедов пополняется за счет вида *Br. uncinus*, типичного паразита серой вороны [4, 5, 6].

При обследовании гнезд грача основная масса членистоногих представлена сапрофагами как в видовом отношении (16 видов, или 41,03% от всех видов), так и по численности (61,53%): гамазовые клещи сем. *Antennoseiidae*, жуки (в основном личинки), орибатидные клещи, личинки двукрылых. Для нидиколоценоза грача характерно также и большое видовое богатство энтомофагов (15 видов, или 38,46%), в то время как численность этой группы членистоногих невысока. К энтомофагам относятся гамазовые клещи сем. *Parasitidae*, Oudemans 1901 (7 видов); *Rhodacaridae*, Oudemans 1902 (2 вида); *Laelaptidae*, Berlese 1892 (2 вида); *Macrochelidae*, Vitzthum 1930 (1 вид), тромбидиформные клещи. Гематофаги являются гнездово-норовыми паразитами. Группа облигатных гематофагов (6 видов) объединяет представителей различных систематических групп: гамазовые клещи *Ornithonyssus sylviarum*, (Canestrini et Fanzago, 1877), *Dermanyssus gallinae* (De Geer, 1778), насекомые (блохи сем. *Ceratophyllidae*: *Cer. gallinae*, *Cer. farreni*, *Cer. rustica*), клопы, на долю которых приходится 15,38% видов, зарегистрированных в нидиколоценозе, или 14,77% от их численности. Факультативные гематофаги (12,04% от численности членистоногих) представлены видами *Androlaelaps casalis* (Berlese, 1887) и *Eulaelaps stabularis* (C.L. Koch, 1836) [7].

При обследовании птиц грача на наличие эндопаразитов установлено, что инвазированность птиц аскаридами и гетерокисами в Беларуси наблюдается на протяжении всего года с различной экстенсивностью и интенсивностью инвазий. Весной у грача зарегистрировано 8 видов гельминтов: *Acuaria anthuris* (Rudolphi, 1819), *Dilepis brachyarthra* Cholodkovsky, 1906, *Dilepis undula* (Schrank, 1788), *Capillaria corvorum* (Rudolphi, 1819), *Icteroaenia constricta*, *Passerilepis crenata* (Goeze, 1782), *Syngamus trachea* (Montagu, 1811), *Thominx contorta* (Creplin, 1839). Преобладали *Capillaria corvorum* с индексом обилия 14,0 экземпляров и *Syngamus trachea* с индексом обилия 1,2 на одну птицу грача, *Passerilepis crenata* с индексом обилия 0,6 и *Icteroaenia constricta* с индексом обилия 0,2. Остальные виды гельминтов отмечены в единичных экземплярах.

С ростом численности врановых в послегнездовой период на сельскохозяйственных угодьях и застройках приусадебного типа отмечено возрастание зараженности их гельминтами до 68,3%. Преобладающим видом оказалась нематода *Syngamus trachea* с индексом обилия 7,05. Остальные виды гельминтов, отмеченные у грачей, встречались в незначительных количествах [8].

Что касается сезонной динамики численности и зараженности гельминтами врановых птиц, то необходимо отметить, что при максимальной численности их в зимний период в пределах города зараженность их гельминтами незначительна, что обусловлено, в основном, характером питания, основу которого составляют бытовые отходы на городских свалках. Резкое возрастание численности врановых в гнездовой период на сельскохозяйственных угодьях объясняется изменением мест кормежки. Основу питания в данный период составляют личинки насекомых и дождевые черви. При этом наблюдается и максимальная зараженность их гельминтами.

Заключение

Таким образом, в результате наших исследований установлено, что паразитоценозы грача в Беларуси характеризуются большим видовым разнообразием.

1. Фауна пухоедов грача включает 7 видов пухоедов с различной степенью встречаемости и обилия.

2. Основная масса членистоногих в гнездах грача представлена гамазовыми клещами сем. *Antennoseiidae*, личиночными стадиями жуков и двукрылых, орибатидными клещами. Для нидиколоценоза грача характерно большое видовое богатство энтомофагов, в то время как численность этой группы членистоногих невысока.

3. Инвазированность птиц гельминтами в Беларуси наблюдается на протяжении всего года с различной экстенсивностью и интенсивностью инвазий. В послегнездовой период максимальная численность врановых отмечается на сельскохозяйственных угодьях и застройках усадебного типа. При этом наблюдается и максимальная зараженность их гельминтами.

Литература

1. Никифоров, М.Е. Птицы на рубеже XXI века / М.Е. Никифоров, А.В. Козулин. – Минск, 1987. – С. 87.
2. Иванютенко, А.Н. Распределение и численность врановых птиц в зимний период. Биол. основы освоения, реконструкции и охраны животного мира Беларуси: тез. докл. V зоол. конф. (20–21 декабря 1983 г.) / А.Н. Иванютенко. – Минск: Наука и техника, 1983. – С.121–122.
3. Федоренко, И.А. Особенности заражения пухоедами (*Mallophaga*) врановых птиц Украины: материалы VIII научной конференции паразитологов УССР: проблемы паразитологии / И.А. Федоренко. – Киев, 1975. – Часть 1. – С. 153–156.
4. Савицкий, Б.П. Пухоеды (*Mallophaga*) грача на юго-востоке Белоруссии / Б.П. Савицкий, А.Д. Тиханский, Е.Ю. Емельянова // Изв. АН БССР. Сер. биол. наук. – 1990. – № 5. – С. 111–112.
5. Тиханский, А.Д. Пухоеды (*Mallophaga*) врановых птиц юго-востока Белоруссии / А.Д. Тиханский, Е.Ю. Емельянова // Животный мир белорусского Полесья, охрана и рац. польза: тез. докл. обл. науч.-практ. конф. / Гомель: УНПО «Фауна Полесья», 1982. – С. 81–82.
6. Зехнов, М.И. Возрастная и сезонная динамика пухоедов грача (*Corvus frugilegus* L.): зоол. журнал / М.И. Зехнов. – М., 1956. – Т. 35, вып. 12. – С. 1831–1843.
7. Чикилевская, И.В. Клеши (Acari) фауны Беларуси: каталог / И.В. Чикилевская, А.Г. Лабецкая. – Минск, 1998. – С. 177–189.
8. Бычкова, Е.И. Биология нематод диких и домашних птиц Беларуси / Е.И. Бычкова. – Минск: Наука и техника, 1991. – С. 107.

Summary

The species composition of parasitofauna of rook is studied. There are 7 species. The season dynamics are investigated.

Поступила в редакцию 26.09.05.

УДК 613+546.15 (476.2)

И.В. Яблонская, В.В. Валетов, В.И. Кравченко, Н.Л. Кардаков

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ «ЙОДТЕСТА» В ЭКОЛОГО-БИОЛОГИЧЕСКОМ МОНИТОРИНГЕ ЙОДНОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ ДЕТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОЛЕСЬЯ

Йод является единственным микроэлементом, входящим в состав гормонов. Щитовидная железа, реализующая биологическую роль йода в организме, чрезвычайно чувствительна как к недостатку, так и к избытку микроэлемента [1].

Последовательные мероприятия, направленные на преодоление йодной недостаточности у населения Гомельской области, практически устранили недостаток микроэлемента в питании [2]. При существующей йодной обеспеченности, постоянно возрастающий поток йода, поступающий с продуктами питания и йодированной солью, способен оказывать негативное воздействие на щитовидную железу, особенно в условиях избыточных техногенных нагрузок [3].

Предупреждение негативного влияния дисбаланса йода в пищевых цепях населения особенно актуально для Полесского региона. Проживая в условия экологодестабилизированной радионуклидами йододефицитной среды и возросшего потока йода, население испытывает избыточные нагрузки на тиреоидную систему. В этих условиях успешность мероприятий, направленных на преодоление йододефицита, зависит от эффективности биологического мониторинга, позволяющего оценить адекватность потока йода, поступающего в пищевые цепи, физиологическим потребностям организма в различных возрастных периодах и уровнях функциональных нагрузок.

Поскольку около 95% потребляемого человеком йода экскретируется почками, для оценки уровня обеспеченности организма йодом необходимо применять методы определения его в моче. Сложность проблемы состоит в том, что рекомендуемый ВОЗ метод определения йода в моче основывается на реакции Санделла-Колтоффа. Необходимые для проведения реакции такие токсичные вещества, как хлорная кислота или персульфат аммония, делают её использование в Гомельской области проблематичным. Кроме этого, использование нагревательных устройств и спектрофотометра, технические сложности обработки результатов исследования требуют использования труда высоко квалифицированных специалистов. Метод дорог и недоступен для широкого практического использования.

Отсутствие альтернативных методов определения йода в моче не позволяет уже более двадцати лет оценивать йодную обеспеченность жителей области и поддерживать уровень содержания йода в пищевых цепях, соответствующий физиологическим потребностям различных возрастных групп населения.

С целью определения йодной обеспеченности детского населения Полесского региона нами был применен метод определения содержания йода в моче «Йодтест» с использованием стандартного набора «Норма» [4]. Метод основан на проведении цветной реакции на йодид – ион, являющийся катализатором реакции между нетоксичным ароматическим амином (тетраметилбензидином) и активным перекисным соединением (перуксусной кислотой). В процессе реакции проба мочи, разбавленная буферным раствором и пропущенная через колонку с активированным углем, окрашивается в цвета от желтого до синего.

Количественная оценка содержания йода в моче проводится по стандартной цветовой шкале, позволяющей отличать образцы мочи с содержанием йода ниже 70 мкг/л, от 70 до 100 мкг/л, от 100 до 300 мкг/л и выше 300 мкг/л. Реакция практически завершается за 3 минуты. Проведение одного определения занимает от 5 до 7 минут, что позволяет в короткие сроки при минимальных затратах проводить кластерные исследования йодной обеспеченности населения и устанавливать обратную связь между введением дополнительных количеств йода и его целесообразностью.

В связи с тем что исследование йодной обеспеченности населения Полесского региона проводилось впервые, для оценки достоверности полученных при использовании «Йодтеста» данных контрольные образцы каждой десятой пробы мочи исследовались по стандартным методикам ВОЗ церий – арсенидным методом [5, 6].

Для определения йодной обеспеченности населения Полесского региона было проведено 2-хкластерное обследование.

Нами были обследованы группы детей общей численностью 103 человека, постоянно проживающие в г. Мозыре и г. Наровля, в возрасте от 5 до 8 лет. Все обследуемые лица на момент проводимых исследований не получали йод-содержащих препаратов.

Статистическая обработка данных, полученных в ходе исследований, проводилась в программной среде Mathcad 2001 Professional.

Листинг обработки результатов измерений йодурии

Для определения содержания йода в моче были проделаны 103 измерения, результаты которых сведены в таблицу.

В таблице x и введены значения измеряемой величины йодурии мкг/л

x :=

	0
0	186.090
1	200.100
2	200.100

Количество измерений:

n := length(x)

Среднее арифметическое:

M := mean(x)

Стандартное отклонение:

S := stdev(x) · $\sqrt{\frac{n}{n-1}}$

Медиана:

Median := median(x)

Расчёт доверительного интервала

Доверительная вероятность:

$$P = 95\%$$

Уровень значимости:

$$\alpha := 1 - 0.95$$

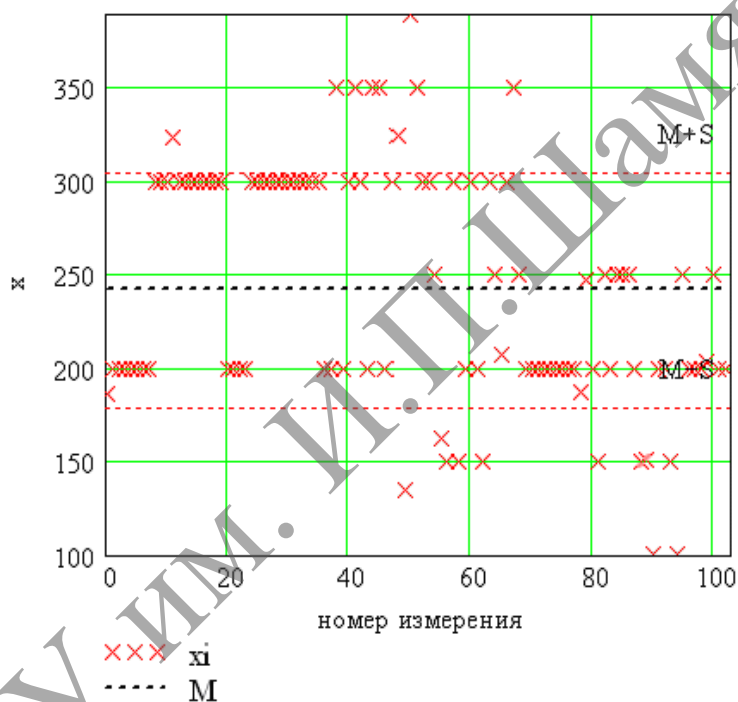
Доверительный интервал:

$$(M_{\min} \ M_{\max}) := \left(M - \left| qt\left(\frac{\alpha}{2}, n - 1\right) \right| \cdot \frac{S}{\sqrt{n}} \quad M + \left| qt\left(\frac{\alpha}{2}, n - 1\right) \right| \cdot \frac{S}{\sqrt{n}} \right)$$

Радиус доверительного интервала:

$$\delta := \left| qt\left(\frac{\alpha}{2}, n - 1\right) \right| \cdot \frac{S}{\sqrt{n}}$$

Группировка выборки

Построение гистограммы

Математическое ожидание:

$$\mu := M$$

Среднее квадратичное отклонение:

$$\sigma := S$$

Количество интервалов гистограммы определяется по формуле Стэджесса [7], округлено до целого:

$$bin := trunc(1 + 3.322 \cdot \log(n))$$

Начало диапазона

округлённое до целого в меньшую сторону:

$$lower := floor(\min(x))$$

Конец диапазона

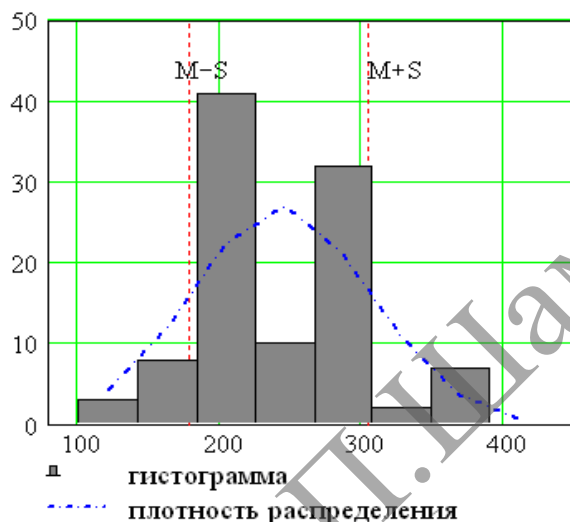
округлён до целого в большую сторону:

$$upper := ceil(\max(x))$$

Ширина интервала:

$$h := \frac{upper - lower}{bin}$$

Номер интервала:	$j := 0.. \text{bin}$
Интервал функции гистограммы:	$\text{int}_j := \text{lower} + h \cdot j$
Интервал функции плотности распределения:	$\text{int} := \text{int} + 0.5 \cdot h$
Функция гистограммы:	$f := \text{hist}(\text{int}, x)$
Функция плотности распределения:	$F(x) := n \cdot h \cdot \text{dnorm}(x, \mu, \sigma)$

Результаты вычислений

Количество реализаций:	$n = 103$
Среднее значение:	$M = 242$
Медиана:	$\text{Median} = 207.44$
Стандартное отклонение:	$S = 63$
Доверительный интервал:	$(M_{\min} \quad M_{\max}) = (230 \quad 255)$
Радиус доверительного интервала:	$\delta = 12$

В результате проведенного исследования нами были определены индивидуальные показатели йодурии у обследуемой группы детей дошкольного возраста.

Статистическая обработка экспериментальных данных позволила определить медиану йодурии, являющуюся прямым показателем йодной обеспеченности населения региона (таб. 1).

Таблица 1

Содержание йода в моче у детей младшего школьного возраста Полесского региона, 2006 г.

Населенный пункт	Пол	Число обследованных	Йодурия, мкг/л		Стандартное отклонение, S	Доверительный интервал, P = 0,95
			Среднее арифметическое	Медиана		
г. Мозырь	м	34	251	200,1	64	22
	ж	21	305	300,1	20	9
	Всего	55	272	300,1	58	16
г. Наровля	м	24	191	200	45	19
	ж	24	219	200	54	23
	Всего	48	209	200	51	15
Итого		103	242	207,44	63	12

Проведение исследований контрольных образцов исследуемых проб мочи позволило выявить достоверность полученных результатов при использовании «Йодтеста» $P = 0,95$.

Проведенное исследование йодной обеспеченности детского населения Полесья свидетельствует об отсутствии йододефицита в популяции.

Проводимые мероприятия, направленные на восполнение дефицита йода в питании, полностью устраняют недостаточность микроэлемента в пищевых цепях населения.

Долгосрочное использование йодированных продуктов питания и йодированной соли определяет необходимость постоянного контроля адекватности поступления микроэлемента физиологическим потребностям населения.

Используемая в процессе исследований методика определения йода в моче позволяет оценивать в динамике как индивидуальную йодную обеспеченность, так и популяционную, контролировать адекватность поступления йода в пищевые цепи населения различных возрастных групп и может иметь широкое практическое применение.

Литература

1. Спейерс, Г. Верхние безопасные уровни потребления микронутриентов: узкие пределы безопасности / Г. Спейерс // Вопросы питания. – 2002. – № 1. – С. 39–42.
2. Программа профилактики и устранения йодного дефицита в Республике Беларусь // Матер. научно-практ. конф. – Анкара, 2004. – 44 с.
3. Дедов, И.И. Профилактика и лечение йододефицитных заболеваний в группах повышенного риска: пособие для врачей / И.И. Дедов [и др.]. – М., 2004. – 56 с.
4. Черняков, Д.С. Новый отечественный диагностический набор «Йодтест» для определения содержания йода в моче / Д.С. Черняков // Экспериментально-клиническая эндокринология: для фундаментально-прикладных исследований: матер. Междунар. научно-практ. конф. – Харьков, 2006. – С. 102–103.
5. Dunn J.T. Methods for **measuring** iodine in urine. International Council for Control of Iodine Deficiently Disorders (Method A) / J.T. Dunn, H.E. Crutchfield, R. Gutekunst, A.D. Dunn // ICCIDD, 1993. – 71 p.
6. Методика определения йода в моче при помощи набора «Йодтест»: инструкция по определению йода в моче. – Киев, 2005. – 28 с.
7. Иглин, С.П. Математические расчеты на базе MATLAB / С.П. Иглин. – СПб.: БВХ; Петербург, 2005. – 640 с.

Summary

The execution of the eco-biological monitoring of the iodine provision of the population with the help of than available for broad practical usage method «Iodine Test» allows to evaluate in dynamics both individual and populational iodine provision to control adequate entering of iodine in food chains of different age groups which is very urgent of Polesye living in the eco-destabilized by radio nuclides environment and suffering from surplus burden on a thyroid gland.

Поступила в редакцию 18.04.06.

УДК 613 + 546.15(476.2)

И.В. Яблонская

ЙОДНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ ТЕРРИТОРИИ ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Йодная обеспеченность среды является основным экологическим фактором, определяющим поступление йода в организм человека [1].

Йод, являясь истинным микронутриентом, поступает в организм с продуктами питания, его содержание в них зависит от характера почвообразующих пород и почв в зоне проживания населения [2].

Гомельская область, основная часть которой расположена на территории Припятской впадины, отличающейся сложным геоморфологическим строением и характером образования почвенного покрова, является йододефицитным регионом Центральной Европы, удаленным от мирового океана [3].

Картографические данные геоморфологической структуры территории области, распространенности различных видов почв, содержания в них общего и подвижных форм йода свидетельствуют о неравнозначном содержании йода в природной среде регионов.

Однако экологическая оценка йодной обеспеченности среды различных регионов области до настоящего времени носила фрагментарный характер.

Практически повсеместно отсутствуют сведения о содержании йода в объектах окружающей среды [4].

Сложившаяся ситуация не позволяет дать объективной оценки йодной обеспеченности регионов области и её влияния на состояние здоровья населения.

Целью данного исследования явилось определение степени йодной обеспеченности территории области.

Материалы исследования – картографические данные Гомельской области: распространенность почвообразующих пород, почв с различным содержанием общего йода [5, 6].

Картографические данные почвообразующих пород, почвенного покрова, административные границы районов области были перенесены на среду универсальной графической системы Auto CAD версия 2000i, ISO 9001 персонального компьютера IBM PC.

Методом сравнительного анализа визуальных и расчетных данных процентного соотношения площадей с различной геоморфологической структурой, видов почв, содержания общего йода в почвах регионов выявлено, что территории районов области неравнозначны по геоморфологической структуре, почвенному покрову, содержанию общего и подвижных форм йода в почвах.

Территория области является зоной распространения нескольких видов почвообразующих пород: водно-ледниковые суглинки, древнеаллювальные пески, лёсоподобные суглинки и лёсы, современный аллювий, водно-ледниковые древнеаллювальные супески, органогенные породы.

Почвенный покров представлен дерново-подзолистыми, торфяно-болотными, дерново-карбонатными почвами, отличающимися механическим составом, содержанием общего и подвижных форм йода. При этом содержание общего йода в почвах области колеблется от низкого 0,56–0,64 мг/кг до значительного 9,23–18,2 мг/кг и население регионов проживает в условиях неравнозначной йодной обеспеченности среды.

Различные сочетания почвообразующих пород, видов почв и содержания в почвах общего йода формируют несколько видов природных ландшафтов, отличающихся содержанием йода в природной среде.

В соответствии с вариабельностью сочетаний почвообразующих пород, видов почв и содержания в почвах общего йода на территории области нами были выделены основные типы йодных ландшафтов (табл. 1).

Таблица 1

Типы йодных ландшафтов Гомельской области

Тип ландшафта	Почвообразующие породы и почвы	Содержание общего йода в почвах, мг/кг
I – низкое содержание общего йода	Дерново-подзолистая песчаная почва на водно-ледниковых, озёрно-ледниковых песках, на древнеаллювиальных песках	0,5–0,64
II – сниженное содержание общего йода	Дерново-подзолистая супесчаная на водно-ледниковых суглинках	0,87–0,94
III – умеренное содержание общего йода	Дерново-подзолистая суглинистая на лессовидных суглинках	1,30–1,39
IV – выраженное содержание общего йода	Дерново-подзолистая глеевая на водно-ледниковых и озёрно-ледниковых песках	1,6–4,2
V – значительное содержание общего йода	Торфяно-болотная низинного типа на органогенных породах, на современном аллювии	5,0–9,23

При этом территории ряда административных районов располагаются в пределах равнозначных ландшафтных участков. Другие районы имеют выраженную ландшафтную мозаичность, что определяет неравнозначное содержание йода в природной среде регионов.

Детальное рассмотрение ландшафтов в пределах административных границ каждого из районов области позволяет выделить территориальные группы с условно равнозначными характеристиками, определяющими в конечном итоге йодную обеспеченность населения, проживающего в них.

В результате проведенных исследований в пределах области нами выделены две основные территориальные группы.

К первой относятся территории с условно равнозначными геоморфологической структурой почвообразующих пород, почв и содержанием в них общего и подвижных форм йода.

Ко второй территориальной группе отнесены районы с мозаичностью почвообразующих пород, почв и содержания в почвах общего йода. В пределах каждой территориальной группы выделяются кластеры, население которых может испытывать выраженную йодную недостаточность и выраженный риск развития йододефицитных заболеваний.

К таким территориальным кластерам, с низким и пониженным содержанием общего йода в почвах, относятся Ельский, Брагинский, Калинковичский, Лельчицкий, Петриковский, Светлогорский, Житковичский, Октябрьский районы (первая территориальная группа). Территории Чечерского, Лоевского, Речицкого, Ветковского, Мозырского, Наровлянского, Хойникского районов (вторая территориальная группа) характеризуются высоким содержанием общего йода в почвах, однако йод в них находится в необменных формах и малодоступен для растений.

Выводы:

1. Йодная обеспеченность территории Гомельской области неравнозначна.
2. Ландшафтные особенности территории области позволяют выделить территориальные группы с условно равнозначной йодной обеспеченностью природной среды.
3. Выделение территориальных групп с различным йодным обеспечением,
4. позволяет оценивать уровни содержания микроэлемента в производимых на территории районов продуктах питания и учитывать их при внесении корректирующих добавок йода в рацион питания населения.

Літэратура

1. Герасимов, Г.А. Йододефицитные заболевания в России. Простое решение сложной проблемы / Г.А. Герасимов [и др.]. – М.: Адамант.– 2002. – С. 97–100.
2. Велданова, М.В. Эндемический зоб как микроэлементов / М.В. Велданова // Медицинский научный и учебно-методический журнал. – 2001. – № 6. – С. 150–157.
3. Карулин, Д.М. Геологическое строение и полезные ископаемые: География Белоруссии / Д.М. Карулин. – Минск, 1977. – С. 8–23.
4. Автушко, М.И. О геохимических аспектах проблемы йодной недостаточности: материалы VI Международной научно-практической конференции «Экологические проблемы Полесья и сопредельных территорий» / М.И. Автушко. – Гомель, 2004. – С. 10–11.
5. Смян, М.И. Атлас: почвы и земельные ресурсы / М.И. Смян, Г.С. Цитрон, Л.И. Шибут. – Минск, 2002. – С. 2–4.
6. Лисовский, Л.А. Природа родного края. Гомельская область / Л.А. Лисовский. – Мозырь: ТАА ВД «Белый Ветер», 2004. – С. 170.

Summary

The territory of Gomel region is not even in the iodine distribution in the environment. A number of administrative regions are situated on the territories able cause iodine deficiency and a prominent risk of the development of iodine deficiency diseases (IDD) among the population and that must be taken into consideration while adding correcting amounts of iodine into the population nutritional allowance.

- 1 iodine deficiency – йодная недостаточность
- 2 iodine distribution – содержание йода
- 3 nutritional allowance – рацион питания

Поступила в редакцию 03.03.05.

ГІСТОРЫЯ

УДК 39(476)

*И.В. Олюнина***ПОЛЕССКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ЮЗЕФА ОБРЕМЬСКОГО (1934-1937 гг.)
И ТРАДИЦИЯ ИЗУЧЕНИЯ БЕЛОРУССКОГО ПОЛЕСЬЯ**

Авторы, писавшие о Полесье в последние десятилетия XIX и в начале XX века, нередко указывали, что в смысле этнографического познания этот край является почти «terra incognita», что он менее изучен, чем многие экзотические глубинки африканского континента. И хотя ныне подобного уже не скажешь, все же этнографические исследования Полесья остаются актуальной задачей нашей науки. Этнографическая специфика Полесья состоит, главным образом, в том, что его центральное положение на стыке трех восточнославянских этносов – то есть на славянском пограничье – обусловило особенно оживленные и интенсивные в этой зоне межэтнические взаимосвязи и взаимовлияния. В то же время в ней вплоть до наших дней хорошо сохранились многие реликтовые формы и элементы традиционной народной культуры. Необходимо отметить, что последние годы тема «пограничья», как территориального, так и культурного, в европейской науке является одной из наиболее значимых и актуальных. Такие пограничные регионы на протяжении продолжительного времени накапливают культурный и социальный опыт нескольких традиций. Они консервируют этот опыт и вырабатывают собственную манеру взаимодействия с внешним миром. Любые изменения социального, экономического, культурного планов наталкиваются на противодействие и проходят с большим трудом, приобретая при этом неповторимую специфику, когда к прежним традициям добавляются новые, не способные вытеснить первые. Полесье являет собой яркий пример такого пограничья, в котором сочетались культурные традиции православного Востока и католического Запада. Опыт изучения столь богатого в культурном отношении и неоднородного пограничного региона не теряет своей значимости и в наши дни, так как процессы модернизации, а также поглощения и создания культурно-территориальных «пограничий» проходят до сих пор.

Этнографическое изучение белорусов началось в середине XIX в. В 1864 г. при Московском Университете было создано Товарищество любителей природоведения, антропологии и этнографии, которое содействовало развитию краеведческой работы в Беларуси. Одним из результатов его деятельности стало издание в 1882 г. известной многотомной работы «Живописная Россия». Адам Киркор (1818–1886), историк, археолог, краевед, родившийся в Могилевской губернии и долгое время работавший в губернской статистической комиссии Вильно, посвятил один из томов Белорусскому Полесью. Он создал детальное описание природы, истории городов и местечек, жилища, еды, быта, одежды полешуков. «Жизнь этих людей, обреченных на вечную борьбу с природой и умеющих, однако, побеждать те жизненные препоны и затруднения, которые им ставит на пути эта природа, должна была сложиться иначе, нежели у их соседей. Она выработала особые черты, взгляды, понятия, выработала без всякого влияния науки, школы, даже живого слова, доходящего до слуха полешука только в исключительных случаях» [1, 345]. В 1867 г. в Вильно был основан Северо-Западный отдел Русского Географического Товарищества (основанного в 1847 г.), который стал новым центром по этнографическому изучению Беларуси. Здесь группировались новые этнографические силы, любители и профессионалы, а позже стал издаваться журнал «Записки Северо-Западного отдела Русского географического общества». В 1864 г. Р.Ф. Эркертом был издан первый этнографический атлас Беларуси, состоявший из шести карт, показывающий территорию расселения разных народов, а также книга «Взгляд на историю и этнографию западных губерний России». П.В. Шейн в 1867 г. разработал программу сбора фольклорно-этнографических материалов и разослал по всей Беларуси. П.М. Шпилевский (1827–1861) создал фундаментальные работы по этнографии Беларуси. В своих литературно-краеведческих очерках «Путешествие по Полесью и Белорусскому краю» (1853–1854 гг.) он живыми, колоритными красками нарисовал картину самобытной культуры местного населения. Более того, именно он впервые отметил, что полешуки являются особой этнической группой [2, 87]. Огромный вклад в этнографическое изучение Беларуси внесли Е. Романов, Е. Карский, Н. Никифоровский, А. Богданович, М. Довнар-Запольский, А. Пыпин, М. Янчук, А. Харузин, И. Сербов и др. Итогом их работы стали весьма информативные исследования традиционной народной культуры.

Невозможно представить изучение Полесья того времени без польских исследователей, которые много времени прожили на территории пограничья и были связаны с Полесьем очень глубоко. Это, прежде всего, известный этнограф, фольклорист, этномузыковед Оскар Кольберг. Один из томов 33-томного собрания его сочинений полностью посвящен Полесью. М. Федоровский, З. Глогер, К. Мошинский, Ч. Петкевич также внесли огромный вклад в изучение этнической истории белорусов вообще и Полесья в частности.

Начало XX века было ознаменовано выходом в свет крупнейшего труда Е. Карского «Беларусы». Эта работа явилась своеобразным подведением итогов того, что было сделано в белорусской лингвистике, славистике и этнографии. А сделано было немало, и многие из этих исследований были связаны с Полесьем – это этнографические очерки Д. Булгаковского, И. Жылинского, Ю. Крашевского, В. Маракуева, З. Радченко, В. Чубинского, И. Эремича и др. Одно из самых почетных мест в этой плеяде исследователей Полесья занимает А.К. Сержпутовский. Собранные им в результате многолетней экспедиционно-поисковой работы материалы отличаются высокой информативностью и свидетельствуют о глубоком знании народной жизни. Одна из самых известных его работ – «Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў» [3, 57]. Несомненный интерес также представляют «Поездки по Полесью 1911 и 1912 гг.» И.А. Сербова. Работы этих исследователей, собранный ими богатый фактографический материал стали основой этнологической науки.

К началу 30-х годов изучение традиционной культуры в Беларуси было практически остановлено и возобновилось только в 60-е годы, когда появились работы М. Гринблата, И. Браима, Г. Курилович, А. Лакотки, М. Романюка, В. Титова, В. Бондарчика и др. Одной из наиболее серьезных обобщающих работ по истории и культуре Полесья второй половины 80-х гг. является двухтомная монография «Полесье. Материальная и духовная культура». Она создана белорусскими и украинскими учеными и является первой попыткой комплексной историко-этнографической характеристики Полесья, в составе, главным образом, его украинской и белорусской частей [4, 3]. Сравнительному исследованию традиционной культуры белорусов, украинцев и русских посвящена и коллективная монография «Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры» (1987 г.), и книга Д. Зеленина «Восточнославянская этнография» (1991 г., первое издание – Лейпциг, 1927 г.)

Каково же место Юзефа Обрембского среди исследователей этого края, в чем уникальность его труда? Прежде всего в том, что – необходимо особенно это подчеркнуть – он первым среди польских этнологов провел профессиональную многолетнюю стационарную экспедицию на территории Белорусского Полесья. Она была заказана и профинансирована Институтом исследований национальных проблем (*Instytut Badań Spraw Narodowościowych*), а также Комиссией научных исследований восточных земель (*Komisja Naukowych Badań Ziemi Wschodnich*). Проводилась она в течение 4 лет – с апреля 1934 г. по сентябрь 1936 г. Обрембский ощущал себя свободно и компетентно в восточнославянской среде, знал языки, необходимые для исследования. Он посетил множество деревень на Полесье, в которые отправлялся обычно со своими коллегами – Зигмунтом Корибутяком, Станиславом Двораковским и Стефаном Новаковским, а также студентами научного кружка социологов Познаньского университета. Посетили они десятки мест, больше всего материалов было собрано в Кобринском, Косовском, Лунинецком, Пинском и Столинском поветах Полесского воеводства, а также Кастопольском, Ковельском и Сарненском поветах Волынского воеводства [5, 25].

Центр стационарной экспедиции находился в деревне Ольмяны Столинского повета. «І сёння яшчэ на Беларусі захавалася колькі вёсак, нядаўняя “адарванасць” якіх ад “вялікага” свету паспрыяла местачкоўцам зберагчы сваю мову. Да ліку апошніх адносіцца вёска Альмяны, якая ажно да пачатку васьмідзесятых гадоў увогуле была адрана ад усяго свету. Галоўным транспартным сродкам там была лодка, а зімою – сані» [6, 57]. Именно материалы, собранные в Ольмянах, стали основой двух машинописных книг о Полесье – «Архаическое Полесье» и «Школа на Полесье». Сотрудниками Обрембского были в основном непрофессионалы. Он сам писал в отчете о проведенных исследованиях, что именно это было главной проблемой: нехватка профессиональных сил. Теоретические и методологические основы исследования базировались на принципах функционализма Бронислава Малиновского, гуманистической социологии Флориана Знанецкого и сформулированной его учеником, Станиславом Орсиением-Розенбергом, теории дезинтеграции и реинтеграции культуры деревни [7, 20].

Для Обрембского, равно как и для Оссовского, Халасиньского и многих других этносоциологов и ученых того времени, очень важным являлось наследие Флориана Знанецкого. Обрембский пользовался его дифференциацией этнических групп, но благодаря тому, что он был не только теоретиком, но и практиком-полевиком, внес собственный весомый вклад в развитие изучения появления и развития наций. Для определения своих исследований на Полесье он использовал термин «социология народных общностей» (*sociologia społeczeństw ludowych*). Знанецкий связывал их появление прежде всего с ролью «передовиков», создающих элиты и культурную среду, к которым постепенно присоединяются и другие социальные группы. Обрембский же исследовал процесс формирования нации «снизу», в котором «передовиками» становились люди-маргиналы. Основной же работой Знанецкого, вдохновившей ученого на исследование полесской деревни, была «Польский крестьянин в Европе и Америке», изданная в соавторстве с Томасом в 5 томах (вышла в Бостоне в 1920 г.) [8, 203]. Эту работу он считал образцом социального анализа и впервые среди польских этнологов осуществил продекларированный в ней принцип наблюдателя-участника, исследователя, разделяющего мысли и чувства тех людей, которых он исследует. Это привело в итоге к созданию новой теории этнической группы, ее новаторскому пониманию.

Другим не менее важным источником стал функционализм Бронислава Малиновского. Его теоретический подход вдохновил Обрембского на поиск способов анализа традиционной народной культуры Полесья – подобно тому, как в македонских работах он трактовал традиционную культуру как целостную, функциональную систему. Наилучшее выражение это нашло в книге «Архаическое Полесье». От Малиновского было взято едва ли не самое важное – методы исследования. Проводя многодневные наблюдения, ученый пользовался разными методами сбора информации: от формального опроса до полной беседы, делая сильный акцент на наблюдении исследуемой общности (позиция исследователя – посредник между «своим» и «чужим», наблюдатель-участник).

И третьей позицией инспирации теоретических основ были работы Станислава Орсини-Розенберга, который занимался процессами дезинтеграции и реинтеграции культуры деревни и сформулировал опорные позиции по распаду (и классификации) этнических групп. Важнейшей находкой и инновацией самого Обрембского стала теория этнической группы и интеграция этнологического метода и социологической теории. Основой этого новаторства являются полевые исследования.

Основной целью исследований было изучение ассимиляции полесской деревни на фоне происходивших в ней культурных и социальных перемен в связи с уменьшением изоляции. Был собран богатый материал, касающийся этнической дифференциации, национальной проблематики, народной культуры и социальной ситуации тогдашнего Полесья. Он включал в себя также наблюдения по следующим проблемным вопросам: объективные и субъективные отличия этнических групп, взаимные стереотипы, религиозные отношения, народные движения в Украине и Беларуси, полонизация, отношение к России – царской и советской, историческая память, отношение к польскому государству и его составляющим (институтам): школа, армия, администрация, полиция, суды, а также – сельскохозяйственный кризис и экономическая ситуация деревни. Материалы были собраны и по традиционной народной культуре (фольклорные тексты, верования, магия), патриархальной семье и ее распаду и переменам внутри деревни (исчезновение прежних связей и ценностей, новые образцы поведения – особенно среди молодежи), положению женщины, знахарству и мн. др.

Исследования на Полесье очень отличаются от предшествовавших им исследований в македонских экспедициях: и в методологии, и в теории. Во-первых, абсолютно другими были условия – Полесье было в значительно меньшей степени изолировано и не так архаично, как македонские деревни. Поэтому Обрембский сконцентрировался на национальной проблематике и пришел к выводу, что ситуация на Полесье уникальна с точки зрения социологии нации: его жители находятся между двумя полюсами – они уже не находятся в архаичной народной культуре, но еще и находятся в национальной. Обрембский был убежден: именно потому, что Полесье находилось в такой «преднациональной» фазе, оно имеет огромную теоретическую важность для социологии наций. Наиболее оригинальным его вкладом в развитие этой дисциплины стала теория этнической группы.

Этническая группа (в современном употреблении – скорее, этнографическая, территориальная или региональная) – в понимании Обрембского – это не объективное явление, которое можно

описывать энциклопедическим способом, ограничиваясь регистрацией языковых, культурных, этнографических и других черт. Напротив, он понимал этническую группу как явление субъективной природы, находящееся в зависимости от сознания его членов, от их ощущения чуждости, принадлежности, идентичности; определял ее как «воображаемую группу» (нельзя не вспомнить здесь современную теорию Бенедикт Андерсон) и понимал как динамичное явление, изменяющееся в многообразном окружающем мире [9, 26]. Анализируя явление этнической группы, использовал структурный подход: искал оппозиции и отличительные черты, причем базовой стала, по его мнению, оппозиция «свой-чужой». Социальное же значение, как отмечал ученый, имеют только некоторые черты группы, которые создают ее образ – стереотип [10].

Следующим результатом стало описание этнической структуры Полесья – деление населения на группы, которые выделяло оно само. За основу такого деления Обрембский взял критерии и понятия жителей, прежде всего, языковые отличия и отличия в самоназваниях и названиях соседних групп. Это деление (центр Обрембский размещал на юг и северо-запад от линии Припяти) было позднее подтверждено ономастическими исследованиями белорусских ученых.

Изучение этнической структуры Полесья привело к интересным выводам – деление на этнические группы – факт субъективный и динамический, а именно: границы Полесья не удавалось объективно определить. Население его центральной части размещало их совершенно в другом месте, нежели жители соседних районов, последние передвигали границы в глубь края. Подобное явление наблюдалось и с понятием «полешук»: на окраинах Полесья понятие «полешук» функционировало как негативный стереотип, как обозначение темного, примитивного человека и потому относилось к другим группам, которые находились в глубине полесской территории. В свою очередь, в глубине Полесья этот стереотип исчезал и утрачивал негативную эмоциональную окраску, а слово «полешук» становилось нейтральным названием жителя региона.

Обрембский по большей части встречался с явлениями разрушения традиционной культуры, документировал приметы распада этнической группы, народной общности на Полесье. Он считал их начальными фазами процесса формирования нации. Ее приметы он находил в таких проявлениях, как распад традиционной семьи, освобождение молодого поколения из-под давления авторитета родителей, исчезновение института взаимопомощи в деревенской общине, семейные и соседские конфликты, культ новых гедонистических ценностей и «панских» примеров польского общества, стремление к выходу из своего окружения, к социальному прогрессу, ассимиляции с соседними народами. «Старое» еще существовало, но одновременно начинало функционировать «новое». Адекватной характеристикой культуры Полесья того времени ученый признал лаконичную формулу «*мозаика архаизмов и инноваций*». Именно стремление жителей Полесья улучшить свой быт и повысить свой статус выразительно свидетельствовали о том, насколько неадекватным является главенствующий повсюду стереотип отсталого и инертного по отношению к переменам полешука. Уникальность экспедиции Ю. Обрембского прежде всего в том, что ее результаты способствовали разрушению этого стереотипа.

Экспедиция Юзефа Обрембского на Полесье так же, как и статьи и монографии, стали первым этносоциологическим исследованием, проведенным ответственно и профессионально. Особенной их ценностью является то, что Полесье было показано сквозь призму двух перспектив: перспективы исследователя, который путем объективного наблюдения и теоретической рефлексии приходит к обобщающим выводам, и субъективной перспективы жителей исследуемого края. Вероятно, до Обрембского никто в такой степени не показал полесского крестьянина во всем многообразии аспектов его жизни, представляя таким образом точку зрения и образ мышления человека, который сам представить этого не мог. До сих пор неоспорим тот факт, что Обрембский был единственным, кто профессионально смог реализовать настолько серьезный проект и при этом заложить основы классических исследований социальных и этнических групп в Польше [11, 11].

Літэратура

1. Киркор, А.К. Живописная Россия. Литовское и Белорусское Полесье. Репринтное воспроизведение издания 1882 г. / А.К. Киркор. – Минск: Беларуская Энциклапедыя, 1994. – 550 с.
2. Терешкович, П.В. Этническая история Беларуси XIX – нач. XX вв. в контексте Центрально-Восточной Европы / П.В. Терешкович. – Минск: БГУ, 2004. – 223 с.
3. Беларусы. Гісторыя этналагічнага вывучэння. – Минск: Бел. навука, 1999. – Т. 3. – 365 с.

4. Полесье. Материальная культура / В.К. Бондарчик [и др.]. – Киев: Наук. думка, 1988. – 448 с.
5. Engelking, A. Poleska ekspedycja etnosocjologiczna Józefa Obrebskiego w latach 1934–1937. Organizacja. Metody badań. Problematyka. Uczestnicy / A. Engelking // Etnografia Polska. – Warszawa, 2001. – Т XLV, z. 1–2. – S. 23–45.
6. Барысюк, У.У. З гаворкі вёскі Альманы Столінскага раёна / У.У. Барысюк, Н.М. Буяк // Рэгіянальныя асаблівасці берасцейска-пінскага Палесся ў мове, фальклору і літаратуры: матэрыялы рэспубліканскай навуковай канферэнцыі. 9–10 лістапада 1994 г. – Брэст: Брэстдзяржпедінстытут. – 1994. – С. 57–59.
7. Engelking, A. Józef Obrębski. Szkic do portretu w stulecie urodzin / A. Engelking; Józef Obrębski, Dzisiejsi ludzie Polesia i inne eseje (przygotowanie do druku i przedmowa Anna Engelking). – Warszawa: IFiS PAN, 2005. – S. 9–24.
8. Znaniecka-Lopata, H. Znaniecki. A Sociologist of Two Worlds / H. Znaniecka-Lopata, W. Florian // Mirrors and Windows. Essays in the History of Sociology. – Toruń: Nikolas Copernicus University Press, 2001. – S. 199–207.
9. Brenz, A. Wielkopolska jako region etnograficzny / A. Brenz. – Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 1996. – 211 с.
10. Полевые заметки Юзефа Обрембского в архиве «Obrebski Collection». Special Collections and Archives. W. E. B. Du Bois Library // University of Massachusetts; Amherst; Massachusetts; USA.
11. Mach, Z., Paluch, A. Wstęp / Z. Mach, A. Paluch; Sytuacja mniejszościowa i tożsamość. Zeszyty naukowe UJ. Prace socjologiczne. Z. 15. Pod redakcją Zdzisława Macha i Andrzeja K. Palucha. – Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1992. – 172 с.

Summary

The article deals with the scientific heritage of a Polish anthropologist Josef Obrebski, who conducted fieldworks on the territories of the Eastern Balkans, Polesye and Jamaica. The period of 1934–1937s is highlighted here, as the expedition to Polesye is practically an unknown episode of Polish scientists' researches of Belarusian territories. The result of the researches were introduced into scientific use in the Belarusian historiography for the first time.

Поступила в редакцию 14.03.06.

УДК 947.6

А.М. Сувалаў

ЭТНАСТАТЫСТЫЧНАЕ ВІВУЧЭННЕ БЕЛАРУСАЎ У XIX – ПАЧАТКУ XX ст.

XIX стагоддзе ў плане навуковага вивучэння беларускага рэгіёна займае асобае месца. Апрача таго, што XIX стагоддзе – гэта час «славянскага адраджэння», час, калі пад уплывам ідэй рамантызму вучоныя звяртаюцца да мінулага свайго народа праз вивучэнне, перш за ўсё, вуснапаэтычнай творчасці, у гэты перыяд адбываецца станаўленне сучаснай гістарычнай навукі. У першай палове XIX ст. вызначаюцца навуковыя падыходы да праблемы беларускага этнаса. Гістарычная навука за XIX – пачатак XX ст. прайшла шлях ад ігнаравання факта існавання беларусаў як асобнага народа да прызнання яго самастойнасці і комплекснага навуковага вивучэння беларускага этнаса [1].

Паралельна з фарміраваннем усведамлення самастойнасці беларускага этнасу ставіцца пытанне аб крытэрыях, згодна з якімі можна этнічна ідэнтыфікаваць насельніцтва тагачаснай заходняй часткі Еўрапейскай Расіі, а таксама вызначыць межы распаўсюджвання беларусаў і іх колькасць.

Сітуацыю ўскладнялі бытаваўшыя на той час у гістарычнай навуцы велікарускай і польскай канцэпцыі, якія насілі адкрыта рэакцыйны характар і былі досыць далёкімі ад навуковасці. Іх паходжанне і далейшае развіццё ўказваюць, што галоўная падстава іх фарміравання, працягла існавання і панавання на працягу XIX – пачатку XX ст. ляжала ў вобласці пануючых у той час палітычных ідэалогій велікарускага і польскага нацыянальных рухаў, барацьбе апошніх за

«спрэчны» беларускі рэгіён [2]. Захаванню падобнай сітуацыі спрыяла яшчэ і тое, што, нягледзячы на зацікаўленасць кожнага з удзельнікаў палемікі навукова абгрунтаваць свае прэтэнзіі на рэгіён, уласна навуковых распрацовак было катастрофічна мала. Для навуковай грамадскасці Беларусь на працягу ўсяго разглядаемага часу заставалася своеасаблівай «тэра інкогніта».

Імкненне запоўніць «белыя плямы» стымулявала зварот да беларускай праблематыкі людзей, не падрыхтаваных належным чынам для ўласна навуковых даследванняў. Так, у 1837 годзе знакаміты А. Міцкевіч у Парыжы чытаў лекцыі пра славянскія літаратуры, у якіх даваў характарыстыку і беларускай мове. У прыватнасці, ён выдзяляў тры мовы на абшарах Усходняй Еўропы: маларускую, беларускую і велікарускую [3, 325–326]. Не спасылаючыся на канкрэтныя крыніцы, Міцкевіч сцвярджаў, што беларусы налічвалі каля 10 мільёнаў чалавек. Моваю маларусаў (украінцаў) карысталася, на яго погляд, каля 10 мільёнаў чалавек. У той жа час лічбавыя паказчыкі па велікарусах таксама падаваліся ім у памеры 10 мільёнаў (з ліку насельніцтва, якая карыстаецца велікарускай мовай, ён выкрэсліваў тых, хто гаворыць на «фінска-маскоўскім» дыялекце). Зразумела, што ў гэтай частцы падыход знакамітага паэта трэба звязваць не столькі з яго навуковымі пазіцыямі, колькі з палітычнымі перакананнямі і ідэалагічнымі ўстаноўкамі (асабліва ўлічваючы яго тагачасную палітычную дзейнасць і агульныя настроі польскай і прапольска настроенай эміграцыі перыяду паміж двума нацыянальна-вызваленчымі паўстаннямі 1830–1831 гг. і 1863–1864 гг.). Адсутнасць спасылак і вялікая ступень прыблізнасці падлікаў сведчаць аб публіцыстычнасці гэтых поглядаў.

Першыя сур'ёзныя спробы статыстычных падлікаў славян былі зроблены на пачатку 40-х гг. XIX ст. у знакамітым даследванні П. Шафарыка «Slovansky Narodopis» [4]. Ім былі сабраны падрабязныя статыстычныя даныя для размеркавання славян па этнаграфічных, палітычных і рэлігійных крытэрыях. Працяглы час падлікі Шафарыка лічыліся ўзорнымі і іх разглядалі як найбольш адпаведныя, нягледзячы на тое, што апошні не спасылаўся на крыніцы, на падставе якіх былі зроблены яго падлікі [5, 3]. На жаль, гэты момант не дазваляе правесці ступень іх адпаведнасці (рэпрэзэнтацыйнасці). Тым больш, што нават напрыканцы 50-х гг. XIX ст. ні ў аднай цэнтральнай установе Расійскай імперыі не мелася дакладных звестак па статыстыцы і этнаграфіі заходніх губерняў [6, С. XV]. Праўда, у 1837–1854 гг. Генеральны штаб Расійскай імперыі праводзіў статыстычныя работы, якія сталі асноваю трох выданняў, падрыхтаваных выключна для ваенных мэт. Затым той жа Генштаб стаў ініцыятарам падрыхтоўкі і апублікавання зборнікаў серыі «Матэрыялы для географіі і статыстыкі Расіі, зібраныя афіцэрамі Генеральнага штаба». Асобныя выданні серыі не страцілі свайго навуковага значэння нават у наш час і паспрыялі станаўленню навуковых падыходаў да вывучэння беларусаў. Найбольш цікавыя матэрыялы змешчаны ў даследваннях Гродзенскай губерніі генерала П. Баброўскага і Чарнігаўскай губерніі М. Дамановіча [7]. Розніца ў сістэме падлікаў, у крытэрыях этнічнага вызначэння насельніцтва не дазваляе на цяперашні час супаставіць дадзеныя П. Баброўскага, М. Дамановіча і іншых аўтараў «Матэрыялаў».

Наступнай маштабнай спробай статыстычнага вывучэння славян стала даследванне А.С. Будзіловіча, які ў 1875 годзе апублікаваў табліцы размеркавання славян па дзяржавах, народнасцях, веравызнанні і мовах. Указаныя табліцы складалі дадатак да этнаграфічнай карты славянскіх народаў М.Ф. Мірковіча [5]. Традыцыйна для расійскай, ды і для славянскай гістарыяграфіі ўвогуле было характэрна аб'ядноўваць усіх усходніх славян (велікарусаў, украінцаў і беларусаў), якія на той час, апроча Расійскай імперыі, пражывалі ў Прусіі, Аўстра-Венгрыі, Румыніі і Турцыі пад агульным этнонімам «рускія» [5; 4, 5]. Абагульненне ўсходніх славян пад агульным этнонімам пазбаўляе нас магчымасці лакалізаваць рэгіёны распаўсюджвання ўласна беларускага народа на той час. Гэты ж момант ускладняе і лакалізацыю рэгіёнаў распаўсюджвання розных плыняў хрысціянства ва Усходняй Еўропе. Разам з дамінуючым праваслаўем (больш за 54,5 млн. чалавек) А. Будзіловіч выдзяляў раскольнікаў (каля 3,07 млн. чалавек), уніятаў (3,1 млн.) і каталікоў (0,5 млн.) [5, 5]. На жаль, ён прама не ўказаў этнічную прыналежнасць прадстаўнікоў той ці іншай канфесіі. Калі пад праваслаўнымі і раскольнікамі на той час разумелі амаль выключна прадстаўнікоў уласна рускага (велікарускага) народа, то пад каталікамі, як правіла, разумеліся палякі. Гэтая акалічнасць стала прычынай таго, што праваслаўныя беларусы залічваліся да рускіх, а беларусы-каталікі – адпаведна да палякаў. Напрыклад, карты Р.Ф. Эркерта і А. Рыціха падзялялі славянскае насельніцтва ў плане іх этнічнай прыналежнасці, кіруючыся крытэрыем веравызнання [8]. Для сярэдзіны XIX ст. такі крытэрыі падзелу выглядае досыць архаічным. Нават самі складальнікі карт бачылі і разумелі недакладнасць абранага імі крытэрыя і нават ўказвалі на неадпаведнасць этнічных і канфесійных меж у беларускім рэгіёне. На гэта

ўказаў той жа Р. Эркерт, зазначаючы, што калі ў лік беларусаў уключаць і беларусаў-каталікоў, то колькасць беларускага насельніцтва значна павялічыцца [9; 7, 6]. Лепш гэтую сітуацыю ўсведамлялі мясцовыя даследчыкі, якія выступалі з крытычнымі заўвагамі адносна ўжывання падобнага прынцыпу размежавання насельніцтва ў навуковых даследаваннях [10]. Тым не менш, А.С. Будзіловіч не акцэнтаваў увагі на этнічнай ідэнтыфікацыі прадстаўнікоў розных хрысціянскіх канфесій еўрапейскай часткі Расіі, што не дае магчымасці вызначыць стаўленне аўтара да гэтай праблемы. Больш цікава, што аўтар, на падставе падлікаў таго ж А. Рыціха, у ліку «рускага насельніцтва» (па Рыціху яго складала 57,9 млн. чалавек) выдзяляе 14 168 288 маларусаў (украінцаў) і 3 488 600 беларусаў [5, 6].

Комплексны падыход да праблемы стаў магчымы, дзякуючы даследаванням, перш за ўсё, Я.Ф. Карскага. Будучы акадэмік набыў вядомасць, дзякуючы, у першую чаргу, сваім працам па беларусазнаўстве. Яго манументальная праца «Беларусы» стала свайго роду энцыклапедыяй беларускага этнасу. Менавіта Я.Ф. Карскаму належыць гонар аўтарства першай навуковай канцэпцыі этнагенезу беларусаў, у якой была даказана не толькі этнічная самастойнасць беларусаў, вызначаны асноўныя этапы станаўлення беларускага этнасу, але і вызначаны этнічныя межы распаўсюджвання беларусаў [11]. Фарміраванне новага падыходу звязана з цэлым шэрагам фактараў. Сярод апошніх дамінуючае месца займалі ідэалогія (у дадзеным выпадку ўласна нацыянальна беларуская, што ўжо больш рэльефна афармлялася напрыканцы XIX ст. у самастойную плынь), а таксама тое, што быў назапашаны значны фактычны матэрыял, аб'ектыўнае вывучэнне якога не ўкладвалася ў існаваўшыя схемы велікарускай і польскай канцэпцый.

Для нашага разгляду істотна, што пазіцыі Я.Ф. Карскага грунтаваліся на комплексным аналізе матэрыялу. У першую чаргу Карскі, як філолаг, надаваў перавагу даследаванню мовы. Крытэрыі мовы быў пакладзены ў якасці аднаго з галоўных пры правядзенні этнічнай ідэнтыфікацыі насельніцтва Беларусі. На аснове яго была складзена этнаграфічная карта беларускага народа Я.Ф. Карскага [12]. Аналагічна была пабудавана і карта, складзеная Маскоўскай дыялекталагічнай камісіяй на чале з Д. Ушаковым [13].

У 1897 годзе быў праведзены першы агульнарасійскі перапіс насельніцтва. Існуюць розныя, часта даволі супярэчлівыя, ацэнкі адносна задач, што ставіліся вышэйшымі кіруючымі коламі царскай Расіі перад чыноўнікамі, якія праводзілі ўказанае мерапрыемства, а таксама ступені рэпрэзентатыўнасці атрыманых вынікаў. Не ўступаючы ў палеміку па гэтай праблеме, заўважым, што матэрыялы перапісу адны з найбольш дакладных для свайго часу і вартых навуковага даверу. Згодна з метадыкай правядзення перапісу, усходнеславянскае насельніцтва не проста агулам аб'ядноўвалася ў «рускіх», а рабіўся яшчэ падзел і яго на аснове родной мовы, што надало гэтым лічбам навуковую вагу. Згодна з перапісам, беларусамі сябе ідэнтыфікавалі 5 885 547 чалавек, што складала 7,01% ад колькасці ўсіх уходніх славян. Для нашага разгляду істотна, што сістэма падліку, па-першае, адышла ад традыцыйнага і даволі далёкага нават ад тагачаснай навукі метаду абагульнення ўсіх усходніх славян пад агульным этнонімам, вылучыўшы сярод «рускіх» і ўласна беларусаў; па-другое, падзел усходніх славян праводзіўся на аснове шэрагу крытэрыяў, першым сярод якіх выступала мова; па-трэцяе, падлік насельніцтва быў праведзены ў агульнарасійскім маштабе, а не на аснове падлікаў паасобных аўтараў, якія часта выкарыстоўвалі несупаставімыя паміж сабою крытэрыі.

Нягледзячы на значныя змены ў плане вывучэння беларускага рэгіёну і ўласна беларусаў, на тое, што этнас беларускі ў навуцы прызнаваўся як самастойны, што былі вызначаны этнічныя прыкметы і асаблівасці гэтага этнаса, тым не менш дасведчанасць большасці славянскіх вучоных адносна беларускаў і на пачатку XX стагоддзя выглядае даволі сціпла. Калі айчынным даследчыкі, апрача прызнання факта існавання асобнага самастойнага беларускага этнасу, вызначалі межы і колькасны склад беларусаў на той час (на пачатак Першай сусветнай вайны каля 8 мільёнаў) [14, 13], то прадстаўнікі рускай і ўкраінскай гістарычнай навукі, як правіла, абмяжоўваліся толькі агульнымі заўвагамі на гэты конт. Так, Д. Дарашэнка напачатку XX ст. толькі ўказаў, што беларусы – адзін з першых па ліку ў сям'і славянскіх народаў [15, 3]. І. Шалепін указаваў толькі агульную лічбу беларусаў разам з украінцамі (13 мільёнаў чалавек) [16, 3]. Некаторыя ж наогул абміналі гэту праблему [17].

Такім чынам, можна падвесці наступныя высновы. На пачатку XIX ст. Беларусь уяўляла сабою слаба даследаваны рэгіён, які, ў сілу перш за ўсё, палітычных прычын стаў аб'ектам вывучэння. Вынікам стала тое, што пры адсутнасці навуковых распрацовак і пры наяўнасці палітычнай і ідэалагічнай зададзенасці ўзнікаюць і афармляюцца два рэакцыйныя і далёкія ад навуковасці падыходы – велікаруская і польская канцэпцыі этнагенезу беларусаў. Указаныя

канцэпцыі ў роўнай ступені адмаўлялі беларусам у праве на нацыянальную самастойнасць, што паспрыяла захаванню сітуацыі, пры якой навуковага даследвання ўласна Беларусі і беларусаў (адпаведна як асобнага рэгіёна і асобнага народа) не праводзілася. Нават на сярэдзіну XIX ст. ні адна цэнтральная ўстанова Расійскай імперыі не мела дакладных статыстычных дадзеных па Беларусі. Намаганні нешматлікіх даследчыкаў рэгіёна не каардынаваліся нейкім пэўным навуковым цэнтрам, не насілі, як правіла, сістэмнага характару і, як вынік, мелі значэнне паасабных эмпірычных матэрыялаў. Фактычна можна канстатаваць слабадаследаванасць беларускага рэгіёна і нераспрацаванасць этнавызначальных крытэрыяў у дачыненні да беларусаў нават на сярэдзіну XIX ст. Павольнае, але ўсё ж такі паступовае назапашванне фактычнага матэрыялу прыводзіла да таго, што тыя ці іншыя вучоныя прыходзілі да разумення вузкасці, схематычнасці і проста неадпаведнасці польскай і велікарускай (з яе «заходнерускай» разнавіднасцю) канцэпцый. Пошук новых крытэрыяў і падыходаў прывёў навукоўцаў да разумення неадпаведнасці аднясення насельніцтва Беларусі да таго ці іншага народа выключна на аснове веравызнання. З сярэдзіны XIX ст. замацоўваецца разуменне, што ў дачыненні да беларусаў пануючым павінен выступаць крытэрыі мовы насельніцтва. Працягваецца традыцыя залічэння беларусаў, як і ўкраінцаў, у лік «рускіх», але калі раней пад гэтым паняццем даследчыкі разумелі адзіны народ (з наяўнасцю тых ці іншых этнаграфічных адрозненняў пэўнага рэгіёна), то цяпер замацоўваецца разуменне, што «рускія» – гэта велікарусы, украінцы і беларусы, што паміж імі ёсць не толькі тое, што аб'ядноўвае і злучае гэтыя часткі, але і тое, што падзяляе іх паміж сабою. Ажыццяўляюцца спробы дакладнага вызначэння рэгіёнаў рассялення кожнай часткі рускага народа. Дамінуючым крытэрыем падобнага падзелу на працягу другой паловы XIX і пачатку XX ст. становіцца мова. На аснове мовы састаўляюцца этнічныя карты беларускага этнасу і праводзяцца статыстычныя падлікі. Напрыканцы XIX і пачатку XX ст. да мовы, як этнавызначальнага крытэрыя, даюцца такія, як агульнасць гістарычнага мінулага, агульнасць фальклорна-этнаграфічная, самасвядомасць. Тым не менш, і на пачатак XX ст. беларусы заставаліся малавядомымі ў гістарычнай навуцы, паколькі атрыманыя на той час дадзеныя не былі ўведзены ў шырокі навуковы зварот.

Літаратура

1. Сувалаў, А.М. Станаўленне навуковых поглядаў на беларускі этнас ў славянскай гістарыяграфіі першай паловы XIX ст. / А.М. Сувалаў // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: стан і перспектывы развіцця: матэрыялы II Усебеларускай канферэнцыі гісторыкаў. Мінск, 10–11 красавіка 1997. – Мінск: Выдавецкі цэнтр БДУ, 1999. – С. 97–98.
2. Сувалаў, А.М. Аб уплыве ідэалогіі на вызначэнне этнічнай прыналежнасці беларусаў у даследаваннях XIX – пачатку XX ст. / А.М. Сувалаў // Весці Акадэміі навук Беларусі, серыя гуманітарных навук. – 1996. – № 4. – С. 36–44.
3. Мицкевич, А. Собрание сочинений: в 5 томах / А. Мицкевич. – Т. 4. – М., 1954.
4. Safarik, P.J. Slowansky narodopis / P.J. Safarik. – W Praze, 1842.
5. Будилович, А.С. Статистические талицы распределения славян / А.С. Будилович. – СПб., 1875.
6. Батюшков, И.Н. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края / И.Н. Батюшков. – СПб., 1890.
7. Бобровский, П. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Гродненская губерния / П. Бобровский. – Ч. 1. – СПб., 1863; Домонтович, М.: Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Черниговская губерния / М. Домонтович. – СПб., 1865.
8. Эркерт, Р.Ф. Этнографический атлас западнорусских губерний и соседних областей / Р.Ф. Эркерт. – СПб., 1863; Атлас народонаселения западнорусского края по вероисповеданиям / Риттих А. – СПб., 1864.
9. Эркерт, Р.Ф. Взгляд на историю и этнографию западных губерний России / Р.Ф. Эркерт. – СПб., 1864.
10. Бобровский, П. Можно ли одно вероисповедание принять в основание племенного разграничения славян Западной России? / П. Бобровский // Русский инвалид. – 1864. – № 75, 80; Коялович М. Чтения по истории Западной России / М. Коялович. – СПб., 1884. – С. 25; Сапунов А. Белоруссия и беларусы / А. Сапунов. – Витебск, 1910. – С. 14.

11. Сувалаў, А.М. Карскі як аўтар першай этнагенетычнай канцэпцыі паходжання беларусаў / А.М. Сувалаў, Я.Ф. Акадэмік // Пытанні гісторыі Беларусі: зборнік навуковых арыкулаў. – Мінск, 1998. – С. 6–9.
12. Карский, Е.Ф. К вопросу об этнографической карте белорусского племени / Е.Ф. Карский // Известия отделения русского языка и словесности АН. – 1902. – Т. VII, кн. 3. – С. 219–234; ён жа. Этнографическая карта белорусского племени / Е.Ф. Карский // Белорусы. – Варшава, 1903. – Т. 1
13. Труды Московской Диалектологической комиссии. – М., 1915. – Вып. 5: Опыт диалектологической карты русского языка в Европе.
14. Багдановіч, М. Беларускае адраджэнне / М. Багдановіч. – Мінск, 1994.
15. Дорошенко Д. Білорусі і іх нацыянальнае відроджэння / Д. Дорошенко. – Київ, 1908.
16. Шелепин, И.В. Краткий очерк истории Западной России, Литвы и Польши / И.В. Шелепин. – Вильна, 1901.
17. Антоневиц, Н.И. История Белой Руси и белоруссы / Н.И. Антоневиц. – Львов, 1908.

Summary

The article is devoted to the problem of the elaboration of the scientific criteria of ethnic identification of the Belarussians of the Slavic historiography of the 19 – the beginning of the 20 centuries. The author analyses the degree of authenticity of the criteria in use, and, accordingly, the degree of the representativeness of the statistic data.

Паступіла ў рэдакцыю 21.10.05.

УДК 93 (476)

Д.М. Толочко

МЕРОПРИЯТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПО НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЯХ БССР (СЕНТЯБРЬ 1939–1940 гг.)

В сентябре 1939 г. произошло судьбоносное событие в истории белорусского народа – его воссоединение в единое государство. Оно стало важнейшим шагом на пути создания белорусской государственности. Актуальность темы данной работы связана с тем, что на сегодняшний день в отечественной и зарубежной литературе отсутствуют исследования, в которых основательно изучаются социально-экономические аспекты интеграции Беларуси в период с сентября 1939 по июнь 1941 гг. В то же время в современной отечественной и зарубежной историографии зачастую прослеживается необоснованная критика политики Советской власти в крае.

Исследование темы интеграции белорусского народа имеет особую актуальность сегодня. Так, в последнее десятилетие в странах бывшего соцлагеря наблюдается отчетливое стремление к национальной дезинтеграции. Указанная тенденция вызвана как противоречиями внутри самих государств, так и внешним фактором, который связан, прежде всего, с целенаправленной политикой отдельных «сверхдержав» на искусственное разжигание в них межнациональных и межрегиональных противоречий и конфликтов. Более того, такого рода политика имеет целью не только максимальное ослабление государств, но и в перспективе полную ликвидацию их национального суверенитета. Подобные сценарии осуществляются в тех странах, которые не вписываются в рамки однополярного мира. Для этих целей используются различные методы, в том числе и манипулирование общественным сознанием через подконтрольные средства массовой информации.

В этих условиях важнейшая задача руководства страны и всего белорусского общества в целом состоит в том, чтобы не дать расколоть республику по национальным, региональным или другим признакам, сохранить единство белорусского народа. Это обуславливает важность научного исследования интеграции Беларуси в 1939–1941 гг.

С первых дней существования новой власти перед ней встали разнообразные вопросы, которые требовали немедленного разрешения. В регионе в связи с военными действиями стояли предприятия, не работали магазины, учреждения культуры. В этой связи требовалось обеспечить

население продовольствием, наладить медицинское обслуживание, организовать торговлю, возобновить работу промышленных предприятий и т. д. [1, 9].

Во втором пункте приказа командующего войсками Белорусского фронта М.П. Ковалева об организации Временных управлений на территории Западной Беларуси отмечалось, в частности, следующее: «Приказываю Временным управлениям срочно привести в действие все предприятия и учреждения, которые должны обслуживать население» [2, л. 55]. В соответствии с этим документом 19 сентября 1939 г., например, Барановичское Временное управление издало расширенное постановление, в котором говорилось о запрещении повышения цен на продукты питания, владельцам предприятий предлагалось в срочном порядке запустить их. Временное управление города Гродно 24 сентября 1939 г. созвало специальное совещание владельцев предприятий, магазинов, складов, на котором было предложено немедленно организовать их работу [3, 2].

Результаты подобных мероприятий не замедлили сказаться. Значительная часть промышленных предприятий и учреждений торговли в регионе к началу октября 1939 г. начала исправно функционировать. Так, по сообщению органов НКВД БССР, к 25 сентября 1939 г. в городе Вильно приступили к работе табачная фабрика, маслодельный завод, мельница, скотобойня, кондитерская фабрика, кожевенный завод. В Гродно были пущены в эксплуатацию кожевенный, фанерный, кирпичный и пивоваренные заводы [4, 166]. Однако отдельные Временные управления, в частности, в Ошмянском, Поставском районах, не приняли своевременных мер по организации работы промышленных и торговых предприятий [5, л. 6–7].

Первым этапом на пути национализации промышленных предприятий стала организация на них рабочих комитетов, куда входили передовые рабочие, инженеры. Часть местных инженерных работников оказала значительную помощь в организации производства. Например, инженер целлулоидной фабрики города Гродно сумел уберечь ее от попыток разрушения и, благодаря ему, «все хозяйство фабрики, – отмечалось в донесении органов НКВД БССР, – находится в исправном состоянии» [4, 170]. Рабочие комитеты осуществляли контроль за производством, сбытом продукции, деятельностью владельцев предприятий.

Необходимо отметить, что этот контроль был весьма значительным. Владельцы предприятий являлись собственниками скорее номинально. Они не могли устанавливать цены на произведенную продукцию, увольнять рабочих, регулировать заработную плату и т. д. В этой связи можно привести характерный пример. В городе Белостоке часть собственников предприятий начали осуществлять продажу выпускаемой продукции рабочему персоналу по относительно невысоким ценам. По этому поводу секретарь ЦК КП(б)Б Н.Г. Грекова на совещании представителей Временных управлений заявила: «Хозяева заводов хотят показать, что они хорошие и разбазаривают рабочим по сниженным ценам текстиль и другую дефицитную продукцию ... Это является недопустимым. Может быть, надо послать наших уполномоченных на эти предприятия ... предупредить хозяйчиков, что если впредь такие случаи будут иметь место, они будут привлечены к высшей мере наказания» [6, л. 47].

Наряду с этим руководство БССР не исключало возможности проведения национализации тех промышленных предприятий и торговых учреждений, владельцы которых бежали либо по каким-то причинам не приступали к работе [7, л. 12]. Значительная часть владельцев предприятий и особенно частных торговцев не торопилась открывать свои промышленные и торговые предприятия в большинстве своем, как отмечали органы НКВД, по причине «боязни прогореть в новой обстановке» [4, 164]. Кроме того, случаи явного саботажа со стороны указанного контингента были также нередким явлением. Например, только в Гродненском уезде к 13 октября 1939 г. из-за отсутствия сырья не работало 9 винокуренных заводов. В то же время, согласно данным органов внутренних дел, владельцы этих предприятий умышленно не производили заготовку сырья. Гродненский стеклозавод также не функционировал на полную мощность. «Хозяин завода объясняет это положением отсутствием необходимых химикатов, в то время как они имеются в большом количестве», – отмечалось в донесении наркома внутренних дел БССР Л.Ф. Цанавы на имя первого секретаря ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко [8, л. 78]. Тем не менее указанные выше попытки саботажа со стороны владельцев предприятий не приобрели массового характера.

Первым официальным документом, в котором говорилось о необходимости проведения национализации банков и крупных промышленных предприятий, стало постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Вопросы Западной Украины и Западной Белоруссии» от 1 октября 1939 г. Согласно этому документу, Народные собрания Западной Украины и Беларуси должны были принять соответствующие решения [9, 79].

В этой связи 5 октября 1939 г. П.К. Пономаренко направил А.А. Жданову свои предложения по поводу национализации промышленных предприятий в регионе. Здесь предлагалось передать в собственность государства все лесопильные предприятия, коммунальные электростанции, типографии, картографические фабрики независимо от их мощности и количества рабочих. Национализации подлежали также крупные мельницы, предприятия текстильной промышленности, которые имели механическую силу не менее 20 л. с. и не менее 40 человек рабочих [10, л. 212–214]. По-видимому, руководство страны одобрило эти предложения, так как они без всяких изменений легли в основу постановления бюро ЦК КП(б)Б от 14 октября 1940 г. «О национализации крупных промышленных предприятий Западной Белоруссии». Затем это постановление, как и предусматривалось решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 1 октября 1939 г., получило юридическое оформление в принятой Народным собранием Западной Беларуси «Декларации о национализации банков и крупной промышленности».

Через 12 дней после окончания работы Народного собрания, т. е. 11 ноября 1939 г., бюро ЦК КП(б)Б постановило национализировать все предприятия текстильной и лесной промышленности вне зависимости от их мощности и численности на них рабочей силы. Для руководства отраслью было решено организовать государственный текстильный трест в городе Белостоке. Затем, согласно решениям бюро ЦК КП(б)Б от 20 ноября 1939 г. и 1–2 декабря 1939 г., в регионе началась национализация всех предприятий полиграфической, металлообрабатывающей, легкой и химической промышленности. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О национализации промышленных предприятий на территории Западной Белоруссии», принятый в декабре 1939 г., юридически закрепил национализацию всех отмеченных выше категорий промышленных предприятий [9, 119–121].

Основная роль в этом процессе отводилась Временным управлениям. Согласно отмеченному выше указу, им вменялось в обязанность создать специальные комиссии численностью от 3-х до 5-ти человек. В их состав должны были войти члены Временных управлений, представители фабрично-заводских комитетов и наркоматов, в ведении которых находилось данное предприятие [9, 120]. Так, 10 ноября 1939 г. Временное управление города Кобрин рассмотрело вопрос «О национализации крупной промышленности в г. Кобрине и уезде». С докладом выступил заведующий промотделом Ганзбург. На заседании было принято решение о национализации Кобринского лесозавода «Кресы» со всем имуществом, принадлежащим заводу, включая и жилье дома. В постановлении предусматривалось осуществить данное мероприятие в течение 10 дней [9, 122–123].

Однако не всегда Временные управления своевременно справлялись с возложенными на них задачами. Например, на заседании Временного управления Кобрин от 10 ноября 1939 г. главным был вопрос о неприятных мер по национализации промышленных предприятий. В частности, шел разговор о необходимости определения конкретного состава лиц, ответственных за национализацию, о сложностях, которые не давали возможности проведения ее в срок [11, 212]. Вместе с тем наблюдались и обратные случаи, когда Временные управления в Западной Беларуси ускоренно национализировали предприятия без всяких на то директив. В этих условиях вышестоящие инстанции настоятельно просили местное руководство проводить национализацию только после принятия соответствующих постановлений, к которым обязательно должна была прилагаться характеристика предприятий [9, 122–123].

Следует отметить, что решения бюро ЦК КП(б)Б о национализации всех предприятий текстильной, лесной, легкой промышленности Западной Беларуси противоречили декларации Народного собрания «О национализации банков и крупной промышленности». В этом документе предлагалось национализировать только крупные предприятия региона. Более того, в конце декабря местные органы власти начинают национализацию предприятий тех отраслей, которые не были предусмотрены постановлениями руководства республики. Имеются в виду небольшие частные мельницы, предприятия пищевой промышленности и т. д.

К февралю 1940 г. процесс национализации промышленности в Западной Беларуси был завершен. В собственность государства перешли не только крупные, но и мелкие предприятия, численность которых не превышала 2–3 рабочих. Только в одной Белостокской области было национализировано 685 предприятий [12, 34], в Брестской – 214 [13, л. 103].

Национализированные предприятия расширялись, переоборудовались, приобретали специализацию. К концу 1940 г. предприятий, в которых насчитывалось менее 5 человек, в регионе фактически не существовало, а с количеством рабочих от 5 до 127 человек осталось только 127. Фабрик и заводов с численностью рабочих от 20 до 100 насчитывалось 157, от 100 до 500 рабочих – 92, от 500 до 1500–16 предприятий [14, 109].

Вместе с тем необходимо отметить, что национализация мелких предприятий, которые производили товары широкого потребления, не привела к ожидаемым результатам. Последние, перейдя в собственность государства, работали зачастую недостаточно эффективно и не могли в полной мере обеспечить потребности населения региона в товарах широкого потребления. В качестве примера можно привести данные о выполнении производственного плана первого квартала 1940 г. по западным областям республики. Предприятия табачной отрасли выпустили продукции только на 73,6% от плана, маслостоловой – 44,6%, кондитерской – 38,1%, хлебопекарной – 45,4% [15, л. 54–55]. Вилейским обкомом на протяжении 1940 г. регулярно заслушивались вопросы развития пищевой и местной промышленности в области. В принятых резолюциях отмечалась совершенно неудовлетворительная работа предприятий данных отраслей. Это было неудивительным: за 1940 г. производственные планы спиртзаводов области, рыбтреста, мясокомбината и других предприятий пищевой и местной промышленности не были выполнены в полном объеме [16, л. 1–4].

Подобная ситуация объяснялась различными причинами: несвоевременным завозом сырья для предприятий региона, отсутствием квалифицированных руководящих кадров и др.

Неудивительно, что в регионе наблюдались значительный рост цен на промышленные товары первой необходимости, нехватка их в свободной продаже, процветала спекуляция. Так, если к началу сентября 1939 г. пара мужских ботинок на рынке стоила порядка 7 рублей, костюм – 25–30, то к середине 1940 г. их цена составила соответственно 100 и 400 рублей [17, л. 48].

Наряду с этим следует подчеркнуть, что национализация крупных и средних предприятий торфодобывающей, лесной, текстильной и др. видов промышленного производства была целиком оправдана. Перейдя в собственность государства, эти предприятия повысили эффективность своей работы. Так, в 1940 г. в западных областях было произведено около 43% всего объема древесины в республике, 49% пиломатериалов, 54% цемента, 98% шерстяных тканей, 32% хромовой и другой мягкой кожи и т. д., удалось практически полностью ликвидировать безработицу, объем валовой продукции увеличился на 195,7% [14, 109].

Таким образом, политика национализации экономики региона начала проводиться уже с первых дней установления здесь Советской власти. Инициатором ее проведения было партийное руководство страны и республики. Центральное место среди осуществленных в сфере экономики мер занимала национализация промышленности. Результаты ее были в целом позитивны: рост объемов производства, ликвидация безработицы. Наряду с этим национализация всех мелких предприятий не всегда оправдана и требовала особых подходов.

Літэратура

1. Ладзеў, У. Ваенныя падзеі ў лесе беларускага народа / У. Ладзеў // Беларускі гістарычны часопіс. – 1999. – № 3. – С. 3–11.
2. Национальный архив Республики Беларусь (далее: НАРБ). – Фонд 4. – Оп. 21. – Д. 1741.
3. Советская Белоруссия. – 1939. – 29 сентября.
4. Polskie podziemie na terenach Zachodniej Ukrainy i Zachodniej Białorusi w latach 1939–1941. – Warszawa – Moskwa: Oficyna Wydawnicza «Rytm», 2001. – 724 s.
5. Государственный архив Минской области (далее: ГАМО). – Ф. 659. – Оп. 1. – Д. 306.
6. НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 21. – Д. 1561.
7. Там же. – Д. 1748.
8. Там же. – Д. 1683.
9. Беларуская нацыя: уз’яднанне. Верасень 1939 г. – чэрвень 1941 г.: зб. дакументаў і матэрыялаў / аўт.-уклад. У.Ф. Ладзеў. – Мінск: Бел. дзярж. ун-т, 2004. – 199 с.
10. НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 21. – Д. 1521.
11. Галімава, Н.П. Да пытання аб развіцці прамысловасці і сельскай гаспадаркі Заходняй Беларусі пасля уз’яднання з БССР / Н.П. Галімава, М.В. Кудзін // Праблемы ўз’яднання Заходняй Беларусі з БССР: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 17–18 верасня 1999 г. / Бел. дзярж. ун-т. – Мінск, 2000. – С. 211–216.
12. Бальшавік Беларусі. – 1940. – № 6.
13. ГАМО. – Ф. 659. – Оп. 1. – Д. 569.

-
14. Палуян, У. Сацыяльна-эканамічныя і культурныя ператварэнні (1939–1950 гг.) / У. Палуян // Назаўседы разам: Да 60-годдзя ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР. – Мінск: Бел Эн. – 1999. – С. 109–115.
 15. НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 21. – Д. 1509.
 16. Там же. – Д. 573.
 17. Там же. – Д. 1940.

Summary

In this article there was studied the question of the Republic western regions industry nationalization in September of 1939–1940. The author came to the conclusion that nationalization favored the industry volume rise, liquidation on unemployment. At the same time nationalization of the small enterprises was not justified in full measure. The latter ones having passed into state property, often worked ineffectively and could not meet the region's requirement in consumer goods.

Поступила в редакцию 25.10.05.

МДПУ ИМ. И.П.ШАМЯКІНСКА

ФІЛАЛОГІЯ

УДК 882.6

С.І. Даніленка

ТОПКА «СКАЛЫ»

Ў ПАТРЫЯТЫЧНАЙ ЛІРЫЦЫ БЕЛАРУСКІХ САВЕЦКІХ ПАЭТАЎ 30-х гг. XX ст.

З першых дзён маладая савецкая дзяржава была вымушана весці зацятую барацьбу за сваё існаванне. І ў гэтых варунках эсхаталагізм, прыналежны камунізму, які абвясціў вайну «старому» свету, прыгнёту і эксплуатацыі дзеля пабудовы «новага» Царства Справядлівасці на зямлі, не мог не адностравацца ў шэрагу ўражлівых метафар, якія ляглі ў падмурак ідэалогіі краіны перамогішага пралетарыяту.

Адразу пасля смерці Леніна ў студзені 1924 г. адбыўся Другі з'езд Саветаў ССРСР, на якім прысутнічалі ўсе найбольш відныя бальшавікі, за выключэннем Льва Троцкага. З жалобнымі прамовамі выступалі Міхаіл Калінін, Надзея Крупская, Грыгорый Зіноўеў. Пасля гэтага надыйшла чарга Сталіна, які прамовіў сваю легендарную «клятву». У выступленні, якое будавалася «*паводле ўзору катэхізіса*», Сталін, згадаўшы «*паломніцтва да труны тав. Леніна*» «*дзiesiąткаў і соцень тысяч працоўных*», пералічыў лепшыя якасці Савецкай улады: моц партыі, дыктатуру пралетарыяту, саюз рабочых і сялян, саюз рэспублік і Камуністычны Інтэрнацыянал. Кожны перыяд ён заключаў клятвай: «*Адыходзячы ад нас, тав. Ленін даваў нам завет захоўваць адзінства нашай партыі як зрэнку вока. Клянёмся табе, тав. Ленін, што мы з гонарам выканаем і гэтую тваю заповедзь*». Адначасова Сталін назваў краіну «*вельчэзным уцёсам*», які непарушна стаіць сярод «*акіяна буржуазных дзяржаў*» [1, 141].

Супрацьпастаўленне непакіснай зямной цвердзі і неабсяжнай воднай прасторы было далёка не выпадковым у вуснах былога тыфліскага семінарыста, бо ў біблейскай традыцыі менавіта вада ўвасабляла смяротную небяспеку для чалавека, пакінутага Богам: «*А я з малітвай маёю да Цябе, Госпадзе; у час добрай зычлівасці, Божа, па вялікай даброці Твайёй, пачуў мяне ў праўдзе ратунку Твайго; <...> хай я вызвалюся ад ненавісьнікаў маіх і ад глыбокіх водаў; хай не пацягне мяне цяжэньне вады, хай не паглыне мяне багна, хай не замкне нада мною прорва пашчы свае*» (Псалтыр 68, 14–16) [2, 763]. Таму менавіта з мора павінен з'явіцца д'ябал у абліччы «зверра», каб зваяваць у часы Апакаліпсіса Божую сілу: «*І стаў я на пяску марскім і ўбачыў зверра, які выходзіў з мора, <...> І разьзявіў ён вусны свае для кляцьбы на Бога, каб клясьці імя Ягонае і жытлішча Ягонае і небажыхароў. І дадзена яму было весці вайну са сьвятымі ...»* (Адкрыцьцё ... 13, 1–7) [2, 1523–1524]. «*Аклян буржуазных дзяржаў*» – у дадзеным кантэксце гэты выраз з'яўляўся надзвычай удалай сталінскай метафарай варожага «д'ябальскага» ахілення «рубіназорнага Іерусаліма», бо, паводле «Адкрыцця ...» Яна Багаслова, «*воды, якія ты бачыў, дзе сядзіць блудадзейка, гэта людзі і народы, і плямёны і роды*» (Адкрыцьцё ... 17, 15) [2, 1528] – народы, скораныя Рымскай імперыяй, «*вялікай блудадзейкай, што сядзіць на водах многіх*» (Адкрыцьцё... 17, 1) [2, 1527]. І народы гэтыя павінны паўстаць супраць рымскага прыгнёту, калі «*яны зьненавідзяць блудадзейку, і спустошаць яе, і аголяць, і плоць яе зьядуць, і спяляць яе ў вагі; таму што Бог паклаў ім на сэрца выканаць волю Ягоную ...»* (Адкрыцьцё... 17, 16–17) [2, 1528]. Вось ён, правобраз наканаванай «сусветнай рэвалюцыі», вайны сусветнага пралетарыяту супраць улад «*буржуазных дзяржаў*», тым больш, што сіла «савецкай скалы» заключаецца, паводле слоў Сталіна, у «*непарушнай падтрымцы з боку рабочых і сялян усяго свету*» [1, 141].

З біблейскіх часоў вада служыла таксама ўвасабленнем зямнога, «гэтага» свету, несправядлівага і недасканалага, з якім кожны сапраўдны хрысціянін прагнуў развітацца, каб злучыцца з Богам у нябёсным Царстве Божым. Таму Хрыстос абяцае зрабіць сваіх апосталаў, рыбакоў мора Галілейскага, «*лаўцамі людзей*» (Паводле Мацьвея ... 4, 19) [2, 1178], якія словам Божым і ўласным прыкладам будуць вызваляць людзей з «мора» грахоўнага зямнога жыцця. Пазней гэтая думка ўвасобілася ў вобразе «карабля» Касцёла, дзе царкоўная арганізацыя паўстала як карабель з праведнікамі ў вірлівым варожым моры, поўным драпежных рыб, што плыве ў порт Збавення (гэсп. Царства Божае) са святым Пятром як стырnavым, айцамі царквы як веслярамі, манаскімі ордэнамі як атрадамі Госпада, з Хрыстом пры мачце і Маці Божай пры ветразях [3, 275]. Падабенства такога «камуністычнага» «карабля ўратавання», «*матросамі*» якога з'яўляюцца

савецкія «паэты», што «пляюць аб людзях і жалезе» і разумеюць паэзію як «барацьбы нашай класавай зброю», малое ў вершы «На варце» (1931) Міхась Чарот: «*Мы паэты – матросы лінкора, // Што плыве да сусветнай прыстані ... // Хай хвалюецца, пеніцца мора, // На варце Кастрычніка выстаім*». І далей паэт гранічна дакладна вызначае канечную мэту карабля, дзе «*сусветная прыстань*» – Камунізм, бальшавіцкі адпаведнік хрысціянскага «порта Збавення», Царства Божага, а мора – зямное жыццё, што пакуль яшчэ не адпавядае высокаму ідэалу: «*Камунізм – наша светлая прыстань, // Мы плывём у хвалях бурных жыцця ... // Кроў у жылах ніколі не выстыне, // Калі ў сэрцы чырвоны сцяг*» [4, 71].

Вобраз «камуністычнага карабля» не знайшоў далейшага пашырэння ў беларускай вершаванай публіцыстыцы тых часоў, бо натуральная для хрысціянства думка пра прынцыповую неадпаведнасць паўсядзённага зямнога жыцця высокаму «нябёснаму» ідэалу была прынцыпова непрымальна для бальшавікоў. Праўда, для дэманстрацыі паступальнасці руху савецкага грамадства па шляху ў Камунізм і правільнасці яго стратэгічнага курса Якуб Колас у вершы «*Каманіну, Молакаву і Слепнёву*» (1934) вызначыў, што «*ленінскі геній*» «*трымае стырно*» «*краіны Совецкай*» [5, 76]. Аднак ужо ў вершы 1936 г. «*Песням Савецкай зямлі*» ён імкнецца спалучыць маласпалучальнае: творчую дынаміку паступальнага руху наперад і маналітную статыку дагматычнай ідэалагічнай узважанасці – увасобіць дзівоснае падабенства «скалы са стырном». Таму: «*Советы*» «*трымаюць стырно*» «*маналітнай краіны*» [5, 108].

Метафара карабля здаўна вельмі цесна стасуецца з метафарай святога вострава-скалы, які «*так жа пануе над бяспарнавым непрыязным морам, так жа атчоны крыкам, рыкам, гукам знешняга свету*» [3, 276]. Востраў – гэта ўпарадкаваны і бяспечны для чалавека «*Космас у зменшаным выглядзе, поўны і дасканалы, са сканцэнтраванай культавай каштоўнасцю*» [3, 483]. Таму Сталін і скарыстоўвае менавіта вобраз вострава-скалы сярод варожага мора, бо карабель з'яўляецца толькі дастаткова небяспечным ва ўсіх адносінах сродкам дасягнення мэты, а востраў – сама мэта, бяспечны «порт Збавення», пабудаваны геніем бальшавікоў зямны пралетарскі рай, дзе спакутаваны сусветны пралетарыят здабудзе вечнае вызваленне. Прычым падкрэслена статычнасць скалы-дзяржавы з'яўляецца адзнакай яе моцы, магутнасці і непарушнасці, заснаванай на жорсткай дысцыпліне і дагматычнай ідэалогіі.

У дзень пахавання Леніна «Правда» апублікавала кароткі пераказ прамой з жалобнага пасяджэння З'езда Саветаў, аднак з рэзюмэ прамовы Сталіна былі цалкам выключаны «рэлігійныя» матывы. Указвалася толькі, што Сталін казаў аб асноўных заветах Леніна і аб гатоўнасці ЦК партыі следаваць волі правадыра. Увогуле, у параўнанні з іншымі аратарамі прамове Сталіна ў газетнай справаздачы надзелена найменш увагі. У тыя дні ніхто больш не згадаў яе ў друку, яна не была ўключана ні ў адну з тысяч брашур, што распаўсюджваліся масавымі накладамі [1, 142]. Найбольш папулярнай і вядомай была прамова Зіноўева, якую і паклаў Міхась Чарот у аснову сваёй паэмы «Ленін» (1924).

Жалобная прамова Сталіна атрымала шырокую вядомасць пазней, калі была перадрукавана ў складзе збору твораў, і тады ўжо словы новага правадыра, «*ясназорага*» [6, 14] генія, мелі іншую вагу, а таму падлягалі цытаванню і асэнсаванню. Узорам такога «асэнсавання» з'яўляецца перш за ўсё паэтычная творчасць Якуба Коласа, у вершах якога «скала сярод мора» становіцца скразным матывам. У гэтых адносінах зноў неабходна вызначыць стаўленне беларускіх савецкіх паэтаў да партыйных дакументаў як да тэкстаў сакральных, што падлягаюць цытаванню ў мастацкіх творах. Гэтыя пытанні «асвячаюць» мастацкі тэкст аўтарытэтам партыі і яе правадыроў, даюць яму санкцыю на існаванне ў якасці па-свойму сакральнага тэксту. Надзвычай яркая гэта выявілася ў вершы Якуба Коласа «*Чырвонасцяжнаму камсамолу*» (1938), дзе паўстае вобраз «краіны-скалы» на чале з грозным божышчам Трэцяга Завету: «*Краіна родная! Адна ты, // Адна ты ў свеце, як скала. // Твой чэсны сцяг высока ўзняты, // Як крылі горнага арла. // І чуйна ты на варце міра // Стаіш, як грозны вартавы, // У бездань зрынуўшы куміра // І не схіляеш галавы. // А час праб'е, і голас брані // Пачуеш ты каля грані, // Твае народы ўсе паўстануць // Гразою гнеўных бліскавіц*» [6, 65].

Культывае прызначэнне падобнага рода паэзіі, скіраванай перш за ўсё на ўслаўленне сілы і велічы харызматычнага вайскова-палітычнага правадыра, «куміра», што паўстаў на месцы «зрынутага» папярэдніка, відавочна. Таму не выклікае ніякага здзіўлення, што семантыка і пафас «культавых» вершаў сталінскай эпохі прынцыпова не адрозніваецца ад семантыкі і пафасу любога іншага сакральнага тэксту падобнага прызначэння. Так, згаданыя коласаўскія радкі практычна без сэнсавых скажэнняў можна пераказаць, напрыклад, палымянымі радкамі біблейскага старазаветнага

прарока Ісаі, што апяваў праведны гнеў Госпада, які «падыме сьцяг народам далёкім і дасьць знак таму, хто жыве на краі зямлі, – і вось, ён лёгка і скоро прыйдзе; і ня будзе ў яго ні стомленага, ні зьямоглага; <...> стрэлы ў яго навостраныя, і ўсе лукі ў яго напаятыя; капыты коней ягоных падобныя да крэменю, і колы яго, як віхура; <...> І зарыкае на яго ў той дзень быццам рыкам разьятранага мора; і гляне ён на зямлю, і вось – цемра, гора, і сьвятло патухла ў аблоках» (Ісая 5, 26–30) [2, 873–874].

Сонечная савецкая «скала» супрацьстаіць старому «стомленаму свету» (Якуб Колас «Гусце над стомленым светам імгла ...» (1939)): «Гусце над стомленым светам імгла, // І тленню старэчаю вее. // Адна толькі наша краіна-скала // У іскрах сьвітання ірдзее» [6, 14]. Але «стомленасць» гэтая падманная, бо варожае «мора» нясе з сабой шмат пагроз і небяспекі маладой дзяржаве, якая квітнее ў промнях стваральнай працы пад мудрым кіраўніцтвам правадыра: «Крывавай пенай плешча мора, // Зямля палашчаца ў агні, // І толькі нам ты, ясназоры, // Разумнай працы дарыш дні» [6, 14].

Як марскія «хвалі» ідуць варожыя «орды» з «усіх канцоў, граніц», каб «рабочы стан сагнуць» сваім «жудасным разгулам» і «ўладу зноў вярнуць» драпежным марскім «прожарам-акулам» («Да 15-й гадавіны Кастрычніка» (1932)) [5, 61]. Таму гісторыя змаганьня за «новы» свет – гэтая гісторыя гераічнага паходу скрозь смяротны штармавы шал, калі «бушавала мора з сілай нечуванай», «вар'яцела мора, пеніліся хвалі», а «змагары за Кастрычнік» «ішлі напорна крокам нестрыманым», «няспынна» ўперад, дзе іх «вабілі <...> далі» светлай будучыні («Змагарам за Кастрычнік» (1927)) [5, 25].

Надзвычай жывапіснае ўвасабленне «марскія» пагрозы і небяспекі, «рык разьятранага мора» знаходзяць у вершы «Правадыру і настаўніку» (1939), дзе паўстаюць вобразы апакаліптычнага д'ябальскага «зьвера, які выходзіў з мора» (Адкрыцьцё... 13, 1) [2, 1523] у трызненні Яна Багаслова: «Бушуе навокал мутнае мора, // І пеніцца ў беразе вал. // Дзесь намысел злосны спляць пражоры, // Паўзучыя гады сыкаюць у норах, // І вые труслівы шакал. // Цямраная сіла свету старога // Сплятаецца ў чорны клубок...» [6, 22]. Яшчэ больш канкрэтызуецца вобраз апакаліптычнага «зьвера» ў вершы «Ворагам» (1927), дзе марскія пачвары – крыважэрныя «прыслужнікі драпежнага Ваала» – біблейскага бога хананеян, ворагаў старапаветнага Ізраіля: «А вы, прыслужнікі драпежнага Ваала, // Зноў вострыце загнутыя дзюбы, // І сліна пьрскае з запененай губы: // Вам трэба кроў – крыві пралітай мала: // Ражном у горле вам сябрына наша стала, // Дзе самі ўладары – нядаўнія рабы» [5, 24]. Але суджана было «хіснуцца лёсу Ваалаву», бо «вытаў яго шчыт», а яго «навала» «разбілася <...> аб Ленінскі граніт» «скалы» савецкай дзяржаўнасці («Да 15-й гадавіны Кастрычніка» (1932)) [5, 62].

Правадыр Сталін звычайна ў гэтым вобразным кантэксьце ўвасабляецца як свяціла, пад «снапамі» «іскрыстага сьвятла» якога «узносіцца краіна, як скала, усё вышай і дужэй» (Якуб Колас «Роднай краіне» (1938)) [6, 78]; ён прыкладае ўсе намаганні, каб «узнесці над зямлёю», «па-над цэлым светам» «край наш грознаю скалою», «сонцам-яснацветам» («Радзіме і правадыру» (1938)) [7, 470]. Але ў вершы «Правадыру і настаўніку» Сталін сам «ператвараецца» ў непераможную «скалу», на якой засноўваецца мірнае шчасце савецкага народа, абароненае ім ад «прыслужнікаў цемры і зла»: «Але няхай знаюць: марны заходы // Прыслужнікаў цемры і зла, // Бо з намі ты, Сталін – воля народа. // На варце краіны, ічасця, свабоды // Стаіць твая постаць-скала» [6, 22–23].

Дадзеная трансфармацыя вельмі паказальная. Такім чынам, надзвычайна павялічваецца анталагічны маштаб асобы Сталіна, які сам, асабіста, становіцца персаніфікацыяй «пралетарскага раю» – падабенствам таго «каменя» (апостала Пятра, «ключніка» Рая), на якім Хрыстос збіраўся будаваць царкву сваю, што «брамы някельныя не адолеюць яе» (Паводле Мацьвеева... 16, 18) [2, 1199]. Дагэтуль у бальшавіцкай публіцыстыцы персанальна метафара «скала» спалучалася толькі з іменем Леніна. Адбылося гэта 21 студзеня 1925 г. у першую гадавіну смерці правадыра пралетарскай рэвалюцыі, калі на жалобным пасяджэнні Мікалай Бухарын, «залатое пярэ» партыі, згадваючы розныя эпізоды з жыцця Леніна, сказаў пра яго: «<...> ён стаяў пасярод усіх, як скала волі і ўпэўненасці ў перамозе» [8, 117], з'яўляючыся, паводле перакання Якуба Коласа, «Ленінскім гранітам», аб які «разбіваецца» варожая «навала» («Да 15-й гадавіны Кастрычніка» (1932)) [5, 62]. Таму параўнанне Сталіна са «скалай» ставіла яго ў адзін шэраг з заснавальнікам савецкай дзяржаўнасці, стварала сакральны прэцэдэнт для асэнсавання велічы яго ўласнай асобы, вызначала легітымную пераемнасць яго ўлады.

Адной з вызначальных рыс метафары «скала» з'яўляецца яе маналітнасць і аднароднасць, якія дазваляюць з поспехам супрацьстаяць варожаму шалу раз'юшанай стыхіі. І ў гэтых адносінах згаданы вобраз быў надзвычай прыдатны для ўвасаблення «адзінства нашай партыі», якое «як зрэнку вока» абяцаўся захаваць Сталін у сваёй «клятве» мёртваму Леніну ў час жалобнага пасяджэння ў снежні 1924 г. [1, 141], а таксама ўзмацнення сацыяльнай знітанасці ўсіх «небуржуазных» колаў савецкага народа ўвогуле. Падобнае параўнанне ўжо ў 1925 г. робіць Мікалай Бухарын у артыкуле «Новае адкрыццё пра савецкую эканоміку, ці як можна пагубіць рабоча-сялянскі блок. Да пытання аб эканамічным абгрунтаванні трацкізму», калі вызначае, што варожыя падкопы трацкістаў могуць знішчыць «рабоча-сялянскі блок, той гранітны падмурак, на якім пабудавана рабочая дзяржава, наш Савецкі Саюз» [8, 115].

Галоўнай задачай камуністычнай ідэалогіі з'яўляецца якраз максімальнае ўзмацненне сацыяльнай і нацыянальнай знітанасці грамадства пад безумоўным правадырствам аўтарытарнага ці калектыўнага харызматычнага выразніка пэўнай ідэі ці кола ідэй. І ў гэтых стасунках камунізм ніколі не адрозніваўся ад хрысціянства, якое імкнулася прывесці народы свету да брам Царства Божага пад правадырствам Хрыста. Менавіта таму Хрыстос у час казані скарыстоўвае падобную ж вобразнасць, параўноўваючы ў прыпадцы пра разумнага і неразумнага будаўніка сваё вучэнне з «домам на камені», што трывала супрацьстаіць «нябёснай вадзе» і паводчы: «Дык вось, кожны, хто слухае гэтыя словы Мае і выконвае іх, прыпадобніцца да мужа разумнага, які збудаваў свой дом на камені; і паліўся дождж, і разліліся рэкі, і падзьмулі вятры, і рынуліся на той дом; і ён ня ўпаў, бо пастаўлены быў на камені. А кожны, хто слухае гэтыя словы Мае і ня выконвае іх, прыпадобніцца да мужа неразважлівага, які паставіў свой дом на пяску; і паліўся дождж, і разліліся рэкі, і падзьмулі вятры, і налеглі на дом той; і ён упаў, і было падзенне яго вялікае» (Паводле Мацьвея ... 7, 24–27) [2, 1182].

Большавікі здолелі выканаць клятву, дадзеную над труною свайго першага правадыра. Рознымі сродкамі яны змаглі ў максімальна кароткі тэрмін кансалідаваць камуністычную партыю і савецкі народ, што ў многім перадвызначыла пазнейшую перамогу СССР над фашызмам. Праз пасрэдніцтва ўжо звычайнай метафары менавіта на гэтую думку звяртае ўвагу Якуб Колас у артыкуле «Дзень добры, Радзіма!» (1944), калі піша: «Ленінска-сталінская дружба народаў – гэтая пераможная сіла, тая скала, аб якую разбіліся мутныя хвалі чорнага фашызма з яго струхлым, разбойніцкім «новым парадкам» [9, 3]. Належным чынам гэтая думка ўвасобілася і ў вершах паэта, калі ён апявае з'яднання «народы Расіі», што як «скалы паўсталі» на шляху ворагаў у час выпрабаванняў («Смерць разбойнікам» (1941)) [5, 247], бо «рэспублікі нашы – скала», якім «сілу <...> дружба дала», «з'еднанасць савецкіх народаў» («Народам СССР» (1937)) [5, 137].

Дружба савецкіх народаў стала тым трывалым падмуркам, на якім большавікі імкліва ўзвялі падобны да біблейскага свой «дом на камені»: «багаты і прасторны», «магутны, непакорны» «зямлі савецкай гмах» («Наперад» (1939)) [5, 200]. Гэты «гмах» упэўнена супрацьстаіць сусветнаму «ліху», што «разлівалася <...> як мора», бо ўфундаваны на надзвычайнай «сіле», якую «ніхто <...> яшчэ не валодаў» – «свабодзе і дружбе народаў» («Роднаму краю і народу» (Да 30-годдзя БССР) (1948)): «Мы з ёю прыгожы наш дом збудавалі, // Дзе многа прастору, святла. // Мы ў бітвах крывавых яго адстаялі, // Бо дом наш збудаван з найлепшае сталі, // Што легла ў аснову вугла» [5, 385–386].

Такім чынам, непаруўная еднасць савецкіх людзей з'яўляецца неабходнай ўмовай пабудовы іх сталёвага «гмаха»-краіны. Яны, падобна да старазапаветных будаўнікоў, вырашылі «збудаваць сабе горад і вежу, вышынёю да нябёсаў, і зрабіць сабе імя, перш чым расьеюцца па ўлонні ўсёй зямлі» (Быццё 11, 4), бо «адзін народ, і адна ў іх мова; і вось, што пачалі яны рабіць, і не адстануць ад таго, што задумалі рабіць ...» (Быццё 11, 6) [2, 16].

А пакуль адной з відавочных прыкмет «з'еднанасці» савецкіх людзей з'яўлялася шматнацыянальная Чырвоная Армія, «плоць ад плоці» савецкага народа, якая, вартуючы «скалу непрыступную – нашу граніцу» («Радзіме і правадыру» (1938)) [7, 473], сама становіцца гэтай «скалой» (Якуб Колас «Чырвоная Армія» (1938)): «Чырвоная Армія – гэтая скала, // Адвага герояў і зоркасць арла, // Ахова свабоды, яе меч і шчыт. // Чырвоная Армія гэтая – граніт, // Жалезная воля і сіла зямлі ...» [5, 39]. Чырвоная Армія – «скала» «байцоў чырвонай раці», што стаіць «усцяж граніц» краіны Саветаў з «маяком <...> слаўным Сталінным» («Песня Кастрычніку» (1935)) [5, 99–100], з'яўляецца адначасова і слаўным вынікам маналітнай еднасці савецкіх народаў і яе надзейным гарантам («Сталін, партыя і народ» (1938)): «Армія наша – горад краіны, // Сіла надзейная, шчыт. // Партыя, ўрад наш – мы ўсе адзіны, – // Непераможны граніт» [5, 155].

Такім чынам, адным з найбольш папулярных увасабленняў савецкай краіны ў атачэнні варажых сіл у савецкай беларускай паэзіі 30-х гг. XX ст. становіцца вобраз непераможнай «скалы». Прычым вытокі гэтай вобразнасці трэба шукаць у стылі партыйных дакументаў таго часу, якія з'яўляліся для савецкіх пісьменнікаў зыходным пунктам белетрыстычнага асэнсавання і адлюстравання рэчаіснасці.

Літаратура

1. Тумаркин, Н. Ленин жив! Култ Ленина в Советской России / Н. Тумаркин; пер. с англ. – СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1997. – 285 с.
2. Біблія. Кнігі сьвятога пісанья Старога і Новага Запавету. Кананічныя. У беларускім перакладзе. – Мінск: «Прынткарп», 2002. – 1534 с.
3. Kopalinski, W. Słownik symboli / W. Kopalinski. – Warszawa, 1990. – 512 s.
4. Чарот, М. Выбранае / М. Чарот – Мінск: Юнацтва, 1982. – 222 с.
5. Колас, Якуб. Збор твораў: у 7 т. / Якуб Колас. – Мінск: Дзяржаўнае выдавецтва БССР. Рэдакцыя мастацкай літаратуры, 1952. – Т. 2: Вершы. Апавяданні вершам (1917–1952). – 459 с.
6. Колас, Я. Пад сталінскім сонцам. Вершы 1937–1939 гг. / Я. Колас. – Мінск: Дзяржаўнае выдавецтва пры СНК БССР. Рэдакцыя мастацкай літаратуры, 1940. – 172 с.
7. Купала Янка. Поўны збор твораў: у 9 т. / Янка Купала. – Мінск: Маст. літ., 2003. – Т. 9. Кн. 1. Пераклады; Эпістальярная спадчына; Дарчыя надпісы; «Расейска-беларускі слоўнік»; Калектыўнае; Службовыя і асабістыя дакументы; Дадатак. – 686 с.
8. Бухарин, Н.И. Избранные произведения / Н.И. Бухарин. – М.: Политиздат, 1988. – 499 с.
9. За шчасце Беларусі. Вершы і апавяданні / пад рэд. Я. Коласа. – Москва, Ленинград: Государственное Издательство Детской Литературы Наркомпроса РСФСР, 1945. – 198 с.

Summary

The article deals with the semantics of the word «skala» (while stands for the English «rock»), considering its cultural and political aspects. The analysis of the symbolic meaning of the word (it was associated with power and might of the USSR and its leaders) is carried out on the material of the Byelorussian Soviet poetry of the 30 s (of the XXth century).

Поступила в редакцию 13.04.06.

УДК 882.6.09

Н.В. Дзенісюк

ПРАБЛЕМА ПОСТМАДЭРНІСЦКАГА ГЕРОЯ

Песімістычнае светаўспрыняцце мадэрністаў, абумоўленае расчараваннем у духоўнай сутнасці чалавека, яго крэатыўных здольнасцях, магчымасці змяніць свет і прывесці ўласнае жыццё ў гарманічную суаднесенасць з навакольнай рэчаіснасцю, спарадзіла адчуванне глыбокай крызіснасці асобы. Чалавек страціў каштоўнасныя арыенціры, зняверыўся ў жыцці, пазбаўленым пераканаўчага сэнсу, выявіўся няздольным узяцца над сваімі заганамі.

Постмадэрнізм, з аднаго боку, спрабуе прымірыць чалавека з усведамленнем уласнай недасканаласці, свярдаючы, што ў свеце, дзе валадарыць хаос, немагчыма з пэўнасцю размежаваць катэгорыі добра і зла, паколькі традыцыйная сістэма бінарных апазіцый выяўляецца непрыдатнай для спасціжэння неўпарадкаванай, ускладненай глыбокімі ўнутранымі супярэчнасцямі рэчаіснасці. Але, з другога боку, постмадэрнісцкае ўспрыняцце чалавека як дэзарыетаванага ў прасторы маральна-эстэтычных каштоўнасцей узмацняе крызіс асобы, нівеліруючы светапоглядныя асновы, жыццёвыя прынцыпы, духоўныя прыярытэты кожнага індывіда. Дадзеная акалічнасць выяўляецца ў поўнай дэструкцыі літаратурнага героя як псіхалагічна і сацыяльна дэтэрмінаванага характару.

Постмадэрнісцкі герой – «усяго толькі істота без імені з незапамінальнай знешнасцю» [1, 210]. У постмадэрнісцкіх творах «жывуць» безаблічныя К, Д, У, Ч, Ц (апаведы Іллі Сіна «Кроў» [2, 88–92], «Праменьчык хіманалізу» [2, 99–102], «попелпопелпопел» [3]), хлопчык, мама і тата («Беларусы на крышталёвых шарыках» Альгерда Бахарэвіча [4]), прыбіральшчыца (з аднайменнага апавядання А. Бахарэвіча [5, 127–131]), школьны настаўнік і дзяўчынка-журавінка («Методыка выкладання

красавіка» А. Бахарэвіча [5, 146–149]), Дыктатар і Сястра («Паразыт» А. Бахарэвіча [5, 3–76]), Псіхіятр, Дама, Хадок, Сядок (п'еса Лявона Вольскага «Клятва Гіпакратам» [6]) і г. д. На шызафрэнчным карнавале жыцця яны страцілі свае чалавечыя якасці, пераўтварыліся ў «нечалавекаў» (альбо: «недачалавекаў», «звышчалавекаў»), падуладных адно толькі сімптомам сваёй хваробы, сярод якіх – бясконцае памнажэнне асобы, фантастычныя трызненні, навязлівыя ідэі, фобіі, маніякальныя схільнасці, уцёкі ва ўласна створаны, закрыты для іншых віртуальны свет. Парадаксальна, але вар'яцтва гэтае не пазбаўленае сэнсу (у адрозненне ад абсурднай рэчаіснасці, дзе адшукаць сэнс немагчыма).

На думку постмадэрністаў, чалавек як вышэйшы прадстаўнік жывёльнага свету, надзелены розумам і душою, дыскрэдытаваў сябе. Невыпадкова героямі постмадэрнісцкіх твораў часта становяцца невядомыя навуцы істоты, гермафрадыты, мутанты, гуманоіды. Напрыклад, адным з галоўных персанажаў апавядання Альгерда Бахарэвіча «Не кранаючы фігуры» з'яўляецца «жывы, але не здольны ні на якія дзеянні ... кавалак плоці ... без лапаў, без хваста, мазгоў, зубоў і таму падобных прыбамбасаў» [7, 13]. Выглядае ён як нешта «падобнае на чалавечыя клубы, якія прыраслі адно да аднога. Апрача прадаўгаватай шчыліны ўверсе, уся астатняя паверхня гэтай істоты была зацягнутая ружовай дзіцячай скурай» [7, 11]. Кашкін (менавіта такое найменне даў паддоследнай істоте гаспадар) здольны трымаць які заўгодна боль. І справа не ў тым, што ён яго не адчувае, проста застаецца жывы пасля самых жорсткіх катаванняў. Гэтая пазбаўленая мазгоў і, верагодна, сэрца жывая істота выяўляецца больш чалавечай за тых людзей, што здэкуюцца з яе (збіваюць, прыпальваюць скуру, нацкоўваюць сабаку), ставячы жудасныя эксперыменты на выжыванне і прыносячы Кашкіну нясцерпны боль і пакуты. Працэс дэгуманізацыі асобы ўзнаўляецца ў постмадэрнісцкіх тэкстах праз стварэнне адпаведнага, часта не надта прывабнага вобраза чалавека.

Постмадэрнісцкі герой пазбаўлены індывідуальных рысаў, не мае ні мінулага, ні будучыні; у ягоным жыцці нічога не адбываецца, паколькі насамрэч ён не жыве, а прысутнічае ў мастацкім творы паводле зададзеных правілаў літаратурнай гульні. Ён магчымы толькі ў пэўным кантэксце, па-за якім страчвае сваю ўяўную цэласнасць, рассыпаецца на мноства масак (раман Зміцера Вішнёва «Трап для сусьліка, альбо Нэкрафілічнае даследаванне аднаго віду грызуноў» [8], раман у дэталях Гапеевай «Рэканструкцыя неба» [9], асобныя апавяданні Іллі Сіна, Альгерда Бахарэвіча). Постмадэрнісцкі герой прымурае да сябе безліч абліччаў, змяшчае ва ўласную абалонку несумяшчальныя чалавечыя сутнасці, апрабоўвае самыя розныя традыцыі, акумулюе праз сябе велізарны сацыяльна-культурны досвед, адным словам, імкнецца быць адначасова ўсім: «У маёй шафе вісяць паліто садызму, нацыяналізму і фашызму, на тумбачцы ляжыць капялюх мазахізму, у зубах я трымаю пальчаткі дабрыві, пад нагамі пакутуюць кілімы педафіліі і герантафіліі, у носе банькі антысемітызму і расізму, у вачах кан'юнктывіт каханьня» [8, 122]. Але ў той жа час постмадэрнісцкі герой – гэта пустата, якая адкрываецца, калі скінута апошняя маска. Даследчык рускага постмадэрнізму, выкладчык Стаўрапольскага універсітэта Л.В. Пірагоў, адзначае: «У постмадэрнісцкай гульні масак зняццё «апошняй» маскі і выяўленне «ісціннага аблічча» не ўяўляюцца мажлівымі. Прынцыпова бясконцы працэс распазнавання-чаргавання масак – гэта і ёсць існаванне. У адрозненне ад экзістэнцыяліста, які разлічвае на наяўнасць нейкага экзістэнцыяльнага аблічча пад грудай масак аб'ектываванага быцця, постмадэрніст ведае, што пад апошняй маской – пустата, нішто, і, такім чынам, адзіна магчымая экзістэнцыя (зняццё апошняй маскі) – гэта смерць. Усё, што можна зрабіць, каб займець адчуванне сапраўднасці існавання, гэта даверыцца адной са сваіх масак, звыкнуцца з ёй і, так бы мовіць, зрабіць яе «празрытай знутры», г. зн. нябачнай для суб'екта. Па сутнасці, кожны *нармальны* («аб'ектыўны») чалавек менавіта так і жыве – не заўважаючы ўласнай маскі. Але постмадэрніст, адрэфлексаваўшы прынцыпы гульні і множнасці сусветаў, набліжаецца да гэтага выніку з адваротнага боку» [10, 31–32]. Такім чынам, паводле постмадэрнісцкіх перакананняў, чалавек, дэтэрмінаваны камунікатыўна-інфармацыйнай зададзенасцю існавання ў соцыуме, не мае *свайго ўласнага* аблічча, адсутнасць якога вымушаны прыкрываць накладаннем найбольш прыдатных у пэўнай сітуацыі масак. Ад нараджэння ён пераймае агульнапрынятыя мадэлі зносін, засвойвае «чужыя» стылі паводзін, тып мыслення, майстэрства выканання шматлікіх роляў і таму не пражывае сваё жыццё, а падганяе пад пэўны стандарт. Смерць сцірае прыўнесеныя вобразы, і застаецца пустата, адсутнасць – адзіны натуральны стан чалавека.

Дзеля таго, каб здабыць сваю сапраўдную сутнасць, пазбавіцца татальна зманіпуляванай рэчаіснасці, чалавек павінен памерці – прызнаць сваю не-прысутнасць у гэтым абсурдным, невытлумачальным законам розуму і сэрца свеце. Сучасны літаратар Ілля Сін абвясчае ўласную

смерць і паірае ... на прасторы мастацкага тэксту [11]. Беларускі мысліцель Валянцін Акудовіч у эсе «Хто я? альбо мяне няма, не было, не будзе» аспрэчвае факт аб'ектыўнай прысутнасці чалавека ў быцці. Герой ягоных роздумаў прыходзіць да наступных, цалкам пераканаўчых высноў: «Мяне няма без існага. Мяне няма без папярэдняга чалавека. Мяне няма без людзей. Я немагчымы ў колькасці самога сябе. Я не сам сабой абумоўлены. І нічым іншым не абумоўлены як менавіта «Я». Я не сам з сябе паходжу. Не я прычына самога сябе. Не я абраў сябе для самога сябе. Не я вымкнуў сябе з патаемнага. Ні я і ніхто іншы не быў пакліканы з небыцця таму, што ў быцці непасрэдна яго чакала адно яму належнае месца. Я не галоўны ў тым, што я ёсць і якім я ёсць. Я не маю патрэбы ў сабе з сябе самога. Я не належу сам сабе. Я ўласнасць шматлікіх рэальнасцяў, што паходзяць з розных вымярэнняў быцця існага і на пэўны момант гуртуюцца на прасторы, пазначанай мной ... Я з'явіўся не таму, што я ёсць як нейкая патрэба менавіта мяне ў гэтым быцці, а я ёсць толькі таму, што з'явіўся. Натуральна, мог і не з'явіцца ... Не быць. А таго, чаго можа не быць, – няма хоць у якіх іншых значэннях ад тых, што ёсць. Мог ніколі не быць. Не быў раней. Потым зноў не буду. Няма ...» [12, 85–86].

Ва ўмовах зрушэння каштоўнасных каардынат адбываецца трансфармацыя героя ў «анты»-героя, непадуладнага самому сабе і нават аўтару. У постмадэрнісцкіх творах, як правіла, маем вынік такога пераўвасаблення. Але часам метамарфоза персанажаў адбываецца ў прасторы тэксту, гэтым жа тэкстам абумоўленая. Прыкладам з'яўляецца п'еса Лявона Вольскага «Клятва Гіпакратам». Рахманы пацыент, нясмелы і даверлівы Францішак, прыходзіць на парадку да псіхіятра, які больш выдае на псіхічна хворага, чым на лекара чалавечых душаў. Псіхіятр настойліва спрабуе з абсалютна здаровага чалавека зрабіць вар'ята, выкарыстоўваючы для гэтага самыя розныя сродкі. Вось, да прыкладу, адзін з іх: «*Францішак. Добра, добра, доктар. Я нічога не хацеў ... Я не хацеў вас пакрыўдзіць ... Дарма вы гэтак. Працягвайце, калі ласка. Я толькі хацеў папрасіць у вас што-небудзь ад бяссоння. Псіхіятр (мулка). Вось так бы раней. (Падымае ўгору фанеру на тронку, тыпу тэніснай ракеткі. Гледачы і Францішак бачаць, што фанерка пафарбаваная ў жоўты колер.)* Які гэта колер? *Францішак. Колер чаго? Псіхіятр. Ты доўга яшчэ будзеш адказваць пытаннем на пытанне? Няўжо так цяжка навучыцца за гэты час? Які колер? Францішак. А-а-а, вы пра гэта! Жоўты, зразумела які ... Псіхіятр. Гаворыш, жоўты ... (Паварочвае іншым бокам фанерку на тронку. Гледачы і Францішак бачаць, што з гэтага боку яна сіняя.) Жоўты, значыцца. (Глядзіць на сіні бок, падносіць бліжэй да вачэй, пачынае смяяцца.) Жоўты, гаворыш, ха-ха-ха! А гэты? (Паказвае іншую фанерку. І гледачы, і Францішак бачаць чырвоны колер.) Францішак (няўпэўнена). Чырвоны. Псіхіятр (смеючыся). Чырвоны, значыцца. (Перакульвае фанерку. Іншы бок – зялёны. Псіхіятр перарывае смех.) Напраўду чырвоны. (Запісвае.) ...» [6, 26].*

Сітуацыя, гранічна набліжаная да абсурду, раптоўна атрымоўвае вырашэнне: Францішак з пакорлівага, ціхмянага пацыента пераўтвараецца ў з'едлівага, самаўладнага псіхіятра, вяршыцеля чалавечых лёсаў у падуладнай яму маленькай краіне – вар'ятні. Адбываецца змена масак: «*Францішак (бадзёра падняўся, паправіў адзенне, звяртаецца да дамы). Даруйце. Адну хвілінку. (Да псіхіятра. Які нешта захоплена піша, нават высалапіў язык.)* Стаяць, сухапутны пацук!!! *(Псіхіятр падымае здзіўленыя вочы ад пісаніны. Нямая сцэна. Францішкавая постаць робіцца ўладнаю, цяжкаю, псіхіятр нібыта драбнее, уціскаецца ў стол. <...> Псіхіятр (няўпэўнена). Ды як ты смееш ... Францішак. Вы!!! Звяртайцеся да мяне на вы! Казаць мне «спадар капітан»!!! (Надзяе на галаву фlocksую фуражку.) Псіхіятр. Ды як вы смеете, спадар капітан ... Францішак. Маўчаць! Выйсці з-за стала! (Псіхіятр разгублена выходзіць.) Францішак. Заплюшчыць вочы, выцягнуць рукі перад сабою! (Псіхіятр выконвае загад.) ...» [6, 30].*

Францішак, супрацьпаставіўшы сябе псіхіятру, выяўляецца супрацьпастаўленым самому сабе. Пераўтварыўшыся ва ўласнага антыпода, страціўшы свае станоўчыя чалавечыя якасці, ён пазбаўляецца бездапаможнасці, набывае здольнасць супрацьстаяць сіле праявам той жа сілы, змагацца са злом сродкамі, што з гэтага зла вынікаюць. Традыцыйная формула літаратурнага канфлікту асобаў, заснаваная на аксіёме «добра заўсёды перамагае зло», выглядае больш чым сумнеўнай у сённяшняй суровай рэальнасці, калі матэрыяльныя каштоўнасці вызначаюць духоўныя, сэнс жыцця для большасці людзей падмяняецца сэнсам існавання, чалавек траціць свае маральныя якасці, намагаючыся выжыць альбо «пажыць», здабыўшы сабе лёгкае, прыгожае жыццё.

Францішак, на дзіва, камфортна і ўпэўнена пачуваецца ў новай ролі. З большай апантанасцю і цынзізмам, чым яго папярэднік, ён бярэцца за выкананне асноўнай для псіхіятра ў час вайны задачы – пастаўляць у войска «мільёны хворых, якія прагнуць хадзіць у разведку, падпарадкоўвацца непасрэдным камандзірам, здзяйсняць ратныя подзвігі ...» [6, 32]. Выдатна засвоіўшы на ўласным

досведзе methodology псіхічнага тэставання, былы пацыент даводзіць яе выкарыстанне да той ступені абсурднасці, калі адшукаць здаровы сэнс, усталяваць лагічную ўзаемасувязь слоў і дзеянняў становіцца напраўду немагчыма: «*Францішак*. Чым адрозніваецца чаравік ад палітыкі? Хутчэй! Час пайшоў! *Хадок*. Што вы гаворыце? *Францішак*. Хопіць адказваць пытаннем на пытанне! Каб гэта было ў апошні раз! Чым адрозніваецца чаравік ад палітыкі? Адказвай! *Хадок (нерашуча)*. Чаравік чысцяць, а палітыку – не. *Францішак (запісвае, ціха прагаворвае)*. Чысцяць ... Не ... *(Тыцкае пальцам у прастору)*. Які гэта колер? *Хадок (спрабуе прасачыць, куды ўказвае Францішкаў палец)*. Дзе? *Францішак*. Тут пытаюся я! Ты адказваеш. *(Раптам пачынае тыцкаць у розныя бакі)*. Які гэта колер? Які гэта колер? Які гэта колер? *(Хадок адно разгублена круціць галавою, спрабуе лавіць рухі Францішкавага пальца)*. Усё! Я ўсё зразумеў. Ідзеш у войска! Сёння ж. Я ўсё падпісваю. Паспрабуй толькі ўхіліцца ад пачэснага абавязку!» [6, 32–33]. Гэткім жа чынам Францішак накіроўвае ў войска самога псіхіятра, даму і яшчэ аднаго небарак. Постмадэрністы не прымаюць ніякіх праяваў гвалту над асобай чалавека. І калі чалавек не здольны, паводле сваёй сутнасці, добрымі ўчынкамі супрацьстаяць злу, уціску, прыніжэнням, актывізуецца нейкая вышэйшая сіла, якая аднаўляе справядлівасць, карае людзей за грахі іх. Напрыканцы п'есы Францішак-псіхіятр гіне ад выбуху бомбы ...

У постмадэрнісцкіх творах адсутнічаюць псіхалагічныя характарыстыкі, разгорнутыя партрэтныя апісанні, эвалюцыя персанажаў. У іх няма «жывых» герояў. Найчасцей гэта шарж на абагулены тыпалагічны вобраз чалавека, створаны паводле пэўнага шаблону: «Фабрыкант задаволена адрыгнуў, расчасавуў пяцярнёй злямчаную бараду і толькі тады заўважыў, што спаў не распранены – у новым, прывезеным з Парыжу сурдуце і ў юхтовых, перапэцканых у гліну ботах. Гліна была мандрыкаўская – густая, з чырванаватым адценнем, – а гэта сведчыла за тое, што ўчора ён сустракаўся не толькі з Мацільдаю, але і з Кіці. Нікандар Іванавіч мацюкнуўся, ляпнуў даланей па кішэні, шукаючы партманет, і, нічога не знайшоўшы, стаў сцягваць з нагі юхтовы бот ... Ногі ў ботах добра-такі ўпрэлі, і палатняныя анучы струменілі цяжкі дух. Нікандар Іванавіч калупнуў бруд паміж пальцамі, і шырокі лоб ягоны прабаразнілі глыбокія маршчакі» [13, 44]. Выкарыстанне зніжанай характарыстыкі персанажаў уласціва творчай манеры пісьменнікаў-постмадэрністаў, якія тым самым падкрэсліваюць маральную выроўніванасць, духоўную і фізічную недасканаласць чалавека. З другога боку, яны правакуюць чыгача, апелюючы да яго эстэтычных густаў, у спадзяванні на непрыняцце выяўленых у тэксце не самых прывабных чалавечых якасцяў, звычак, манераў паводзін і г. д.

Адсутнасць «жывых» герояў тлумачыцца яшчэ і тым, што ў постмадэрнісцкіх творах жыцця няма і быць не можа, паколькі адлюстраванне жыццёвых рэалій не ёсць мэта постмадэрнісцкага мастацтва. Паводле постмадэрністаў, пазнанне рэчаіснасці адбываецца не непасрэдна, а праз авалоданне мовай як прасторай прысутнасці папярэдняга культурна-гістарычнага вопыту ў выглядзе сімулякраў (непразрыстых, прыхаваных «слядоў» разнастайных дыскурсіўных практык). Выяўленне і ажыўленне сімулякраў у тэксце вызначае спецыфіку постмадэрнісцкай творчасці.

Пераасэнсоўваючы літаратурную спадчыну, постмадэрністы ствараюць на яе аснове новыя мастацкія творы, актуалізуюць амаль забытыя ўзоры прыгожага пісьменства, nasledуюць вядомыя мастацкія сюжэты, матывы, вобразы, абыгрываючы іх, уключаючы ў новы кантэкст і надаючы ім раней не ўласцівае сэнсавае нападненне. Як правіла, літаратурныя героі ў творах такога кшталту не вынайзеныя аўтарам, а перанятыя ў папярэдніх творцаў. Персанаж дэтэрмінаваны выключна прыналежнасцю да тэксту-першакрыніцы. І як бы гэты персанаж ні дзейнічаў – паводле тых або іншых нормаў, законаў, правілаў ці насуперак ім, – усё роўна ягоныя дзеянні, учынкi вызначаюцца тым, што ўжо было. У постмадэрнісцкіх творах адсутнічае магчымасць выбару героя, бо адзіна магчымы выбар ужо прадвызначаны тэкстам-першакрыніцай. Найбольш яскравы прыклад сітуацыі «дэтэрмінаванага выбару» ў беларускай літаратуры – фантасмагорыя ў дзвюх дзях Сяргея Кавалёва «Стомлены д'ябал» [14]. Фабула п'есы запазычана аўтарам з «Камедыі» Каятана Марашэўскага [15], беларускага драматурга другой паловы XVIII стагоддзя. Галоўны герой «Камедыі», селянін Дзёмка, усю віну за сваю цяжкую долю і невыносную працу ўскладае на Адама, першага чалавека на зямлі, і глыбока перакананы, што, калі б ад яго нешта залежала, ён ніколі не падаўся б спакусе і не стаўся прычынай пакутаў чалавецтва. З'яўляецца Чорт і абяцае Дзёмку райскае жыццё пры ўмове, што той вытрымае прасцейшае выпрабаванне – зможа на працягу гадзіны захоўваць маўчанне. Дзёмка пагаджаецца і тройчы прайграе, не здолеўшы саўладаць са сваёй слабасцю, за што Чорт забірае Дзёмкаву душу з сабою ў пекла. Герой п'есы С. Кавалёва Яська-гаспадар гэтаксама прайграе Д'яблу, не выканаўшы тры ягоныя загады: не зазіраць у місу, праседзець цэлы дзень на лаве, не кратаючыся з месца, не вымавіць ні слова, што б навокал ні адбывалася. З аднаго

боку, зададзенаць учынкаў Яські абумоўлена сюжэтнай залежнасцю твора ад тэксту-першакрыніцы. Герой С. Кавалёва намагаецца здабыць шчасце, адолеўшы той выпрабаваўчы шлях, які выявіўся не па сілах ягонаму прататыпу Дзёмку, але, натуральна, прайграе, бо людзі з часоў Адама не змяніліся. І ў гэтым – другая прычына немагчымасці перайначыць першапачатковы сюжэт, дэканструяваць яго, прапанаваўшы іншае вырашэнне адвечных экзістэнцыяльных праблем, актуальных для чалавека як у XVIII стагоддзі, так і ў нашы дні. Таму дзверы ў светлае Боскае валадарства застаюцца пакуль прычыненымі. І толькі тоненькі праменьчык святла, які прасочваецца скрозь шчыліну ў іх, абнадзейвае, што не ўсё яшчэ для людзей згублена. У адрозненне ад «Камедыі» Марашэўскага Д'ябал не забірае Яську ў пекла, а пакідае на зямлі, што сведчыць пра атаясамліванне аўтарам зямнога жыцця і пякельнага існавання.

Такім чынам, герой постмадэрнісцкіх твораў не мае індывідуальнага аблічча, паколькі, па-першае, паводле спецыфікі постмадэрнісцкага мастацтва, не можа быць увасабленнем рэальнага чалавека як цэласнай у сваёй дыялектычнай сутнасці натуры; па-другое, ён не вынайздзены аўтарам, а прыўнесены ў плашчыню ўласнага твора з тэкставай прасторы сусветнай культуры, па-трэцяе, з'яўляецца дэтэрмінаваным бязладнай рэчаіснасцю, у якой беззваротна страчаны каштоўнасныя арыенціры і жыццёвыя прыярытэты. Як літаратурны вобраз, постмадэрнісцкі герой захоўвае сваё функцыянальнае прызначэнне, але падпарадкоўваецца іншай мэце мастацкага адлюстравання. Ужо не чалавек і чалавечыя адносіны выяўляюцца ўвасабленымі ў вобразах персанажаў, а нейкая ідэя аўтара (ці яе адсутнасць, пустата) персаніфікуецца, набываючы пэўныя абрысы чалавека, і кіруе мастацкімі вобразамі да моманту выпявання новай ідэі, што абумоўлівае пераўладкаванне тэкставай прасторы са змяшчэннем / знікненнем / расейваннем сэнсаўтваральнага цэнтра, які абавязкова прысутнічае ў традыцыйных творах і часта суадносіцца з канкрэтным персанажам. Постмадэрнісцкі тэкст не мае адназначнага вытлумачэння і адпаведна не можа быць прывязаны да адзінага структурна-сэнсавага элемента твора. Таму постмадэрнісцкі герой хутчэй руйнуе сэнсы, чым стварае іх.

Літаратура

1. Бахарэвіч, А. Натуральная афарбоўка / А. Бахарэвіч. – Мінск, 2003. – 228 с.
2. Сің, І. Нуль / І. Сің. – СПб.: Рунь, 2002. – 107 с.
3. Сің, І. Попелпопелпопел / І. Сің // Тэксты: літаратурна-мастацкі праект. – СПб.: Рунь, 2004. – № 1. – С. 47–56.
4. Бахарэвіч, А. Беларусы на крышталёвых шарыках / А. Бахарэвіч // Натуральная афарбоўка. – Мінск, 2003. – С. 49–55.
5. Бахарэвіч, А. Практычны дапаможнік па руйнаванні гарадоў / А. Бахарэвіч. – Мінск: І.П. Логвінаў, 2003.
6. Вольскі, Л. Клятва Гіпакратам / Л. Вольскі // Тэксты: літаратурна-мастацкі праект. – 2004. – № 1. – С. 20–36.
7. Бахарэвіч, А. Не кранаючы фігуры / А. Бахарэвіч // Натуральная афарбоўка. – Мінск, 2003. – С. 11–20.
8. Вішнёў, З. Трап для сусліка, альбо Нэкрафілічнае даследаванне аднаго віду грызуноў / З. Вішнёў. – Мінск: І.П. Логвінаў, 2002. – 152 с.
9. Гапеева, В. Рэканструкцыя неба / В. Гапеева. – Мінск: І.П. Логвінаў, 2003. – 142 с.
10. Пирогов, Л.В. Постмодернизм после и перед modernity / Л.В. Пирогов // Русский постмодернизм: материалы межвузовской научной конференции: библиографич. указатель / под ред. проф. Л.П. Егоровой. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999. – С. 22–33.
11. Сің, І. P.S. Фрагменты з кнігі «Для Сің памёр» / І. Сің // Нуль / І. Сің. – СПб.: Рунь, 2002. – С. 84–107.
12. Акудовіч, В. Хто я? альбо мяне няма, не было, не будзе / В. Акудовіч // Мяне няма: Роздумы на руінах чалавецтва. – Мінск: БГАКЦ, 1998. – С. 38–86.
13. Мудроў, В. Нячысьцік у фракі / В. Мудроў // Калосьсе. – 1999. – № 7. – С. 43–51.
14. Кавалёў, С. Стомлены д'ябал: п'есы / С. Кавалёў. – Мінск: І.П. Логвінаў, 2004. – 190 с.
15. Марашэўскі, К. Камедыя / К. Марашэўскі // Беларуская дакастрычніцкая драматургія. – Мінск: Навука і тэхніка, 1978. – С. 9–40.

Summary

The subject of consideration in the article is postmodern. Its generalized portrait is given and the reasons that have determined appearance of new character on the pages of modern Belarusian literary works are analysed there.

Поступила в редакцию 28.02.05.

О.Н. Гришкова

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ОСНОВА СИСТЕМАТИЗАЦИИ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОТИПОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

Понятия «интертекст», «интертекстуальность» во второй половине XX века благодаря трудам М.М. Бахтина, Ю. Кристевой, Р. Барта, Ж. Дерриды, Ю.М. Лотмана и др. выдвинулись на одни из лидирующих позиций в филологии. Наиболее изученным аспектом данной проблемы является описание маркеров и способов проявления интертекстуальности на уровне текста. Значительно меньше внимания до сих пор уделялось данному феномену с точки зрения его организующего, синергетического начала, – как к феномену, который превращает универсум текстов в «единый цельный организм» [1, 564] и обуславливает постоянно идущие в интертексте «процессы перехода от беспорядка-хаоса к порядку» [2, 3].

В этом смысле представляет интерес типология интертекстуальности В. Хайнемана, согласно которому, последняя классифицируется на 1) вертикальную интертекстуальность, отражающую типологическую специфику художественных текстов на основе определенных прототипических признаков; 2) горизонтальную интертекстуальность (ассоциативную, смысловую), соотносящую данный текст с претекстом (pretext) в определенном содержательном плане [Привед. по: 3].

В пределах данной статьи мы остановимся на интертекстуальности в первом её понимании, т. е. попытаемся охарактеризовать систематизирующее начало интертекста по отношению ко «второму уровню» бытия поэтических текстов в универсуме – в своей абстрагированной, обобщённой ипостаси, которая определяется в текстологической литературе через такие понятия, как речевой жанр [4], текстотип, субтип, жанр, когниотип [5], жанровый тип (жанротип) [6], гипержанр [7].

Как наиболее приемлемым для целей данной работы воспользуемся понятием «текстотип», являющимся самым обобщённым из перечисленных.

В русском поэтическом дискурсе можно выделить такие текстотипы, к конститутивным, жанро- и текстообразующим признакам которых относится интертекстуальность. Они представляют собой «ряд, группу текстов, сохраняющих свое единство таким образом, что они, соприкасаясь друг с другом, в то же время имеют, как правило, точку касания с другими текстами, что ярко выражено наличием четких, читаемых каждым реципиентом сигналов и маркеров» [8].

Их анализ сквозь призму интертекстуальности показывает, что интертекстуальная маркированность проявляется для разных поэтических текстотипов в различной степени.

1. Собственно интертекстуальные текстотипы, т. е. такие, для которых интертекстуальность обязательна, представляющие собой интертекст в «чистом виде». Сюда, в частности, относятся пародии, цитаты, фразы-перевертыши.

Пародия, являющаяся основным по распространённости текстотипом рассматриваемой группы, является сложным по структуре текстом, для понимания которого необходимы знание текста-оригинала и способность декодировать пародируемые элементы. Если рассматривать текст пародии в коммуникативной цепи «автор – текст – читатель», то ее следует представлять в виде «автор(ы) – текст(ы) – {читатель/автор} – текст-пародия – читатель». Иными словами, реципиент должен видеть за пародийным текстом не собственно автора, а автора-читателя в его отношении к «прочитанному» автору и его тексту (текстам).

Пародийный текст обязательно содержит сигналы, которые помогают читателю идентифицировать текст как литературную пародию. К таким сигналам можно отнести: употребление прецедентных литературных ономов, цитирование претекста, аллюзивные элементы, воспроизведение в тексте особенностей пародируемого идиостиля и т. п. [9; 10; 11; 12]. Чем больше насыщенность текста пародии элементами претекста, чем выше прецедентность текста пародии, тем легче происходит процесс узнавания пародируемого объекта, тем выше вероятность адекватного восприятия данной пародии читателем. В зависимости от типа подлежащего узнаванию пародируемого объекта Б. Сарнов, вслед за Л. Гроссманом, предлагает выделять три типа литературной пародии: 1) пародия на литературное направление, 2) пародия на творчество поэта в целом, 3) пародия на отдельное стихотворение [12, 140].

Обратимся к примеру – пародийному тексту А. Архангельского «Разговор с Пушкиным». Прецедентный пародируемый объект легко узнаётся читателем по стихотворной «лесенке», которая в русском поэтическом дискурсе прочно ассоциируется с идиостилем В. Маяковского (и его последователями). Интертекстуальными маркерами, помимо этого, становятся и сходство названий пародии А. Архангельского с заглавиями некоторых стихотворений В. Маяковского: «Разговор с товарищем Лениным», «Разговор с фининспектором о поэзии» и др. Поэт-пародист заимствует у В. Маяковского и характерные интонации призыва, пафосного выражения «Я», ср.: *Вы да я, / Мы оба, / значит, / гении ...*

Автор пародии «от имени» В. Маяковского весьма приблизительно «цитирует» А.С. Пушкина, показывая тем самым пренебрежительное отношение футуристов к классической литературной традиции, к общепринятым образцам творчества: – *Мой дядя / самых / честных / правил ... / Как это? / – когда / не в шутку занемог, / Уважать, стервец, / себя заставил, / словно / лучше / выдумать / не мог ...*

Как видно, в текст пародии на В. Маяковского оказались включенными и элементы «Евгения Онегина» А.С. Пушкина. Подобное взаимодействие нескольких претекстов в процессе создания текста пародии является распространенной формой существования интертекстуальности в русском поэтическом дискурсе.

На подобном взаимодействии ряда претекстов основан **центон** – текстотип, который «представляет собой монтаж из нескольких цитат» [13, 255]. Наибольшим эффектом обладают центоны, основой для которых становятся известные цитаты. Ср., например, текст Юка:

<i>Зима. Звонит хрусталь фонтана,</i>	(Бродский «Пьяцца Маттеи»)
<i>Сверкает зимняя луна,</i>	(Бродский «Набросок»)
<i>Я простояла у окна,</i>	
<i>И в сердце плачет стих Ростана.</i>	(Цветаева «В Париже»)
<i>Молочный день глядит в окно,</i>	(Мандельштам «Сегодня ночью, не солгу»)
<i>И я – как страстная фиалка...</i>	(Есенин «Чары»)
<i>Но времени себя не жалко,</i>	(Бродский «Муха»)
<i>И уклониться не дано.</i>	(Мандельштам «Когда удар с ударами ...»)

Данный текст сводит в своеобразное образно-смысловое единство цитаты из разных текстов.

Перевертыши, или **антифразы**, представляют собой известные выражения, все слова в которых заменены на антонимы (в том числе контекстуальные). Например, прецедентным источником для антифразы «*Враги его! Ужасен ваш раздор!*»¹ явилась цитата из А. Пушкина «19 октября»: «*Друзья мои! Прекрасен наш союз!*». Ср. также: «*Не были никогда мы коровами*» – «*Были когда-то и вы рысаками*» (А. Апухтин «Пара гнедых»), «*Стоит, не движется красный квадрат*» – «*Крутится, вертится шар голубой*» (М. Исаковский «Крутится, вертится ...»).

2. Текстотипы, тяготеющие к интертекстуальности. На высоко вероятностных интертекстуальных отношениях основаны типы текстов «посвящение», «разговор с предшественником/современником». Чаще всего посредством текстов данного типа поэты обращаются к личности и творчеству предшественников или современников непосредственно, вследствие чего текст наполняется конкретными знаковыми включениями, которые четко указывают на «чужое» слово. Вместе с тем, в отличие от пародии – интертекстуальность текстотипов данной группы нестабильна в своём проявлении. Она градуирует от случаев полной непроявленности, когда посвящение или обращение к тому или иному лицу интертекстуально никак не «обыгрывается» в тексте в виде конкретно-языковых репрезентаций (например, стихотворения Р. Рождественского «Голос» (посв. Е. Евтушенко), А. Ахматовой «Голос памяти (О.А. Глебовой-Судейкиной)» и др.), до текстообразующей интертекстуальности, близкой к той, что характерна для пародии.

На диалогичность рассматриваемого текстотипа могут указывать заглавия, примечания, упоминание имени автора или лирических героев «чужого» текста и т. д.

Прямые указания на определенное лицо, к которому обращен текст посвящения, часто характерны для заглавий: «Стихи к Пушкину» (М. Цветаева), «Анне Ахматовой» (М. Цветаева), «А.А. Ахматовой» (И. Бродский), «Что же в тоске бескрайней ... (Марине Цветаевой)» (Аделаида Герцык) и др.

¹ Использованы материалы Интернет-сайта <http://varan.chgk.info/fun/pervrt.htm>.

Подобные указания могут быть зашифрованы посредством некоторых форм поэтического кода. Например, посредством акростиха, как это, например, сделала Анна Ахматова в своём посвящении художнику и поэту Борису Анрепу:

*Бывало, я с утра молчу
О том, что сон мне пел.
Румяной розе и лучу
И мне – один удел.
С покатых гор ползут снега,
А я белей, чем снег,
Но сладко снятся берега
Разливных мутных рек.
Еловой рои свежий шум
Покойнее рассветных дум.*

(Анна Ахматова «Песенка»)

Или посредством анаграммы, представляющей собой текст, составленный из новой последовательности букв другого текста. Например, Игорь Сид создает свое посвящение-анаграмму «Андрей Битов», используя лишь буквы его имени и фамилии в различных комбинациях:

*Верти бандой,
автор бдений!
Бей дни, автор.
О, бритва дней!
Битва родней.
Древний Бато,
бетон и драйв,
радий – в бетон ...
Ай, вот бредни!
Бредит война,
А в ней бродит
Андрей Битов.*

Анаграммное построение текста представлено и в ряде посвящений, созданных Б. Пастернаком – «Посвящение» (Марине Цветаевой), И. Северяниным – «Валерию Брюсову», Н. Гумилевым – «Акростих» (Анне Ахматовой) и др.

Универсум поэтических текстов в целом, как и творческое наследие многих конкретных поэтов, содержит в себе достаточно большую группу лирических произведений, относящихся к рассматриваемому текстотипу. Например, Марина Цветаева создала целый ряд посвящений А.А. Ахматовой, А.А. Блоку, Б.Л. Пастернаку, М.А. Волошину и многим другим поэтам. В то же время и М. Цветаевой были посвящены стихотворения, которые вступают в диалог не только с жизнью и творчеством поэтессы, но и взаимодействуют между собой через посредство определённых общих концептов. Подобным концептом, например, стал концепт «чудо», который широко представлен в таких стихотворениях М. Цветаевой, как «Плохое оправданье» (*Никому не шени, просыпаясь, про нежное чудо: / Свет и чудо – враги*), «Быть нежной, бешеной и шумной ...» (*... мое свершившееся чудо / Разгонит смех*), «В огромном липовом саду ...» (*Живой каким-то чудом / Двенадцатиколонный дом*) и т. д. Тексты посвящений Цветаевой, написанные Аделаидой Герцук и Максимилианом Волошиным, оказываются интертекстуально связанными через структурирование данного концепта не только с произведениями М. Цветаевой, но и между собой. Так, М. Волошин, откликаясь на «Вечерний альбом» поэтессы, написал: *Ваша книга – это весть «оттуда», / Утренняя благодатная весть. / Я давно уж не приемлю чуда, / Но как сладко слышать: «Чудо – есть!»*.

А. Герцук в своем посвящении развивает данный концепт, стремясь узнать, в чем же заключается чудо, и ответ на данный вопрос ищет у самой М. Цветаевой, обращаясь к ней своим посвящением, написанным в форме диалога: *«Что же в тоске бескрайней / Нашла ты разгадку чуда / Или по-прежнему тайна / Нас окружает всюду?»* («Что же в тоске бескрайней ...»).

Творческому наследию М. Цветаевой адресован и ряд посвящений, отсылающих к цветаевскому автометафорическому концепту «Марина – морская». Ср.: *Не в твоём ли отчаянном имени / Ветер всех буревых побережий, / О, Марина, соименница моря* (С. Парнок «Смотрят снова глазами ...») и др.

Интертекстуальные включения в текст посвящения способствуют, таким образом, адекватному пониманию мотивов создания, подтекстов, средств поэтического метаязыка, лирических образов произведения.

3. Смежно-интертекстуальные текстотипы: переводные тексты. В отличие от рассмотренных ранее текстотипов, перевод имеет более специфические связи с феноменом интертекстуальности, о чем уже говорилось в трудах ряда исследователей (Н.А. Кузьминой, Г.В. Денисовой, Р. Нэгеле и др.). И в том, и в другом случае мы имеем дело с деривационными отношениями «исходный текст – производный текст». При создании текста перевода коммуникативная цепь «автор – текст – читатель» расширяется до «автор – текст¹ – {читатель/переводчик (автор)} – текст² – читатель».

В то же время возникают различия на уровне прагматических интенций текстопорождения. В отношении рассмотренных выше текстотипов мы имеем «обоюдный диалог»: как со стороны исходного, прецедентного текста (в силу его высокохудожественности, знаковости, авторитетности), так и со стороны производного текста в силу жанротиповой специфики (посвящение, пародия, анаграмма и др.), то есть интертекстуальность является процессом создания равноправного диалога текстов по принципу «реплика – реплика».

Порождение переводного текста тем же образом стимулируется со стороны исходного текста, однако представляет собой диалог, развёртываемый по принципу «реплика – эхо». Характерно, что названием своей книги «Эхо: Пере-вод. Чтение между текстами» («Echos: Übersetzen. Lesen zwischen Texten» R. Nägele) Р. Нэгеле подчёркивает, что перевод является эхом (отголосками, откликами) одного текста в другом при перемещении его в иную культуру через границы одного языка в другой. При этом заметим, в силу определенных обстоятельств, это «эхо» может оказаться более сильным, чем отраженный им «голос». Так, М. Цветаева по поводу перевода В. Жуковским «Лесного царя» И.В. Гете писала: «Вещи равновеликие. <...> За столетие давности это уже не перевод, а подлинник» [14, 526].

Иными словами, на уровне восприятия текста перевод функционирует для читателя как первичный текст (далеко не всякий рядовой читатель владеет иностранными языками в полной мере и уже тем более прибегает к сравнению оригинального и переводного текстов), поэтому диалог переводного текста с оригинальным для обычного читателя чаще всего не существует. Этот диалог в полной мере доступен в основном узкому кругу специалистов, которые занимаются сопоставительным анализом оригинальных и переводных текстов [15].

Однако между интертекстуальностью и переводом, несомненно, существует общая зона, сближающая данные феномены. Это интерпретационные отношения, возникающие между исходным и производным текстами, которые могут дополнять их «диалогические отношения» [16]. Н.А. Кузьмина отмечает, что «переводчик художественного произведения – не только поэт, но и исследователь; его деятельность осознается им же самим как после-деятельность (мета-деятельность, перевод), предполагающая анализ, исследование законов организации текста-оригинала на разных языковых уровнях (от фонетического до собственно текстового)», «переводчик стремится самого себя отождествить с переводимым автором, перевоплотиться в него и потому получить право думать и говорить (додумывать и договаривать!) от его имени» [17].

Вдобавок к сказанному заметим и то, что перевод может вызвать у читателя интерес к оригиналу. В этом случае и возникает возможность переводного текста войти в интертекстуальный диалог с исходным текстом и вовлечение исходного текста в интертекстуальное поле перевода. И.В. Гете в связи с этим писал: «Я бы уподобил переводчиков искусным сводникам, умеющим представить женщину под вуалью красавицей, достойной любви и поклонения; они возбуждают у нас непреодолимое влечение к оригиналу».

Нередким в литературно-художественном дискурсе представляется явление «множественности переводимого произведения» [18, 261–262], когда один и тот же текст имеет несколько переводов, как, например, стихотворение И.В. Гете «Wandrer's Nachtlied» в переводах русскими поэтами: М. Лермонтов – «Горные вершины ...», И. Анненский – «Над высью горной ...», В. Брюсов – «На всех вершинах ...». «Чем больше переводов у одного и того же оригинала, тем больше оснований рассматривать эти переводы в совокупности, как некий своеобразный текст» [19, 5], т. е. как интертекст.

Таким образом, художественный перевод в значительной мере способен расширять культурно-смысловое поле интертекстуальности. Для того чтобы признать отношения исходного текста и текста-перевода интертекстуальными, необходимо наличие диалогического взаимодействия

текста-оригинала с лирическими текстами принимающего языка. Можно назвать следующие предпосылки этого:

- переводной текст должен осознаться как самобытный и самоценный факт принимающего поэтического дискурса и получить на этой основе известное отвлечение от текста оригинала; с этим обычно бывает связана ощутимая трансформация текстовых структур;
- должна присутствовать традиция сравнения, т. е. существовать ореол «неединственности» воплощения данного текста в универсуме текстов, и эта традиция должна составлять экстралингвистическую рамку бытия текста, входящую в пресуппозицию достаточно широкого круга читателей.

Возможность попадания перевода в интертекстуальное поле к тому же увеличивается пропорционально росту множественности его воплощений в принимающем литературно-культурном пространстве.

Согласимся в этом плане с М. Тростниковым: «Любой перевод представляет собой трансплантацию некоторого эстетического явления на не свойственную ему, чужеродную почву. Однако, если предпринимается попытка перевода текста, созданного в рамках культуры, принципиально отличной от культуры языка переводчика (скажем, из китайской или персидской поэзии), то правомерно говорить лишь о создании некоего общего представления о художественном произведении; если же перевод осуществляется с языка на язык в пределах одной культуры (скажем, с немецкого на русский), то бытование переводного текста в рамках иной национальной культуры способно обогатить подтекстовую структуру оригинала, создав тем самым интертекст интеркультуры» [1, 564].

Художественный перевод, таким образом, расширяет культурно-смысловое поле интертекста до интерТЕКСТА интерКУЛЬТУРЫ, когда в интертекстуальный диалог (полилог) включаются тексты разных эпох, разных литературных традиций.

Из сказанного становится заметным, что одной из важных и распространенных форм интертекстуальности является **процесс изменения жанра текста**. У. Броих такое изменение жанра рассматривает как переход текста «в другую знаковую систему или в другой код» [20, 135]. Отношения между текстами могут рассматриваться как интертекстуальные с изменением жанра в том случае, если «между претекстом и текстом регистрируется совпадение их основополагающих признаков и элементов (например, троповые фигуры, тема, структура и т. п.) при соответствии текстов критериям и признакам жанров» [21, 162].

Рассматривая процесс изменения жанра текста через призму интертекстуальности, Л. Митрахе говорит о поляризации данного процесса между репродукцией и инновацией. Репродукция достигается в том случае, когда автор ставит своей целью изменить жанр и «остаётся полностью верен претексту» [22, 29]. Инновация в тексте проявляется как результат критического рассмотрения текста или интенсивного диалога с автором претекста, что приводит к возникновению новых смысловых конструкций.

Таким образом, интертекстуальность может рассматриваться как конститутивный текстотипологически значимый признак. При этом по отношению к различным текстотипам интертекстуальность проявляется в различной степени. Типы текста «посвящение», «разговор с поэтом» стремятся к интертекстуальности, перевод можно рассматривать как феномен, границы которого шире, чем интертекстуальность. В чистом же виде интертекстуальность реализуется в пародиях, цитатах, антифразах.

Литература

1. Тростников, М. Перевод и интертекст с точки зрения поэтологии / М. Тростников // Семиотика. Антология. – 2-е изд. – М.: Акад. проект. – Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 563–580.
2. Кузьмина, Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н.А. Кузьмина. – Екатеринбург; Омск, 1999.
3. Дементьева, И.Е. Интертекстуальность и устойчивые элементы текста / И.Е. Дементьева // Язык и литература. – Вып. 9. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.utmn.ru/frgf/No9/text16.htm>.
4. Бахтин, М.М. Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – С. 237–280.
5. Баранов, А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста / А.Г. Баранов. – Ростов-на-Дону, 1993.
6. Рытникова, Я.Т. Семейная беседа: обоснование и риторическая трактовка жанра: автореф. дис ... канд. филол. наук / Я.Т. Рытникова. – Екатеринбург, 1996.

7. Орлов, О.М. Устные профессионально значимые жанры речи экономиста: теоретические основы экономической риторики / О.М. Орлов. – Саратов, 2001.
8. Suerbaum, U. Intertextualität und Gattung: Beispielreihe und Hypothesen // Intertextualität: Formen, Funktionen, Anglistische Fallstudien / U. Suerbaum; hrsg. von Ulrich Broich und Manfred Pfinster. – Tübingen: Niemeyer, 1985. – S. 58–77.
9. Тынянов, Ю.Н. О пародии / Ю.Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино / Ю.Н. Тынянов. – М.: Наука, 1977. – С. 284–310.
10. Тынянов, Ю.Н. Достоевский и Гоголь (о теории в пародии) / Ю.Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино / Ю.Н. Тынянов. – М.: Наука, 1977. – С. 198–228.
11. Новиков, В.Л. Книга о пародии / В.Л. Новиков. – М.: Просвещение, 1989. – 524 с.
12. Сарнов, Б. Плоды изнурения (литературная пародия вчера и сегодня) / Б. Сарнов // Вопросы литературы. – 1984. – № 11.
13. Антология русского палиндрома, комбинаторной и рукописной поэзии / сост. и коммент. Г.Г. Лукомникова, С.Н. Федина. – М.: Гелиос АРВ, 2002. – 272 с.
14. Цветаева, М. Два Лесных Царя / М. Цветаева // Cvetaeva M.J. Ausgewaelte Werke. – Muenchen: Wilhelm Fink Verlag, 1971. – S. 521–527.
15. Кураш, С.Б. Художественный дискурс – интертекст – научный дискурс: объекты и субъекты сопоставления / С.Б. Кураш // Проблеми з'ставної семантики: зб. наук. ст.; від. ред. М.П. Кочерган. – Київ: КДЛУ, 2001. – Вип. 5.
16. Гришкова, О.Н. Перевод поэтических текстов в поле интертекстуальности / О.Н. Гришкова, С.Б. Кураш // Вісник Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка: Філологічні науки. – 2005. – № 15(95). – Ч. 2. – С. 18–24.
17. Кузьмина, Н.А. Феномен художественного перевода в свете теории интертекста / Н.А. Кузьмина // [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: www.irlras-cfml.rema.ru:8101/publications/reports/perevod-2.htm.
18. Левин, Ю.Д. Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода / Ю.Д. Левин. – Л., 1985.
19. Задорнова, В.Я. Восприятие и интерпретация художественного текста / В.Я. Задорнова. – М.: Высшая Школа, 1984.
20. Broich, U. Zu den Versetzungsformender Intertextualität / U. Broich // Intertextualität: Formen, Funktionen, Anglistische Fallstudien / hrsg. von Ulrich Broich und Manfred Pfinster. – Tübingen: Niemeyer, 1985. – S. 135–137.
21. Lenz, B. Intertextualität und Gattungswchsel: Zur Transformation literarischer Gattungen / B. Lenz // Intertextualität: Formen, Funktionen, Anglistische Fallstudien / hrsg. von Ulrich Broich und Manfred Pfinster. – Tübingen: Niemeyer, 1985. – S. 158–178.
22. Mitrache, L. Intertextualität und Phraseologie in den drei Versionen der Panne von Friedrich Duerrenmatt. Aspekte von Gröteske und Ironie / L. Mitrache. – Uppsala, Sweden, 1999. – 154 s.

Summary

In the article one of aspects of intertextuality – its organizing and systeming character – is considered. On the example of Russian poetic discourse of XIX–XX centuries the problem of intertextuality as the basis of description of texts types is covered. Three types of poetic texts are described: actually intertextual texts; the texts inclined to intertextuality; texts, adjacent with intertextuality. It is shown, as between these types of texts various poetic genres and the translation texts are distributed.

Поступила в редакцию 28.02.06.

УДК 882.6.09

Я.Я. Іваноў

ДА ПРАБЛЕМЫ ўКЛАДАННЯ СЛОўНІКА АФАРЫЗМАў МОВЫ ТВОРАў ЯКУБА КОЛАСА

Вывучэнне афарыстычнага багацця мовы беларускай літаратуры з'яўляецца адной з актуальных праблем беларускага мовазнаўства. Гэта датычыць не толькі вывучэння аўтарскіх інавацый, як лічыць А.Я. Міхневіч, але і агульнаўжывальнай, і дыялектнай, і жаргоннай афарыстыкі (найперш з фонду прыказак і прымавак, крылатых выразаў), разнастайных афарыстычных рэмінісцэнцый з твораў беларускіх і замежных аўтараў, індывідуальна-аўтарскіх перафразаванняў

і перайманняў афарызмаў у межах як асобных ідыястыляў, так і цэлых гістарычных перыядаў развіцця беларускай літаратуры і літаратурнай мовы [1, 61].

На жаль, айчынная філалогія не толькі не мае ў вызначаным кірунку нейкіх асаблівых дасягненняў, але і да адносна нядаўняга часу амаль не рухалася наперад. Да 1960-га года, як адзначаў Ф.М. Янкоўскі ў сваім вядомым зборніку «*Крылатыя словы і афарызмы*», увогуле «не было надрукавана ніводнага артыкула аб беларускіх крылатых словах ці іншых вобразных выслоўях літаратурнага паходжання» [2, 9]. Гэтая на той час досыць грунтоўная кампіляцыя была першай навуковай працай, прысвечанай беларускай літаратурнай афарыстыцы. У зборніку, аднак, разам з афарыстычнымі крылатымі выразамі і непрэцэдэнтнымі «афарызмамі» былі змешчаны і неафарыстычныя крылатыя словы (гэсп. фразеалагізмы «ў вузкім сэнсе слова»), і «вобразныя выслоўі» неабагульненага зместу, і нават асобныя словы (прозвішчы літаратурных персанажаў). Уласна ж афарызмаў у зборніку Ф.М. Янкоўскага налічваецца толькі 89 адзінак, што прыкладна крыху больш за 40,0% ад агульнай колькасці выказаў.

Для асэнсавання афарыстыкі як асобнага прадмета філалагічных даследаванняў спатрэбілася яшчэ амаль чвэрць стагоддзя, каб пабачыла свет шырока вядомая праца «Афарыстыка Якуба Коласа (да пастаноўкі праблемы)» А.Я. Міхневіча [3], дзе быў акрэслены не толькі шэраг актуальных пытанняў вывучэння літаратурных афарызмаў, але і ўпершыню ў беларусістыцы пастаўлена праблема апісання афарызма як аб'екта лінгвістыкі (крыху раней гэтыя ж пытанні пачалі распрацоўвацца ў расійскай філалогіі ў працах С.Г. Гаўрына, Я.М. Верашчагіна і В.Р. Кастамарава, Н.Ц. Федарэнкі, В.П. Феліцынай і Ю.Я. Прохарава і інш.).

Трэба адзначыць, што ўласна лінгвістычнае вывучэнне беларускай літаратурнай афарыстыкі пакуль што не акрэслілася ў спецыяльны кірунак ні ў межах даследавання мовы мастацкай літаратуры, ні ў рамках стылістыкі, ні ў тэрмінах фразеалогіі. Галоўнай прычынай гэтага з'яўляецца тое, што вывучэнне афарызма як літаратурнага тэксту ў тэрмінах лінгвістыкі не здолела не толькі канцэптуальна і метадалагічна, але і на метамоўным ўзроўні адасобіцца ад літаратуразнаўчага асэнсавання афарызма як геналагічна-семантычнай разнавіднасці слоўнай творчасці. Паказальна ў гэтай сувязі, што пасля выдання свайго зборніка «Крылатыя словы і афарызмы» Ф.М. Янкоўскі яшчэ некалькі разоў вяртаўся да аналізу беларускіх літаратурных афарызмаў, але ніколі не разглядаў іх як уласна моўную з'яву [4].

Найбольш відавочна літаратуразнаўчы ўплыў выяўляецца ў самой кваліфікацыі афарызма як аб'екта лінгвістычных даследаванняў – занадта «вузкага» разумення афарызма толькі як літаратурна-мастацкага тэксту або пэўнай яго разнавіднасці. У прыватнасці, у энцыклапедыі «Беларуская мова» уласна «афарызмы» вызначаюцца А.Я. Міхневічам як асобны моўны феномен, што ніяк не суадносіцца не толькі з «прыказкамі і прымаўкамі» (у тым ліку і ў іх разуменні як фальклорных тэкстаў), але і з «сентэнцыямі», «максімамі» і «апаф(ц)егмамі»; з'яўляюцца разам з усімі імі толькі адной з разнавіднасцей «выслоўяў» [5].

Існуючыя спробы лінгвістычнага аналізу беларускай афарыстыкі за рэдкім выключэннем не выходзяць за межы эмпірычнага апісання. Моўная афарыстыка (найперш з фонду прыказак, прымавак і крылатых выказаў) традыцыйна даследуецца ў межах беларускай фразеалогіі і парэміялогіі, у тым ліку і ў мове мастацкай літаратуры, але не як асобная лінгвістычная катэгорыя. Вывучэнне ж моўнай спецыфікі афарызмаў як літаратурных тэкстаў (і інтэртэкстаў) дагэтуль застаецца на перыферыі беларускага мовазнаўства. Так, у энцыклапедыі «Беларуская мова» ў спісе літаратуры да артыкула «Афарызм» згадваецца толькі чатыры працы, прысвечаныя вывучэнню беларускай афарыстыкі. Трэба з прыемнасцю адзначыць, што ў апошні час такіх даследаванняў стала значна больш.

Індывідуальна-аўтарскімі афарызмамі, аднак, зусім не абмяжоўваецца афарыстычнае багацце мовы мастацкай літаратуры. У творах беларускіх пісьменнікаў ужываецца шмат прыказак і прымавак, крылатых афарызмаў, літаратурных цытат, якія не толькі часта перафразуюцца аўтарамі, але і нярэдка з'яўляюцца прататыпамі ўласна аўтарскіх выслоўяў. Гэта вымагае разглядаць усе афарыстычныя адзінкі ў мове мастацкай літаратуры незалежна ад іх паходжання і сферы ўжывання як асобнае мноства адзінак, што патрабуюць спецыяльнага вывучэння і адметных спосабаў лексікаграфічнага апісання.

Яшчэ ў пачатку 80-х гадоў ХХ ст. А.Я. Міхневічам было пастаўлена пытанне аб навуковай апрацоўцы і публікацыі надзвычай багатай і разнастайнай афарыстычнай спадчыны Якуба Коласа. За дваццаць год вывучэнню індывідуальна-аўтарскіх афарызмаў у мове твораў пісьменніка быў прысвечаны шэраг прац [6; 7; 8 і інш.], пабачылі свет грунтоўная кампіляцыя [9], невялікая падборка вершаваных выслоўяў з паэмы «Новая зямля» [10] і інш.

Разам з тым афарыстыка мовы твораў Якуба Коласа мала адлюстравана ў зборніках афарызмаў і слоўніках беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў. Паказальны той факт, што ў адзіным беларускамоўным зборніку непраэцэдэнтных літаратурных афарызмаў «*Вечна новыя старыя ісціны*» (1993), дзе сабраны выразы айчынных і замежных аўтараў аб зямлі, прыродзе, раслінах і жывёлах, няма ніводнага (?!) афарыстычнага выслоўя Якуба Коласа.

Невялікая колькасць афарызмаў пісьменніка змешчана ў перакладзе на рускую мову ў афарыстычных кампіляцыях з айчынных і замежных крыніц «*Витражи мудрости*» (1987) і «*Жемчужины мысли*» (1987), адпаведна 15 і 7 адзінак, а таксама ў вядомым зборніку «*Симфония разума*» (1976) і шэрагу іншых рускамоўных выданняў літаратурнай афарыстыкі.

Некаторыя афарызмы Якуба Коласа адлюстраваны ў згаданым ужо зборніку Ф.М. Янкоўскага «*Крылатыя словы і афарызмы*» (1960), дзе змешчаны 33 афарыстычныя выслоўі, а таксама ў лінгвакраіназнаўчым «Слоўніку беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў» С.Ф. Івановай і Я.Я. Іванова, у якім падаецца 6 афарызмаў пісьменніка, што з'яўляюцца крылатымі ў сучаснай беларускай літаратурнай мове [11, 36–38, 69–70, 92–94, 96, 141–142].

Частка афарыстычных прыказак і прымавак, якія ўжываюцца ў мове твораў Якуба Коласа, акрамя лінгвакраіназнаўчага слоўніка, засведчана ў парэміялагічных даведніках «*Крынічнае слова: (Беларускія прыказкі і прымаўкі)*» (1987) І.Р. Шкрабы і Р.В. Шкрабы, «*Слоўнік беларускіх прыказак*» ([1996] 2002) І.Я. Лепешава і М.А. Якалцэвіч, «*Прыказкі і прымаўкі*» ([2000] 2002) А.С. Аксамітава. Але гэты датычыць найперш тых парэмій, што шырока распаўсюджаны ў сучаснай беларускай літаратурнай мове. Большасць жа малаўжывальных (у тым ліку і ўстарэлых), а таксама дыялектных прыказак і прымавак засталася па-за межамі лексікаграфічнага апісання, хоць некаторыя з іх знаходзім у зборніках фальклорных парэмій і дыялектных слоўнікаў.

Такое становішча не дазваляе стварыць нават прыблізнага ўяўлення пра афарыстычнае багацце мовы твораў Якуба Коласа, і не таму, што яно раскідана па шматлікіх парэміялагічных даведніках пераважна без спасылак на ўжыванне ім той ці іншай адзінкі (за выключэннем невялікай колькасці слоўнікаў, дзе змяшчаюцца ілюстрацыйныя цытаты), а перш за ўсё з прычыны адсутнасці спецыяльнага, у тым ліку і лексікаграфічнага апісання афарыстыкі ідыястылю пісьменніка.

Пытанне пра неабходнасць стварэння слоўніка афарызмаў Якуба Коласа было пастаўлена аўтарам гэтых радкоў у 1993 г. у выступленні на чарговых «Каласавінах» [12]. Розным аспектам лексікаграфічнага апісання афарыстыкі мовы твораў пісьменніка прысвечаны нашы працы [13; 14 і інш.].

Слоўнік афарызмаў мовы твораў Якуба Коласа задуманы як першы ў беларускай лексікаграфіі даведнік, дзе будуць змешчаны **ўсе афарызмы** (і індывідуальна-аўтарскія, і моўныя), ужытыя аўтарам у яго творах. Акрамя таго, гэты даведнік будзе таксама першай у беларускім мовазнаўстве спробай уласна лінгвістычнага слоўніка афарыстыкі мовы мастацкай літаратуры. Кожная з афарыстычных адзінак атрымае ў слоўніку генетычную, камунікацыйна-мадальную, семантычную, лексічна-граматычную, функцыянальна-камунікацыйную і колькасную характарыстыкі. Задача слоўніка – вычарпальна апісаць умовы ўжывання афарызмаў у мове пісьменніка, выявіць іх асноўныя семіялагічныя тыпы, крыніцы паходжання і перафразаваныя формы.

Стварэнне слоўніка патрабуе вырашэння пытанняў як практычнага характару (вызначэння паходжання таго ці іншага афарызма, яго пачатковай формы ў тых выпадках, калі афарыстычная адзінка падпадае ў кантэксце пэўным структурным трансфармацыям – змяняецца яе граматычная будова і/або лексічны склад), так і тэарэтычнага – праблемы вылучэння афарызма з кантэксту літаратурнага твора, вызначэння асноўных мадэляў утварэння афарыстычных адзінак і спосабаў структурных відазмяненняў афарызмаў у кантэксце і інш. Акрамя гэтага, укладанне такога слоўніка патрабуе распрацоўкі саміх прынцыпаў лексікаграфічнага апісання афарызмаў на ўзроўні ідыястылю. Дакладнасць апісання форм і значэнняў афарызмаў у слоўніку, як і ўвогуле яго рэпрэзентацыйнасць у адлюстраванні асаблівасцей афарыстыкі мовы твораў Якуба Коласа, будзе залежаць ад таго, наколькі правільна будуць вырашаны названыя пытанні.

Слоўнікавы артыкул пры лексікаграфічным апісанні афарыстыкі мовы твораў Якуба Коласа павінен быць максімальна рэпрэзентацыйным і складацца з наступных элементаў: (1) загаловая адзінка; (2) памета аб паходжанні афарызма; (3) звесткі этымалагічнага характару; (4) функцыянальна-камунікацыйная характарыстыка; (5) гістарычна-часавая характарыстыка; (6) функцыянальна-стылістычная характарыстыка; (7) экспрэсіўна-стылістычная характарыстыка; (8) тлумачэнне значэння або сэнсу афарыстычнай адзінкі; (9) сітуацыйная характарыстыка ўжывання афарыстычнай адзінкі; (10) камунікацыйна-мадальная характарыстыка ўжывання афарыстычнай адзінкі ў тэксце твора; (11) памета аб ужыванні афарызма ў адной са сваіх

парадигматычных мадыфікацый; (12) ілюстрацыйныя цытаты ўжывання афарыстычнай адзінкі ў мове твораў пісьменніка; (13) колькасная характарыстыка ўжывання афарызма ў мове твораў пісьменніка; (14) звесткі аб сферы ўжывання афарыстычнай адзінкі па-за мовай твораў пісьменніка; (15) звесткі аб іншых даведачных выданнях, дзе згадваецца афарыстычная адзінка, яе варыянтныя і факультатыўныя формы; (16) сінанімічныя афарызмы з тых, што сустракаюцца ў мове твораў пісьменніка; (17) антанімічныя афарызмы з ліку тых, што сустракаюцца ў мове твораў пісьменніка; (18) афарызмы, блізкія па прадметна-тэматычнай суаднесенасці і/або спосабу адлюстравання рэчаіснасці, з тых, што сустракаюцца ў мове твораў пісьменніка.

Такім чынам, лексікаграфічнае апісанне афарызмаў, якія ўжываюцца ў мове твораў Якуба Коласа, павінна мець наступную пабудову. Параўн. (на прыкладзе афарыстычных адзінак з паэмы «Новая зямля»).

А ТАМ, ЗА СВЕТАМ, НА ЧУЖЫНЕ НІХТО ЦЯБЕ, ОЙ, НЕ ПРЫХІНЕ! Аўт. Ужыв. у мове персанажа. [Маці:] – *Так ... хоць зямлі свае няма, Але ўсё ж лепей, як нічога. А збудзь яе – пачуеш страту, Бо дзе паставіш тую хату, Калі няшчасце напаткае? Бо гэта служба ўжо такая. А там, за светам, на чужыне Ніхто цябе, ой, не прыхіне! І як там будзе з той зямлёю? Не хваціш голаю рукою, – Няпэўна ўсё і невядома, Дык больш пільнуйцеся вы дому!* «Новая зямля» (IV. На першай гаспадарцы). Гл. Янкоўскі 1960: 13.

ДЫ ШТО КРАСА БЕЗ АЎЛАДАННЯ? АДНО ПУСТОЕ ПАРЫВАННЕ. Аўт. Ужыв. у аўтарскай мове. *Прайшло ў Парэччы лет няма, Яно ж не цешыла Міхала, Хоць тут мясцінка гожа, міла І так гарнула, так хіліла К сабе і лесам і лугамі, І старасвецкімі дубамі! Ды што краса без аўладання? Адно пустое парыванне У цьме далёкі блеск зарніцы: Ўсё гэта – скарбы чужаніцы, Магната князя Радзівіла, А ты, пакуль ёсць рух і сіла, Служы панам, збірай іх крошкі І ведай цьмяныя дарожкі Батрацкай долі да магіль.* «Новая зямля» (XXVI. Агляд зямлі).

КАЛІ ХТО ЗМОЖА, ПАКУЛЬ НЕ ЗГАСНЕ СЛУЖКА БОЖЖА [падаючая зорка], **ЗАДУМАЦЬ ШТО Ё МАМЭНТ БЛІСКАННЯ, ТАГО ЎСЕ СПОЎНЯЦА ЖАДАННІ.** Інд.-аўт. Утвораны ад *прымхі* Калі паспееш загадаць жаданне, пакуль не згасла «падаючая зорка», яно павінна абавязкова споўніцца. Ужыв. у мове персанажа. [Маці:] – *Калі стваралісь богам светы, Па зорцы светлай чалавеку Назначыў бог святы спрадвек; Яна жыццём яго кіруе І лёс яго і смерць пільнуе. Чым больш з людзей хто выдатнейшы, Таго і зоркі блеск яснейшы, І гасне зорачка святая, Калі даручаны сканае: Вось так на небе адначасна Яна мігнецца і пагасне, Як бы хто з жалю вочкі ўскіне І невядома дзе загіне. І неба слых тады прыклоніць, І анел слэзку ціха зроніць ... Як я была яшчэ малою, То дзед, бываючы ў настроі, Часамі веў апавяданні Аб гэтым зорачным зніканні, Яшчэ казаў: «Калі хто зможа, Пакуль не згасне служба божжа, Задумаць што ў мамэнт бліскання, Таго ўсе споўняцца жаданні.»* «Новая зямля» (XXI. Таемныя гукі).

МОЙ РОДНЫ КУТ, ЯК ТЫ МНЕ МІЛЫ!... ЗАБЫЦЬ ЦЯБЕ НЕ МАЮ СІЛЫ! Аўт. Ужыв. у аўтарскай мове. *Мой родны кут, як ты мне мілы!... Забыць цябе не маю сілы! Не раз, утомлены дарогай, Жыццём вясны мае убогай, К табе я ў думках залятаю І там душою спачываю.* «Новая зямля» (I. Леснікова пасада). Гл. Янкоўскі 1960: 72; *Мой родны кут, як ты мне мілы!...; Іванова, Іваноў 1997: 92–94: Мой родны кут, як ты мне мілы <, забыць цябе не маю сілы > (у знач. 'Радзіма заўжды застаецца самым любімым і прыемным месцам на зямлі, без якога чалавек не можа жыць; гаворыцца звычайна з асаблівай узнёсласцю, калі хто-н. згадвае аб сваёй Бацькаўшчыне, параўноўвае яе з іншымі мясцінамі, якія яму давялося зведаць').*

НЕ, НЕ ЗДАВОЛІШ ЧАЛАВЕКА, І БУДЗЕ ВЕЧНА ЁН КАЛЕКА: ЧАГО-НІБУДЗЬ, А БУДЗЕ БРАК, УЖО БО СТВОРАНЫ ЁН ТАК! Аўт. Ужыв. у мове персанажа. – *Ото, мой божа: чалавеку Заўсёды мала, не хватае, – Антось уголас разважае: – Ці ёсць канец яго патрэбам? Чаго няма пад гэтым небам!... [Грышка Верас:] – Не: не здаволіш чалавека, І будзе вечна ён калека: Чаго-нібудзь, а будзе брак, Ужо бо створаны ён так! Твардоўскі пан быў – мо чувалі? – Яму ўсе чэрці слугавалі І ўсе выконвалі жаданні, І што ж? шчаслівы быў? нізвання? Ды ўзяць хоць нас, не тое ж сама? І мы, як тая багна-яма, Ўвесь век варушымся, збіраем, Канца ж патрэбам тым не знаем.* «Новая зямля» (XXIX. На замкавай гары). Параўн. НЕ, НЕ ЎНАРОВІШ ЧАЛАВЕКУ!

ПАСПЕЕШ З КОЗАМІ НА ТОРГ. Агульнамоўн. Прык. Заўжды паспееш зрабіць тое, што можаш зрабіць у любы час. Гаворыцца (часцей як парада ці папярэджанне) тым, хто нецярплівы, спяшаецца без прычыны. Ужыв. у мове персанажа. Трансфарм. у кантэксте. [Антось:] – *Здароў, брат Доніс! – дзядзька рады, Сябру ківае для нарады: – Скажы мне, браце, ці нямажна, <...> Дык ці нямажна б мне ... за хабар Крыху паехаць на машыне? – А вось пастой, хай люд адхлыне,*

Кур'ерскі пройдзе, а тым часам Мы перамовімся з Уласам ... Спакойны будзь: мы ўсё абладзім, Хоць на таварны, а пасадым. – Дык ты, брат Доніс, пастарайся! – Будзь пэўны, брат, не сумнявайся: З казамі мы на торг паспеем. «Новая зямля» (XXVII. Па дарозе ў Вільню). Гл. Прыказкі і прымаўкі 1976: 1: 459: Паспееш з козамі на торг або З казамі на торг яшчэ паспееш або Мы са сваімі козамі на торг паспеем; Шкраба, Шкраба 1987: 185–186, 286: Яшчэ паспееш з козамі на торг (у знач. 'Папярэджанне не спяшацца, запасціся цярпліваасцю'); Беларускія прыказкі [1957] 1992: 214: З козамі на торг паспееш і 256, 282; Іванова, Іваноў 1997: 117–118; Аксамітаў 2000: 180: Паспееш з казамі на торг.

ХТО ЧАРКУ П'Е, ТОЙ НАЛІВАЕ. *Агульнамоўн. Народ. выслоўе.* Ужыв. у аўтарскай мове. *І колькі мілых было сварак, Як адмаўляліся ад чарак! – Ну, проша ж, пані Юзафова! – Ой, не, не, кумка, даю слова! Зусім я п'яна, бойся бога! – Ну выпі ж, кумачка, нічога! – Кума на просьбу наддаецца, За чарку тройчы ўжо бярэцца І толькі-толькі прыгубляе І чарку зноў не дапівае І руку цягне да бутэлькі. – Не дам, кума! Не дам, Анэлька! (Бо ўжо так звычай вымагае: Хто чарку п'е, той налівае.) Ну, выпі ж чысценька-чысцютка!* «Новая зямля» (XIII. Падгляд пчол).

ЧАЛАВЕК – ЗВЕР ЧАЛАВЕКУ. *Інд.-аўт.* Утвораны ад крыл. выразу Чалавек чалавеку воўк < лац. Homo homini lupus est (Plautus, «Asinaria», 2, 4, 88). Чалавек не абавязкова добра, спагадліва ставіцца да сябе падобных. Гаворыцца, калі хто-н. парушае агульнапрынятыя маральныя абавязкі ў адносінах да іншых. Ужыв. у аўтарскай мове. Трансфарм. у кантэксце. *О родны край! О край пакуты, Нягоды цяжкаю прыгнуты! Калі ж ты збудзеш тое гора, Што і цяпер там, як і ўчора, Як і даўней, цябе знішчае І горкім смуткам авявае? І ў час вялікі разбурэння Не сцярпіць нават і каменне Тваіх палёў, глухіх абшараў, Дзе след вайны агнём пажараў Пранёсся дзіка і няшчадна, Каб не заплакаць з таго здзеку, Што чалавек – звер чалавеку – Так злосна чыніць, неўспагадна!...* «Новая зямля» (XVIII. Зіма ў Парэччы). Гл. Шкраба, Шкраба 1987: 259.

Паводле вызначаных прынцыпаў апісаны афарыстычны склад паэмы Якуба Коласа «Новая зямля» [15, 35–78].

Літаратура

1. Міхневіч, А.Я. Афарызмы / А.Я. Міхневіч // Беларуская мова: Энцыклапедыя. – Мінск: БелЭн, 1994. – С. 60–61.
2. Янкоўскі, Ф.М. Крылатыя словы і афарызмы (з беларускіх літаратурных крыніц) / Ф.М. Янкоўскі. – Мінск: Выд-ва АН БССР, 1960. – 134 с.
3. Міхневіч, А.Я. Афарыстыка Якуба Коласа (да пастаноўкі праблемы) / А.Я. Міхневіч // Беларуская лінгвістыка. – Мінск, 1983. – Вып. 22. – С. 59–65.
4. Янкоўскі, Ф.М. Слова пра афарызмы / Ф.М. Янкоўскі // Польша. – 1987. – № 8. – С. 215–219.
5. Міхневіч, А.Я. Выслоўі / А.Я. Міхневіч // Беларуская мова: энцыклапедыя. – Мінск: БелЭн, 1994. – С. 115–116.
6. Іваноў, Я.Я. Індывідуальна-аўтарскія перафразаванні і парадыгматычныя формы афарызмаў у мове твораў Якуба Коласа / Я.Я. Іваноў // VI Навуковыя чытанні, прысвечаныя 120-годдзю з дня нараджэння акадэміка НАН Беларусі С.М. Некрашэвіча (23 мая 2003 г.): зб. навук. артыкулаў. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2003. – С. 199–204.
7. Назаранка, Ю.В. Выслоўі Якуба Коласа / Ю.В. Назаранка // Весці НАН Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2003. – № 4. – С. 117–122.
8. Назаранка, Ю.В. Сродкі стварэння гумару ў выслоўях Якуба Коласа / Ю.В. Назаранка // Веснік БДУ. Сер. 4. – 2003. – № 3. – С. 66–70.
9. Міхневіч, А.Я. Выслоўі і афарызмы Якуба Коласа / А.Я. Міхневіч, Ю.В. Назаранка // Польша. – 2001. – № 11. – С. 230–261.
10. Іваноў, Я.Я. Якуб Колас: «Таёмны вы, зямлі скрыжалі! Чаго ў сябе вы не ўпісалі!» (матэрыялы да «Анталогіі беларускага літаратурнага афарызма» з паэмы «Новая зямля») / Я.Я. Іваноў // Край = Край. – 2002. – № 3–4(6–7). – С. 171–183.
11. Іванова, С.Ф. Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў: лінгвакраіназнаўчы дапаможнік / С.Ф. Іванова, Я.Я. Іваноў. – Мінск: Беларускі Фонд Сораса, 1997. – 262 с.
12. Іваноў, Я.Я. Афарыстыка паэмы Якуба Коласа «Новая зямля» (да складання афарыстычнага слоўніка мовы пісьменніка) / Іваноў Я.Я. // Каласавіны: мат-лы навук. канф., прысвеч. 70-годдзю выхаду ў свет паэмы Я. Коласа «Новая зямля» (3 лістапада 1993 г.). – Мінск: Літаратурны музей Я. Коласа, 1993. – С. 74–77.

13. Іваноў, Я.Я. Афарыстыкон Якуба Коласа (да праблемы лексікаграфічнага апісання афарыстычнага складу мовы пісьменніка) / Я.Я. Іваноў // Куляшоўскія чытанні: мат-лы Міжнарод. навук. канф. (6–7 лютага 2002 г.). – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2002. – С. 39–42.

14. Іваноў, Я.Я. Афарыстыка мовы твораў Якуба Коласа (да праблемы лексікаграфічнага апісання) / Я.Я. Іваноў // Край = Kraj. – 2002. – № 3–4(6–7). – С. 150–170.

15. Іваноў, Я.Я. Афарыстыка мовы мастацкага твора (паэма Якуба Коласа «Новая зямля»): лексікаграфічны аспект / Я.Я. Іваноў – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2004. – 84 с.

Summary

The article analyses the individual aphorisms, proverbs and Winged Words in the works by Yakub Kolas. The author defines the technique of the lexicographic description of aphorisms.

Паступіла ў рэдакцыю 18.04.05.

УДК 808.26-541.2

I.V. Karnilovich

ФОНАВАЯ ІНФАРМАЦЫЯ І КАТЭГАРЫЗАЦЫЯ

1. Маўленчая дзейнасць мае не толькі камунікатыўны аспект (уключае перадачу паведамлення), але і аспект намінацыйны. Апошні звязаны з працэсам узаемаразумення паміж камунікантамі. Суб'ект маўлення з'яўляецца носьбітам той ці іншай інфармацыі, далучанасць да якой спараджае стан, калі людзі не толькі ведаюць, пра што ідзе размова, але і *разумеюць* адзін аднаго. Перадумовай узаемаразумення з'яўляецца наяўнасць у камунікантаў агульнай інфармацыі, якую ў мовазнаўстве называюць **фонавай інфармацыяй**.

Фонавая (інакш імпліцытная) інфармацыя – гэта не тое, што маецца *на ўвазе*, а тое, што *падразумеваецца*. Даследчыкі ўключаюць у гэтае паняцце і прагматычныя перадумовы тэксту, і сітуацыю маўленчых зносін, і заснаванне на веданні свету прэсупазіцыі, якія робяць выказванне асэнсаваным, і падтэкст, і рознага роду алюзіі, сімвалы, каламбур, – усякі няўны і прыхаваны дадатковы змест, які праднамерана закладваецца аўтарам у тэкст [1], [2], [3].

Фонавая інфармацыя назапашваецца ў мове і складае частку культуры носьбітаў мовы. Яна мае сінхранічна-дыяхранічную прыроду: існуе актуальна або можа быць забытай. Акрамя гэтага, фонавая інфармацыя адрозніваецца ўзроўнем **экстэнсіі** (пашыранасці). Адны звесткі могуць мець інтэрнацыянальны (планетарны) узровень – гэта агульначалавечыя фонавыя веды. Другія звесткі распаўсюджаны на тэрыторыі пэўнай нацыі, трэція – ахопліваюць толькі абмежаваны этнас. Каб зразумець адзін аднаго, прадстаўнікі пэўных соцумаў павінны быць далучаны да інфармацыйных рэсурсаў, акумуляваных гэтымі соцумаўмі.

Мноства самых распаўсюджаных слоў «акружаны» ў мове эмацыянальным арэолам, «роем асацыяцый» (Ю. Тынянаў). Гэты арэол стварае іх спецыфічную культуралагічную **канатацыю**; яна ўключае стылістычную, эмацыянальную і сэнсавую інфармацыю, якая спадарожнічае слову. «Рускі *волк*, – піша А. Разанаў, – рывок, імкненне наперад, якія заканчваецца шчоўканнем зубоў; украінскі *вовк* сыты і апрануты ў цёплы кажухок; польскі *wilk* рэжа свінню, а беларускі *воўк* вые» [4, 162].

У канатацыйнай інфармацыі ўвасабляецца спецыфіка культуры той ці іншай этнічнай супольнасці. Напрыклад, тоеснымі па рэфэрэнце з'яўляюцца бел. *бульба* і рус. *картофель*. Аднак канататыўны арэал у *бульбы* значна багацейшы. Слова *бульба* мае свайго роду «генетычную памяць» – яно напамінае нам пра кантэксты свайго ўжывання, якія ўтвараюць яго канататыўны паэтычны арэол. Дастаткова ўспомніць хаця б беларускую песню і танец з такой назвай, шматлікія прыказкі і прымаўкі пра «другі хлеб» для беларуса, цэлае «сузор'е» аднакарэнных слоў: *бульбачка*, *бульбоўнік*, *бульбаіш*, *бульбянішча*, *бульбяны*, *бульбіна* ... (ТСБМ). Відавочна, што поўная замена бел. *бульба* рус. *картофель* ці укр. *картопля* немагчыма, таму што рус. *картошка* – зусім не тое, што бел. *бульба* і ўкр. *картопля* [5, 80].

Нельга гаварыць аб раўназначнасці такіх адзінак у розных мовах, можна сцвярджаць толькі тую ці іншую ступень іх *эквівалентнасці*. Напрыклад, можна сцвярджаць, што польск. *karusniak* – гэта не тое, што рус. *щи*; бел. *варэнне* – не тое, што польск. *konfitura*. Акрамя таго, многія

словы і выразы з'яўляюцца безэквівалентнымі, напрыклад, бел. *дранікі*, польск. *флякі* і да т. п. Некаторыя з устойлівых выразаў настолькі напоўнены фонавай інфармацыяй, што, не валодаючы ёю, нельга зразумець сэнс выразу, напр.: *Nie tam zielonego pojęcia o ziołach, [...] gadam więc głupstwa jak Piekarski na mękach*. (E. Nowacka. Małgosia contra Małgosia); *Obraził się. Na nią [...] w ogóle na cały świat. Bo jak inaczej mógł walczyć przeciw paskudnemu uczuciu, że wyszedł ze swoim ochotniczym zgłoszeniem jak Zablocki na mydle?* (M. Tomaszewska. Tajemnica białego pokoju). Зразумець сэнс выразу *Pleść jak Piekarski na mękach* можна толькі на фоне наступнай інфармацыі: Шляхціц Міхаіл Пякарскі ў 1620 г. зрабіў замах на караля Зыгмунта, за што яго прыгаварылі да смерці, але перад тым вытанчана катавалі. Сэнс выразу *Wyjść (na czymś) jak Zablocki na mydle* базіруецца на інфармацыі аб шляхцічу Заблоцкім, які хацеў ухіліцца ад платы пошліны за правоз тавару і рашыў перавезці мыла водным шляхам – Віслай – на пльце. У час транспарціроўкі плот затапіла, мыла растварылася і Заблоцкі панёс трату. Нельга зразумець таксама выраз рус. *тришкин кафтан*, калі не пазнаёміцца папярэдне з байкай І.А. Крылова.

У кожнай мове існуе корпус цалкам адметных адзінак, зразумець сэнс якіх можна толькі пры ўмове п а п я р э д н я г а завочнага (тэарэтычнага) ці вочнага (практычнага) з н а ё м с т а з увабленай у іх інфармацыяй. Гэта назвы, уласцівыя толькі пэўным нацыям і народам, прадметаў матэрыяльнай культуры, фактаў гісторыі, дзяржаўных інстытутаў, імёны нацыянальных і фальклорных герояў, міфалагічныя істоты і да т. п. Такія адзінкі не маюць значэння, але акумулююць пэўную інфармацыю аб рэальнасці. Яны ствараюць перакладны культуралагічны моўны фонд, але ім могуць быць знойдзены могуць быць эквіваленты ў іншых мовах. Напр.: рус. *скатертью дорога* – польск. *krzyż na drogę*, рус. *расхлебывать кашу* – польск. *pić nawarzone piwo*; франц. *tet-a-tet* у рускай мове ўжыта як *с глазу на глаз*, англ. *face to face*, нем. *unter vier Augen* 'между четырех глаз', польск. *w cztery oczy*. Такія адзінкі – гэта тое, што патрэбна ведаць папярэдне.

Фонавая інфармацыя – гэта тое, з чым трэба быць знаёмым а priori. Пад апырэннасцю разумеецца тое, што ажыццяўляецца *перадусім* – літаральна «перад усім», г.зн. да моманту станаўлення – да таго, як «усё стала быць». Прычым, на нашу думку, існуе прыныповае адрозненне паміж тым, што ажыццяўляецца *спачатку*, і тым, што адбываецца *перадусім* – перш за ўсё, г.зн. да ўсяго. І калі на слова *усё* паглядзець, як на ўказальнік бачнай «вось»-рэальнасці, то застаецца тое, што існуе «перш за ўсё», «перадусім» і з'яўляецца *перад-умовай* існавання *ўсяго*. Гэтае «тое» і мае апырэнны інфармацыйны статус. Да *слова*, якое было *спачатку*, п е р а д у с і м існавала **імя**. Іменнасць мае катэгарыяльны статус і папярэднічае адноснай вербальнасці (славеснасці).

Іменнасць можна разумець у сэнсе дакладнасці (як *іменна* гэтае, *іменна* той). Гэты сэнс звязаны з ідэнтыфікацыяй і наяўнасцю катэгорыі ўласнага ці агульнага імені. Аднак іменнасць можна разумець і ў сэнсе «імянным» (аўтарскім) – памечаным імем уладальніка. Тады імяннымі можна назваць шматлікія рэальныя сітуацыі, памечаныя (не пазначаныя!) тым ці іншым выразам. Роль м е т а к выконваюць не толькі ўласныя імёны і няўласныя (класавыя) імёны, але і шматлікія ўстойлівыя фразалагічныя выразы, якія «мецяць» тую ці іншую сітуацыю. Такія меткі аб'ядноўваюцца фундаментальнай якасцю – яны ўстойлівыя, г.зн. інварыянтныя. Імі спасцігаецца і фіксуецца сутнасць усяго відавочнага, яны накіраваны выразіць тое, што застаецца ў з'яве – яе безумоўны Закон.

Этымалогія слова *nomina* сведчыць пра сувязь імені з законам. Напрыклад, тэрмін *антыномія* ўказвае на супярэчнасць у законе (грэч. *anti* – супраць і *nomos* – закон). Намінатыўная адзінка фармулюе закон з'явы і сама з'яўляецца сімвалічнай яе *формулай*. Устойлівыя выразы тыпу *насіць на руках, сабаку з'есці, гара з плячэй звалілася* і да т. п. з'яўляюцца такімі ж інварыянтнымі меткамі розных падобных паміж сабой сітуацый, як, напрыклад, назва *Брэст*, якой імянуюцца «розныя Брэсты» (старажытны Брэст, сённяшні Брэст і да т. п.). Зафіксаваць устойлівае (законнае) у з'яве – у гэтым сэнсе існавання такіх інтэгральных адзінак рознай працягласці, своеасаблівых «загалоўкаў законаў». Яны накіраваны «вешаць ярлыкі» на дадзеныя нашага пачуццёвага вопыту.

Носьбітамі фонавай інфармацыі з'яўляюцца адзінкі субстытутыўнага (ад лац. *substitutio* – падстаноўка). Будучы «гатовымі», яны належаць плану выражэння мовы і могуць быць названы выразнымі (ці экспрэсіўнымі) адзінкамі. У адносінах да іх нельга гаварыць аб раўназначнасці. Такія адзінкі не маюць значэння, а валодаюць пэўнай інфармацыяй. Яны характарызуюцца праз паняцце **эквівалентнасці** (уключаючы і безэквівалентнасць). Іх можна падстаўляць і вывараць, наколькі яны падыходзяць ці не падыходзяць, гучаць ці не гучаць у пэўным кантэксце. Гэта своеасаблівая сінтагматычныя *імярэкі*.

Роллю носьбітаў фонавай інфармацыі выконваюць рэпрадуктыўныя і прэцэдэнтныя адзінкі, якія характарызуюцца ступенню экстэнсіўнасці (пашыранасці, вядомасці). Корпус інфармацыйных адзінак складаюць перш за ўсё імёны (назвы) і іменныя выразы. Імя (назва) з'яўляецца па сваёй прыродзе экстэнсіўным. Назваць можна больш ці менш дакладна. Гаворыцца, напрыклад, пра распаўсюджанасць (пашыранасць) уласнага імені ці прозвішча на пэўнай тэрыторыі. Гучнасць імені разумеецца як *слава* яго носьбіта. Носьбіт гучнага імя з'яўляецца ш **ы** р **о** к **а** вядомым (напр., *сусветна вядомы паэт, вучоны, музыкант* і г. д.). Адзначанымі адзінкамі ствараецца своеасаблівы культуралагічны кантэкст, які інакш называецца экстэнсіянальным (ці *іменным*).

Можна сказаць, што імя з'яўляецца такой жа фразеалагічнай адзінкай, як і любы ўстойлівы ідыяматычны выраз: яно нараджаецца з фразы і існуе ў фразе. Адзінкі, якія не маюць значэння, але з'яўляюцца носьбітамі той ці іншай інфармацыі, мы называем *катэгарыяльнымі адзінкамі*. Дублетнымі да прыметніка *катэгарыяльны* з'яўляюцца дэскрыптывы *іменны, інварыянтны, устойлівы, законны, экстэнсіянальны, сэнсавы*. Такія адзінкі не належаць семіётыцы, яны дадзеныя інфарматыкі. Сфера іх бытавання экстэнсіянальныя (іменныя) кантэксты.

1. Існаванне носьбітаў інфармацыі – устойлівых адзінак – набывае сэнс у сувязі з паняццем **катэгарызацыя**. Рэальны свет катэгарызуецца (структурыруецца), г.зн. падводзіцца пад тую ці іншую катэгорыю (структуру, рубрыку). Такая «падводка» («рубрыкацыя») не мае нічога агульнага з гіпера-гіпанімічнымі адносінамі і лагічным азначэннем праз бліжэйшы род і відавочна адрозненні².

Катэгарыяльныя адзінкі існуюць не для таго, каб нешта паведаміць, а для таго, каб нешта інтэрпрэтаваць (растлумачыць). З дапамогай працэдуры катэгарызацыі свет не адлюстроўваецца і не вызначаецца, а **т л у м а ч ы ц ц а**. Змест катэгарыяльных адзінак не моўны, а паняццёвы (экстралінгвістычны). Патрэба нешта разумець і тлумачыць з'яўляецца не менш значнай патрэбай, чым нешта ведаць і вызначаць. Ужо ў раннім дзяцінстве дзіця засвойвае змест такіх інтэрпрэтацыйных сцвярдзенняў, як «*Лялька, кубікі, мячык – гэта ўсё цацкі; кубак, шклянка, талерка – гэта ўсё посуд; аловак, крэйда, ручка – гэта тое, чым пішуць; мама, тата, настаўніца – гэта дарослыя*». Дзякуючы працэдуры катэгарызацыі дзіця ажыццяўляе найўнюю **к л а с і ф і к а ц ы ю** – «класавы падыход» да рэчаіснасці.

Тэрмін *катэгарызацыя* сустракаецца ў большасці філасофскіх і псіхалагічных прац, дзе вывучаюцца сувязі тыпу *стол – мэбля, яблык – садавіна*. Аб'ядноўваючы аб'екты (і іх імёны) у пэўныя групы на падставе сваіх ведаў пра свет, носьбіт мовы атрымлівае магчымасць гэтыя веды структурыраваць. Такія групы звычайна называюць *катэгорыямі*. У працэдуры катэгарызацыі ўвасабляецца закон тоеснасці – імкненне звесці ўсё да аднаго. Гэты закон, напрыклад, праяўляецца ў тым, што кожны раз, калі ў разважанні ці вывадзе з'яўляецца думка пра які-небудзь прадмет, мы будзем «*мысліць імяна гэты самы прадмет і ў тым жа самым змесце яго прымет*» [6, 597].

Катэгарызацыя ажыццяўляе не толькі найўны носьбіт мовы, але і лексікограф, калі, напрыклад, тлумачыць, што *журавель* – гэта **т а к о е** 'прыстасаванне пры калодзежы для даставання вады, якое складаецца са стойкі, рычага-вагі і вочапа' (ТСБМ). Катэгарызацыя прысутнічае ў тлумачэннях, калі гаворачы дакладна не ведае, «што гэта такое», і думка шукае, з чым гэтае «нешта» атаясаміць. У такім выпадку мае месца прыблізнае тлумачэнне, напр.: «*Гранаты і манга – гэта такая экзатычная садавіна*»; «*Вафлі, пернік – гэта тое, што купляюць, а не п'якуць дома*» [7, 5].

Падобнымі прыпынкамі структурызацыі ведаў карыстаецца, напрыклад, і вучоны-зоолаг, падводзячы *кіта, мядзведзя, рысь* і г. д. пад катэгорыю *млекакормячыя*. І найўная і навуковая катэгарызацыя ажыццяўляецца па неістотнай інтэгральнай прыкмеце (напр.: *безпазваночныя, парнакапытныя, караткашэрсныя* і г. д.), якая аб'ядноўвае аб'екты ў пэўны прыродны клас. Гэтая акалічнасць з'яўляецца падставай для таго, каб уключыць акт катэгарызацыі ў намінацыйную (абсалютную) сферу мовы і разглядаць яе як рацыянальны спосаб «**упакоўкі**» інфармацыі.

¹Параўн.: *рубрыка*. (лац. *rubrica* загаловак закона, напісаны чырвонай фарбай; *ruber* – чырвоны); 'заглавак раздзела сачынення, які раней пісаўся чырвонай фарбай'; у шырокім сэнсе – 'адзел, падраздзяленне'; *рубрыкацыя* 'размеркаванне па рубрыках', 'сістэма загаловак'; /Лясніцкі/: – *Пачнем справу з экстранага выпуску газеты. Дадзім пад рубрыкай «Не верце фашысцкай правакацыі!..»* (Шамякін).

2. Катэгарыяльную прыроду мае **л і т а р а** (літара закону) і тое, што ёй створана – **тэкст**. Чалавек жыве ў свеце ўжо створаных тэкстаў, якія ён засвоіў з дзяцінства і працягвае засвойваць усё жыццё: гэта калыханкі, малітвы, словы з песень, прыказкі, трапныя выразы і да т. п. Чалавек як бы пастаянна чуе «цытатны гул», ад якога не можа пазбавіцца ў маўленні. Кожнае слова ў памяці носьбітаў мовы акумулюе інфармацыю пра кантэксты, у якіх яно ўжо калі-небудзь было ўжыта. Чалавек з’яўляецца свайго роду грамафонам, які ўзнаўляе тое, што калісьці ўжо было створана [8, 28].

Рэпрадуктыўныя адзінкі мовы – гэта фрагменты раней створаных тэкстаў, якія захоўваюцца ў памяці і актуалізуюцца ў той сітуацыі маўлення, да якой яны падыходзяць. Гэтыя тэкставыя па сваёй прыродзе адзінкі не толькі служаць стэрэатыпнай мэце – ідэнтыфікацыі феноменаў і сітуацыі, але і ў сваю чаргу самі з’яўляюцца матэрыялам, на базе якога ўзнікаюць раней невядомыя арыгінальныя катэгарыяльныя адзінкі плана выражэння. У дачыненні да створаных на базе катэгарыяльных адзінак назваў і выказаў можна, на нашу думку, ужыць тэрмін *ілакутывы*.³ Больш распаўсюджаным у сучасным мовазнаўстве з’яўляецца тэрмін *прэцэдэнтныя адзінкі*.

Узнікненне прэцэдэнтных адзінак выклікана да жыцця працэдурай катэгарызацыі. Пэўны феномен, з якім сустракаецца носьбіт мовы, падводзіцца пад ужо вядомую формулу. Сэнс новай адзінкі можна зразумець толькі на **ф о н е** базавай для яе адзінкі. Без такога прэцэдэнтнага кантастыўнага «фону» ўзнікшая адзінка не можа быць успрынятай.

Фонавую інфармацыю ўтрымліваюць **уласныя імёны**. Сэнс узніклых іменных выказаў можа быць зразумелым толькі на фоне іх базы – уласных імён з культуралагічнай канатацыяй. Напр., у газеце «Народная воля» (НВ) чытаем: «*У вёсцы Ляскова з’явіўся свой Тарас Бульба. Забойца, быццам Тарас Бульба, застрэліў свайго сына*» (НВ); *Рембо из Борисова* – размова ідзе аб рабаўніку, які займаўся культурызмам (НВ); *Местный Лёнька Пантелеев* – аб начным паляўнічым за дамскімі сумачкамі (НВ); «*наша Барбі*» – пра калежанку з доўгімі белымі валасамі і блакітнымі вачыма (з размовы), «*Мой час ужо прайшоў – я мадам Брошкіна*» (з адказу немаладой жанчыны на пытанне пра замужжа).

Роль фонавай базы могуць выконваць **назвы вядомых твораў**, напр.: *Прощай, оружие!* – пра добраахвотную здачу зброі («Заря»); «*Зацюканы апостал*» у настаўнікі не гадзіцца – пра галечу нашых настаўнікаў («Брэскі кур’ер»); *Страдания юного Баскова* («Антенна»); *Не было преступления, но было наказание* («Заря»); «*Мёртвые души*» *спортивного директора* («На страже»); *Герасим и чиновник по имени «Му-му»* (НВ); *По ком звонит колокол?* («Кабельное телевидение»); *Анжалка і кароль* (НВ); *Дзікае паляванне ў Светлагорску* (НВ); «*Новая зямля*» *Уладзіміра Сітухі* («Заря»); «*Тимур и его команда*» *в погонах и без них спешат на помощь* («На страже»); *Темная по-жэковски, или Сказка о золотой рыбке* («Заря»); *Хождение по мукам, или когда разомкнется порочный круг* («Заря»); *Герасим и чиновник по имени «Муму»* (НВ) і інш.;

У ролі загаловаў фігуруюць **назвы вядомых кінафільмаў**: *Сцеражыцца аўтамабіля* (НВ); *Брат-2* (НВ); *Улицы разбитых фонарей* (НВ); *Любоў зямная* (НВ); *Выклікаю агонь на сябе* – аб’ява аб тым, што галоўны рэдактар газеты «Народная воля» будзе весці адкрыты тэлефонны дыялог з чытачамі (НВ); *Осенний марафон* («Заря»); «*Богатые тоже платят*» (НВ); *Сказание о земле ... чехословацкой* («Антенна») Ужываюцца таксама **назвы карцін вядомых мастакоў**: «*Утро стрелецкой казни*» *назначат поближе к выборам* – пра кадравыя перастаноўкі ў краіне (НВ) і да т. п. Рост папулярнасці тэлевізійных гульніў непазбежна адбіўся на ўтварэнні прэцэдэнтных адзінак, матываваных **назвамі тэлівізійных гульніў**, напр.: *Слабое звено* – аб выніках грэка-рымскай барацьбы: каманда заняла 7-е месца («Заря»).

Шырока распаўсюджана выкарыстанне рэпрадуктыўных **афарыстычных выказванняў** («крылатых» фраз) для ўтварэння загаловаў у публіцыстычных творах. Выкарыстоўваюцца таксама **элементы рэкламы**, напр.: *Шок! Это по-нашему* («Заря»); *У вас ещё не было «Дожинок», тогда они идут к вам* (НВ); *Новое поколение выбирает ...* (НВ); *Даже киска мечтает о подписке* (НС); *Сладкая парочка* («Кабельное телевидение») і інш.

²Тэрмінам *дэлакутывы* Э. Бенвеніст называе «адфразавыя» ўтварэнні тыпу *паздаравацца, прывітацца* і да т. п. «Калі дзеяслоў з’яўляецца вытворным ад імені, ён называецца “адыменным” (“дэнамінатыўным”), калі ён утвараецца ад дзеяслова – “аддзеяслоўным” (“дэвербатыўным”). Мы будзем называць дэлакутыўнымі (“адфразавымі”) дзеясловы, якія, як мы маем намер паказаць, утвораны ад “фраз” (выказванняў, выказаў)» [9, 320].

Выкарыстоўваюцца **афарыстычныя выказванні герояў кінафільмаў**, напр.: *Не виноватая я, он сам пришёл* (НВ); *Куйте деньги, не отходя от кассы* (НВ); *Какая прелесть эта наша заливная рыба* («Антенна» № 53); *Распаўсюджанне атрымалі радкі з вядомых песень: Пусть лёгким окажется путь* – аб абнаўленні дарог вобласці («Заря»); *Бухгалтар, любви мой бухгалтер – усе бухгалтары павінны прайсці атэстацыю, пачынаючы з 2004 года* (НВ); *Говорят, не повезёт, если чёрный кот дорогу перейдёт ...* – аб жывучасці на Палессі розных забабонаў («Брэсцкі кур'ер»); *Пазвані мне, пазвані ...* – аб універсальных тэлефонных картках (НВ); *Ах вернісаж, ах вернісаж* – пра выставу работ 13-гадовага мастака Георгія Панаётава («Заря»), *Ног не жалей, скачи, мой верный конь!* – аб кубку Брэсцкай вобласці па конным спорце («Вечерний Брест»); *Поговори со мною, мама ...* – аб магчымасці дыялогу паміж бацькамі і дзецьмі разважаюць псіхологі двух пакаленняў: Вольга і Мікіта Андрэевы (маці і сын) (НВ); *И память сердца говорит* (НВ); *Идет солдат по городу* («На страже»); *В нашем доме поселился незадачливый сосед* (НВ); *День рожденья – грустный праздник* (НВ); *Мельница, мельница, крутится-вертится* («Заря»); *За туманом ничего не видно* («Гаспадыня»); *Люди в белых халатах, низко вам поклониться хочу* («Заря») і інш.;

Часам такія радкі падвяргаюцца нязначнай мадыфікацыі, аднак чытач ўсё роўна пазнае іх: *Свои ладони в Вислу опусти ...* – хворы бацька прасіў сына апусціць рукі ў воды ракі Віслы, на берагах якой загінула шмат баявых сяброў бацькі («Заря»); *Ці адкасіў Ясь канюшыну?* – пра тое, што мала спяваюць беларускія народныя песні (НВ); *Не ходил бы ты, Ванёк, в депутаты ...* – аб крымінальных сенсациях на кандыдатаў у дэпутаты («Брэсцкі кур'ер»); *Не прятал он сердце за спины ребят* – пра загінуўшых афіцэраў («Заря»); *На недельку до второго я уеду в Комарово* – пра расклад цягнікоў на май 2004 года (НВ); *И я хочу в Бразилию к далёким берегам* («Антенна»); *Деревенька моя ...* – ці прэстыжна жыць у вёсцы («Заря»); *Гуляць – дык гуляць* – пра святкаванне Новага года («Антенна»).

У ролі прэцэдэнтных адзінак фігуруюць **выказванні вядомых палітыкаў, філосафаў**, напр.: *Як гаварыў адзін вядомы палітык: «Працэс пайшоў»* (НВ); *Хацелі як лепш, а атрымалася як заўжды?* (НВ); У творчасці я прытрымліваюся правіла: *лепш мени, ды лепш* – з інтэрв'ю вядомага паэта і барда Эдуарда Акуліна (НВ); *Беларусы будуць жыць кепска, але нядоўга* (НВ); *Жить стало лучше, жить стало веселей* (НВ) і інш.

На старонках газет для катэгарызацыі тыповых жыццёвых сітуацый выкарыстоўваюцца **біблеізмы**, напр.: *Не мечите бисер перед свиньями* (НВ); *Ищите да обряцете* («Кабельное телевидение»); *Хлеб наш насущный* («Заря»); *Хочу быть стервой по образу и подобию* («Женский калейдоскоп») і інш.

Роллю газетных загаловаў выконваюць **прыказкі і прымаўкі**, напр.: *Новая мятла чыста мяце* – новы старшыня Віцебскага гарвыканкама пачаў сваю дзейнасць з ачысткі русла ракі Віцьбы (НВ); *Калі паны б'юцца, у халонаў чубы трашчаць* – аб газавым канфлікце паміж Мінскам і Масквой (НВ); *Не всё то золото, что блестит* – аб прадуктах на прылаўках магазінаў («Заря»); *Устами младенца глаголет истина* – думкі вучняў аб тым, якой павінна быць школа («Заря»); мадыфікаваныя: *Лес рубят – кадры летят* – аб кадровай сітуацыі ў Белакежскай пушчы (БК); *Копейка груз бережёт* («Заря»); *Любишь кататься – береги автомобиль* («Заря»); *Мобильно жить не запретишь* (НС); *Дзіця сямі нянек ...* («Заря»); *Свет в конце тоннеля уже зажжён?* (НВ); *Грамадой і бацьку біць зручней* (НВ); *Стоит ли овчинка выделки?* («Заря»); *Зубы на полку? Никогда!* (НВ); *Запас беды не чинит* («Заря») і інш.;

Катэгарызуючую роллю выконваюць **цытаты з вядомых вершаваных і праязічных твораў**, якія перадаюцца без зменаў або нязначна мадыфікуюцца: *Я помню чудное мгновение – пра настаўніцу рускай мовы, урокі якой запомніліся на ўсё жыццё* (НВ); *Не пакідайце ж мовы беларускай ...* – на беларускім радыё і тэлебачанні мала гавораць па-беларуску («Наша слова»); *Что нам стоит дом построить* – пра будаўніцтва маладзёжных ЖБК («Заря»); *Я б в строители пошёл, пусть меня научат* – аб урачыстым прысвячэнні ў будаўнікі выпускнікоў школ («Заря»); *Ох и тяжкая это работа* – аб эканамічнай сітуацыі ў рэспубліцы (НВ); *Ударим «Дожджиками» по бездорожью и разгильдяйству* (НВ); *У меня болит живот. Вот.* («Заря»); *Что тебе надобно, старче?* (НВ); *Дама савала в багаж ..., но лучше взяла б патронташ* («Антенна»); *Свет мой, зеркальце, скажи ...* («Кабельное телевидение»); *Великим комбинатором не стал* («На страже»); *Там, на исхоженных дорожках ...* (НВ); *Ваше слово, товарищ Маузер* («На страже»); *Мы всегда в ответе за тех, кого приручили* («Гаспадыня»); *Из искры возгорится пламя* («На страже»); *Что нам стоит парк благоустроить?* («Заря»); *Я бы в участковые пошел* («Заря»); *Когда в товарищах согласье есть* («Заря»); *И снесла курочка ...* («Заря») і інш.

Такім чынам, шматлікія неграматычныя з'явы маўлення могуць быць аб'яднаны ў адным апісанні ў якасці прыкладаў праяўлення працэдуры катэгарызацыі. Праз гэтую працэдуру ў маўленні дзейнічае закон тоеснасці – імкненне ўсё атаясаміць, татальна звесці да аднаго і даць яму імя (назву). Катэгарызацыя грунтуецца на інтэгральнай прымеце: яна разумеецца не як абагульненне, а як аб'яднанне. Катэгарыяльныя назвы з пэўнай ступенню трапнасці выражаюць сутнасць (закон) той ці іншай сітуацыі. Яны з'яўляюцца тэкстаўтваральнымі – у сваю чаргу выкарыстоўваюцца ў якасці намінаўнай базы для ўзнікнення новых катэгарыяльных прэцэдэнтных імён і іменных выразаў. Умела падабраныя прэцэдэнтныя адзінкі арганічна ўваходзяць у тканіну твора, надаюць яму экспрэсіўнасць, маляўнічасць, спрыяюць лепшаму ўспрыманню інфармацыі, што асабліва яскрава праяўляецца ў загаловах газетных артыкулаў.

Літаратура

1. Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков. – М., 2003. – 254 с.
2. Grabias, Stanislaw. Język w zachowaniach społecznych / Stanislaw Grabias. – Lyblin, 1997. – 456 s.
3. Захаренко, И.В. Прецедентные высказывания как объект лингво-когнитивного анализа / И.В. Захаренко // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ Братислава 1999 / Доклады и сообщения российских ученых. – М., 1999. – С. 143–149.
4. Разанаў, А. Нататкі на дубовых лістах / А. Разанаў // Вобраз-83. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1983. – С. 151–163.
5. Рагойша, В.П. Проблемы перевода с близкородственных языков: белорусско-русско-украинский поэтический взаимоперевод / В.П. Рагойша. – Минск: Изд-во БГУ, 1980. – 184 с.
6. Кондаков, Н.И. Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1976. – 720 с.
7. Семантика и категоризация. – М.: Наука, 1991. – 168 с.
8. Norman, Borys. O potencjach tekstotwórczych imion własnych / Borys Norman // Leksyka a gramatyka w tekście językowym. – Siedlce, 2001. – S. 27–35.
9. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.

Summary

In this article we examine background information that is personified in categorial units of the language – nouns and nominal expressions. In connection with the concept of precedency processes of speech categorization are examined, text-forming nature of the expressions, belonging to extension (nominative) contexts, is exposed.

Паступіла ў рэдакцыю 26.12.05.

УДК 811.161.3-5-087

В.У. Кліменка

ЛЕКСІКАЛІЗАЦЫЯ ФОРМ НАЗОЎНІКАЎ У БЕЛАРУСКАЙ ДЫАЛЕКТНАЙ МОВЕ

У беларускіх гаворках існуе значная колькасць назоўнікаў, якія ўжываюцца толькі або пераважна ў форме множнага ліку. Цікаваць у лексічным плане ўяўляюць тыя з гэтых назоўнікаў, што маюць у агульнанароднай мове адпаведнік у адзіночным ліку, але ён адрозніваецца ад дыялектнай лексемы множнага ліку значэннем. Напрыклад, у літаратурнай мове слова *пірог* мае значэнне 'булка' (ТСБМ, IV, 258), а ў гаворках лексема *пірагі* абазначае 'частаванне ў маладых' (Сцяшк., Сл., 359).

На сэнсавую неадпаведнасць некаторых лексічных адзінак у адзіночным і множным ліку звярталі ўвагу такія беларускія моваведы, як А.І. Наркевіч, П.П. Шуба і інш. [1], [2], [3]. У шэрагу навуковых прац набыццё словам новага значэння ў множным ліку атрымала назву лексікалізацыі форм множнага ліку назоўнікаў [4, 80–82], [5, 164], [6, 29], [7, 66]. Увогуле, найбольш часта паняцце **лексікалізацыі** прымяняецца для наймення працэсу пераходу словазлучэння ва ўстойлівы выраз, эквівалентны асобнаму слову (напрыклад, *вялікая літара, рукой падаць*) [8, 75], [9, 182], [10, 215], [11, 258]. Прыватным выпадкам лексікалізацыі лічыцца семантычнае адасабленне адной з форм слова або часткі форм, напрыклад, форм множнага ліку назоўнікаў [11, 258]. Пад прыведзенае вызначэнне лексікалізацыі можна падвесці не толькі семантычнае адасабленне форм множнага ліку, але таксама

і памяншальна-ласкальных (дэмінітыўных) форм назоўнікаў. Напрыклад, паняцце лексікалізацыі ў дачыненні да ўтварэння новых лексічных адзінак шляхам змены значэння памяншальна-ласкальных форм назоўніка выкарыстоўваецца А.Ф. Жураўлёвым, Р.М. Гейгерам [7, 65; 12].

Намі аналізуецца дыялектныя лексічныя адзінкі, утвораныя ў выніку **лексікалізацыі памяншальна-ласкальных форм і форм множнага ліку назоўнікаў** агульнанароднай мовы.

Формы множнага ліку назоўнікаў у беларускіх гаворках часта лексікалізуюцца для ўтварэння слоў, што ўжываюцца толькі ў множным ліку, т. зв. *pluralia tantum*. Неабходнасць менавіта найменняў *pluralia tantum* абумоўлена спецыфікай азначаемых рэалій, на якія адбываецца перанос:

1) слова ўказвае на парную рэалію, прадмет сіметрычнай будовы: літар. *боб* 'расліна сямейства бабовых' (ТСБМ, I, 391) – дыял. *бабы* 'цёплыя, з начосам дзіцячыя штаны' (СГЦРБ, 33);

2) рэалія, якая абазначаецца ў літаратурнай мове лексмай адзіночнага ліку, вылучаецца падзельнасцю, існаваннем у яе складзе аднародных элементаў. У гаворках часам адбываецца расчлянненне такой рэаліі «без астатку»: літар. *пліта* 'вялікі плоскі камень' (ТСБМ, IV, 275) – дыял. *пліты* 'брыкет' (Сцяшк., Сл., 362); літар. *дошка* 'кавалак дрэва' (ТСБМ, II, 192) – дыял. *дошкі* 'кладка на возеры для мыцця бялізны' (СГЦРБ, 121). Іншы раз пэўная сукупнасць элементаў не вычэрпвае саставу паняцця, але тым не менш выкарыстоўваецца для яго прадстаўлення ў мове: літар. *труба* 'духавы медны музычны інструмент' (ТСБМ, V(2), 523) – дыял. *трубы* 'аркестр' (МДСГ, IX, 131); літар. *міска* 'пасудзіна для яды' (ТСБМ, III, 163) – дыял. *міскі* 'сталовы посуд' (НЛС, 67; ЛАБНГ, V, к. 300); літар. *гаршчок* 'гліняная пасудзіна' (ТСБМ, I, 35) – дыял. *гаршкі* 'кухонны посуд' (НЛС, 67); літар. *рубец* 'шво' (ТСБМ, IV, 719–720) – дыял. *рубцы* 'рызаны, лахманы' (ДС, 176). Узгаданыя дыялектныя лексічныя адзінкі – вынік сінектахічнага пераасэнсавання па формуле «частка – цэлае»;

3) лексема ўжываецца для называння абраду, гульні. Пры гэтым могуць актуалізавацца атрыбуты абраду або гульні: літар. *пірог* 'булка' (ТСБМ, IV, 258) – дыял. *пірагі* 'частаванне ў маладых' (Сцяшк., Сл., 359); літар. *шапка* 'галаўны ўбор' (ТСБМ, V(2), 349) – дыял. *шапкі* 'гульня: ад назвы прадмета, з якім гуляюць' (НСл, 264);

4) у гаворках часта сустракаюцца найменні адходаў, утвораныя рознымі спосабамі: літар. *каўтун* 'зблытаны пук валасоў' (ТСБМ, II, 666) – дыял. *каўтуны* 'адходы пры прадзенні кудзелі' (БДС, 78); літар. *галава* 'частка цела чалавека' (ТСБМ, II, 15) – дыял. *галоўкі* 'атрэп'е' (БДС, 38); літар. *верх* 'верхняя частка якога-небудзь прадмета' (ТСБМ, I, 480) – дыял. *вархі* 'кудзеля самага нізкага гатунку' (СГЦРБ, 80);

5) множналіканасць характэрна для назваў страў, што валодаюць прыметай рэчывнасці ці зборнасці (літар. *вожык* 'звярок' (ТСБМ, I, 500) – дыял. *вожыкі* 'галушкі з рысу і мяснога фаршу' (СГЦРБ, 63); літар. *гультай* 'лянтвы чалавек' (ТСБМ, II, 95) – дыял. *гультаі* 'бульба, звараная з лупінамі' (ДСБ, 52)), найменні *pluralia tantum* традыцыйна выкарыстоўваюцца [3, 28–29] для намінацыі раслін (літар. *вош* 'паразітычнае насякомае' (ТСБМ, I, 509) – дыял. *вошы* 'трава бярозка' (Сцяшк., Сл., 90));

6) надзвычай распаўсюджаныя ў народнай мове найменні рэалій, якія не ўсведамляюцца як ізаляваныя, хаця могуць існаваць асобна адна ад другой: літар. *лапата*, *лапатка* 'прылада для капання з шырокім ніжнім канцом' (ТСБМ, III, 20) – дыял. *лапаткі* 'звязаныя разам тры саламяныя снапкі для пакрыцця страхі' (БДС, 94); літар. *калода* 'кароткае бярвяно' (ТСБМ, II, 589–590) – дыял. *калодачкі* 'пянеўе ў птушак пасля ліняння' (СПЗБ, II, 378); літар. *пень* 'ніжняя частка ствала з каранямі' (ТСБМ, IV, 155) – дыял. *пні* 'зачаткі пер'я' (СНЛЗ-96, 280); літар. *шпілька* 'прыстасаванне для заколвання валасоў' (ТСБМ, V(2), 389) – дыял. *шпількі* 'ігліца' (СПЗБ, V, 496). Такія словы набліжаюцца да *pluralia tantum*, іх называюць патэнцыяльна множналікавымі [2, 58].

Патрэба ў найменні дыскрэтных рэалій знаходзіць сваё ўвасабленне ў народнай мове самымі рознымі спосабамі. У супастаўленні з агульнаўжывальнымі словамі гэта можа быць метанімічны лакатыўны перанос (літар. *вір* 'кругавы рух вады' (ТСБМ, I, 492) – дыял. *віры* 'нячыстыя духі, якія жывуць, па вераваннях, у водных прорвах' (Нас., 58); літар. *качарга* 'жалезны прут для перамешвання паліва ў печы' (ТСБМ, II, 669) – дыял. *качэргі* 'месца, дзе стаяць вілкі, чапала і інш.' (МММГ-70, 64)); метанімія па формуле «рэч, зробленая з пэўнага матэрыялу – матэрыял» (літар. *андарак* 'саматканая спадніца' (ТСБМ, I, 233) – дыял. *андаракі* 'даматканае сукно, якое часцей ідзе на спадніцы' (Касп., 21); літар. *мяшок* 'прадмет для захоўвання і перавозкі сыпучых цел' (ТСБМ, III, 197) – дыял. *мяшкі* 'трубае палатно для мяшкоў' (ЖС, 231)). Адметнасцю вылучаюцца метанімічныя пераасэнсаванні, якія суправаджаюцца апрадмечваннем, матэрыялізацыяй абагуленага значэння месца або формы: літар. *верх* 'верхняя частка якога-небудзь прадмета' (ТСБМ, I, 480) – дыял. *вархі* 'кудзеля самага

нізкага гатунку' (СГЦРБ, 80); літар. *канец* 'мяжа, край, апошня кропка працягласці ў прасторы чаго-небудзь' (ТСБМ, II, 614) – дыял. *канцы* 'ніткі асновы, якія застаюцца на канцы недатканага палатна' (БДС, 73; НЛ, 109; Цых., 66), 'канцавая завостраная частка снасці' (ЛАБНГ, IV, к. 68); літар. *круг* 'частка плоскасці, абмежаваная акружнасцю' (ТСБМ, II, 729) – дыял. *кругі* 'лішаепадобнае захворванне скуры' (СНС, 162), 'матавіла для змотвання нітак' (БДС, 86).

Вельмі прадуктыўным спосабам сэнсатворчасці *pluralia tantum* у гаворках з'яўляецца метафара (гл. вышэй: *бабы, каўтуны, вожыкі* і інш.). Сярод множналікавых назоўнікаў значнае месца займаюць намінацыі, якія атрымалі сваю назву ад частак цела чалавека: дыял. *зубы* 'чапляла' (МММГ-70, 42; СГЦРБ, 104); дыял. *вушы* 'жабры' (НСл, 90; БДС, 33); дыял. *зубы* 'карункі' (ДСБ, 79; ЖНС, 109), 'вострыя канцы віл' (Сцяшк., 199); дыял. *валасы* 'рыльцы ў кукурузе' (СПЗБ, I, 272). Значэнне парнасці або пэўнай сукупнасці з'яўляецца фактарам, які спрыяе пераасэнсаванню. Множнасць (парнасць) выступае як адна з сем, якая пераходзіць у новае значэнне і становіцца апорнай, інварыянтнай пры пераносе.

Лексікалізаваныя дэмінітыўныя (памяншальна-ласкальныя) формы назоўнікаў маюць большае распаўсюджанне ў дыялектнай мове ў параўнанні з літаратурнай [10, 75]. Прасочваюцца пэўныя паралелі ў шляхах утварэння лексікалізаваных дэмінітываў і *pluralia tantum*. Дэмінітывы часта ўзнікаюць у выніку метанімічнай канкрэтызацыі слоў з абагуленым значэннем формы: літар. *круг* 'частка плоскасці, абмежаваная акружнасцю' (ТСБМ, II, 729) – дыял. *кружок* 'дошка, на якой рэжуць сала' (Сцяшк., 243; СПЗБ, II, 529; ЛАБНГ, V, к. 303), 'засланка ў печы' (ЛАБНГ, IV, к. 84), 'века ў бойцы' (БДС, 86); літар. *дуга* 'частка акружнасці або круглаватай крывой лініі' (ТСБМ, II, 207) – дыял. *дужка* 'прут у ярме' (ЛАБНГ, II, к. 335), 'дзяржанне ў кошыку; грабелькі на касе; ручка ў возе' (БДС, 53), 'птушыная грудная костка' (Касп., 100).

Часам дэмінітывы лексікалізуюцца ў выніку сінекдахічнага пераносу (літар. *стол* 'прадмет мэблі' (ТСБМ, V(1), 326) – дыял. *столік* 'шэфляда ў сталі' (МММГ-77, 106; Шат., 266; БДС, 168; НС, 142; НЛС, 55; МСНД, 146); літар. *печка* 'прылада для абагрэвання памяшкання' (ТСБМ, IV, 252) – дыял. *печачка* 'ямка (у печы)' (БДС, 134)); рода-відавой, гіпанімічнай дыфэрэнцыяцыі (літар. *дошка* 'кавалак дрэва' (ТСБМ, II, 192) – дыял. *дошчачка* 'сядзенне для ткачыхі' (НС, 207), *дашчэчка* 'понаж' (БДС, 49); літар. *калода* 'кароткае бярвяно' (ТСБМ, II, 589–590) – дыял. *калодачка* 'ручка ў нажы; стаўпец у граблях; круглая качалка' (СПЗБ, II, 377)).

У прыведзеных выпадках лексікалізацыі дэмінітываў, як правіла, памяншальна-ласкальны суфікс захоўвае сваю функцыю – указвае на невялікі памер азначаемага дэнатата. Пры метафарычнай лексікалізацыі дэмінітываў (некаторыя даследчыкі называюць такую метафару частковай [14, 14]) у дыялектнай мове памяншальны афікс часта выражае неадпаведнасць у памеры азначаемай рэаліі і той, за якой першапачаткова было замацавана найменне – першая аказваецца меншай па сваіх прасторавых характарыстыках: літар. *таўкач* 'прылада, якой таўкуць што-небудзь' (ТСБМ, V(1), 483) – дыял. *таўкачык* 'насеннік бярозы' (БДС, 175); літар. *вол* 'кастрыраваны бык' (ТСБМ, I, 503) – дыял. *волік* 'вялікі, сыты кот' (НЛ, 6); літар. *воз* 'калёсы' (ТСБМ, I, 501) – дыял. *вазок* 'дзіцячая калыска' (СРЛГ, 21); літар. *шапка* 'галаўны ўбор' (ТСБМ, V(2), 349) – дыял. *шапачка* 'пладаножка жолуда' (БДС, 198), 'бляшаны каўпачок з проразцю, які накладаецца на knot' (НЛС, 118); літар. *елка* 'дрэва сямейства хваёвых' (ТСБМ, II, 242) – дыял. *елачка* 'хвошч' (Сцяшк., Сл., 137); літар. *капішук* 'кісет' (ТСБМ, II, 633) – дыял. *капішучок* 'ікрынка рыбы' (СПЗБ, II, 410); літар. *кашуля* 'сарочка, рубашка' (ТСБМ, II, 673) – дыял. *кашулька* 'абалонка лічынкі пчалы' (ЖС, 11).

Рэлевантным для ўзнікнення памяншальных формаў пры метафарычных пераносах з частак цела чалавека з'яўляецца невялікі памер як саміх частак цела, так і тых прадметаў, на якія перанесены іх назвы: дыял. *шчочка* 'бакавая частка ў церніцы' (БДС, 203), 'дошчачка ў трапачцы для ільну' (СРЛГ, 129); дыял. *пупок* 'каўпачок у лампе' (Бяльк., 360), 'ручка на касці' (Бяльк., 360; Шат., 235; БДС, 144; НС, 182; ЖНС, 106; МММГ-77, 92), 'бірка для зашпільвання вопраткі' (ЛАБНГ, IV, к. 218), 'маленькі агурок, ад якога адпала кветка' (МММГ-74, 133); дыял. *язычок* 'выступ у сякеры для захоўвання ручкі ад пашкодванняў; клін у пярэднім навоі' (ДСБ, 269), 'верхняя рухомая частка церніцы; вузкая скураная палоска ў чаравіках пад шнураўкай' (БДС, 206), 'жалезная пласцінка, пры дапамозе якой падймаецца і апускаецца клямка ў дзвярах' (БДС, 206; СПЗБ, V, 552), 'кліночак, што ўстаўляецца ў парэз на бярозе, каб па ім сцякаў сок' (Бяльк., 508).

Такім чынам, у гаворках пры лексікалізацыі дэмінітываў памяншальны суфікс звычайна не дэсемантызуецца і абазначае рэальную памяншальнасць.

Пяняцце лексікалізацыі форм слова знаходзіцца на памежжы структурнай, міжслоўнай і семантычнай, унутрыслоўнай дэрывацыі. Р.М. Гейгер адзначае, што лексікалізаваныя дэмінітывы могуць утварацца не ад нелексікалізаваных памяншальна-ласкавых форм слоў, а быць «прадуктам непасрэднага словаўтваральнага акта пры дапамозе азначных суфіксаў ад нейтральнага, зыходнага слова» [12, 11]. Аднак падобны словаўтваральны акт у прыведзеных намі выпадках лексікалізацыі суправаджаецца метафарычным, метанімічным пераасэнсаваннем значэння зыходнай адзінкі. Менавіта семантычны перанос абумоўлівае змены ў плане выражэння лексемы, таму што дэмінітыўнасць і множналікавасць – гэта моўныя характарыстыкі той рэаліі, на якую перанесена найменне (множналікавасць, як правіла, указвае на парнасць, дыскрэтнасць і пад. рэаліі, дэмінітыўнасць – на невялікі памер рэаліі).

Існанне ў беларускіх дыялектах лексікалізаваных дэмінітываў і множналікавых найменняў дэтэрмінавана неабходнасцю моўнага ўвасаблення непайменаваных элементаў аб'ектыўнай рэчаіснасці. Узнікненне новых лексічных адзінак з памяншальна-ласкавымі суфіксамі і назоўнікаў *pluralia tantum* часта звязана з пераасэнсаваннем адпаведна недэмінітыўных і суадносных па ліку слоў, вызначальным накірункам якога з'яўляецца метафара.

Умоўныя абазначэнні

БДС – Шаталава Л.Ф. Беларускае дыялектнае слова. – Мінск, 1975; **Бяльк.** – Бялькевіч І.К. Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. – Мінск, 1970; **ДС** – Юрчанка Г.Ф. Дыялектны слоўнік (3 гаворак Мсціслаўшчыны). – Мінск, 1966; **ДСБ** – Дыялектны слоўнік Брэстчыны. – Мінск, 1989; **ЖНС** – Жывое народнае слова. – Мінск, 1992; **ЖС** – Жывое слова. – Мінск, 1978; **ЗНС** – 3 народнага слоўніка. – Мінск, 1975; **Касп.** – Каспяровіч М.І. Віцебскі краёвы слоўнік (матэрыялы). – Віцебск, 1927; **ЛАБНГ** – Лексічны атлас беларускіх народных гаворак: У 5 т. – Мінск, 1993–1998. – Т. 1–5; **МДСГ** – Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны // Беларуская мова і мовазнаўства: Міжвуз. зб. – Мінск, 1975. – Вып. 3; 1976. – Вып. 4; Беларуская мова. – Мінск, 1977–1981. – Вып. 5–10; **МММГ-70**, **МММГ-74**, **МММГ-77** – Матэрыялы для слоўніка мінска-маладзечанскіх гаворак. – Мінск, 1970, 1974, 1977; **МСНД** – Матэрыялы для слоўніка народна-дыялектнай мовы. – Мінск, 1960; **Нас.** – Насовіч І.І. Слоўнік беларускай мовы. – Мінск, 1983; **НЛ** – Народная лексіка. – Мінск, 1977; **НЛС** – Сцяцко П.У. Народная лексіка і словаўтварэнне. – Мінск, 1972; **НС** – Народнае слова. – Мінск, 1976; **НСл** – Народная словатворчасць. – Мінск, 1979; **СГЦРБ** – Слоўнік гаворак цэнтральных раёнаў Беларусі: У 2 т. – Мінск, 1990. – Т. 1; **СНЛЗ-96** – Юрчанка Г.Ф. Сучасная народная лексіка: 3 гаворкі Мсціслаўшчыны. – Мінск, 1996; **СНС** – Юрчанка Г.Ф. Сучаснае народнае слова: 3 гаворкі Мсціслаўшчыны. – Мінск, 1988; **СПЗБ** – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: У 5 т. – Мінск, 1979–1986. – Т. 1–5; **СРЛГ** – Слоўнік рэгіянальнай лексікі Гродзеншчыны – Гродна, 1999; **Сцяшк.** – Сцяшквіч Т.Ф. Матэрыялы для слоўніка Гродзенскай вобласці. – Мінск, 1972; **Сцяшк., Сл.** – Сцяшквіч Т.Ф. Слоўнік Гродзенскай вобласці. – Мінск, 1983; **ТСБМ** – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5 т. – Мінск, 1977–1984. – Т. 1–5; **Цых.** – Цыхун А.П. Скарбы народнай мовы (з лексічнай спадчыны насельнікаў Гродзенскага раёну). – Гродна, 1993; **Шат.** – Шатэрнік М.В. Краёвы слоўнік Чэрвеньшчыны – Мінск, 1929.

Літаратура

1. Наркевіч, А.І. Назоўнік: граматычныя катэгорыі і формы / А.І. Наркевіч. – Мінск: Выдавецтва БДУ імя У.І. Леніна, 1976. – 248 с.
2. Шуба, П.П. Сучасная беларуская мова: марфалогія. Марфалогія: вучэб. дапаможнік для філац. фак. ун-таў / П.П. Шуба. – Мінск: Універсітэцкае, 1987. – 334 с.
3. Шкраба, І.Р. Асаблівасці выражэння катэгорыі ліку назоўнікаў у беларускай мове / І.Р. Шкраба // Веснік БДУ. Сер. IV, Філалогія, Журналістыка, Педагагіка. – 1983. – № 2. – С. 26–29.
4. Прохорова, В.Н. Полисемия и лексико-семантический способ словообразования в современном русском языке: лекции по спецкурсу / В.Н. Прохорова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 87 с.
5. Соболева, П.А. Словообразовательная полисемия и омонимия / П.А. Соболева. – М.: Наука, 1980. – 296 с.
6. Кацнельсон, С.Д. Типология языка и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1972. – 216 с.
7. Журавлёв, А.Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации / А.Ф. Журавлёв // Способы номинации в современном русском языке / под ред. Д.Н. Шмелева. – М.: Наука, 1982. – С. 45–109.

8. Сцяцко, П.У. Слоўнік лінгвістычных тэрмінаў / П.У. Сцяцко, М.Ф. Гуліцкі, Л.А. Антанюк. – Мінск: Вышэйшая школа, 1990. – 285 с.
9. Розенталь, Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2001. – 624 с.
10. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
11. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
12. Гейгер, Р.М. К вопросу о лексикализации деминутивов / Р.М. Гейгер // Вопросы структуры и функционирования русского языка: сб. ст. / под ред. В.К. Янцена. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984. – Вып. 5. – С. 3–14.
13. Гриб, Р.Т. Особенности структурно-семантической системы приенисейских говоров (сравнительно с литературным языком) / Р.Т. Гриб. – Красноярск, 1988. – 108 с.
14. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое / В.Г. Гак [и др.]; под ред. В.Н. Телия // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 11–26.

Summary

The causes of lexicalization of noun forms in Belorussian dialects are analysed, ways of new lexical units formation by lexicalization of diminutive-endearment forms and plural forms of nouns are shown in this work.

Паступіла ў рэдакцыю 13.09.05.

УДК 811.161.1'373.611'0

А.А. Кожевникова

СЛОЖНОЕ СЛОВО В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ НОМИНАТИВНОЙ ДЕРИВАЦИИ

Слово – основная единица языка и первоочередной предмет любого лингвистического учения, оно является «основной структурно-семантической единицей языка, служащей для именованья предметов, их свойств» [1, 464]. Появление в языке наряду с простыми словами сложных слов связано с дифференциацией реалий окружающего мира, их усложнением, а также с развитием сознания человека. Традиционно сложным словом считают лексическую единицу, являющуюся результатом «морфологического соединения двух или более корней» [1, 469].

Сложное слово всегда производно, а значит, является конечной целью словообразовательного акта, в процессе которого образуется новая производная единица (сложное слово) по «существующим в языке образцам и моделям ... с помощью формальных средств» [1, 467]. Кроме того, сложное слово, как и простое, участвует в номинации явлений окружающего мира, в процессе которой происходит вычленение «фрагментов действительности и формирование соответствующих понятий о них в форме слов ...» [1, 336]. В процессе номинации происходит взаимодействие мышления, языка и действительности, в то время как словообразование обеспечивает базу для номинации. Такое соотношение обоих процессов позволяет рассматривать проблему словообразования в целом и образование сложных слов в частности в номинативном аспекте. Данный подход отождествляет номинативный и ономаσιологический процессы.

Теория номинации «изучает все единицы языка с точки зрения осуществляемой ими номинативной функции» [1, 45]. В таком понимании она синонимична ономаσιологии, которая исследует механизмы наименования и способы появления новых единиц в языке. Ономаσιологический анализ направлен от формы к содержанию языкового знака и исследует «процесс формирования нового смысла и средства его языкового выражения» [2, 3]. Такой подход к номинации сложных явлений, признаков и процессов позволяет проследить процесс появления нового композита в рамках антропоцентрической парадигмы, с позиции говорящего человека.

Процесс создания новых языковых единиц (дериватов) на базе других, принимаемых за исходные, в лингвистике понимается как **деривация** [1, 129]. В широком смысле под **деривацией**

понимается обобщенный процесс «словоизменения и словообразования вместе взятых», либо как название процессов «образования в языке любых вторичных знаков, в том числе предложений» [1, 129].

Появление новых дериватов (в данном случае – сложных слов) в процессе познавательной и номинативно-словообразовательной деятельности человека рассматривается в парадигме **номинативной деривации** [3, 2].

Интерес к проблемам деривационной грамматики породил интерес к проблемам языковой номинации и словообразованию как непосредственному источнику номинации. Это работы В.М. Никитевича, А.В. Никитевича, Е.С. Кубряковой, Л.В. Сахарного и др. В этих работах звучала мысль о том, что «вся номинативная деятельность человека рассматривается как деятельность речемыслительная» [4, 7], следовательно, номинативная теория предвосхитила когнитивный подход к фактам языка.

Сложное слово отражает некое понятие, существующее в сознании носителей языка, и называет некую реальность объективного мира. Однако то же понятие можно выразить иначе – с помощью синтаксических единиц, эквивалентных по значению композиту. Эта эквивалентность проявляется в номинации явлений объективного мира разными языковыми единицами: **самолубивый** – тот, который любит самого себя – любящий самого себя, **братолобьць** – тот, который любит брата – любящий брата и т. д.

Изофункциональность синтаксиса и словообразования в рамках деривационной (номинативной) системы подчеркивал в своих трудах В.М. Никитевич [3]. Его гипотеза состоит в том, что в парадигме деривационной грамматики система производных слов объединяется с системой производных синтаксических конструкций (словосочетаний) в рамках системы номинативной деривации. Обе системы являются смысловыми эквивалентами. Отношения в семантической структуре производного слова изоморфны, «в принципе тождественны» тем, которые «наблюдаются у синонимичного синтаксического оборота» [5, 119].

Утверждать, что сложные слова в истории русского языка образовывались из словосочетаний, не представляется возможным. Скорее, можно говорить о том, что сложные слова восходят к словосочетаниям [6], то есть они выражают тот же смысл, что и словосочетание, и обе эти единицы являются семантическими эквивалентами. **Благотворити** – творити благо, **благоугодный** – благо (в значении 'очень') угодный.

Словосочетания, к которым можно возвести сложное слово, имеют слитную семантику. Другими словами, понятие, которое выражается синтаксической единицей, может быть объективно отражено только двумя (или более) компонентами, входящими в состав словосочетания, и не мыслится, не существует без второго компонента: «Словосочетание служит средством **номинации**, обозначая предмет, явление, процесс, качество, названные стержневым компонентом, конкретизируемые зависимым компонентом» [1, 469]. В случае со словосочетаниями, мотивирующими сложные слова, следует иметь в виду, что оба компонента участвуют в названии объекта реальности.

Сложное слово – это, по мнению С.А. Авериной, результат «семантической и синтаксической компрессии» [7, 57]. Синтаксическая компрессия сложного слова отражена в том, что оно может быть возведено к синтаксической единице, мотивируется компонентами предполагаемой синтаксической единицы. Семантическая компрессия композита свидетельствует об изофункциональности его смысла смыслу соответствующего словосочетания, а значит, включает в себя значения нескольких слов. Причем зачастую это не прямые значения. Рассмотрим композит **сырорѣзание** в значении 'убийство юного, молодого человека': «... *се нѣсть оубиство нѣ сырорѣзание* ...» [8, 90]. В контексте отражено авторское противопоставление двух лексем, а соответственно двух понятий – **убийство** и **сырорѣзание**. В современном русском языке нет слова, близкого последнему по семантике. Интерес представляет тот факт, что в «Старославянском словаре» есть прямые значения прилагательного *сырь* 'сырой, влажный, невареный, полный соками (о растениях)' и переносные – 'молодой, юный'. В «Материалах ...» И.И. Срезневского отмечено прилагательное **сырьи** в значении 'свежий, зеленый'. При образовании композита наблюдается метафоризация значения первой и второй мотивирующих основ, что акцентирует внимание на самом поступке Святополка, подчеркивая его бесчеловечность. Внутренняя экспрессия и более глубокий смысл этого сложного слова дают возможность автору противопоставить его стилистически нейтральному слову **убийство** и тем самым расширить значение последнего, а тексту придать особый эмоциональный заряд и сэкономить при этом речевые средства.

Потенциально возможные языковые единицы **резати сырого** (в значении 'молодого'), **резание сырого** (в значении 'молодого'), **сырорезание** называют одну и ту же ситуацию-денотат.

Они вполне могли бы быть взаимозаменяемыми в коммуникации. И хотя такая замена нами не обнаружена в анализируемых текстах, важно наличие такого сложного и образного понятия в сознании человека, которое выражено сложным словом. Данный композит отмечен в «Материалах ...» И.И. Срезневского всего в одном примере из «Жития Бориса и Глеба». Это сложное слово отсутствует в «Старославянском словаре». Приведенные факты свидетельствуют не просто о древнерусском происхождении композита, но и об его авторском характере. Результатом синтаксической компрессии в данном случае выступает композит **сырорѣзание**, а ее источником является синтаксическая единица, мотивирующая данное сложное слово. Семантическая компрессия отражена в процессе формирования смысла данной номинации на базе переносных значений мотивирующих компонентов.

Путь ономаσιологического исследования от «вещи или явления к мысли об этой вещи или явлении» [1, 345] позволяет возвести сложное слово к глубинной (мыслительной) структуре, которой он первично (прямо) или вторично (опосредованно) мотивирован. Прямая мотивация означает, что композит непосредственно мотивирован компонентами глубинной структуры. Например, **Новгородъ** – новъ городъ, **черноризецъ** – черная риза, **иноземьць** – иная земля и т. д.

Опосредованная мотивация предполагает, что некоторое сложное слово первоначально восходит к другому сложному слову, которое соотносится с некой синтаксической структурой. Например, композит **благотворьство**. Это сложное слово мотивировано глаголом **благотворити**, который в свою очередь соотносится с объектной ситуацией 'творить благо'.

Кроме того, во многих случаях имеет место двойная мотивация композита, т.е. ситуация, к которой восходит сложное слово, может быть отражена в словосочетаниях разных типов, компоненты которых отличаются грамматически. Однако отношения между компонентами глубинной структуры при этом остаются неизменными. Например, **богоборьць**. С одной стороны, это сложное слово может восходить к глубинной мыслительной структуре-понятию 'боротися с богом', с другой стороны – к понятию 'борьць с богом'. В обоих случаях отношения между компонентами глубинной структуры объектные, только во втором случае ('борьць с богом') выражено не только понятие объекта действия, но также и его субъекта. Семантика композита **бѣослужение** тождественна семантике словосочетаний 'служить бесам' и 'служение бесам'. Объектные отношения между компонентами словосочетаний легли в основу сложного слова, в котором второй компонент восходит к глагольной основе. Идея, внутреннее содержание данного сложного слова восходит к указанным словосочетаниям и мотивируется их компонентами. Применительно к данному композиту мы можем говорить о его двойной мотивации (служить бесам – служение бесам). Однако и в том, и в другом случае в основе композита лежат объектные отношения между компонентами глубинной структуры.

В древнерусском и старорусском языках не всегда присутствовали синтаксические конструкции, соответствующие по смыслу данному композиту, не всегда представляется возможным возвести сложное слово к словосочетанию со сходной семантикой. Но это и не так важно. Вполне достаточно того, что в сознании существовала идея, которую можно было адекватно выразить только сложным словом. Например, композит **богомужный**. Сложно предположить, какая синтаксическая структура лежала в основе этого слова. Однако можно с полной уверенностью утверждать, что мотивировано это слово основами **бог-** и **муж-**, а контекст «... **изобрази богомужное подобие Христова написанием вапным ...**» [9, 157] позволяет предположить, что речь идет об изображении бога в виде человека (древнерусское – **мужа**). В основе появления этого композита лежит сравнение, а значит, определительно-обстоятельственные отношения. Более точно восстановить глубинную структуру данного композита с позиции современного мышления возможным не представляется.

Изофункциональность, смысловая эквивалентность синтаксических конструкций, которыми мотивированы композиты, и самих сложных слов, вариативность языковых средств при выражении тех или иных смыслов позволяет рассматривать сложное слово с позиции номинативной деривации, с точки зрения того, как создается сложная номинация предметов объективного мира.

Рассмотрим композит **добродѣтель**. В древнерусском и старорусском языках он имел значения 'хорошее', 'доброе дело', 'добро', 'польза', 'добродетель', 'нравственное совершенство', 'мирные отношения'. В истории русского языка отмечен также омоним этого сложного слова со значениями 'искусство', 'мастерство' и 'благодетель, доброжелатель (человек)' (по «Материалам ...» И.И. Срезневского и «Словарю ... XI–XVII веков»). В сознании носителей языка оба сложных слова соотносятся со словами **добрый** и **дѣтель**.

В древнерусском языке существовали омонимы **дѣтель** мужского рода, которое имело значение 'создатель', 'строитель', и **дѣтель** женского рода со значениями 'дело', 'вещь', 'действие', 'обязанность', 'сила', 'добродѣтель' (по «Материалам ...» И.И. Срезневского).

Прилагательное **добрый** имело в древнерусском и старорусском языках значения 'хороший', 'благой', 'добрый', 'знатный', 'безукоризненный', 'доброкачественный', 'добротный', 'делающий добро', 'благопристойный', 'настоящий' (по «Материалам ...» И.И. Срезневского и «Словарю ... XI–XVII веков»). Слова **добро**, **добрый** употреблялись в древнерусских текстах, как правило, для характеристики земного, материального состояния и благополучия человека, для характеристики внутреннего мира человека и его духовных качеств употреблялись слова **благо**, **благой** [10, 237].

Таким образом, сложная номинация **добродѣтель** в значении 'нравственное качество' восходит к словосочетанию **добрая дѣтель**, а омонимичное ей наименование **добродѣтель** в значении 'добрый человек, тот, кто делает добро' может восходить как к словосочетанию **добрый дѣтель**, так и к сочетанию **делать добро**. Между компонентами указанных глубинных структур складываются либо определительные, либо объектные отношения.

Слово **дѣтель** как номинация дела, поступка имеет грамматическую категорию женского рода, однако в значении лица эта лексема является существительным мужского рода. Очевидно, что разные сложные понятия, разные означаемые (денотаты) отразились в тождественной звуковой оболочке, которая представляет собой результат семантической и синтаксической компрессии разных синтаксических структур со словами-омонимами **дѣтель** мужского и женского родов.

Номинативная функция слова позволяет говорить о способности слова облекать понятия, существующие в сознании человека, в материальную, звуковую оболочку слова, отражая тем самым объективную реальность. Этой материальной оболочкой пользуются все носители того или иного языка в коммуникации, реализуя таким образом коммуникативную функцию языка.

Связь языка и мышления прослеживается в когнитивном аспекте изучения слова. Ведь сложное слово, по сути, является минитекстом, потому что не просто называет действительность, но акцентирует внимание на аспектах ее существования, а также признаках и свойствах. Во многих случаях минитекст, в свернутом виде присутствующий в сложном слове, основывается на метафоре. Так, композит **медоточный** не просто восходит к глубинной структуре 'точити (источать) мед', он характеризует человека – носителя этого признака – как говорящего настолько сладко, будто он источает мед. В данном случае речь идет не просто о номинации явления, здесь в сложном слове представлен небольшой сюжет.

Номинативная и когнитивная вербальные функции позволяют рассматривать любое слово и сложное в частности в системе его грамматических и лексических связей и параллелей в системе языка, а также в когнитивном аспекте. В рамках последнего слово является частью лексико-семантической структуры языка – компонентом лексико-семантического поля или репрезентом мировоззренческого концепта, существующего в сознании носителей языка.

Сложное слово, как и любые производные языковые единицы, представляет результат номинативной деятельности говорящего на этом языке, что обусловлено антропоцентрической природой номинативной деривации, ее близостью к теории когнитивизма, изучающей процессы мыслительной деятельности человека. Собственно говоря, в процессе номинации прослеживаются способы членения человеком мира и его отражения в языке, что говорит об уровне мышления носителей языка и их картине мира. Это становится возможным наблюдать непосредственно в акте номинации и во всех сопутствующих номинативных процессах, которые выступают отражением путей переработки информации об объективной действительности и ее формальном выражении в единицах языка, в частности, в сложном слове. Ведь в композите мышление человека отражает сложное понятие, которое состоит из нескольких взаимодополняющих компонентов. Таким образом, теория номинативной деривации позволяет проследить путь формирования слова в его звуко-смысловом единстве, соотнести сложную номинацию и то понятие, которое, возможно, легло в ее основу.

Литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
2. Трофимович, Т.Г. Типы предметных наименований в языке старорусской деловой письменности: монография / Т.Г. Трофимович. – Минск: БГПУ, 2003. – 223 с.
3. Проблемы дериватологии: тез. докл. / Ин-т языкознания АН СССР, Перм. гос. ун-т. – Пермь, 1981. – Вып. 1. – 68 с.

4. Кубрякова, Е.С. Теория номинации и когнитивная наука в понимании категоризации мира / Е.С. Кубрякова // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках: материалы V респ. науч. конф., посвященной памяти проф. В.М. Никитевича, 21–22 мая 1996 / ГрГУ. – Гродно, 1996. – С. 6–13.
5. Вайнрайх, У. Опыт семантической теории / У. Вайнрайх // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1981. – Вып. 10: Лингвистическая семантика. – С. 50–177.
6. Ряшенцев, К.Л. Сложные слова и их компоненты в современном русском языке / К.Л. Ряшенцев. – Орджоникидзе: Изд-во Сев. Осетин. гос. ун-та, 1976. – 285 с.
7. Аверина, С.А. Человеколюбие и милосердие. Сложные слова в агиографическом тексте / С.А. Аверина // Динамика русского слова. – СПб.: Санкт-Петербург. гос. ун-т, 1994. – С. 55–62.
8. Успенский сборник XII–XIII вв. – М.: Наука, 1971. – 752 с.
9. Киево-Печерский патерик, или сказания о житии и подвигах Святых Угодников Киево-Печерской Лавры. – Киев: Лыбидь, 1991. – 255 с.
10. Кожевникова, А.А. Сложные слова с компонентами благ-, добр- в языке Успенского сборника XII–XIII вв. / А.А. Кожевникова // Сб. работ 59-й научной конференции студентов и аспирантов БГУ: в 3 ч. – Минск: БГУ, 2002. – Ч. 2. – С. 235–239.

Словари

1. Словарь русского языка XI–XVII вв. / редкол.: Р.И. Аванесов [и др.]. – М.: Наука, 1975–1977. – Вып. 1–22. – 371 с., 319 с., 288 с., 403 с., 392 с., 359 с., 403 с., 352 с., 358 с., 327 с., 340 с., 381 с., 316 с., 311 с., 285 с., 294 с., 295 с., 288 с., 272 с., 284 с., 290 с., 298 с.
2. Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка, по письменным памятникам: в 3 т. / И.И. Срезневский. – М.: Госиздат словарей, 1958. – Т. 1–3. – 1420 сл., 1802 сл., 1684 + 272 сл.
3. Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / под ред. Р.М. Цейтлин. – М.: Русский язык. 1999. – 842 с.

Summary

The problems of the compound-nomination in the history of Russian language are the main subject of this article. Compound nominations are explored as a part of human thinking. Compound word is being an aim of the nomination and the word-formation acts.

Поступила в редакцию 31.01.06.

УДК 821.112.2

Л.М. Коновод

КОНКРЕТНАЯ ПОЭЗИЯ Э. ЯНДЛЯ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЕ XX ВЕКА

В статье «О литературе» Х. Хайсенбюттеля, теоретика и практика конкретной поэзии, выстроен длинный ряд предшественников конкретизма. Это творчество С. Малларме, А. Хольца, Г. Аполлинера, Т. Маринетти, Д. Джойса, Г. Стайн, Э. Паунда, опыты Г. Арпа. Истоки формальной стратегии, в русле которой и развивается конкретная поэзия второй половины XX века, были достаточно явственно артикулированы уже в творчестве немецких романтиков. В частности, Новалис высказывается о поэзии как мире независимых художественных сущностей, на первый план в которых выдвигаются «только манера письма, внешность, мелодия стиля» [1, 132], Ф. Шиллер полагает, что красота есть не что иное, как «бытие в виде чистой формы» [2, Т. 6, с. 79].

Поэтические установки конкретизма имеют немало общего и с доктриной А. Белого, в творческом наследии которого множество теоретических исследований посвящено проблеме эстетики и литературы как «точных» наук, где различные арифметические расчеты призваны выявить математические зависимости в лирике. Общей для размышлений А. Белого и конкретистов становится идея двойного подхода к поэтическому слову. С одной стороны, важно выделение и описание исходно данного в литературном произведении: стиля, ритма, фонетической организации, отвлекаясь от другой стороны – содержательной – переживаний автора, идей, общественной среды. По словам В.М. Жирмунского, упорядочению в подобной литературе «подвергается не расположение слогов, различных по своей силе, не чередование ударных и неударных, сильных

и слабых слогов, относящиеся к области метрики, а рассматривается качественная сторона звука, особый выбор и расположение гласных и согласных – вопросы словесной инструментовки» [3, 42]. Принципиальным для произведений конкретной поэзии становится внимание к мелодике поэтического высказывания, организация понижения и повышения голоса. В этой связи необходимо отметить, что среди произведений известного немецкоязычного конкретиста Э. Яндля есть немало количество так называемых «партитурных» стихов, снабженных либо иллюстрацией к прочтению, либо комментариями, как следует произносить тот или иной звук. Особую группу составляют артикуляционные стихи, они представляют собой лишь описания движения губ без звука, который воспроизводится зрителем согласно заданному, своеобразное чтение по губам. В стихотворении «губы» достаточно оригинально сочетается и вербальная, и авербальная техника передачи информации:

*) эту часть стиха нужно не произносить, а делать очевидной;

***) верхняя губа накрывает нижнюю таким образом, что становится необычно заметной;

****) обе губы в слегка сомкнутом состоянии выдаются вперед в равной мере, становясь заметными<...>*

[4, Bd. 4, s. 96].

В литературе авангарда XX века, к которой принадлежит и конкретизм, большое распространение имеет прием «остранения». Это понятие было введено В.Б. Шкловским, видным теоретиком русской формальной школы, для обозначения искусственного затруднения, нарушения автоматизмов восприятия, это «общее определение совокупности способов увеличения ощущения вещи» [5, 61]. Остранение, по мысли американского представителя «новой критики» Р. Стейси, – общехудожественное явление, заключающееся в расчистке адамического языка самих вещей от конвенциональных имен-ярлыков. Теоретик конкретной поэзии, профессор кибернетики М. Бензе, видит в конкретизме «возможность очистить литературу от случайных рифм, фраз, слов ... косной традиции, обременяющей творца своими императивами», то есть с помощью приема остранения представить слово как живую функциональную единицу, разрушить порочный круг «затемнения смысла в слове», избежать ситуации, когда «не мы говорим языком, а язык говорит нами» [6, 28].

В учении швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра, в целом сильнейшим образом повлиявшего на формирование мировоззрения XX века, одно из основных мест занимает принцип лингвистической артикуляции, нашедший выражение и в конкретной поэзии. Шумовые, «заумные» произведения многих авангардных направлений могут служить своеобразной иллюстрацией к соссюрианской доктрине. Для Соссюра фонетический поток артикулируется не только на физиологическом уровне движений гортани и не только в слуховом восприятии. В фундаментальном лингвистическом принципе артикуляции конституируется феноменологическая область «непосредственно данного», воплощенного и в «двигательных образах органов речи». По этой причине в экспериментальных текстах дадаистских, заумистских авторов, поэтов ОБЭРИУ, УЛИПО, конкретизма важнейшим для изучения является фонематический аспект, где «фонема – это сумма акустических впечатлений и артикуляционных движений» [7, 75–76]. Основываясь на подобном подходе, Э. Яндль создает фонетическое партитурное стихотворение «тоска», в котором тяжелое гнетущее чувство душевного уныния и тревоги воспроизводится на «дословесном», «дологическом» уровне:

wwwlIII

wwwlIII

wwwlIII

lllw

lllw

lllw

lollowo

llllllw

llllllw [4, Bd. 3, s. 39]

Поэт с помощью звукописи фонетико-графическими знаками «w» и «l», по сути своей «плавающими», «не энергичными», вызывающими ассоциации душевного томления, сильной скуки, раскрывает заявленную в заголовке тему тоски на медитативном, сенсорном уровне. Говоря о подобных способах письма, Э. Яндль отмечает: «В отличие от слов звуки большей частью

* Сохранена традиция письма конкретизма без знаков препинания и заглавных букв

свободны от значений, но их способность вызывать ассоциации совершенно очевидна ... работа со звуками является работой с ассоциативными возможностями» [8, 397].

Произведения конкретной поэзии синкретичны по своей природе: в текстах поэтов-конкретистов наблюдается стремление к единству вербального и визуального, конкретного и абстрактного, разных семиотических систем. Постоянно происходит «перевод словесного описания в зрительный образ и наоборот – графическому образу дается вербальная интерпретация [9, 64]. В стихотворении Э. Яндля «древо искусств» наблюдается тенденция к мотивировке поэтического высказывания на визуальном уровне, получают подтверждение слова поэта о том, что поэзия должна «стремиться к абсолютному стихотворению, конкретному, которое является предметом, а не высказыванием о нем»:

frucht	frucht	frucht	frucht
	frucht	frucht	frucht
		frucht	frucht
		frucht	frucht
		frucht	frucht
		frucht	frucht
		frucht	frucht
		frucht	frucht
	frucht	frucht	frucht
frucht	frucht	frucht	frucht

[4, Bd. 4, s. 9].

В данном тексте обыгрывается схожесть написания и звучания немецких слов «frucht» (плод, фрукт, результат) и «fracht» (груз, тяжесть). Поэт рисует на бумаге «генеалогическое» древо творчества, наглядно демонстрирует, что труд, тяжесть порождают плоды, приносят результаты, при этом весь «груз» основывается на уже существующих, ранее добытых плодах. Так внешне экспериментальное, эпатажное стихотворение по своей тематике оказывается достаточно традиционным, но заявляет осмысление традиции новыми поэтическими средствами.

Поиски нового «недискредитированного» в литературной практике вынуждают обратиться либо к молчанию, чреватому речью, либо обратиться к реальности, функциональности языка. Первоначально конкретистские авторы деструктурируют язык, лишая его связи с понятием или отождествления с предметом, и уже только из такого материала, очищенного от компрометирующих черт, поэт-конкретист считает возможным создавать тексты. «Конкретная поэзия – это стиль материальной поэзии, если это понимать как вид литературы, которая подразумевает лингвистические структуры (такие, как звуки, слоги, слова, последовательности слов, парадигмы слов) в первую очередь как представления мира лингвистики. Кроме того, язык материальной поэзии не является предметом конвенциональных правил грамматики и синтаксиса обычной речи, но подчиняется правилам уникальных визуальных и структурно ориентированных моделей», отмечает М. Бензе в статье «Конкретная поэзия» [6, 56]. Таким образом, язык перестает трактоваться в виде универсальной грамматики и словаря, абстрактной лингвистической системы правил, в конкретизме акценты смещаются на уникальность языка субъекта, неповторимость языка художественного произведения. В тексте стихотворения «разговор», относящегося к акустическим произведениям, Э. Яндль воспроизводит мелодику, ритмику беседы, разговора, используя «доязыковые» средства, упраздняя понятия логики, грамматики и синтаксиса высказывания:

blaablaablaablaa
 blaablaablaa
 blaablaablaablaa
 blaablaablaa
 bäbbb
 bäbbb
 bäbäbbbäb
 bäbbbäbäb
 bäbbb
 bäbbb [4, Bd. 2, s. 27]

Конкретистское понимание слова как «звукового жеста» соотносится с особыми миметическими возможностями языка. С традиционных позиций такие слова существуют в маргинализованных областях дискурса: в детском словотворчестве, в культовых глоссололиях, поэтической зауми.

Подобный подход сближает явление конкретизма с идеями аналитической философии, в особенности сильное влияние на формирование творческого кредо конкретистских авторов оказала доктрина австрийского философа Л. Витгенштейна, основоположника логического и лингвистического аналитизма. Произведения Л. Витгенштейна известны читателю с 1921 года, когда вышла первая работа философа «Логико-философский трактат». Размышления философа, которые так привлекли конкретистов, – это исследование простейших, примитивных форм языка, раскрывающих способ употребления слов, в отличие от сложных, концептуальных высказываний, которые скрывают или искажают обыденное применение языка. «Применение» – это то понятие, которое предлагает Л. Витгенштейн в качестве замены понятию «значение». Философ задает принципиальное для конкретизма противопоставление «этического» и «логического», т. е. того, что «может быть показано», и того, о чем «можно говорить». В статье «План-путеводитель по конкретной поэзии» подчеркиваются схожие аспекты проблемы языка: «Поэзия повернулась от искусства к действию, от декламации к констелляции, от фразы к структуре, от песни к энергетическому центру ... Конкретная поэзия – это работа с материалом языка, создание с помощью него структур и передача информации с помощью новых способов» [6, 172]. Л. Витгенштейну принадлежит также обоснование такой категории, как «языковая игра», по правилам которой и создаются тексты конкретизма. «Языковая игра – это определенная модель коммуникации или конституция текста, в которой слова употребляются в строго определенном смысле, что позволяет строить непротиворечивый контекст» [10, 126]. Поэты-конкретисты оперируют словами с фиксированными, понятными в процессе применения значениями, освобождая тем самым свою поэзию от метафизичности. По мысли Л. Витгенштейна, «философские проблемы возникают тогда, когда язык пребывает в праздности» [10, 881]. Праздности или пустой созерцательности конкретизм противопоставляет активное употребление языка, в котором и заключен его смысл. Отсюда такое количество текстов поэтов-конкретистов, основанных на игровых, нелинейных способах построения поэтического высказывания, понуждающих читателя к активному восприятию текста, прояснению значения слова через употребление его в акте чтения-разгадывания:

```

flam      men
          in
          go home
                men only
          go home
          in
flam      men [4, Bd. 3, s. 72]

```

В этом стихотворении-идеограмме условно воссоздается и внешний вид некоего существа с длинными ногами, клювом, и происходит шарадная игра с частями заданного слова «фламинго». Стихотворение жонглирует словами «пламя», «идти», «мужчина», «дом», «только», которые являются омофонами к отрезкам слова фламинго и на определенном уровне передают идею романтики, темпераментности, экзотики чувств.

По поводу стихотворения Э. Яндля «сонет» К. Риха отмечает: «Сонетная форма Петрарке и Рильке сокращается до графической схемы» [11, 69]. В этом тексте пять гласных звуко/букв, многократно повторяясь, составляют «текст» стихотворения, тем самым изображают специфическую схему сонета с рифмой в двух катренах и двух терцетах. При этом, по мнению поэта, «смысл не пострадал» [12, Bd. 1, s. 435], поскольку долгое употребление данной поэтической формы и крайняя унормированность сделали из сонета лишь образец выхолощенной формы.

Попытки осознать действительность с помощью преодоления привычных норм и форм языка, обслуживающих эту действительность, подобный «лингвистический» критицизм, свойственный конкретной поэзии, рожден именно разочарованием, находится в контексте развития всей немецкоязычной литературы послевоенного периода, формирующейся «на обломках иллюзий». Эстетика конкретизма явно соотносится с современными социально-политическими и культурными тенденциями: разрушением четкой оппозициональной политической структуры, отказом от

монотеистского мышления, смешением групповых и индивидуальных идентификаций. Определяющей чертой мировоззренческих поисков XX века становится интенция к обновлению, ориентация на эксперимент, поиск новых форм и методов осмысления мира и человека в сочетании с пристальным интересом к социальным и личностным проблемам бытия. Необходимо отметить, что в поэзии конкретизма нашли отражение зачастую противоположные, но характерные для общекультурной и литературной ситуации установки. Эстетика «бунта», провокации сочетается в произведениях конкретных поэтов с политической и социальной ангажированностью, за формальными экспериментами зачастую проступают серьезные вопросы современности: проблема отчуждения личности, исчерпанности средств коммуникации. Конкретная поэзия определенно вписывается в литературный и культурный контекст периода.

Литература

1. Новалис, Ф. Фрагменты / Ф. Новалис // Литературная теория немецкого романтизма. – Л., 1934.
2. Шиллер, Ф. Собрание сочинений: в 7-ми т. / Ф. Шиллер. – М., 1957. – Т. 6.
3. Жирмунский, В.М. Поэтика русской поэзии / В.М. Жирмунский. – СПб., 2001.
4. Jandl, E. Poetische Werke / E. Jandl. – München, 1997. – Bd. 1–10.
5. Шкловский, В.Б. Гамбургский счет: статьи – воспоминания – эссе (1914–1933) / В.Б. Шкловский. – М., 1990.
6. Theoretische Positionen zur Konkreten Poesie: texte und bibliographie / hrsg. T. Kopfermann. – Tübingen: niemeyer, 1974.
7. де Соссюр, Ф. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр – М., 1977.
8. Называть вещи своими именами: программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX в. / под общ. ред. Л.Г. Андреева. – М., 1986.
9. Агеев, В. Семиотика / В. Агеев. – М., 2002.
10. Постмодернизм: энциклопедия. – Минск, 2001.
11. Riha, K. der und die / K. Riha [der und die]; hrsg. V. Kaukoreit, K. Pfoser // Interpretationen: Gedichte von Ernst Jandl. – Stuttgart, 2002.
12. Jandl, E. Gesammelte Werke / E. Jandl. – Frankfurt; M., 1990. – Bd. 1–3.

Summary

The article is dedicated to the actual for the modern study of literature problem of genesis and functioning of literature problem of genesis and functioning of concrete poetry in the historical and cultural context of the XXth century. The object of this research is literary work by E. Jandle, one of the most famous poets, belonging to the concrete trend.

On the basis of comparative analysis the author of the article tries to consider the phenomenon of concrete poetry in connection with, the school of Russian formalism, F. de Sossour's works, analytical doctrine of L. Vitgenstein, aesthetics of literary avant-garde trend.

Поступила в редакцию 13.02.06.

УДК 882.6

Ю.М. Літвінова

КОЛЕРАВАЯ ГАМА ПАЭЗІІ УЛАДЗІМІРА КАРАТКЕВІЧА

На пачатку развіцця рамантызму колер заняў значнае месца ў сістэме эстэтычных поглядаў мастакоў слова. Ён стаў сродкам выяўлення пачуццяў, часам супярэчлівых. Менавіта праз колер адлюстравалася імкненне да свабоды як вышэйшага эстэтычнага ідэалу рамантызма. Літаратура канца XIX ст., развіваючыся на хвалях «панмузыкальнасці» і «панкаларызму» [1, 226], працягнула рамантычныя традыцыі, звязаныя з мастацкім асэнсаваннем колеру. Паэзія А. Блока, С. Ясеніна, М. Цвятаевай, Лэсі Украінкі, М. Багдановіча, Я. Купалы, Цёткі, У. Жылкі, У. Дубоўкі, П. Труса засведчыла значную ролю колеру ў адлюстраванні мастацкай рэальнасці. У паэзіі 60-х, якая развівалася на хвалі неарамантызму, колер усё часцей займае вядучую пазіцыю ў паэтыцы Р. Барадуліна, А. Грачанікава, Я. Сіпакова, А. Разанава і інш.

Паэзія У. Караткевіча з'яўляецца прыкладам таго, як пры дапамозе колеру пісьменнік стварае свой непаўторны свет, пазбаўлены рамак, заканамернасці і падуладнасці. Менавіта колер –

«самы незалежны элемент як прыроды, так і мастацтва» – бярэ на ўзбраенне, па сведчанні Л. Міронавай, вольналюбівае ХХ стагоддзе [1, 272]. Даследчыца сцвярджае: «Насычаючы сваю паэзію каляровымі вобразамі, пісьменнікі ХХ ст. інстынктыўна супрацьстаялі панаванню празмерна лагічнага і рацыянальнага мыслення, якое звязана з тэхнакратычнымі ідэаламі стагоддзя, паколькі колер апелюе да сферы эмоцый і падсвядомасці» [1, 273].

Увага да колеру ў паэзіі У. Караткевіча тлумачыцца і ўплывам на яго творчасць выўленчага мастацтва. У. Гніламёдаў сведчыць: «Малады паэт меў схільнасць да густых, яркіх фарбаў і метафар. «Рэчыўнасць», «выяўленчасць» у яго не перашкаджаюць развіццю ўмоўна-асацыятыўнага пачатку, у выніку чаго непараўнальна багацейшым стаў эмацыянальны спектр беларускага паэтычнага слова, значна ўзрасла яго экспрэсіўнасць» [2, 187].

Дамінуючым у мастацкай палітры У. Караткевіча з'яўляецца сіні колер. Ужо выхад першага паэтычнага зборніка «Матчына душа» засведчыў прыхільнасць аўтара да сіняга колеру. Нават пры афармленні кніжкі вершаў мастак І. Немагай, засвойваючы танальнасць і каларыт караткевічаўскай паэзіі, па словах А. Ліса, звярнуўся да «прыглушана блакітна-зялёнага колеру» [3, 400]. Па-юнацку шчырая, напоўненая неўтайманай энергіяй маладосці, ранняя паэзія У. Караткевіча імкнецца да чысціні думак, пачуццяў, памкненняў, якія сімвалічна звязаны з сінім і блакітным колерамі. Імі пісьменнік афарбоўвае мора, неба, зоры, месяц, зямлю, пушчы, лясы, азёры, вочы – тыя мастацкія вобразы, якія пад яго пяром набываюць арэол бязмежнасці, вечнасці і глыбіні. Сіні – як колер духоўнасці – дапамог мастаку слова выказаць «свае адносіны да жыцця, да тых рэалій, якія, на яго думку, увасаблялі вышыню чалавечых пачуццяў» [4, 242]. Паэтычнае ўспрыняцце свету У. Караткевічам праз сінюю танальнасць сугучна аднаму з назіранняў В. Ластоўскага: «... адзінкавыя скрозь народ беларускі, па пояс уросшы ў зямлю, угледжаны ў сінюю даль лясную, і гэта сінясць адбілася ў вачах беларуса. А магілеўцы кажуць, што і «на пустыні пясок сіні» [5, 253]. Прыгадаем караткевічаўскія радкі: «На нашай любай і чыстай, на нашай сіняй зямлі ... » [6, 15], «і ў гэтым лесе, дзіўным, сінім ... » [6, 31].

У вершах У. Караткевіча сіні колер мае розную насычанасць, праз якую тонка ўлаўліваецца душэўны настрой лірычнага героя. Так, спакою, ураўнаважанасці адпавядаюць *празрыста-блакітныя, блакітныя, светла-сінія, сіняватыя, сіне-белыя, бягла-сінія* фарбы. Дынамічнасць увасабляецца праз такія адценні, як *сіняе-сіняе, густа-сіняе*. Гэтаму служыць і метафарызацыя каляронімаў: «сінява гусце» [6, 80], «смелая сінь» [6, 146].

Апавяданне «Блакіт і золата дня» ўвяло ў мастацкую палітру беларускага пісьменніка трывалае спалучэнне сіняга і жоўтага, якія ўвасабляюць радасць жыцця і каханьня.

Калі сіні колер сімвалічна звязаны з Боскім пачаткам, то чырвоны – гэта ўвасабленне жыцця, моцных пачуццяў, жаданняў. Па колькасці ўжывання ён займае другое месца ў паэзіі У. Караткевіча. Вока мастака прывабліваюць яркія, насычаныя адценні: *барвовы, каралавы, алы, крываваы, пунсовы, вішнёвы, пурпуровы*. Інтэнсіўнасць чырвонага найбольш сканцэнтравана ў паэтычных метафарах: «майго сэрца // Чырвоны гранат» [7, 132], «вуснаў каханых вішнёвы агонь» [6, 159], «чырвоных горкіх вуснаў арабіны» [6, 224], «балот настоеную кроў» [6, 270], «месяца чырвоная кітайка» [6, 320], «сонца чырвоны жаўток» [6, 395].

Чырвоны ў паэзіі У. Караткевіча – гэта яшчэ і колер трывогі: «барвяным страшным зракам» [6, 153], «перад вокам чырвоным калматага гневу» [6, 77], «барвяны гнеўны вулкан» [6, 159]. Гэта адчуванне ўзмацняецца пры выкарыстанні прыметніка «кывавы» ў якасці каларатыва: «У кывавыя хаты лятуць мерцвякі» [6, 238], «вось-вось пакажа вяршыня гары // Небу першы кывавы язык» [6, 237], «бязлітасны пошчак кывавых маланак» [6, 226].

Позірк У. Караткевіча часта скіраваны ў неба. Менавіта яго афарбоўка характарызуе думкі і пачуцці лірычнага героя мастака. Тут паэт карыстаецца пераважна рамантычнымі фарбамі: *ліловымі, ружовымі, барвовымі*. Яго тонкае адчуванне колераў і ўменне жывапісаць словам нарадзіла маляўнічы эпітэт да вобраза вячэрняга неба («візантыйскі захад у алым дыме» [7, 130], «на візантыйскім небе чырвоным» [6, 343]), якому адпавядае, думаецца, пурпуровы колер. Якраз пурпур з-за сваёй падвоенасці, дзе да чырвонага далучаецца сіні, заняў пачэснае месца ў візантыйскай культуры мыслення, таму што лічыўся «нябесным» колерам як больш «вытанчаны і складаны, даступны толькі выбраным» [6, 117].

Чырвоны разам з жоўтым утвараюць цёплую гаму, таму ў паэзіі У. Караткевіча ўспрымаюцца праз прызму сонечнага святла, агню, радасці, паўнаты жыцця: «Гэй вы, хлопцы-памідорцы, рэжучь вас, а вам – дарма! // І таму ў падзяцы палкай будзем з вас мы пачынаць, // З вас, жаўцюткіх, нібы сонца, сонечных, нібы хурма, // І чырвоных, нібы шчокі у вясковых дзеўчанят» [6, 296–297].

Залацісты колер у мастацкай сістэме У. Караткевіча непасрэдна звязаны з культу сонца. Усё, што трапляе пад яго промні, набывае афарбоўку золата: «над залатым каралавым пяском» [6, 284], «над стромай садоў залатых» [6, 372], «жнівень залаты» [6, 13], «гарлачыка ліст залаты» [6, 75], «у лугах залацістых» [6, 78].

Без залацістага не абыходзіцца вобраз восені: «залатая восень» [6, 34], «залацістае лісце» [6, 35], «залатых злівых» [6, 159]. Жоўты колер, пазбаўлены агністасці, набывае ў палітры У. Караткевіча бляклы адценні, пазначаныя сумам надыходзячай зімы: «да замерзлай жоўтай травы» [6, 255], «жоўты зімні дуб» [6, 257], «лугоў жаўцізна» [6, 79]. Эмацыянальная нагрузка пры гэтым адводзіцца каляроніму жоўкы: «лісцем пажоўклым» [6, 15], «жоўкая трава» [6, 31], «паспелай жоўкай восені» [6, 34].

Белы колер разам з сінім і чырвоным таксама з'яўляецца дамінуючым у мастацкай палітры пісьменніка. С. Лясковіч, аналізуючы паэзію У. Караткевіча, Н. Арсенневай і М. Багдановіча, сцвярджае, што ў іх творчасці гэтыя тры колеры «афарбоўваюць этнічна знакавыя вобразы, выступаюць як этнаколеры» [8, 124].

Белы колер у паэтычнай сістэме У. Караткевіча – гэта колер жыцця і свабоды, які цесна «звязаны з Беларуссю, яе народам, белы – гэта значыць беларускі» [9, 35]. Белы для пісьменніка – гэта таксама колер чысціні і святасці: «Чыстыя-чыстыя рукі – белыя галубы» [6, 17].

Канцэптуальнае значэнне набывае для творчасці мастака вобраз вершніка на белым кані (раман «Каласы пад сярпом тваім», аповесць «Сівая легенда», вершы «Гусі-лебедзі ў лугах зялёных ...», «Падмогі!», паэмы «Слова пра чалавечнасць», «Грубавое і ласкавае»), у якім паяднаны і святы Юрый, і выява старажытнай «Пагоні», і казачны герой «Ян Прыгожы на белым кані» [6, 52], і міфалагічная постаць Ярылы, што ўяўляўся «ў вобразе маладога, прыгожага юнака, які ездзіць на белым кані і ў белае вопратцы» [10, 170]. Тыпалогія згаданых вобразаў гаворыць пра сімвалічнасць белага ў вершах У. Караткевіча як колеру пераможцы. Гэта традыцыя мае і біблейскія карані. Згадаем Апакаліпсіс: «І ўбачыў я і васьмь белы конь, і той, што сядзеў на ім, трымаў лук, і дадзены яму вянец, і выйшаў ён як пераможца, каб перамагачь» [Адк. 6, 2].

Белы можа выступаць у паэзіі У. Караткевіча, згодна з міфапаэтычным уяўленнем беларусаў, і «як сімвал смутку, жалобы, гора, смерці, трансфармацыі, пераходу ў іншы стан, іншы план існавання, сімвал дарогі з аднаго свету ў іншы» [11, 46]: «І міндаль палае, як лава, // І перскаў беляя крылы, // Як каханню бялюткі саван, // Як вянок на яго магілу» [6, 210–211].

Шэры колер вызначаецца сваёй някідкасцю, непрыкметнасцю. Але і для яго мастак падбірае шэраг адценняў: «праз попелнае святло» [6, 90], «дымна-шызыя рызы» [6, 159], «свінцовы і грыфельны змрок» [6, 269], «пацямнеў, стаў шэрым, як трэба» [6, 308]. Шэры колер для лірычнага героя У. Караткевіча вельмі дарагі, паколькі гэта колер вачэй яго каханай: «у вачах тваіх, шэрых» [6, 76], «ад шэрых глыбокіх вачэй» [6, 81], «вочы смяюцца, вялікія, шэрыя» [6, 343], «ад пагарды ў шэрых вачах» [6, 368], «прыпомнішы вочы, шэрыя, сінія» [7, 126]. Шэры і сіні ў паэтычнай афарбоўцы вачэй найчасцей падкрэсліваюць іх глыбіню, бяздоннасць. Невыпадкова трапным мастацкім параўнаннем для іх стаў вобраз возера: «у азёры блакітныя, вочы мае» [6, 355]. Дз. Паўлавец сцвярджае, што такая пільная ўвага пісьменніка да колеру вачэй з'яўляецца стылёвай адметнасцю мастака: «... у яго творчасці светавага гама вачэй то кідкая, яркая, то прытоеная, прыглушаная, таямнічая і загадкавая» [12, 108].

Асобнай увагі заслугоўвае «Чорная балада Гаркушы», у якой пануе стыхія колераў: ружовы, ліловы, залаты, зялёны, серабрысты, сіні, карычневы, чырвоны, белы, вішнёвы, аранжавы, крываваы, жоўты, малінавы, барвяны, блакітны. Іх яркасць умацняецца за кошт драматычнага супрацьстаяння вобразу чорнай імглы. Адлюстраванне мастацкай рэальнасці ў творы набліжана да барочнага, асноўныя рысы якога – «выразная перспектыва, рэалізм, драматычныя, часам тэатральныя светлавыя эфекты, а таксама падкрэсленая экспрэсія» [13, 91]. Увагу чытача прывабляюць «зіхоткія, пярэстыя», па-барочнаму «мудрагелістыя» мастацкія тропы: «Распускалася сонца – ружовы цвет, // Зіхацелі лугі пад ім. // Як павіны хвост, разгортваўся свет // Пад уражлівым вокам людскім» [6, 158].

Паэт дакладна перадае нават самыя няўлоўныя адценні. Звернемся да зялёнага колеру, які пераважае ў баладзе і непасрэдна сімвалізуе жыццё: «з ізумруднай зямлі» [6, 159], «быў зялёны па-рознаму мох на страсе // І бляшаны замкавы дах» [6, 159], «марозна-зялёны палыні» [6, 159]. Як сведчыць Т. Чабан, «імкненне У. Караткевіча да выразнасці дэталі, насычанасці колеру не выпадковае. Паказальная для яго ... цікавасць да нідэрландскага і фламандскага жывапісу з яго фактурнасцю, плоцеваасцю, яркасцю каляровай гамы. У гэтым бачыцца імкненне ўвасобіць ідэал,

арэчавіць яго, стварыць зрокавы вобраз прадметаў, гістарычных рэалій эпохі – «color locale», які з’яўляецца адным з патрабаванняў рамантычнай эстэтыкі» [14, 29]. Даследчыца на гэтай падставе, звяртаючыся да класіфікацыі А. Эльяшэвіча, які вылучае суб’ектыўны і аб’ектыўны тыпы рамантызму, адносіць У. Караткевіча да аб’ектыўных рамантыкаў.

Пяро Караткевіча-рамантыка ажыўляе колер. Паэт здольны зрабіць яго адчувальным на дотык, надаць рэльефныя абрысы: «праз ялін кашлаты малахіт» [6, 270], «як махровая сажа ў хаце курной, // Чарнела навокал імгла» [6, 160], «на зялёным, сасновым, грывастым пагосце» [6, 357], «барвянец мяса смачна адцяняюць // Янтарны тлушч і цукарная косць» [6, 92].

У. Караткевіч, працягваючы рамантычныя традыцыі, выкарыстоўвае ў якасці каляронімаў назвы камянеў, прыродныя мінералы, з якімі абыходзіцца як сапраўны жывапісец. Гэта павялічвае эмацыянальнае ўздзеянне на чытача, прымушае яго ўглядацца ў створаную мастаком слова карціну: «Сапжжанак сангіна, цыганак гуаш // І ракаў нясерпны кармін» [6, 159], «муры, зялёныя ад рэфлексаў // Сакавітай і чыстай садовай лістоты, // Як сярэдневяковы ізумруд маўрытанскі» [6, 173], «з сафірам занадта спакойных вачэй» [6, 175], «я гляджу ў свінцовы і грыфельны змрок» [6, 269], «сіняя, быццам індзіга, вада» [6, 189].

Романтызм імкнецца аб’яднаць розныя жанры мастацтва. Колер і музыка адыгралі ў гэтай спробе вядучую ролю. Романыкі значную ўвагу прысвяцілі вывучэнню змястоўнасці колеру: «На ўзроўні рэчывнай рэальнасці колер можа быць умоўным знакам ці алегорыяй якога-небудзь паняцця (каханне, смерць, жыццё, дабрыва і г. д.). На вышэйшым узроўні, дзе няма нічога матэрыяльнага, колер змяшчае ў сабе чыстыя ідэі, якія рэзаніруюць у псіхіцы чалавека пачуццямі, эмоцыямі, думкамі; іншымі словамі, тут сэнс і змест колеру аналагічны сэнсу і зместу ў музыцы» [1, 214].

У Караткевіча-рамантыка колер паспяхова выкарыстоўваецца на двух узроўнях. На першым часцей за ўсё адбываецца метафарызацыя каляровага прыметніка. Так, у чорны «афарбоўваецца» паэтам журба («у чорнай журбе» [6, 62]), зло («чорную злосць» [6, 95], «на чорны здзек» [6, 111], «чорнага зла» [6, 119], «праз чорныя мантыі, словы і душы» [6, 280]), адчай («на чорным адчаі» [6, 87]), туга («ад чорнай тугі» [6, 362]), нешчаслівы лёс («лёс народа чорны» [6, 346], сум («чарнілыны сум» [6, 208]); у белы – мара («як здрадліва белая мара!» [6, 183]; у ружовы – вясна («ружовы твар вясны» [6, 70]), сны («ў ружовыя сны» [6, 375]); у жоўты – сум («лісцяў жоўты сум» [6, 47]; у сіні – мова («трапяткая і сіняя, як васілёк» [6, 364]); у блакітны – радасць («блакітная радасць» [6, 313]). Смуга можа быць барвянай («за смугою барвянай» [6, 224]) ці сіняй («пад сінія шклянню смугою» [6, 77]); здрада – чорнай («чорную здраду» [6, 140]) ці жоўтай («ружы ... жаўцеюць, як здрада» [6, 173]). Акрамя таго, каляронім у пазіі аўтара можа выступаць у якасці эмацыянальнага ўдакладнення метафарызаванага эпітэту: «у базальтавай хмурай вадзе» [6, 80], «барвяны гнеўны вулкан» [6, 159].

Даследуючы паэтычныя каліграфы, Г. Артханаў звяртаецца да думкі, згодна з якой «існуе ўзаемазвязь, адпаведнасць гуку і колеру, напрыклад, чырвоны колер адпавядае гуку «до», жоўты – «мі», блакітны – «соль», аранжавы – «рэ», зялёны – «фа» [15, 29]. Асацыяцыі такога кшталту звязаны з сінестазіяй і належаць да другога ўзроўню рамантычнага асэнсавання колеру. На яе аснове нарадзіліся не толькі сусветна вядомыя казкі Гофмана, але і «сімфанічныя паэмы Скрабіна, музычны жывапіс Уістлера і Чурлёніса, маляўнічая музыка Вагнэра» [1, 226]). Паэзія У. Караткевіча таксама мае падставы быць уключанай у гэты шэраг, паколькі колер у ёй можна не толькі выразна ўбачыць, але і адчуць яго мелодыю і пах: «У гарачым святле плылі // Сінія песенькі жаўрука // Над карычневай песняй раллі. // Чырванеў, бялеў і ліўся кірмаш, // Цвіў і пахнуў, як бэз і язмін» [6, 159], «далёкі аранжавы звон ...» [6, 159], «аб дубах, што спяваюць зялёную, звонкую песню» [6, 168], «і пад птушак зялёны гоман» [6, 274], «месяц закаханы // Песні “сноў” блакітныя ўзрасціў» [6, 177].

Лірычны герой верша У. Караткевіча «Чурлёніс» – літоўскі кампазітар і мастак, чые карціны агучаныя, а музыка напоўнена ўсімі колерамі і адценнямі, што з’яўляецца асаблівасцю яго паэтычнага мыслення. Прыгадваючы агляд палотнаў жывапісца У. Караткевічам у Каўнасе, А. Мальдзіс піша: «Асабліва ўразіла Валодзю нарастанне змроку, беспрасветнасці ў цыкле “Хаўтуры”: «Ён доўга стаяў перад карцінамі, нешта шаптаў (пасля з усяго гэтага нарадзіўся верш “Чурлёніс”)» [16, 35]. У творы беларускага паэта гучыць пратэст чалавека-жыццялюбца (першапачатковая назва верша – «Не хачу!» [6, 406]) супраць цемры, што павінна перамагчы свет, паводле ідэйнага зместу апошніх палотнаў мастака. Як і ў «Чорнай баладзе Гаркушы», лірычны герой верша «Чурлёніс» імкнецца аднавіць колеры жыцця, насуперак сусветнай цемры: «Я ўздываю далоні над светам без свету // І ўзглашаю яму: // “Светаносны, паўстань!” // Не хачу! – // І ўздываюцца колеры ніцыя» [6, 221].

Караткевіч-рамантык, спасцігаючы розныя віды мастацтва, не спыняецца толькі на жывапісе і музыцы. Ён асэнсоўвае прыёмы графікі («Вільня ў дождж»), выкарыстоўвае элементы скульптуры («ляпніна» вобраза пры дапамозе шматлікіх параўнанняў), імкнецца адчуць музыку архітэктуры, што праламілася ў яго творчасці праз паэтычную метафару – «балады каменя», даўшы назву эсэ, прысвечанаму помнікам беларускага дойлідства, якія параўноўваюцца аўтарам з рознымі песеннымі жанрамі. Такое рамантычнае ўспрыманне архітэктуры адлюстравалася і ў лірыцы У. Караткевіча. Так, царква на Нерлі («Дзіва на Нерлі») для мастакоўскага вока – гэта «белая песня ў лугах залацістых» [6, 82]. Пра Барысаглебскую (Каложскую) царкву ў Гродне скажа, што яна «церпіць напады, як сярэдневяковая песня» [17, 143]. У вершы «Каложы» ўражвае каляровае рашэнне гэтага вобраза, перададзенага ў някідкіх, суровых фарбах з ледзь улоўнымі адценнямі, што адпавядаюць згаданай эпасе: «Трохі ў зелень, як пер'е качынае, // Трохі ў бэз і трохі ў гранат, // Уся – як крышталевы камен, // Уся – як край наш, як сон, як вясна» [6, 227].

Для У. Караткевіча важна перадаць вобраз ва ўсёй яго паўнаце, складанасці і часам супярэчлівасці, паколькі галоўныя стыльвыя адзнакі творчасці паэта – драматызм, экспрэсіўнасць і кантрастнасць. Каларыстыка ў гэтым святле адыгрывае важную ролю. Н.С. Мажэйка сведчыць, што для творчасці пісьменніка характэрны «прыныцы колернага кантрасту, з аднаго боку, а з другога – абагульненні аднаго колеру альбо яго адценняў» [9, 35]. Першы выкарыстоўваецца аўтарам часцей за ўсё ў баладах, набліжаных да класічных, дзе колеры (чорны – белы, чырвоны – сіні) маюць сімвалічнае значэнне («Машэка», «Шыпшына і ружа», «Перакаці-поле», «Партызанская балада», «Балада пра развітанне», «Балада аб нашэцях», «Смяротная страта»). Кантрастнасць, палярызацыя вобразаў выклікалі ў творчасці паэта рэзкія пераходы ад святла да ценю. Гэта ўвасобілася не толькі праз зварот да чорна-белай сімвалікі як наследаванне народнай традыцыі, але і ў выкарыстанні кантрастных колераў сіняга і чырвонага як выяўленне індывідуальна-аўтарскага спасціжэння мастацкай рэальнасці. Калі першы будзеца па прыныцы «добра – зло», то ў аснове другога – тэрмальныя якасці «халодны – цёплы», якія характарызуюць эмоцыі і пачуцці лірычнага героя. Кантраст сіняга і чырвонага, што ляжыць у аснове паэтычнага бачання У. Караткевіча, нараджае падвоены колер, які «ажыўляе і вызывае трывогу» [6, 180]: «Ад сіняй мяжы да бярынай мяжы» [6, 160], «аблакаў барва, сіль, трывожны дым» [6, 278]. Сіне-чырвоны – менавіта такім бачыць неба неспакойная, бунтарская душа лірычнага героя верша «Ворывы на валах», народжанам пад уражаннем ад карціны Ф. Рушчыца.

У лірычных вершах аўтара, як сведчыць В. Шынкаренко, «за зменай таноў і паўтаноў часта стаіць змена пачуццяў, настрою» [18, 91]. Гэты аспект дакладна ахарактарызавала А. Яскевіч: «Часам у хвіліны сардэчнай скруці светаўспрыманне паэта становіцца халодна-празрыстым ... У хвіліны сардэчнага спакою, замілавання да людзей, родных краявідаў колеры набываюць пяшчотнасць, святлістасць, у іх пачынаюць пераважаць жоўтыя, залацістыя адценні, нарэшце пануе цёплы белы свет з багаццем усіх сваіх адценняў» [19, 248]: «Глянё на зямлю залатую, // Пяшчотную, сумную, чыстую ...» [6, 36], «Зямля глядзіць азёрамі-вачыма // На ясны свет, што стыне у красе // Як чыста, бы святло абшары вымыла. // Як ціха – быццам зніклі людзі ўсе» [6, 47].

Рамантызацыя пейзажаў у лірыцы мастака садзейнічаюць вобразы туману і Месяца, на якіх акцэнтуюцца ўвага чытача пры стварэнні светлаценняў. Пры гэтым аўтар карыстаецца багатай колеравай гамай. Для афарбоўкі Месяца ён выбірае такія колеры, як *кывавы, залаты, ружовы, чырвоны, зялёны, светла-сіні, сіні, блакітны, аранжавы*. Туман можа быць *барвяным, сінім, залатым, шэрым, белым, малочным, чорным, блакітным*.

Пейзажныя замалёўкі У. Караткевіча па сваёй эмацыянальнай насычанасці нагадваюць палотны імпрэсіяністаў, якія імкнуліся намаляваць тое, што бачылі ў рэальным жыцці, аднавіць натуральнае святло [13, 108]. Для У. Караткевіча такой спробай сталі вершы «Генуэзская крэпасць», «Усход», «Рэчка Папараць». Згодна з назіраннямі Дз. Паўлаўца, вершы беларускага пісьменніка пераклікаюцца з мастацкімі палотнамі В. Бялініцкага-Бірулі [4, 243]. Паэт выкарыстоўвае «пераважна рамантычныя, агністыя або сінія, бэзавыя, часта імпрэсіяністычна сутонлівыя, малочныя» колеры [19, 247]. Ён падбірае для іх адпаведныя эпітэты: *празрысты, туманны, малочны, жамчужны, светлы, бяжылы, снежны*.

Паэзія У. Караткевіча – гэта супрацьстаянне і барацьба. Колер таксама становіцца сродкам іх выяўлення, пры гэтым ён парушае законы гарманічнасці, паколькі імкнецца, у першую чаргу, перадаць пачуцці мастака. Так, можна гаварыць пра наяўнасць у яго лірыцы аксюмарана, дзе халодная гама колераў, у якасці якіх выступаюць сіні і блакітны, спалучаецца з цёплымі

пачуццямі: «У цёплым блакіце, ў пяшчотным лёдзе» [6, 379], «з вішань квецень // Зляцела // Завейя // Пяшчотнай // І сіняй» [6, 183].

Такім чынам, колер у паэзіі У. Караткевіча можна лічыць адным з асноўных сродкаў у асэнсаванні мастацкай рэальнасці, стварэнні вобразаў і выяўленні аўтарскіх пачуццяў. Вызначальным для паэта з'яўляецца сіні колер, які непасрэдна звязаны з бязмежнасцю, вечнасцю і падкрэслівае глыбокі духоўны пачатак яго творчасці. Аўтар удала карыстаецца прыёмамі светлаценю, колернага кантрасту. Яскравая адзнака рамантычнага пісьма У. Караткевіча – зварот да сінестазіі, метафарызацыя каляронамаў, асэнсаванне традыцый фламандскіх жывапісцаў, К. Чурлёніса, Ф. Рушчыца, імпрэсіяністаў.

Літаратура

1. Миронова, Л.Н. Учение о цвете / Л.Н. Миронова. – Минск: Выш. школа, 1993. – 463 с.
2. Гніламёдаў, У.В. Сучасная беларуская паэзія: Творчая індывідуальнасць і літаратурны працэс / У.В. Гніламёдаў. – Мінск: Навука і тэхніка, 1983. – 304 с.
3. Ліс, А. Годна, з любасцю / А. Ліс // Цяжкая дарога свабоды: арт.-лы, эцюды, партрэты. – Мінск: Маст. літ., 1994. – 414 с.
4. Паўлавец, Д. Белы ветразь на сініх азёрах: прыметнікі-каларатывы ў мове У. Караткевіча / Д. Паўлавец // Польша. – 2000. – № 9. – С. 238–247.
5. Ластоўскі, В. З паездкі на сельскагаспадарскую выставу ў Быхаў / В. Ластоўскі // Выбраныя творы / В. Ластоўскі. – Мінск: Беларускае кнігазбор, 1997. – 512 с.
6. Караткевіч, У. Збор твораў: у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск: Маст. літ., 1987. – Т. 1: Вершы, паэмы. – 431 с.
7. Караткевіч, У. Быў. Ёсць. Буду: кніга паэзіі / У. Караткевіч. – 3-е выд. – Мінск: Маст. літ., 2000. – 156 с.
8. Лясковіч, С. Этнаколеры ў паэзіі У. Караткевіча, Н. Арсенневай і М. Багдановіча / С. Лясковіч // Праблемныя напрамкі развіцця мастацкай творчасці і вербальнай культуры нацыі: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 20–21 ліст. 2003 г. – Мінск: БДПУ, 2004. – 204 с.
9. Мажэйка, Н. Некаторыя асаблівасці ўжывання прыметнікаў колеру ў рамане У.С. Караткевіча «Каласы пад сярпом тваім» / Н. Мажэйка // Веснік БДУ. Сер. 4. – 1987. – № 2. – С. 33–37.
10. Коваль, У. Народныя ўяўленні, павер'і і прыкметы: даведнік па ўсходнеславянскай міфалогіі / У. Коваль. – Гомель: Беларускае агенства навукова-тэхнічнай і дзелавой інфармацыі, 1995. – 180 с.
11. Беларуская міфалогія: энцыклапед. слоўн. / С. Санько [і інш.]. – Мінск: Беларусь, 2004. – 592 с.
12. Паўлавец, Дз. Колеравы тон апелятыва вочы ў творчасці Уладзіміра Караткевіча / Дз. Паўлавец // Уладзімір Караткевіч і сучаснасць: зборнік артыкулаў. (Рэдкал.: А.Л. Верабей (адказны рэд.) [і інш.].) – Наваполацк: ПДУ, 2001. – 215 с.
13. Корн, Ирен. Шедевры мирового искусства / Ирен Корн; пер. с англ. Г.И. Левитан. – Минск: Белфакс, 2000. – 128 с.
14. Чабан, Т. Крылы рамантыкі: рамантычныя тэндэнцыі ў сучаснай беларускай паэзіі / Т. Чабан. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982. – 176 с.
15. Артханаў, Г. Мелодыя і колер верша. Каліграфы / Г. Артханаў // Беларусь. – 1985. – № 10. – С. 29.
16. Мальдзіс, А. Жыцце і ўзнясенне Уладзіміра Караткевіча: партр. пісьменніка і чалавека / А. Мальдзіс. – Мінск: Маст. літ., 1990. – 230 с.
17. Караткевіч, У. Збор твораў: у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск: Маст. літ., 1991. – Т. 8, кн. 2: З жыцця і часу, нарысы, эсэ, публіцыстыка, постаці, крытычныя творы, інтэрв'ю, летапіс жыцця і творчасці. – 495 с.
18. Шынкарэнка, В. Пад ветразем добра і прыгажосці / В. Шынкарэнка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1995. – 175 с.
19. Яскевіч, А. Верш Уладзіміра Караткевіча / А. Яскевіч // Польша. – 1992. – № 6.
20. Новы завет / пер. на бел. мову Ул. Чарняўскага; навук. рэд. пер. Ж. Некрашэвіч-Кароткая; літ. апрац. тэкста А. Бокуна. – Мінск: Біблейскае таварыства ў РБ, 2003. – 304 с.

Summary

The article is dedicated to study the role of color in V. Korotkevich's poetry. An attempt has been made to investigate colors spectrum used by the writer, to trace the author's attitude to colors as a style peculiarity of his creative work.

Паступіла ў рэдакцыю 07.04.05.

Л.М. Мінакова

СПОСАБЫ ЎТВАРЭННЯ НАМІНАЦЫЙ
У ТЭХНІЧНАЙ ТЭРМІНАЛОГІІ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ

Тэрміналагічная дэрывацыя засноўваецца на традыцыях агульнамоўнага ўтварэння і выкарыстоўвае ўсе яго магчымыя спосабы і мадэлі. Аднак пры гэтым тэрмінатворчасць выпрацоўвае спецыфічныя асаблівасці, якія надаюць працэсу ўтварэння спецыяльнай лексікі рысы самастойнай падсістэмы.

Найбольш агульнымі і тыповымі для тэрміналагічнага словаўтварэння рысамі з'яўляюцца наступныя: тэрміны ствараюцца толькі для патрэб спецыяльнай (не агульнай) камунікацыі; тэрмінатворчасць – працэс свядомы (не стыхійны); тэрмінаўтварэнне – працэс кантралюемы; словаўтваральны акт у тэрміналогіі прадугледжвае, акрамя ўласна дэрывацыйнай аперацыі, слоўнае раскрыццё зместу тэрмінуемага паняцця; канкрэтны акт тэрміналагічнага словаўтварэння знаходзіцца ў залежнасці ад класіфікацыі паняццяў [1, 206]. Пры ўтварэнні тэрмінаадзінак у тэхнічнай тэрміналогіі актыўна выкарыстоўваюцца ўсе спосабы дэрывацыйнай сістэмы: сінтаксічны, марфалагічны, лексіка-семантычны, марфалага-сінтаксічны.

Найбольш прадуктыўным спосабам утварэння тэрмінаў з'яўляецца **сінтаксічны**, пры якім новыя элементы сістэмы ўзнікаюць шляхам спалучэння слоў. Тэрміналагічныя словазлучэнні, як і словазлучэнні агульнаўжывальнай лексікі, неаднародныя па сваёй структуры. Назіранні над састаўнымі тэрмінамі паказваюць, што найбольш ужывальным структурным тыпам іх выступаюць двухслоўныя найменні. Па характары ядзернага і спецыфічнага кампанента вызначаюцца наступныя тыпы найбольш ужывальных двухкампанентных тэрміналагічных словазлучэнняў (ТС):

1) двухкампанентныя ТС з прэпазіцыйным азначэннем пры назоўніку (кампаненты звязаны дапасаваннем). Ядзерным кампанентам комплексных намінацый з'яўляецца:

- а) невытворны назоўнік (*механізаваны кузаў*);
- б) просты вытворны назоўнік (*пярэдня навіль*);
- в) складаны вытворны назоўнік (*міжнародны аўтобус*).

Спецыфічны кампанент выражаны:

- а) простым прыметнікам (*апорны ціск*);
- б) складаным суцэльнаафармленым прыметнікам (*гідрамеханічная трансмісія*);
- в) складаным дэфіснаафармленым прыметнікам (*груза-пасажырскі аўтамабіль*);

2) двухкампанентныя ТС з постпазіцыйным азначэннем, выражаным назоўнікам (кампаненты звязаны беспрыназоўнікавым кіраваннем): трэнне руху.

Паводле адносіў, у якія ўступаюць кампаненты тэрмінаў-словазлучэнняў, можна вылучыць:

- а) словазлучэнні з атрыбутыўнымі адносінамі (*генератарная лямпа*);
- б) словазлучэнні з аб'ектна-атрыбутыўнымі адносінамі (*ход поршня*).

Найбольш ужывальнымі з'яўляюцца ТС з прэпазіцыйным азначальным кампанентам, структурнае выражэнне якога можна прадставіць наступнай словаўтваральнай мадэллю: A + N. Побач з ТС, у якіх спецыфічны кампанент знаходзіцца ў прэпазіцыі да ядзернага кампанента, існуюць комплексныя намінацыі з постпазіцыйным азначальным кампанентам, што маюць наступную структуру: N + Ng.

Сярод трохкампанентных ТС пераважаюць тэрміны з прэпазіцыйным азначэннем, выражаным прыметнікам, у склад якіх уваходзяць простае словазлучэнне і залежнае ад яго асобнае слова. Гэтыя складаныя словазлучэнні, па сутнасці, заўсёды парныя: у аснове іх ляжыць мадэль простага двухслоўнага словазлучэння [2, 67]. Большай колькасцю прадстаўлены тэрміны, у якіх ядзерны кампанент (простае словазлучэнне) выражаны спалучэннем прыметніка з назоўнікам: *найбольшы дынамічны фактар* (структурная мадэль – A + A + N), меншай – адзінкі, у якіх ядзерны кампанент выражаны спалучэннем двух назоўнікаў: *свабодны радыус кола* (структурная мадэль – A + N + Ng). Від сінтаксічнай сувязі паміж кампанентамі – дапасаванне.

Значнай прадуктыўнасцю характарызуецца трохкампанентныя тэрміны з постпазіцыйным двухчленным азначэннем пры назоўніку: постпазіцыйнае азначэнне выражана:

а) спалучэннем прыметніка з назоўнікам без прыназоўніка: *кортэр вядучага маста* (структурная мадэль – N + A + Ng);

б) спалучэннем прыметніка з назоўнікам і прыназоўнікам: *аўтамабіль з капмрэсарнай устаноўкай* (структурная мадэль – N + pr + + N abl. instr.);

в) спалучэннем двух назоўнікаў з прыназоўнікам або без яго: *каэфіцыент супраціўлення наветра, аўтамабіль для перавозкі хлеба* (структурныя мадэлі – N + Ng + Ng або N + pr + Ng + Ng).

Ва ўсіх пералічаных вышэй прыкладах від сінтаксічнай сувязі кампанентаў – дапасаванне. Паводле адносін, у якія ўступаюць кампаненты тэрмінаў-словазлучэнняў, можна вылучыць:

а) словазлучэнні з атрыбутыўнымі адносінамі: *умоўная максімальная хуткасць*;

б) словазлучэнні з аб'ектна-атрыбутыўнымі адносінамі: *каэфіцыент супраціўлення наветра*;

в) словазлучэнні з аб'ектна-акалічнаснымі адносінамі: *сіла цягі на счэпцы*.

Непрадуктыўную групу чатырох-, пяці-, шасці- і больш кампанентных тэрмінаў складаюць найменні – словазлучэнні, якія з'яўляюцца складанымі кампазіцыямі, утворанымі на базе традыцыйна двух- і трохчленных апорных словазлучэнняў. Агульнае значэнне ўсіх гэтых утварэнняў складаецца з фіксаваных значэнняў яго кампанентаў: *вал залежнага адбору магутнасці, база збліжаных восей шасціколавага аўтамабіля, дарожны аўтамабільны рухомы састаў звычайнай праходнасці, рычаг пераключэння святла фар і светлавой сігналізацыі фарама і ініи*. В.П. Даніленка, вылучаючы дзесяць асноўных прадуктыўных мадэлей тэрмінаў – словазлучэнняў, звяртае ўвагу на тое, што ў «практычнай тэрмінатворчасці» можна сустрэць мноства іншых, больш ускладненых па структуры намінацыйных адзінак, але іх нельга расцэньваць як нармальную з'яву, як тыповыя тэрміны [1, 133].

Пры выкарыстанні полікампанентных тэрмінаадзінак практыкуецца ўжыванне такога своеасаблівага «сінтэтычнага спосабу», як камбінацыя словазлучэнняў і літарных кампанентаў: *шарнір тыпу «Р», шарнір тыпу «РС», V-падобнае размяшчэнне цыліндраў, А-падобны рычаг, ККД цеплавога рухавіка*. Разглядаючы тэрміны данай структуры, робім вывад, што яны пабудаваны паводле прынцыпу моўнай эканоміі для больш лаканічнай, сціслай характарыстыкі механізмаў, працэсаў, дзеянняў.

Пры **марфалагічным** спосабе ўтварэння новых слоў удзельнічаюць не гатовыя лексемы, а разнастайныя словаўтваральныя элементы. Яго дзеянне ахоплівае сферы сінхроннага ўтварэння. Новыя словы ўзнікаюць на базе ўжо існуючых слоў (асноў) і словаўтваральных афіксаў. «Гэтыя словы ў гукавых адносінах адрозніваюцца ад матываваных, хоць навізна іх адносна, бо састаўныя часткі, з якіх яны ўтвораны, былі вядомы ў мове і раней; фактычна адбываецца толькі новая кампаўка ўжо вядомых частак, рэалізацыя магчымых камбінацый» [3, 94]. Вытворныя найменні з'яўляюцца вынікам такіх словаўтваральных працэсаў, як афіксацыя і складанне, у якім вылучаюцца асноваскладанне, складанна-суфіксальны, складанна-нульсуфіксальны спосабы, словаскладанне, абрэвіяцыя.

Пры афіксальным словаўтварэнні да ўтваральнай асновы (слова) далучаецца дэрывацыйны афікс (або афіксы). У залежнасці ад іх выкарыстання адрозніваюць суфіксальнае, прэфіксальнае, прэфіксальна-суфіксальнае, прэфіксальна-нульсуфіксальнае словаўтварэнне і нульваю суфіксацыю. Афіксальныя намінанты прадстаўлены лексемамі, базай утварэння для якіх выступаюць субстантыўныя, ад'ектыўныя і дзеяслоўныя асновы. Найбольш прадуктыўным дэрывацыйным сродкам выступаюць суфіксы.

Суфіксальны спосаб словаўтварэння – выражэнне дэрывацыйнага значэння з дапамогай суфікса і сістэмы флексій вытворнага слова. Найбольшай колькасцю прыкладаў рэпрэзентаваны наступныя суфіксальныя мадэлі:

1) V' + -чык (-шчык). Фармант -чык (-шчык) удзельнічае ў намінацыі:

а) асоб па прадмеце дзеяння або самім дзеянні: *рэгуліроўшчык*;

б) назвы прадметаў – утваральнікаў дзеяння: *пагрузчык*;

2) A' + -ік. Тэрміны з суфіксам -ік выкарыстоўваюцца для наймення:

а) асоб па месцы або відзе дзейнасці: *чыгуначнік*;

б) транспартных сродкаў паводле пэўных характарыстык: *кабатажнік*;

в) частак транспартных сродкаў: *махавік*;

3) V' + -льнік. Вытворныя найменні служаць назвамі тэхнічных прыбораў і прыстасаванняў па іх прызначэнні: *абмежавальнік*;

4) N' + -к-, V' + -к-. Гэтыя мадэлі рэалізуюцца ў намінацыі:

а) назваў асоб: *аўтамабілістка*;

б) тэхнічных сродкаў: *прыстаўка*;

в) частак тэхнічных сродкаў: *абшыўка*;

г) тэхнічных працэсаў: *абкатка*;

5) V' + -нн-. Суфікс -нн- з'являецца самым прадуктыўным ва ўтварэнні тэрмінаадзінак са значэннем працэсаў: *рэгуляванне*. Зрэдку намінаны з гэтым словаўтваральным сродкам маюць яшчэ дадатковае прадметнае значэнне: *перакрыжаванне*;

6) V' + -нік, N' + -нік. Па гэтых мадэлях у тэхнічнай тэрміналогіі ўтвараюцца назвы асоб паводле прадмета прафесійнага дзеяння: *пльтнік*, а таксама назвы прадметаў: *багажнік*;

7) A' + -ын- (-ін-). Адзначаны фармант утварае тэрміны са значэннем адцягненай якасці: *даўжыня*;

8) V' + -энн- (-енн-). Указаная мадэль прадстаўлена тэрмінамі са значэннем:

а) працэсаў: *вярчэнне*;

б) сродкаў ажыццяўлення дзеяння: *заямленне* і інш.

Нулявая суфіксацыя набліжаецца да звычайнай суфіксацыі і «можа быць прызнана яе разнавіднасцю» [4, 144]. Гэта спосаб утварэння слоў з дапамогай «нулявога» суфікса, г. зн. матэрыяльна не выражанага. Нулявы суфікс падразумяецца таму, што вытворныя найменні ў многім падобныя да суфіксальных. Для данага спосабу ўтварэння ў лінгвістыцы яшчэ існуе назва «бязафіксны», але яе «нельга прызнаць дакладнай, бо існуе толькі нулявы суфікс, а не нулявы афікс наогул» [5, 16]. У якасці нулясуфіксальных тэрмінаў выступаюць дэвербатывы *абганяць* → *абгон*, *аб'язджаць* → *аб'езд* (утварыліся назвы адцягненага дзеяння); *прычэпіць* → *прычэп*, *прыводзіць* → *прывод* (утварыліся назвы прадметаў). Найменні аб'яднаны словаўтваральнай мадэллю V'do.

У асобны разрад нулясуфіксальных тэрмінаў некаторыя даследчыкі ўключаюць адпрыметнікавыя ўтварэнні ад'ектыўнага скланення, да якіх адносяцца найменні тыпу *дыспетчарская*, *шафёрская* [6, 275]. Як адзначае Л.М. Шакун, «субстантывацыя характарызуецца тым, што набліжаецца да марфалагічнага спосабу словаўтварэння: утвораныя такім шляхам назоўнікі даволі выразна матывуюцца і фармальна і семантычна адпаведнымі прыметнікамі і дзеепрыметнікамі. Выяўляецца і своеасаблівы дэрывацыйны сродак, які спрыяе афармленню гэтых прыметнікаў і дзеепрыметнікаў як назоўнікаў, – ператварэнне іх парадэгмы» [3, 93]. Мы ж выказваемся ў карысць **марфолога-сінтаксічнага** спосабу, паколькі лічым, што вышэй названыя тэрміны ўтварыліся шляхам субстантывацыі (пераходу прыметнікаў у назоўнікі). Так, найменні *дыспетчарская*, *шафёрская* пры пераходзе з адной часціны мовы ў другую змянілі сваё значэнне, паколькі сталі абазначаць канкрэтныя прадметы, а не іх прыкметы. У сказе гэтыя тэрміналагічныя адзінкі выступаюць у ролі дзейніка або дапаўнення.

Прэфіксацыя – найбольш просты спосаб словаўтварэння: прэфікс далучаецца да поўнага, афармленага слова, і таму вытворныя найменні належаць да той жа часціны мовы, што і ўтваральныя. Колькасць адзінак прэфіксальнага ўтварэння ў тэхнічнай тэрмінасістэме нязначная: *анты- + дэтанатар* → *антыдэтанатар* (інтэрнацыянальны прэфікс служыць для намінацыі прадметаў, процілеглых тым, што названы ўтваральным словам); *дэ- + баланс* → *дэбаланс* (словаўтваральны фармант абазначае працэс, адваротны таму, што названы ўтваральным словам). Назоўнікі з прэфіксам *пад-* называюць частку цэлага прадмета: *пад- + вузел* → *падвузел*, *пад- + сістэма* → *падсістэма* (словаўтваральная мадэль – d.N).

Марфему *паў-* збліжае з каранёвай тое, што яе значэнне суадносіцца са значэннем адпаведных каранёў у словах *палова*, *палавіна*. Таму лінгвісты і разглядаюць яе як прэфіксойд, а вытворныя найменні – як складаныя. Мы лічым, што з-за блізкасці афіксойдаў да афіксаў словы, у склад якіх яны ўваходзяць, могуць разглядацца не як складаныя, а як афіксальныя, і афіксойд у складзе такіх слоў можа кваліфікавацца як словаўтваральная службовая марфема, а не як раўназначны караню кампанент складанага слова: *паў- + вос* → *паўвось*.

Адзінкавымі прыкладамі ў тэрмінасістэме прадстаўлена і камбінаваная афіксацыя (прэфіксальна-суфіксальны і прэфіксальна-нульсуфіксальны спосабы ўтварэння тэхнічных найменняў).

Прэфіксальна-суфіксальная дэрывацыя ў тэхнічнай тэрміналогіі прадстаўлена нешматлікімі словаўтваральнымі мадэлямі:

1) на- + N' + -нік, над- + N' + -нік: 'прадмет, які прызначаны знаходзіцца на паверхні таго, што названа ўтваральным словам': *нагруднік*, *надрамнік*;

2) пад- + N' + -нік, пад- + N' + -к- (а): 'прадмет, які знаходзіцца пад тым, што названа ўтваральным словам': *падрысорнік*, *падножка*. У вышэй названых прыкладах дэрываты ўзнікаюць ад спалучэння назоўніка і прыназоўніка з выкарыстаннем суфіксаў: *над рамай* → *надрамнік*. У складзе вытворных лексем прыназоўнік становіцца прэфіксам. Паколькі прэфікс сам па сабе ў дадзеных выпадках не выкарыстоўваецца, некаторыя вучоныя такое словаўтварэнне разглядаюць як суфіксальнае [7, 43–144];

3) пра- + S + -ын- (а): 'паглыбленне ў прадмеце': *правушына*;

4) пры- + N' + -к- (а): 'назва адцягненага працэсу': *прыработка*.

Як нульвая суфіксацыя з'яўляецца разнавіднасцю суфіксацыі, так і прэфіксальна-нульсуфіксальны спосаб з'яўляецца разнавіднасцю прэфіксальна-суфіксальнага спосабу або блізка да яго: пад- + N': 'прадмет, які знаходзіцца пад тым, што названа ўтваральным словам': *паддон*.

Складанне аб'ядноўвае ў адну лексічную адзінку дзве або больш асноў паўназначных слоў ці асобныя словы цалкам. Складаныя дэрываты – гэта своеасаблівыя структурна-семантычныя ўтварэнні, якія валодаюць кампактнай формай выражэння пры ўскладненым змесце. У залежнасці ад таго, што аб'ядноўваецца ў цэласную тэрмінаадзінку – асновы ці цалкам словы, складанне падзяляецца на асноваскладанне і словакладанне.

Пры асноваскладанні тэрміны ўтвараюцца шляхам зліцця дзвюх і больш асноў. Аналізуючы дэрываты, утвораныя шляхам асноваскладання, нельга не спыніць увагі на грэка-лацінскіх элементах *аўта-*, *пнеўма-*, *турба-*, *тэрма-*, *электра-*, *энерга-* і інш., якія выступаюць як прыметнікі ў састаўных частках складаных найменняў: *аўтамайтэрня*, *пнеўмакаток*, *турбакампрэсар*, *тэрмізаляцыя*, *электрарухавік*, *энергаакумулятар*. Моваведы называюць іх па-рознаму: лексіка-марфемай, прэфіграваным словаэлементам, прэфіксоідам, абрэвіятурнай марфемай, прэпазіцыйнай неініцыяльнай марфемай, тэрмінаэлементам [8, 46].

Асобныя тэрмінаўтваральныя тыпы складаюць найменні, утвораныя ў выніку спалучэння звязаных асноў (інтэрнацыянальных тэрмінаэлементаў) і назоўнікаў (апорных кампанентаў). У якасці звязаных кампанентаў выступаюць наступныя: *вібра-* (які адносіцца да вібрацыі): *вібраабарона*, *гідра-*: *гідраматор*; *макра-* (доўгі, вялікі): *макрапрофіль*; *мікра-* (вельмі малы, звязаны з вывучэннем празмерна малых прадметаў): *мікрабарограф*; *міні-* (малы, кароткі): *мініаўтамабіль*; *мона-* (частка адпавядае па значэнні словам адно, адзін): *монаблок*; *мета-* (частка адпавядае спалучэнню «за межамі»): *метацэнтр*. Структурныя мадэлі супадаюць з папярэднімі: *x.N* або *y.N*.

У тэхнічнай тэрмінасістэме распаўсюджана асноваскладанне чыста аглютынацыйнага тыпу, пры якім класічныя элементы ўтвараюць інтэрнацыянальныя складаныя найменні, спалучаючыся адзін з адным. У якасці звязаных апорных кампанентаў выступаюць наступныя: *-бус*: *гіробус*; *-граф*: *асцылограф*; *-дром*: *аўтамаадром*; *-мабіль*: *электрамабіль*; *-метр*: *акселерометр*; *-скоп*: *гіраскоп*; *-стат*: *тэрмастат*; *-фон*: *мегафон* і інш.

Нульсуфіксальна-складаны спосаб з'яўляецца вядучым ва ўтварэнні кампазітаў у тэхнічнай тэрміналогіі. Ён прадстаўлены агульнай словаўтваральнай мадэллю N' + -а- (-я-, -е-) + V'. Сярод усечаных асноў дзеяслова найбольш пашыраны наступныя: *-воз*: *кантэйнеравоз*; *-зачэп*: *глебазачэп*; *-правод*: *бензаправод*; *-ход*: *электраход*; *-мер*: *вільгацяммер*; *-рэз*: *вадарэз*; *-падзел*: *водападзел* і інш.

Прадуктыўнасцю вызначаецца і складана-суфіксальны спосаб, які прадстаўлены наступнымі словаўтваральнымі мадэлямі:

- 1) N' + а (е) + V + -льнік: *бортапашыральнік*;
- 2) N' + -а- (-е-) + V' + -чык (шчык): *буртаўкладчык*, *грузаадпраўшчык*;
- 3) N' + -а- (-е-) + V' + -энн- (-е-): *параўтварэнне*;
- 4) N' + -а- (-е-) + V' + -нн- (-е-): *аўтамабілебудаванне*; N'+ -а- (-е-) + V' + -нік: *цеплаабменнік* і інш.

Нешматлікія тэрміны прадстаўлены такімі мадэлямі, як:

- 1) Pron' + -а- + V' + -нн- (-е-): *самаўзгаранне*;
- 2) Pron' + -а- + V' + -энн- (-е-): *самаачышчэнне*;
- 3) N' + -е- + V' + -лк-: *землечарпалка*;
- 4) Pron' + -а- + V' + -ец: *саманісец* і інш.

Сярод лексем, утвораных шляхам словакладання, у тэхнічнай тэрмінасістэме ў пераважнай большасці раздзельнаафармленыя (у якіх скланяюцца абодва кампаненты) адзінкі. Гэта так званыя парныя збліжэнні сумарнай семантыкі: *аўтацягнік-цэментавоз*, *прычэп-дача* і інш. Такія ўтварэнні некаторыя даследчыкі да складаных слоў не адносяць, найперш па прычыне адсутнасці ў іх адзінай граматычнай афармленасці, разглядаюць іх як словазлучэнні з прыдаткамі. Іншыя сцвярджаюць, што фарміраванне апазіцыйных найменняў з'яўляецца прамежкавым звяном паміж складанымі словамі і словазлучэннямі. Структурна-семантычная мадэль утварэнняў – N.N.

У тэхнічнай тэрміналогіі значнае распаўсюджанне атрымалі лічбава-літарныя абазначэнні побач з вербальнай намінацыяй: *палівазапраўшчык ПЗ-150М*, *маслазапраўшчык «МЗ-150»*. У прыведзеных выпадках ужывання поўнага наймення побач са скарачаным абодва знакі – і разгорнутая назва, і яго абрэвіатура – выкарыстоўваюцца паралельна як узаемазамяняльныя варыянты. Але так адбываецца не заўсёды: *легкавы аўтамабіль «ГАЗ-21ВС»*; *аўтапрычэп «УАЗ-450»*. Серыя найменняў, у якой кожная назва ўяўляе злучэнне тэрміна з наменклатурным знакам, адносіцца да наменклатуры.

У дадзеным выпадку мы маем справу з намінацыямі, якія складаюцца з камбінаванага знака (тэрмін + номен). Наменклатурныя адзінкі могуць складацца з літарна-лічбавай індэксацыі і назоўніка-прагмоніма: *ВАЗ-21-01 «Жыгулі»*; *ВАЗ-2121 «Ніва»*.

Пры лексіка-семантычным спосабе ўтварэння спецыяльных найменняў адбываецца тэрміналагізацыя агульнаўжывальных лексем беларускай мовы, якая заключаецца ў наданні ім новага, спецыяльнага значэння. Вучоныя адзначаюць, што даны спосаб быў адным з першых словаўтваральных прыёмаў стварэння тэрміналагічных найменняў і канстатуець выкарыстанне яго ў перыяд, які папярэднічае часу фарміравання мовы навукі на айчыннай глебе. У лінгвістычнай літаратуры прынята лічыць, што асноўнымі, найбольш распаўсюджанымі відамі пераасэнсавання найменняў пры тэрміналагізацыі з'яўляюцца метафарызацыя і метанімізацыя, а таксама звужэнне значэння агульнаўжывальнага слова [9].

Прааналізаваны фактычны матэрыял дазваляе выдзеліць разнастайныя тыпы метафарычных пераносаў пры ўтварэнні транспартных найменняў. Тыпы метафарызацыі вызначаюцца на аснове супастаўлення пераноснага (агульнаўжывальнага) і вытворнага (спецыяльнага) значэнняў аналізуемых моўных адзінак. Большасць тэрмінаадзінак, утвораных лексіка-семантычным спосабам, узнікае на аснове метафары ў выніку асацыяцыі:

а) **па вонкавай форме:** *круглай:* абаранак 'рулявое кола ў аўтамабілі' < 'булачны выраб з заварнога цеста, закручанага кольцам' (ТСБМ, I, 34); *круглай з востраканцовымі выступамі:* зорачка 'дэталі машын з востраканцовымі выступамі, раўнамерна размешчанымі па акружнасці' < 'маленькая зорка' (ТСБМ, II, 510); *прадаўгаватай:* канаўка 'невялікае прадаўгаватае паглыбленне ў дэталіх машын' < 'невялікая канава' (ТСБМ, II, 611); *дугападобнай:* вушка 'прыстасаванне ў дэталіх, механізмах машын дугападобнай формы з адтулінай для больш зручнага карыстання (пад'ёму, вешання, пераноскі)' < 'маленькае вуха' (ТСБМ, I, 516); *цыліндрычнай:* барабан 'у машынах і механізмах – рухомая дэталі, якая мае форму цыліндра' < 'ударны музычны інструмент у выглядзе цыліндра або рамы, на якія з аднаго ці двух бакоў нацягнута скура' (ТСБМ, I, 339); *трохвугольнай:* касынка 'металічны ліст трохвугольнай формы для павелічэння трываласці ў дэталіх або зборачных адзінках' < 'хусцінка, якую носяць на галаве або шыі' (ТСБМ, II, 661); *востраканцовай:* шып 'выступ на колах, гусеніцах аўтамашын, які садзейнічае счэплванню з глебай, служыць для лепшага ўпору пры руху'; канцавая вострая частка вала, якой ён абапіраецца на падшыпнік' < 'востраканцовы цвёрды выступ, нарасць на целе ў некаторых жывёл' (ТСБМ, V (2), 429); *плоскай:* лапатка 'рабочая, плоскай формы частка вінтоў механізма' < 'невялікая лапата' (ТСБМ, III, 20); *закругленай з выступам:* клык 'выступ на буферы легкавога аўтамабіля' < 'зуб вялікіх памераў, які выступае з рота' (ТСБМ, II, 532);

б) **па знешнім выглядзе:** санкі 'рухомая дэталі некаторых машын і апаратаў, якая па знешнім выглядзе нагадвае невялікія санкі' < 'невялікая зімовая павозка на палазах' (ТСБМ, III, 20);

в) **па вонкавай форме і размяшчэнні:** казырок 'невялікі навес над вокам святлафора' < 'шчыток у галаўным уборы, які выступае над ілбом' (ТСБМ, II, 577);

г) **па прызначэнні або функцыі, якую яны выконваюць:** апырэнне 'прыстасаванне, якое закрывае часткі аўтамабіля, размешчаныя па-за межамі кузава і кабіны' < 'пер'евае покрыва ў птушак, пер'е' (ТСБМ, I, 260);

д) **па функцыі і размяшчэнні:** пятка 'апорная частка борта пакрышкі шыны, якая заціскаецца ціскам паветра ў вобадзе кола транспартнага сродка' < 'задняя частка ступні' (ТСБМ, IV, 539);

е) **па функцыі або прызначэнні і вонкавай форме:** бандаж 'сталёвае кольца або пояс, які надзяваецца на часткі машын для павелічэння іх трываласці або памяншэння зносу' < 'спецыяльны пругкі пояс для падтрымання сценак жывата або іншых частак цела ў пэўным становішчы' (ТСБМ, I, 337);

ж) **па дзеянні, якое выконвае прадмет:** паўзун, паўзунок 'дэталі механізма, якая слізгае ўзад і ўперад па якой-небудзь паверхні ў прамалінейным напрамку' < 'той, хто поўзае, рухаецца паўзком' (ТСБМ, IV, 116).

У адрозненне ад метафары, метаніміі ўласцівы рэалістычнасць, рэгулярнасць, здольнасць да ахопу сумежных сувязей паміж прадметамі і з'явамі. Пры метанімічным пераносе другасныя значэнні ў тэхнічнай тэрміналогіі вынікаюць з асацыятыўных сувязей, што ўзнікаюць пры намінацыі адной моўнай адзінкай:

а) **дзеянні і месца, дзе адбываецца дзеянне:** аб'езд 'месца з часовай дарогай, па якім можна аб'ехаць' (ТСБМ, I, 45) < 'дзеянне паводле дзеяслова аб'язджаць – аб'ехаць' (ТСБМ, I, 45);

б) *дзеяння і прадметаў або іх частак, якія ажыццяўляюць гэта дзеянне*: абвязаць ‘прыстасаванне для змацавання частак якіх-н. канструкцый, пабудоў і пад.’ (ТСБМ, I, 41) < ‘дзеянне паводле дзеяслова *абвязаць* – *абвязаць*’ (ТСБМ, I, 41);

в) *дзеяння і яго выніку*: абліцоўка ‘дэталі з ліставага матэрыялу, якія складаюць сумесна з каркасам нясучую сістэму кузава аўтобуса’ < ‘дзеянне паводле значэння дзеясл. *абліцоўваць* – *абліцаваць*’ (ТСБМ, I, 57);

г) *высокай ступені ўласцівасці і тэхнічнага параметра транспартнага сродка*: вынослівасць ‘здольнасць матэрыялаў і канструкцый супраціўляцца ўздзеянню цыклічных нагрузак’ < ‘уласцівасць вынослівага; стойкасць, загартаванасць’ (ТСБМ, I, 558);

д) *прадмета і дзеяння, якое ўтварае гэты прадмет*: гудок ‘працяжны, аднастайны гук, сігнал, пададзены з дапамогай механічнага прыстасавання’ (ТСБМ, II, 92) < ‘механічнае прыстасаванне для падачы сігналаў шляхам гудзення’ (ТСБМ, II, 92);

е) *асобы, што выконвае дзеянне, і прыстасавання, пры дапамозе якога гэтае дзеянне выконваецца*: пашыральнік ‘прыстасаванне для пашырэння, расшырэння чаго-н. у машынах, механізмах’ (ТСБМ, IV, 149) < ‘той, хто пашырае што-н.’ (ТСБМ, IV, 149);

ж) *аўтамабільных заводаў і марак аўтамашын, што выпускаюцца на гэтых заводах*: БелАЗ, ВАЗ, ГАЗ, ЗІЛ, КамАЗ, КраАЗ, МАЗ і інш.

Спецыфічным для тэрмінаўтварэння з’яўляецца такі від семантычнай дэрывацыі, як звужэнне значэння, пад якім мы разумеем спецыялізацыю агульнаўжывальных слоў для абазначэння навукова-тэхнічных паняццяў. Як вядома, пры спецыялізацыі гатовыя назвы, ужытыя ў сферы спецыяльнай камунікацыі, набываюць тэрміналагічнае значэнне. Звужэнне значэння ў тэрміналогіі адрозніваецца ад метафарызацыі і метанімізацыі наяўнасцю дыферэнцыяльных прыкмет супастаўляльных паняццяў – агульнаўжывальнага і спецыяльнага. Пры гэтай з’яве ўсе асноўныя дыферэнцыяльныя прыметы двух паняццяў аднолькавыя, але ў спецыяльнага паняцця ў тэрмінасістэме існуюць яшчэ і іншыя, асноўныя, прыметы, рэлевантныя для данага паняцця.

У пераважнай большасці выпадкаў звужэнне значэння суправаджаецца ўтварэннем словазлучэнняў. «Азначэнне (дапасаванае – прыметнік, дзеепрыметнік і г. д. або недапасаванае – ускосныя скланы назоўніка і інш.) абмяжоўвае значэнне родавага тэрміна. У некаторых выпадках гэтыя азначэнні бываюць камбінаванымі, а тэрмін-словазлучэнне – складаным» [9, 44]. Напрыклад, пры спецыялізацыі намінацыі адзінкі *рад* ўтвараюцца тэрміны-словазлучэнні розных мадэлей, у якіх агульнаўжывальная лексема выступае ў якасці ядзернага кампанента: у літаратурнай мове – *рад* ‘сукупнасць прадметаў або асоб, размешчаных адзін каля аднаго, адзін за адным у адну лінію’ (ТСБМ, IV, 552), у тэрміналогіі – *рад дапаўняльны* ‘рад перадатачных лікаў каробкі перадач, атрыманых пераможаннем перадатачных лікаў асноўнай і дадатковай каробкі перадач’; *рад асноўны* ‘рад перадатачнага ліку, атрыманага ў асноўнай каробцы перадач’; *рад параметрычны* ‘рад параметраў, пабудаваны на аснове раду пераважных лікаў’; *рад перадатачных лікаў* ‘паслядоўнасць перадатачных лікаў каробкі перадач’ і інш.

Такім чынам, утварэнне тэхнічнай тэрміналогіі падпарадкоўваецца ўсім словаўтваральным спосабам і мадэлям агульналітаратурнай лексікі. У складзе тэрміналагічных назваў вызначаюцца разнастайныя тыпы паводле іх структурна-граматычных асаблівасцей. Найбольш прадуктыўным выступае сінтаксічны спосаб утварэння спецыяльных найменняў. Значнай колькасцю прадстаўлены двух- і трохкампанентныя комплексныя тэрміны – простыя і складаныя словазлучэнні з назоўнікам у якасці галоўнага кампанента. Актыўным сродкам фарміравання найменняў з’яўляецца выкарыстанне наменклатурных назваў, утварэнне кампазітаў з тэрмінаэлементаў класічных моў і назваў з прэпазіцыйнымі прыметнікавымі марфемамі грэка-лацінскага паходжання, а таксама лексем, утвораных ў працэсе тэрміналагізацыі існуючых у агульналітаратурнай мове намінацыі адзінак.

Умоўныя скарачэнні

ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: У 6 кн. / Пад аг. рэд. К.К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск: Беларуская савецкая энцыклапедыя, 1977–1984. – Т. 1–5.

N – назоўнік; Ng – назоўнік у Р. скл.; Nabl. Instr. – назоўнік у Тв. скл.; – прыметнік; Pr. – прыназоўнік; N’ – утваральная аснова назоўніка; A’ – утваральная аснова прыметніка; V’ – утваральная аснова дзеяслова; Num’ – утваральная аснова лічэбніка; d – словаўтваральны фармант; d₀ – паказчык нулявой суфіксацыі; x – грэчаскі тэрмінаэлемент; y – лацінскі тэрмінаэлемент; Pron. – утваральная аснова займенніка.

Літаратура

1. Даниленко, В.П. Русская терминология: опыт лингвистического описания / В.П. Даниленко. – М.: Наука, 1977. – 247 с.
2. Прокопович, Н.Н. Словосочетание в современном русском языке / Н.Н. Прокопович. – М.: Просвещение, 1966. – 400 с.
3. Шакун, Л.М. Словаўтварэнне: вучэбны дапаможнік для філалагічных факультэтаў ВНУ / Л.М. Шакун. – Мінск: Вышэйшая школа, 1978. – 128 с.
4. Моисеев, А.И. Основные вопросы словообразования в современном русском литературном языке / А.И. Моисеев. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1987. – 208 с.
5. Сцяцко, П.У. Беларускае народнае словаўтварэнне / П.У. Сцяцко. – Мінск: Навука і тэхніка, 1977. – 320 с.
6. Беларуская граматыка: у 2-х ч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1985. – Ч. 1.
7. Шанский, Н.М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии / Н.М. Шанский. – М.: Учпедгиз, 1959. – 246 с.
8. Каде, Т.Х. Сложные слова с элементом теле- в русском телевизионном лексиконе / Т.Х. Каде // Формирование и функционирование специальной лексики в русском языке. – Днепропетровск, 1978. – С. 46–51.
9. Прохорова, В.Н. Полисемия и лексико-семантический способ словообразования в современном русском языке: лекции по спецкурсу / В.Н. Прохорова. – М.: Изд-во Московского университета, 1980. – 87 с.

Summary

In the article the ways of derivative system in technical terminology (syntactical, morphological, lexical-semantic) are analyzed. The formation of technical terminology submitsto all the derivative ways and models of generally used lexics; the most productive way of word formation is syntactical; the active means of nomination word formation is using of nomenclature nominations, the composite formation with classical languages term elements, and nominations formed in the process of terminologisation of lexems that exist in literary language.

Паступіла ў рэдакцыю 05.07.05.

УДК 882

И.И. Морозова

**К. ЛЕОНТЬЕВ И Л. ТОЛСТОЙ:
АНТИНОМИИ ИММОРАЛИЗМА, ИЛИ ПАРАДОКСЫ НРАВСТВЕННОСТИ**

Л. Толстой и К. Леонтьев принадлежали одной эпохе, одному времени. Они были знакомы, встречались, спорили, по достоинству оценивая интеллектуальный и эстетико-художественный потенциал друг друга. Именно И. Тургенев в 50-е годы XIX века пророчески скажет на одном из вечеров у Е. Салиас о том, что новое слово в русской литературе может принадлежать только двум тогда молодым людям – Л. Толстому и К. Леонтьеву.

Безусловно, эстетические системы двух писателей различны, но есть в их художественном творчестве два произведения, странным образом объединяющие в себе отдельные тематические мотивы и поляризующие концептуальные авторские постижения. Произведения эти – «Исповедь мужа» и «Крейцера соната».

В 1864 г. в Константинополе К. Леонтьев написал романтическую повесть «Исповедь мужа», которая будет опубликована в «Отечественных записках» только в 1867 г. В письме К.Н. Бестужеву-Рюмину К. Леонтьев констатирует: «С этой почтой пойдет в Петербург новая повесть «Исповедь мужа». У Вас волосы встанут от ее безнравственности (в душе будете сочувствовать, я ручаюсь, не фактам отдельным, а общему духу)» [1, 45].

К. Леонтьев осуществляет перевод повести на французский язык и посылает ее Просперу Мериме в надежде заручиться поддержкой со стороны прославленного мастера, однако П. Мериме несколько обескуражен парадоксальной темой произведения, о чем откровенно скажет в ответном письме К. Леонтьеву: «Выведенный Вами муж, как мне кажется, не имеет иного побуждения, кроме влечения к состоянию рога носца, и я его не понимаю» [1, 48]. К. Леонтьев, в свою очередь, несколько огорченный и удивленный эстетическим непониманием П. Мериме, попытается объяснить непонятливому французу стремление отразить в повести мотив «высокого обожествления

плотской любви» в границах внеморального эстетизма, вопреки устоявшимся канонам реалистического искусства (Леонтьев никогда не скрывал своего негативного отношения к реализму, подчеркивая столь важный для него факт, сближающий его с позицией Ницше, что повесть «возвышается в своих принципах над этой пережеванной вещью, определяемой как мораль XIX века») [1, 48].

Гораздо позднее, уже вступив на религиозный путь, К. Леонтьев наложит запрет на последующее переиздание повести «Исповедь мужа». «В высшей степени безнравственное, чувственное, языческое, дьявольское сочинение, тонко развратное, ничего христианского в себе не имеющее, но смело и хорошо написано, с искренним чувством глубоко развращенного сердца. Если бы я успел к нему приделать эпилог, в котором, по крайней мере, объяснил бы вопрос с церковной точки зрения, в противоположность чистой этике, которую я и теперь, при всей искренности моей веры, мало уважаю, то еще было бы сносно. Но я бы просил в этом виде ее не печатать: грех! и грех великий! Именно потому, что написано хорошо и с чувством» [2, 169].

На первый взгляд, может возникнуть ощущение, что К. Леонтьев создал некое художественно-эстетическое, аморальное чудовище, от которого впоследствии пытался отказаться. Но это не так. Повесть достаточно целомудренна во всех отношениях, полутона, полунамеки, тайны и загадки оставил в ней Леонтьев.

Сюжетная сторона произведения несложна, но несколько необычна. Герой-муж, некто К., в дневниковых записях излагает свою историю: возникшее чувство любви к молодой девушке Лизе, женитьба, трансформация чувства, возникшая двойственность: осознание себя и мужем, и отцом одновременно, причем, вторая ипостась доминирует, что приводит к отказу от супружеских отношений при сохранении платонических чувств; появление нового героя, молодого и красивого грека Маврогени, возникшая страсть между Лизой и молодым красавцем, поощряемая героем-мужем. Финал трагичен: Лиза и Маврогени погибают при кораблекрушении, муж заканчивает жизнь самоубийством (во втором варианте финала повести).

Это произведение привлекало к себе пристальное внимание многих западных исследователей, и все без исключения отмечали в нем реализацию теории эстетического имморализма К. Леонтьева [2, 168]. Безусловно, эта реализация затрагивает целый пласт нравственных проблем, причем моральное и имморальное находится здесь в сложноуровневом взаимодействии и переплетении.

Герой повести, женившись на молодой и любимой им девушке (но не любящей, а только благодарной за покровительство в браке), через определенный промежуток времени начинает испытывать двойственность чувств по отношению к ней; муж и отец соединились в нем одним, однако чувства отца вытесняют чувства мужа, брак становится девственным. Но физиологических законов никто не отменял, о чем прекрасно осведомлен герой-муж, чутко осознающий сексуальную привлекательность и потребность жены-дочери. И когда возникает красавец Маврогени, полный нерастратенных сил, потянувшийся к такой же молодой и жаждущей полноты жизни Лизе, герой испытывает чувство удовлетворения, радости за них. Вот где вопрос вопросов! Стереотипные представления традиционной морали диктуют обратное: любящий муж должен ненавидеть соперника, отстаивать попраные супружеские права и т. п. А муж-отец чуть ли не сам толкает в объятия соперника свою молодую жену.

В данной ситуации К. Леонтьевым включен мотив сводничества, точнее мнимого сводничества. Отто Вейнингер в своей фундаментальной работе отмечал тот факт, что тяга к сводничеству заложена в генах женщины, практически каждая женщина стремится к этому, представителям же сильного пола это не свойственно, за исключением тех, «которые относятся к женственным мужчинам» [3, 283] (гомосексуальность здесь неуместна). Герой-муж классифицируется как тип женственного мужчины (определенная мягкость характера, стилевая концепция героя, его эстетические установки). Сводничество само по себе аморально в чистом виде. Но в данной ситуации мотивация мнимого сводничества мужа-отца снимает с этого явления статус безнравственности по той простой формуле «любить – значит радоваться твоим радостям, а печалиться твоим печалем», где доминирует альтруизм, а не эгоистическое чувство собственности, смешанное нередко с ненавистью (уже по той простой формуле «I hate you with my love!» – с любовью ненавижу; ярким отражением этой формулы является Позднышев в «Крейцеровой сонате» Л. Толстого).

Что здесь – имморализм или наивысшая нравственность? Гедонистические установки мужа-отца, стремление к реализации наслаждения неискушенной девушкой никому не причиняют вреда. «Само по себе наслаждение ни нравственно, ни безнравственно. Когда же влечение к наслаждению побеждает в человеке волю к ценности – тогда человек пал» [3, 373].

Однако в тексте отражен (полунамеком) особый вид наслаждения, выраженный в столь «изящной» форме (из письма Лизы к мужу): «Вечером Маврогени пришел домой, выбросил букет из окна, а меня схватил за волосы обеими руками и бил головой о стену. Я читала и слышала о достоинстве женщин, только как ни старалась об этом вспомнить, не могла притворяться. Скажу даже ... мне было что-то хорошо; очень было больно, но я не плакала и молча терпела ... целовала не только руки, ноги его целовала после этого. А он, он был как безумный от любви» [4, 303–304].

Эстетически обыгрывая ситуацию садомазохистских проявлений, автор обнаруживает инфернальность героини, типологически родственную демоническим женщинам Ф. Достоевского. Сексуальный и психологический садомазохизм находятся в сложном переплетении, где здесь провести грань между моральным и immoralным? Призвать на помощь Ницше или вспомнить знаменитое леонтьевское «некое как бы гармоническое сопряжение вражды с любовью?». Вопрос остается риторическим.

Альтруизм мужа-отца не так наивен и прост, как может показаться на первый взгляд. Характер героя, как известно, структурирован двумя уровнями: линией отца и линией мужа. Двуплановость же героя не реализуется гармонично, бессознательно или осознанно (это не столь важно), но линия мужа все явственней заявляет о себе. Фактически герой проводит эксперимент с собственной женой, эксперимент, конечный результат которого, по его подсчетам, должен сработать на него, а не на любовника. Отпуская ее по волнам страстной любви, он надеется, он почти уверен в обреченности этой страсти на скорый финал (его слова: «Страсть не совершила полного своего круга ... Не дать ли ей допить чашу до дна?..»), что и происходит, но героиня не успевает встретиться со своим преданным мужем-отцом и выразить свое преклонение перед открывшимися ей достоинствами зрелости, а не ветреной и беспечной юности: ее настигает смерть. Экспериментатор наказан, жизнь его становится бессмысленной и ненужной. Сохраняя бытие в себе, запутываясь в сетях эгоизма и альтруизма, пытаясь манипулировать человеческой жизнью, герой не в силах смоделировать бытие-в-нас, жизненная, онтологическая перспектива нарушена и приводит к гибели.

В «Крейцеровой сонате» (1889) все гораздо сложнее. Здесь нет ни полутонов, ни полунамеков. Беспощадный реализм Л. Толстого обнажает самое сокровенное до предела. Существует восемь редакций повести, она произвела истинный переполох и смятение в умах читателей. Вот что писал К. Победоносцев о «Крейцеровой сонате»: «Прочел я первые две тетради: тошно становилось – мерзко до циничности показалось. Потом стал читать еще (сразу все читать душа болит), и мысль стала проясняться. Только в три приема прочел все – и задумался ... Да, надо сказать – ведь все, что тут написано – правда, как в зеркале ... Произведение могучее. И когда я спрашиваю себя, следует ли запретить его во имя *нравственности*, я не в силах ответить да. Оболжвит меня общий голос людей, дорожащих идеалом, которые, прочтя вещь негласно, скажут: «А ведь это правда ...» [5, 526].

Герой Л. Толстого двуплановой структурированностью не отличается, однако и он балансирует между моральным и immoralным. Мотив сводничества ярко представлен у Л. Толстого. Позднышев осознанно подталкивает Трухачевского к сближению с собственной женой, всякий раз подавляя в себе чувство ревности, ненависти по отношению к потенциальному сопернику. Всякий раз реализуя это мнимое сводничество, Позднышев моделирует ситуацию взрывоопасную, собственным сознанием и поступками приближает финальную трагическую черту. Он так же экспериментирует с собственной женой, безжалостно манипулируя ее внутренним и внешним миром, провоцируя ее на поступки, вызывающие дополнительную ревность.

Героиня Толстого страдает истерическими припадками, в сущности, неся в себе то же полное инфернальности, что и героини Ф. Достоевского. Она также наделена садомазохистскими наклонностями, разрушающими ее внутреннее состояние, и муж бессилен ей помочь, он и не стремится к этому, барахтаясь в плену immoralизма. Толстой обнажил моральную проблему невозможности существования вдвоем, совместного стремления к взаимному уничтожению. Муж и жена не становятся необходимым дополнением друг друга ни в моральном, ни в духовном, ни в интеллектуальном, ни в сексуальном планах. Происходит бессмысленная борьба двух эгоизмов, бессмысленная борьба против собственного пола, причем, кушее скудоумие в вопросах сексуальной культуры прикрывается претензией на якобы исключительную нравственность отказа от половых отношений.

Л. Толстой, как ни странно, повторяет ситуацию «подполья» Ф. Достоевского: подпольный герой Позднышев, отражая бытие-в-себе, лелея и пестуя собственный эгоцентризм, разрушает бытие-в-нас, как, собственно, и его жена не нацелена на созидание бытия-в-нас. Получается такое «случайное семейство» (как у Ф. Достоевского и К. Леонтьева), ведущее в никуда, а имморальное или моральное бессильно что-либо здесь изменить, царствуя в высотах абстракции и снисходительно взирая на мир безутешной конкретики.

Литература

1. Леонтьев, К. Избранные письма (1854–1891) / К. Леонтьев. – СПб.: Пушкинский фонд, – 1993. – 640 с.
2. Мондри, Г. Попытка типологизации творчества К. Леонтьева на примере анализа «Исповеди мужа» / Г. Мондри // Вопросы литературы – 1992. – № 2. – С. 166–186.
3. Вейнингер, О. Пол и характер / О. Вейнингер. – М.: Тэрра, 1992. – 480 с.
4. Леонтьев, К. Египетский голубь: роман, повести, воспоминания / К. Леонтьев. – М.: Современник, 1991. – 527 с.
5. Шкловский, В. Собр. соч.: в 3-х т. / В. Шкловский – М.: Худож. лит., 1974. – Т. 2. – 752 с.

Summary

The object of research of this article is examination of the specificity of realization of the moral problems L. Tolstoy's and K. Leontyev's artistic heritage.

Поступила в редакцию 12.06.05.

УДК 882.6

А.М. Ненадавец

УЛАДЗІМІР КАРАТКЕВІЧ – МІФ І ПРЫРОДА

Зразумела, што дыялектыка міфа не зводзіцца да аднаго толькі прызнання глыбіннага адзінства ўсяго існага дзякуючы наяўнасці вечнай касмічнай субстанцыі, якая нараджае ўсе рэчы (з'явы, праявы) гэтага свету. Міфалагічная логіка намнога складанейшая, для ліквідацыі супрацьлегласцей яна выкарыстоўвае розныя спосабы і прыёмы. І ўся гэта праблема зыходнага прарэчыва, прамацэрыі па праву была ў вачах старажытных міфатворцаў і мысліцеляў адной з самых важных і першаступенных. У. Караткевіч выдатна гэта разумеў з самых ранніх твораў.

«Азораная ззянем паходняў, абкружаная шматкаляровымі карагодамі чаўноў згасала і танула ў водах адразу за імі вогненная праява. Дрэвы закрылі яе, паглынулі воды і цемру, і адразу стала ясна, што тая праява чужая, што на шмат кіламетраў няма нічога, акрамя роўнай роўнядзі, вычварнай вязі пльняў, пены ў вірах, пагружаных ў ваду лясоў і цішыні. І на гэтых водах, на залітай вадою зямлі імчаў толькі адзін іхні човен, іхні каўчэг.»¹

Сёння большасць даследчыкаў схіляецца да думкі, што сакрэт паходжання міфа неабходна шукаць у тым, што міфалагічная свядомасць нашых продкаў з'явілася найстаражытнейшай формай разумення і асэнсавання свету, прыроды, грамадства і чалавека. Міф узнік з неабходнасці старажытных людзей у асэнсаванні акаляючай яго прыроды і сацыяльнай стыхіі, сутнасці чалавека.

На самой справе ёсць тут нешта ад старажытнага матыву стварэння Сусвету і ўсяго жывога. Нават не ад біблейскага, а ад таго міфу, які намнога старэй за любую рэлігію, бо ўзнік тады, калі паўстала праблема тлумачэння таго, што ўсё навокал, уключаўшы прыроду, прыродныя з'явы, жывое, што ўсё чыста дышае і адчувае, бо і само, паводле перакананняў і запэўніванняў далёкіх продкаў, мае жывую душу, здольна адчуваць, а раз так, то і нешта разумець, падказваць ў будзённым жыцці, падштурхоўваць да выйсця з цяжкага становішча.

Само стварэнне міфаў было першым крокам чалавека да творчасці і пазнання самога сябе. Нашы продкі былі дзейным, энергічным народам, яны не баяліся пазнаваць рэальны свет, хоць ён яшчэ ў многіх быў населены шматлікімі варожымі чалавеку істотамі, якія ўсялялі ў яго страх, але бязмежная прага пазнання гэтага свету перабарала страх перад неведомай небяспекай. У сваіх пошуках абароны ад страшных стыхійных сіл, які ўсё старажытныя народы, яны прайшлі праз

фетышызм – веру ў адухоўленасць мёртвай прыроды (камянёў, дрэваў), які потым працяглы час захоўваўся ў пакаленнях самабытным ідалам-стодам і быў адлюстраваны шматлікімі язычніцкімі багамі. У іхніх вераваннях і міфах можна заўважыць і сляды анімізму і надзвычай грубых (бо і надзвычай старадаўніх) прымхаў і павер'яў, якія яшчэ непарыўна лучылі іх з сівымі стагоддзямі мінуўшчыны. Але ж ні ў якім разе нельга не згадаць пра тое, што продкі даволі рана і неяк зусім арганічна перайшлі да антрапамарфізму, стварыўшы сваіх багоў па вобразу і падабенстве з людзьмі, пры гэтым надзяляючы іх абавязковымі і непераходзячымі якасцямі – прыгажосцю, уменнем прымаць любы выгляд і самае галоўнае – бесмяротнасцю. Можам нават сказаць пра тое, што адносна іх смерці ўвогуле людзьмі амаль нічога не гаварылася. Продкі былі не проста практычнымі, але і ... хітрымі. У чужыя справы, тым болей у боскія, ніколі не ўмешваліся. Людзі разбіраліся паміж сабою, а багі, адпаведна, паміж сабою. Вядома ж, што багі ва ўсім былі падобны на людзей (а на каго ж яшчэ, калі людзі іх і ... прыдумлялі): добрыя, літасцівыя, велікадушныя, але з іншага боку яны выступалі жорсткімі, помслівымі і каварнымі. Чалавечае жыццё заўсёды заканчвалася смерцю, багі ж былі бяссмяротныя і не ведалі межаў у выкананні сваіх жаданняў, але ўсё роўна на нейкай стадыі зразумелі продкі, што вышэй за ўсё і ўсіх і ў нейкім канкрэтным жыцці, і ў Сусвеце ўвогуле, быў Лёс.

Нешта падобнае паспрабаваў стварыць у апавяданні «Барвяны шчыт» і У. Караткевіч. Прыгадаем наступную сцэну: «Яны падняліся на вал і раптам застылі. Пад нагамі была бездань. Злізаны часам, сточаны, вал усё ж зрываўся ўніз такой страшнай, асабліва ў прыцемку, прорвай, што халаднела ў нагах. І ў сінім сутонні направа і налева, да самага далягляду, шоў усё той жа страшэнны, мёртвы, бязлюдны яр.

Толькі тут ахапіла іхнія сэрцы тое, што знікла. І яны ўсвядомілі душою магутнаць працы тых, што ўсе паляглі тут, і веліч горада, які загінуў бяследна, так і не адрадзіўшыся» [Т. 2. С. 356].

Можна сцвярджаць, што сусветная думка чалавецтва пастаянна прывязана да «вечных» праблем. Да іх ліку і належыць праблема ўзаемаадносін Чалавека і Прыроды, якая ў сённяшні пераломны момант набыла трагічнае гучанне. Сярод шматлікіх сацыяльна значымых праблем, што паўсталі перад чалавецтвам, галоўнае месца заняла праблема выжывання Чалавецтва і ўсяго жывога на Зямлі. Чалавечаму быццю пагражае самазнічэнне! Гэтыя абставіны, як і экалагічныя, навукова-тэхнічныя і іншыя моманты, неаднаразова інтэрпрэтаваліся мысліцелямі самых розных светапаглядных арыентацый. Рэзка праяўлены ў апошні перыяд адмоўныя для прыроды і для самога чалавека наступствы антрапагеннай дзейнасці прымушаюць уважлівей угледзецца ў сістэму экалагічных узаемаадносін, задумацца над праблемай іх гарманізацыі. Чаму гаворка павінна весціся пра гармонію чалавека з прыродай і недастаткова гаварыць, напрыклад, толькі аб іх адзінстве? Справа ў тым, што ў сілу сваёй аб'ектыўнай дыялектычнасці супярэчлівае адзінства чалавека з прыродай мае месца і на тых этапах іх узаемаадносін, калі гэтыя адносіны надзвычай абвостраныя, напрыклад, у цяперашні час. Разам з тым неабходнасць выйсця з крызіснага стану выклікае неабходнасць станаўлення асобнай формы адзінства чалавека і прыроды, якая б гэта і забяспечыла. Менавіта такой і з'яўляецца гармонія чалавека з прыродай. Прырода – прадпасылка і натуральная аснова жыццядзейнасці людзей, пры гэтым паўнакроўная іх жыццядзейнасць магчыма толькі ў адэкватных прыродных умовах. У сувязі з гэтым узнікае неабходнасць суадносін тэмпаў змянення акаляючага асяроддзя з адаптацыйнымі магчымасцямі чалавека, вызначэння дапушчальных межаў гэтай хісткай пазіцыі. Сёння ўсім стала зразумела, што здаровае акаляючае наваколле не менш значнае, чым матэрыяльныя і духоўныя каштоўнасці. Пры пераацэнцы каштоўнасцей паняцце прыроды павінна стаць цэнтральным, так што самі адносіны чалавека да прыроды будуць іншымі, чым былі да гэтага моманту. Важна зразумець і прыняць новыя арыенціры, сэнсавыя ўстаноўкі, стварыць у супрацьвагу чалавеку – спажыўцу новы вобраз чалавека, які гуманны ў адносінах да сябе і прыроды.

Субстанцыя, якая прэтэндуе на ролю субстрата ўсяго існага, вядома ж, паводле меркавання старажытных, павінна была іграць асобную, галоўную ролю ў жыцці прыроды і чалавека. Мабыць, павінны існаваць і іншыя важкія прычыны. Перш за ўсё пачатак усіх пачаткаў ужо паводле самога вызначэння паўсюднасны, ён прысутнічае калі не ва ўсіх, то, ва ўсялякім выпадку, у большасці прадметаў і істот. Першааснова быцця павінна выяўляць сябе ў сотнях і тысячах шматвобразных формаў і з'яў. Няцяжка зразумець, што чатыры стихіі: агонь, паветра, вада і зямля – у дастатковай ступені задавальняюць гэта патрабаванне, і нашы далёкія продкі не выпадкова спынілі на іх свой выбар. Усё жывое ўтрымлівае ў сабе ў строга вымеранай прапорцыі агонь і ваду, цяпло і прахалодную вільгаць. Тое ж адносіцца і да ўсёй прыроды ў цэлым, якую нават на нейкае імгненне немагчыма ўявіць без узаемадзеяння святла і змроку, цяпла і холаду, сушыні і вільгаці.

«Дарога праз зімовы лес. У небе вясёлкавыя па краях рэдкія хмаркі. Залатая поўня то нырае ў іх, то зноў вызвалена вырываецца на волю, плаўна плыве ў сіні начнога неба. І ад яе пушча то змрочна пахмурнее і цішыцца, а то ўспыхвае іскрыстым блакітам, і заснежаныя яліны робяцца аж празрыстыя. Нібыта ў блакітных шарах разгараюцца, мігацяць сінія агні» [Т. 2. С. 445–446].

Цікава атрымліваецца – ад простага да складанага, ад будзённага да сусветна-маштабнага ўсяго адзін крок. Яго можна зрабіць так імкліва і неасцярожна, што якраз-такі і не адчуеш той самай аграмаднасці і шырыні, прасторы, а проста, нібы адразу апынешся сярод яе, не паспееш адразу ўсвядоміць, што ж здарылася, чаму звычайнае яшчэ ўчора ці ўсяго нейкае імгненне назад зараз стала фантастычна-неабсяжым. А можа іменна гэтага пастаянна патрабуе душа чалавека («вырвацца на прастор», дзе няма ніякіх перашкод), бо ў гэтым шукае свайго паратунку?

«Вялізныя начныя дрэвы дыхалі водарам сухога летняга дня, які заблудзіўся ў шатах: шкіпінарам, мятай, яшчэ чымсьці, нявінным, чыстым, бесклапотным» [Т. 2. С. 101].

Але нярэдка ў спакойную і няспешную плынь апавядання раптам ўрываецца гарачая, імклівая, эмацыянальна-узнёслая віхура лірызму. У ёй знаходзяць сваё выяўленне або светлыя і пяшчотныя пачуцці захаплення характэрна ўбачанага, або бурны напор незвычайнай радасці, якой ахоплены і аўтар і ягоныя героі.

Рамантычная ў Караткевіча раз'яднанасць і канфліктная спалучанасць зямнога і занябеснага. Духоўным арыенцірам і каштоўнасцям належыць скрозь першыню, і смерць сапраўдная, канчатковая для чалавека – гэта смерць духу, забыццё свайго роду, сваіх духоўных каранёў нават пры жыцці.

«Гэта не была звычайная раўніна, па якой коцяць рудыя рэдкія хвалі нашы жыты, гэта не была нават дрыгва – дрыгва ўсё ж не пазбаўлена разнастайнасці: там ёсць трава, ніцыя скарлючаныя дрэўцы, там можа бліснуць азярцо. Не, гэта быў самы жахлівы, самы безнадзейны з нашых краявідаў: тарфяныя балоты.

Трэба быць чалавеканенавіснікам, каб выдумаць такія мясціны, і ўяўленне пра іх можа з'явіцца толькі ў пячорным мазгу зласлівага ідыёта. Але гэта не было выдумкай, вось яны ляжалі перад намі ...» [Т. 7. С. 11–12].

Важная асаблівасць сусветнай субстанцыі заключаецца ў тым, што яна, прымаючы мноства ўсемагчымых формаў і воблікаў, сама па сабе пазбаўлена нейкай пэўна-канкрэтнай формы. Свет поўны рознародных і рознаобразных рэчаў, якія рэзка адрозніваюцца адна ад другой. Але нішто не вечнае, смерць аднаго дае жыццё другому, не падобнаму на яго і нават супрацьлегламу. Гэты адвечны кругазварот магчымы толькі пры ўмове, што першааснова, якая дае форму, уласціва і якасці ўсяму акаляючаму чалавека, сама пазбаўлена гэтых прызнакаў, быццам бы нейкае ідэальнае рэчыва без усялякіх канкрэтных характарыстык. І міфалагічная думка, магчыма, не да канца ўсвядомлена, рабіла гэтае прынцыпова важнае дапушчэнне. На самой справе, што служыць адрознай асаблівасцю агню і вады, як менавіта не такая аморфнасць? Яны пазбаўлены вызначанай формы, паху, смаку, памераў, яны абсалютна аднародныя па сваім саставе. Іх можна адчуць, убачыць, пачуць, але пры гэтым нельга сказаць, якія яны, што з сябе ўяўляюць. Нарэшце, з іх немагчыма зрабіць нічога, акрамя іх саміх.

«Ад палаца слаба даляталі спевы, непарушаючыя цішыні. Ён прагнуўся, адчуў, што галава яго яшчэ ляжыць на каленях дзяўчыны, якія слаба пагойдваюцца, бы ў такт нячутнай калыханцы. Значыць, яна так і не зварухнулася ўвесь гэты час. І ён ляжаў, выпрастаўшыся, жадаючы, каб гэта цягнулася яшчэ і яшчэ. Месяц заліваў люстра ракі» [Т. 2. С. 119].

На кожным новым этапе свайго развіцця цывілізацыя набывае ўсё больш магутныя сродкі ўздзеяння на прыроду. Чалавек пакарае прыроду, авалодвае ёю ў суаднесенасці з недакладна зразумелымі гістарычнымі задачамі ўласнага існавання, накладвае на свет сетку, сатканую з ягоных уяўленняў, інтарэсаў, страху, абарончых і індэферэнтных рэакцый. Тым самым у кожную эпоху з прыроды вычляняюцца, выкарыстоўваюцца і культывіруюцца тыя аб'екты, якія прыносяць непасрэдную карысць чалавеку, а ўсе астатнія асуджаюцца на аб'якавыя ці негатыўныя да іх адносіны.

Прырода і грамадства заўсёды знаходзіліся ў адзінстве, у якім яны застаюцца да таго часу, пакуль будзе існаваць Зямля і Чалавек. І ў гэтым узаемадзеянні прыроды і грамадства акаляючае прыроднае асяроддзе як неабходная натуральная прадпасылка і аснова гісторыі чалавецтва ў цэлым ніколі не заставалася адным толькі пасіўным бокам, які адчувае пастаяннае ўздзеянне з боку грамадства. Яно заўсёды аказвала і працягвае аказваць істотны ўплыў на ўсе бакі людской жыццяздзейнасці, на сам працэс грамадскага жыцця, на сацыяльны прагрэс увогуле, замаруджваючы ці прыспешваючы яго, прычым нават яго роля ў розных рэгіёнах і ў розныя гістарычныя эпохі была не аднолькавая.

Прырода, якая прадстаўлена ў карыстанне аднаму толькі сквапнаму карыснаму інтарэсу ці якая застаецца безабароннай перад тварам бязлітаснай эвалюцыі, мізарнее не толькі знешне. Становіцца намнога бяднейшым прыродны генафонд, які хавае ў сабе магчымасці будучага развіцця, накірунак якога выпрамяляецца, пазбаўляецца варыябельнасці і выкарыстоўвае толькі вузкую частку спектра прыроднай неабходнасці. У адваротным выпадку, прырода заўсёды асацыіруецца з Радзімай, якой бы далёкай, амаль што напам'ятай з-за смугі часу яна ні была. У. Караткевіч паказвае сілу ўздзеяння такой прыроды-бацькаўшчыны на чалавека, на свайго героя, калі хоча лішні раз падкрэсліць яго сыноўнія адносіны да роднага кута. Такое не забываецца ніколі, ні пры якіх абставінах, а ў празмерна складанай, псіхалагічна-абвостранай сітуацыі, гэта своеасабліва дадатковая падзарадка.

А. Русецкі справядліва адзначае: «У. Караткевіч праз паэтычныя карціны роднай прыроды, перадаючы свае ўражанні ад яе ўспрымання, падкрэсліваючы менавіта яе эстэтычную каштоўнасць, вучыць людзей разумець яе прыгажосць. Мастацкая асацоўка, якую чалавек атрымлівае ад кантактаў з прыгожым, вельмі часта залежыць ад таго, якія бакі жыцця і з якой сілай, паўнатай і глыбінёй раскрывае літаратурны, музычны або іншы твор» [2].

Нешта традыцыйнае, яшчэ ад Ф. Скарыны, а магчыма, нават і з ранніх вуснапаэтычных твораў чуецца ў наступных радках: «Я паеду туды, хіба што адчуўшы набліжэнне канца, калі чалавек адчувае неадольную цягу аб'ездзіць усе мясціны, дзе калісьці жыў, тое, што прымушае шпака перад адлётам, з якога можна не вярнуцца, наведць родную шпакоўню, тое, што прымушае мядзведзя абысці ў апошні раз свае ўладанні; тое, што яднае нас з усімі птушкамі і звярамі ў адзіным коле існага» [Т. 2. С. 404].

Таму не дзіўна, што татэмізм, як першая форма ўсведамлення калектывам свайго адзінства, стаў апошняй прыступкай на шляху станаўлення міфалагічнага мыслення. Пры самім сваім узнікненні татэмізм яшчэ не ўяўляў сабою рэлігійнага погляду на свет (хоць патлумачыць яго ў рэлігійным накірунку вельмі проста), таму што, як гэта ўжо сёння пераканаўча даказана на этнаграфічным матэрыяле, татэм першапачаткова зусім не ўспрымаўся як нешта здольнае ўплываць на лёсы людзей.

Толькі потым узнікла татэмічная абраднасць, якая сведчыла ўжо аб наяўнасці ўяўлення пра ўплыў татэма на жыццё грамадства; з гэтым жа было звязана і ўзнікненне веры ў татэмічных продкаў. Сваё тлумачэнне абрадавых дзеянняў ў далейшым знаходзяць у міфах, якія адносяцца да канкрэтна неакрэсленага далёкага мінулага. Аповед аб жыцці і ўчынках міфічных, дэманічных істот – хутэй за ўсё іменна так выглядаў міф пры сваім нараджэнні.

Істотнай рысай першапачатковых татэмістычных міфаў аказвалася, такім чынам, раздваенне часу на міфічны і рэальны, пры гэтым трэба абавязкова ўлічваць, што працэсуальныя характарыстыкі, якія фіксавалі паслядоўнасць падзей, адносіліся перш за ўсё менавіта да міфічнага часу. Сфарміраваны і канчаткова замацаваны ў татэмістычных міфах падзел прасторы і часу на міфічны і рэальны пераканаўча сведчыў і аб усталяванні дастаткова трывалага адрознення паміж законамi, якія валадараць адначасова і ў рэальнай і ў ілюзорнай прасторы і часе. Міфічная прастора і час адкрыты толькі для міфічных істот і падзей.

«Я ведаў, што недзе жыве і пануе над ім кароль-бусел з крыламі, размахам на палову неба. Ногі да каленяў улезлі ў твань, бо праваліўся за стагоддзі. Стаіць у зарасцях тысячагадовых беларускіх дубоў. Іхнія вяршыні ледзь прыкрываюць яму загорбак, бо галава ў яго прыціснутая, а дзюба легла на грудзі» [Т. 8. Кн. 2. С. 65].

Міфалагічная абраднасць, на аснове якой выраслі міфалагічныя ўяўленні, была пазбаўлена якой-небудзь выразнай унутранай суладнасці: клопатаў аб несупрацьлеглым спалучэнні падзей і апавяданняў аб падзеях у першабытнага носьбіта міфічнай свядомасці не было і быць не магло. Не толькі міфічная, але і першапачатковая рэлігійная свядомасць ніколі не паўставала як паслядоўная сістэма поглядаў, уяўленняў, вобразаў і апавядаў. Відаць, гэты ілюзорна-магічны характар вытокаў рэлігійнай і міфічнай свядомасці служыць тлумачэннем феномену поўнай адсутнасці якой-небудзь сувязі і паслядоўнасці апавяду за межамі некалькіх сюжэтных ліній, якія апавядаюць пра ўзнікненне дадзенага звычайу, канкрэтнага рытуалу і г. д. Толькі ў перыяд станаўлення класавага грамадства і на першых этапах яго развіцця ўзнікае тэндэнцыя да ўладкавання міфалагічнай свядомасці, што было прама звязана з пачаткам яе ... разлажэння.

Недзе туды сягаюць сваім карэннем легенды і паданні, якія часта закранаюцца, апрацоўваюцца У. Караткевічам у ягонай прозе.

«Продкі часта пакланяліся дубу і дзітцы, лічылі, што жывуць у іх гордыя душы палескіх мужчын і пяшчотныя душы мясцовых жанчын, ледзь не самых прыгожых на ўсёй Беларусі. Нашчадкі не вераць (а можа, і вераць падсвядома, памяццю стагоддзяў) у лясных багоў. Але яны і зараз пазбягаюць чапаць гэтыя дрэвы і не чапалі б іх зусім, каб часам не пільная неабходнасць або не загад чалавека, які не ведае звычайў гэтай зямлі» [Т. 8. Кн. 2. С. 302].

На самой справе, практыка як універсальныя адносіны чалавека з светам адначасова і суб'ектыўная і аб'ектыўная, яна адрозніваецца і ўсеагульнасцю і «непасрэднай сапраўднасцю» і тым самым абумоўлівае інварыянты чалавечых паводзін і падобныя рысы ў свядомым адлюстраванні рэальнасці. Што ж да розных умоў і саміх формаў практычнага ўзаемадзеяння чалавека з прыродай, то яны праяўляюцца ў тым, наколькі дзейнай і актыўнай пры гэтым аказваецца чалавечая фантазія, маючая, як мы бачым, пэўныя рэальныя зямныя карані. І той, і другі момант зафіксаваны ў міфалагічнай свядомасці, абумовіўшы адначасова і адзінства ўсіх міфаў, і адрозненне канкрэтнага адлюстравання гэтага адзінства ў кожнага народа. Зразумела, што абазначыць і растлумачыць гэтую шматвобразнасць у кожным канкрэтным выпадку немагчыма, як немагчыма і раскрыць абумоўленасць усіх канкрэтных ходаў фантазіі ў яе генэзісе і дынаміцы.

З'яўляючыся першай стадыяй распаду сінкрэтычнага адзінства практыкі і пазнання, міф у той жа час захоўвае свой пазнаваўчы сінкрэтызм, што абумоўлівае многія яго асаблівасці сярод іншых феноменаў першабытнай свядомасці. Да ліку такіх асаблівасцей належаць у першую чаргу антрапалагізм міфа: увесь сусвет міфа – гэта сусвет чалавечых істот. Толькі пры больш выразным падзеле універсуму на свет рэчаў і свет антрапаморфных істот кожная атрымае сваё алегарычнае абазначэнне, з кожнай з іх пачынае суадносіцца тая ці іншая антрапаморфная істота.

Нам здаецца, што У. Караткевіч пастаянна разважаў аб месцы чалавека ў Прыродзе, Сусвеце і аб тым, як узнік сам Сусвет, адкуль пайшло ўсё жывое на Зямлі. Ягонныя вывады можна назваць канкрэтна-лакальнымі, бо яны датычацца нейкага рэгіёна (напрыклад, Палесся) ці асобна ўзятай дзяржавы (Беларусі), але яны, разам з тым, і абагуленыя, бо далучаюцца да першастваральнасці сваёй багатай вобразнасцю, шматколеравым метафарызмам.

Сцверджанні аб тым, што галоўнай і ледзьве не адзінай асновай міфатворчасці былі неразуменне законаў прыроды і інстыктыўны страх перад раз'юшанымі і грознымі стыхіямі, апускаюць у нашых з вамі вачах старажытнага чалавека да ўзроўню прымітывізму. Больш глыбокі аналіз дазваляе знайсці ў міфах строгую гарманічную сістэму поглядаў і паняццяў, заснаваную на празмерна тонкай логіцы. Але сцвярджаюць, што той ці іншы міф ёсць усяго толькі наіўная рэакцыя на пэўную з'яву акаляючага свету, – значыць незаслужана адмаўляць старажытным мысліцелям у здольнасці здзяйсняць далёка ідучыя абагульненні.

У. Караткевіч, напрыклад, значна здрабняе велічны біблейскі сюжэт, які, хутчэй за ўсё, быў заснаваны на рэальным факце з жыцця цывілізацыі (вось толькі якой – нашай ці яшчэ данашай?), вада ў яго застаецца ўсё той жа ўсемагутнай стыхіяй, але набывае рысы самай сапраўднай жывой істоты.

«Вось цякуць кроплі, – думаў ён (Міхал – А.Н.). – І я такая самая кропля. Яны, зліваючыся, утвараюць крыніцу, раку, мора. Ім усё адно з кім зліцца. Але мне патрэбна толькі тая кропля, адзіная, з якой мы разам нарадзіліся ў зямной глыбіні» [Т. 2. С. 182].

І вось ад гэтай даволі канкрэтнай, няхай сабе і надзвычай уражваючай, але затое прыземленай, прыроднай сцэны, пісьменнік нібы звяртаецца ў генетычнай памяці не ад асобнага творцы, а ад ўсяго народа да перыяду, калі з вады нараджалася самае галоўнае ... Жыццё!

«А потым быў світанак. Сонца выплывала з-за пясчоў і лазы левабярэжжа. І хвалі былі зеленавата-блакітныя. І на адзін кароткі момант самыя грабянцы іх успыхнулі крывавым, трывожным, а потым апельсінавым агнём, быццам там вось-вось павінен быў вынырнуць нехта прыгожы, пранікліва-пяшчотны, той, што прыносіць на зямлю вечную цеплыню і радасць» [Т. 2. С. 189].

Галоўная філасофска-эстэтычная якасць прозы У. Караткевіча – сцвярджанне вечнасці чалавечага быцця, разуменне чалавекам асабістага месца ў гэтым існаванні, яго адказнасці за спакой на зямлі.

Літаратура

1. Караткевіч, Уладзімір. Збор твораў: у 8 т. / Уладзімір Караткевіч. – Мінск, 1988. – Т. 2. – С. 207. (У далейшым усе спасылкі даюцца па гэтае выданне, у дужках том і старонка.) – А.Н.
2. Русецкі, Аркадзь. Праз гісторыю ў сучаснасць / Аркадзь Русецкі, У. Караткевіч. – Мінск, 2000. – С. 218.

Summary

The article is dedicated to the literary activity of Korotkevich and his contribution to the prosaic writing. His profound understanding of the ever – existing world and his penetration into relationship of Man and Nature are given much attention to.

Паступіла ў рэдакцыю 10.06.05.

УДК 882.6 – 4

А.А. Паўлоўская

**ЖАНР ЭСЭ Ў СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ ПРОЗЕ
(НА МАТЭРЫЯЛЕ ТВОРАЎ АНДРЭЯ ФЕДАРЭНКІ)**

Узнікненне і распаўсюджанне эсэ як асобнага літаратурнага жанру цесна звязана з іменем вядомага французскага мысліцеля XVI ст. Мішэля Мантэня. Неабходна заўважыць, што эсэістычны пачатак назіраецца яшчэ ў антычных філосафаў (узгадаем хаця б славуць дзялогі Платона). Значэнне ж «Вопытаў» Мантэня заключаецца перш за ўсё ў тым, што менавіта пасля іх узнікае тэрмін «эсэ», яны адкрываюць перспектывы для шырокага распаўсюджання твораў гэтага жанру.

Стымулам для стварэння новага жанру стала неспакойная сітуацыя грамадзянскіх і рэлігійных войнаў паміж феадальнай знаццю і ўзнікаючай манархіяй, паміж каталіцкай і гугенотска-пратэстанцкай партыямі. Своеасаблівы гуманістычны скептыцызм Мантэня накіраваны супраць догмаў царкоўнай артадаксіі і схаластыкі, супраць жорсткасці і фанатызму правячых класаў. Абраны Мантэнем жанр даў магчымасць аўтару лёгка і вольна выказаць свае думкі на любую тэму. Мысліцель імкнуўся з'явіцца перад чытачом у натуральным, простым, штодзённым выглядзе. Мантэнь канстатаваў, што змест яго кнігі – ён сам.

Паступова эсэ становіцца традыцыйным класічным жанрам англійскай літаратуры. Гэты жанр перажывае росквіт у пачатку XX стагоддзя ў творчасці М. Бірбола, Э.В. Льюкаса, Р. Лінда. Выдатным эсэістам XX ст. быў іспанскі філосаф і грамадскі дзеяч Х. Артэга-і-Гасэт, які надаваў эсэістычнай форме выражэння думак прынцыпова філасофскае значэнне. Звярталіся да формы эсэ таксама французскія пісьменнікі і філосафы-экзистэнцыялісты ў адной асобе (А. Камю, Ж.-П. Сартр).

На сённяшні дзень склаліся даволі спрыяльныя грамадска-палітычныя і культурна-гістарычныя ўмовы для творчай самарэалізацыі асобы. Гэта пацвярджае шырокая распаўсюджанасць мастацка-публіцыстычнага жанру эсэ як выніку пошукаў сучаснымі аўтарамі новых формаў для выражэння думак. І хаця эсэ не мае ў нас такой папулярнасці сярод пісьменнікаў, як, скажам, на Захадзе, тым не менш яно характарызуецца глыбінёй і вострай пастаноўкай актуальных для аўтара і грамадства праблем. Эсэ – жанр цікавы, незвычайны і аналітычны, складаны адначасова. Пісьменнік імкнецца звярнуць на сябе ўвагу чытачоў, запрашае да сумеснага вырашэння пастаўленых праблем. У беларускай літаратуры было распаўсюджана эсэ ў форме нарыса, артыкула. Першапачаткоўцам беларускай эсэістыкі традыцыйна лічыцца М. Стральцоў, вядомы сваёй кнігай «Загадка Багдановіча», у цэнтры якой – феномен паэта. Творы эсэістычнага жанру пісалі У. Караткевіч, М. Лужанін, І. Мележ, Я. Брыль, У. Калеснік і інш. Сустракаюцца эсэ і ў сучасных пісьменнікаў У. Арлова, Л. Галубовіча, Л. Дранько-Майсюка, В. Карамазава.

У літаратуразнаўстве не існуе адзінага агульнапрынятага азначэння эсэ, бо сярод даследчыкаў няма пагаднення наконт гэтага. Адсюль і ўзнікае часам пэўная неразборлівасць як сярод некаторых даследчыкаў, так і ў асяродку маладых аўтараў, калі словам «эсэ» называюць усё, што не з'яўляецца паўнаўтарасным апавяданнем, што не мае фабулы: нарысы, замалёўкі, абразкі, нататкі і г. д. Адпаведна, нельга пагадзіцца з Ганнай Кісліцынай, якая сцвярджае: «Неакрэсленасць эсэ, закладзеная ў яго прыродзе, дазваляе азначыць гэтым тэрмінам вялікае кола з'яў – ад літаратурнага нарыса да споведзі» [1, 14]. Кожны пісьменнік павінен выразна ўяўляць, што ён хоча стварыць і чаго ад яго патрабуе той ці іншы жанр. Зразумела, сучасная тэндэнцыя да інтэграцыі розных літаратурных жанраў садзейнічае распаўсюджанню сінтэтычнай жанравай формы, што, натуральна, адбілася і на айчынным эсэістыцы. Гэта, аднак, зусім не азначае, што пачынаюць цалкам нівеліравацца мастацкія межы, якія адрозніваюць эсэ ад іншых жанраў малой эпічнай формы. Мае рацыю даследчыца А. Маськова, якая сцвярджае, што эсэ не з'яўляецца

тоесным нарысу, таму лагічна разглядаць яго ў якасці самастойнага жанру, – і дае наступнае значэнне: «Эсэ – гэта мастацка-публіцыстычны жанр, у якім глыбокая задума арганічна злучаецца з простаю, вольнай манерай пераказу і якому ўласцівы аўтарская адкрытасць і суб'ектыўнасць, экспрэсіўнасць і вобразнасць, папярэднасць і эмпірычнасць, лаканічнасць і вытанчанасць стылю» [2, 12].

Безумоўна, жанр эсэ патрабуе ад творцы грунтоўных, нават энцыклапедычных ведаў у сваёй вобласці, арыгінальнасці мыслення, выключнасці, імкнення да самавыражэння, да эксперыменту ў форме і змесце, здольнасці да інтэграцыі розных жанраў літаратуры. Письменнік павінен «дарасці» да гэтага. Пасляхова і плённа тварыць у жанры эсэ можа толькі сапраўдны майстра, які добра валодае словам, выдатна ведае сусветную і айчынную літаратуру, паважае класіку і жыва цікавіцца творчасцю сучаснікаў. «Эсэістыка аб'ядноўвае лепшыя літаратурныя таленты, паколькі патрабуе ад письменніка не проста думак і пачуццяў, а эрудыцыі, інтэлекту, энцыклапедызму. Не проста стылю, а адточанага, вытанчанага, можна сказаць, – звышстылю. Адсюль ідзе выбранаць жанру» [2, 7].

Яскравы прыклад – Андрэй Федарэнка, які ў сваім пісьменніцкім станаўленні прайшоў складаны шлях ад лірычнага апавядання да метарамана, ад элементаў рамантызму да пэўныя постмадэрнізму. Літаральна апошнім часам у друку пачалі з'яўляцца невялікія творы – эсэ, што сталі вынікам настойлівай шматгадовай працы, пастаянных роздумаў, уважлівых назіранняў, асабістых уяўленняў аўтара. На станаўленне мастацкай індывідуальнасці і светапогляду пісьменніка значны ўплыў аказала асяроддзе, у якім ён знаходзіўся, тыя, хто станоўча або адмоўна ставіліся да яго творчасці. Выпадкова кінутае кімсьці слова, выраз, заўвага садзейнічалі ўзнікненню асабістай пазіцыі А. Федарэнкі, нараджэнню ўспамінаў, думак, разважанняў на гэтую тэму. Так, адзін за адным у друку пачалі з'яўляцца невялікія творы ў жанры эсэ.

«Сечка» – першы твор А. Федарэнкі, напісаны ў гэтым жанры.

Ён складаецца з сямі асобных раздзелаў, аб'яднаных адной задачай: выявіць, прасачыць, наколькі літаратура звязана з рэальнасцю, як часта пісьменнікі выстаўляюць штучнае, схематычнае, цураючыся жывога, народнага, гавораць прамовы, разлічаныя на вузкае літаратурнае кола, зусім забываючыся пра астатніх, красуючыся сабою: «На мяне глядзіце!

Я, аўтар, у цэнтры ўсяго, а сонца, планеты, героі мае, толькі круцяцца вакол мяне» [3, 112].

Адметнай рысай эсэ А. Федарэнкі з'яўляецца шчырасць, праўдзівасць аповеду, эмацыянальна-экспрэсіўная афарбоўка стылю, часам узрушаная, усхваляваная інтанацыя паведамлення. Письменнік спачатку перадае сутнасць прадмета, размовы, а пасля дае свае каментарыі, меркаванні наконт гэтага.

«– Хутчэй, хутчэй! – закрычаў да мяне Ракаў. – Як бусы па-беларуску?!

– Каралі, пацеркі ...

Ён толькі пстрыкнуў пальцамі – не тое, маўляў. І тут я ўспомніў роднае, матчына, з маленства знаёмае:

– Занізкі!

– Што-што? – Віктар Апанасавіч насупіўся грозна, нібы пачуўшы якую непрыстойнасць; мабыць, яму, магілёўцу, яшчэ горшым падалося гэта за папярэднія словы.

Мяне не здзівіла такая рэакцыя. Я прывык ужо, што за рэдкім выключэннем (нават адзіным выключэннем – Янкі Скрыгана) нашыя пісьменнікі і крытыкі, рэдактары і карэктары ўпарта не прымаюць мазырскіх дыялектаў, прапануючы замяніць іх на свае – як правіла, з той мясцовасці, адкуль яны самі родам.

А дарэмна не прымаюць. Хоць бы і гэтыя ж занізкі. Чым яны горшыя за пацеркі (штосьці пацёртае, паношанае, таннае – «сэксанд-хэнд») ці за каралі (каго хто за што караў)? Этымалогія слова зразумелая – круглыя прадметы нанізваюцца па чарзе адзін за адным» [3, 111].

Эсэ А. Федарэнкі напоўнена цытатамі, рэмінісцэнцыямі з іншых твораў, у некаторых момантах адчуваецца аўтарская іронія, гульня слоў, заўважаецца дэканструкцыя тэксту. Усё гэта – элементы постмадэрнізму, якія апошнім часам вельмі характэрныя для творчасці пісьменніка. Варта ўвагі разважання А. Федарэнкі наконт усім вядомага выразу «краса ўратае свет». Письменнік прыходзіць да высновы, што неабходна разглядаць гэты выраз у кантэксце. Ён заўважае, што спачатку для Ф.М. Дастаеўскага гэта было нешта невытлумачальнае, што назіраецца ў раманах «Ідыёт», а праз дзесяць год у «Дзённіку пісьменніка» рускі класік піша: «Літаратура красы адна толькі і ўратае». Федарэнка ўступае ў палеміку з Дастаеўскім, заўважаючы, што ёсць на свеце людзі, якія маюць да літаратуры вельмі прыблізнае дачыненне. «Усё зразумела. Не зразумела толькі, што рабіць прадстаўнікам іншых прафесій – шаўцу, селяніну, банкаўскаму

служачаму, фотамадэлі, – якія не лічаць свой занятак горшым за літаратурны? Іх што ўратуе?» [3, 114]. Становіцца ясна, што выраз гэты носіць ярка выражаны суб'ектыўны характар і залежыць ад таго, кім і пры якіх абставінах ён быў прамоўлены. Такія вывады мы робім самастойна, бо пісьменнік пакідае пытанне гэтае адкрытым, у выглядзе загадкі, даючы магчымасць кожнаму знайсці на яго адказ.

«Сечка» – твор у большай ступені аналітычны, аўтар шукае, разважае, робіць лагічныя вывады, нават праводзіць этымалагічны аналіз слоў.

Вялікі смутак, настальгія па дзяцінстве адчуваецца ў эсе А. Федарэнкі «3 кошыкам, або Гісторыя ненапісанай аповесці». У адрозненне ад папярэдняга твора тут яўна пераважае лірычны пачатак. Па ўнутраным настроі гэтае эсе нагадвае раннія лірычныя апавяданні пісьменніка («Рабіна», «Пеля», «Начны голас»), але адрозніваецца сталасцю, самастойнасцю думкі, псіхалагічнай дакладнасцю ў перадачы асабістых уражанняў і адчуванняў. Закранаючы «грыбную тэму», А. Федарэнка дэманструе сваю дасведчанасць у гэтай вобласці. Ён шмат разважае наконт таго, ці бываюць лісічкі чарвівымі, спрачаецца з У. Салавухіным, беларускімі пісьменнікамі Ю. Станкевічам, У. Казбяруком. Аўтар праводзіць цэлае даследаванне наконт адрознення менталітэту жывячых беларусаў ад рускіх. Асабліваю ўвагу ён звяртае на амаль поўную адсутнасць паняцця «лазня» ў беларускай вёсцы (у айчынай літаратуры лазні з'явіліся толькі з прыходам М. Гарэцкага). «Акрамя памежных з Расіяю рэгіёнаў: Гомельшчыны (да якой Мазыршчыну не адношу), Віцебшчыны і Магілёўшчыны, на ўсёй астатняй тэрыторыі Беларусі лазні былі ледзь не экзатычнай рэдкасцю» [4, 99].

Успаміны дзяцінства ў А. Федарэнкі навязваюць розныя адчуванні. Гэта цяжкія пакуты, выпрабаванні, звязаныя з тым, што маці будзіла рана і прымушала хадзіць па грыбы. «Браў, яшчэ і як браў грыб сваю даніну – нявыспанасцю, здароўем, вольным часам,» – прызнаецца пісьменнік [4, 107]. Але зараз, у сталым узросце, ён заўважае і іншае, больш важнае, невытлумачальнае. Імкнучыся душою ў тыя мясціны, дзе ў дзяцінстве збіраў грыбы, аўтар спрабуе разгадаць прычыны гэтага смутку:

«На старых, любімых, адданных нам мясцінах, мы шукаем не столькі грыбоў (хаця і іх, канечне), колькі саміх сябе ранейшых» [4, 113]. А. Федарэнка адчувае, што здолеў зрабіць немагчымае: узняцца над катэгорыяй Часу, вызваліцца ад яе і ўбачыць сябе, малага, з кошыкам каля дрэва. «На якісь міг час спыніўся, яго не стала зусім – і мяне не стала цяперашняга ... То і быў момант, калі мне ўдалося двойчы ўвайсці ў адну і тую ж раку – у адзін і той жа час» [4, 114].

Эсе А. Федарэнкі «Сечка-4» – працяг разважанняў пісьменніка, распачатых у «Сечцы», наконт літаратуры. Вялікую ўвагу надае аўтар старой набалелай праблеме ведання роднай мовы, асабліва ў пісьменніцкім асяродку. «І як цяслар, сталяр, будаўнік валодае сякерай, рубанкам, кельмаю, так і пісьменнік павінен старацца да аўтаматызму авалодаць моваю» [5, 130]. Эсе прысвечана пачатку творчага шляху А. Федарэнкі, удасканаленню яго маўлення. «Моўную адукацыю» малады аўтар атрымаў у Яна Скрыгана, які стаў сапраўдным настаўнікам на гэтым няпростым шляху. «Адчуванне было, нібыта мяне ўзялі за руку і вывелі з цёмнай, непразнай глушчы, дзе я безнадзейна блукаў, на сонечную паляну, адкуль ужо рукой падаць і да жаданай, цупкай дарогі» [5, 131].

У творы закранаецца праблема мастака і мастацтва, сапраўднай і псеўдалітаратуры. Так званыя «шчырыя» беларускія пісьменнікі на семінары маладых літаратараў абураліся: «Колькі можна насіцца з гэтай моваю! Мова – другаснае! Задача для нас цяпер – вярнуць чытачоў, якіх вы, старэйшыя, паспяхова ад сябе адварнулі! Змест, сюжэт – вось галоўнае!» [5, 132]. Застаючыся па сутнасці традыцыяналістам, Федарэнка не спышаецца за моднымі павевамі часу, а таму не можа згадзіцца з такімі лозунгамі, вонкава адчуваючы першасную ролю мовы ў мастацтве.

Болей за родную Беларусь, за свой народ прасякнута эсе Андрэя Федарэнкі «Тетга incognita». Пісьменнік з сумама адзначае нізкі ўзровень нацыянальнай ідэнтычнасці беларусаў у параўнанні з еўрапейскімі народамі. Твор гэты – уражанні А. Федарэнкі ад вядомай акцыі «Літэкспрэс-2000», набытыя падчас вандровак па еўрапейскіх краінах. Аднак пісьменніку цікава не столькі любаванне наваколлем, замежным жыццём, колькі назіранне за сваёй душой, за тымі зменамі, якія адбываліся ў ёй. Убачыўшы ў Францыі сажалку, А. Федарэнка ўспомніў тую, што была ў Мінску і якую знішчылі, каб пабудаваць аўтастанку. «Нават не прыкра, а проста балюча стала. Ды што ж у нас усё так гадзенька, так не па-лодску, так безнадзейна?!» [6, 9].

Пасля паездкі пісьменнік адчувае сябе як герой экзістэнцыяльнага твору. Ён ужо не можа глядзець на свет па-ранейшаму, не можа вытрымаць голасу сваёй збалелай душы. А. Федарэнка з жахам адзначае, што Беларусь – адзіная краіна, дзе людзі не размаўляюць на роднай мове. Як апляваныя, стаялі ў Брэсце тры беларускія пісьменнікі Вольга Патава, Леанід Дранько-Майсюк і Андрэй Федарэнка, калі чалавек у форме капітана пагранічных войск РБ «з асалодай маньяка ўголас даказваў», «что такой нации, как белорусы, нету, не было и быть не должно»!

«Terra incognita» – твор, выпакутаваны пісьменнікам. Кожная старонка, кожнае слова напоўнены горкім сумам і крыўдай за сваю краіну. Гэтае эсэ, як і папярэднія, створана ў адпаведнасці з законамі постмадэрнізму. Аўтар шырока выкарыстоўвае рэмінісцэнцыі з твораў іншых аўтараў, цытацыю, алюзію і г. д. Гаворачы пра сваё падарожжа, ён прыгадвае эпізод з рамана Набокава «Дар», калі рэвалюцыянер-дэсідэнт Чарнышэўскі ездзіў да рэвалюцыянера-эмігранта Герцэна ў Лондан у госці. Дамінантным у Федарэнкі выступае пытанне нацыянальнай ідэнтычнасці беларусаў, якое раней узнімалася аўтарам у апавяданнях «Падслуханая казка», «Сачыненне», у аповесцях «Гісторыя хваробы», «Шчарбаты талер», «Афганская шкатулка», у рамане «Рэвізія». У дачыненні да твораў-эсэ Федарэнкі можна аднесці наступныя словы Г. Кісліцкай: «Эсэістыка – гэта тое, што не можа быць тыпізавана, унармавана, зведзена да пэўнага узору, яна – праяўленне аўтарскага светабачання ў найшырэйшым сэнсе гэтага слова» [1, 24].

Творчасць Андрэя Федарэнкі – прыклад шматграннасці і жанрава-стыльвай разнастайнасці сучаснай беларускай прозы, а яго эсэ – вынік роздуму над праблемамі вечнымі і надзённымі, вынік мастацкіх, філасофскіх, этычных абагульненняў пісьменніка, сведчанне таго, што маладая беларуская літаратура ўпэўнена сцвярджае сваё месца ў свеце, не ігнаруе іншанацыянальны мастацкі вопыт.

Літаратура

1. Кісліцка, Г.М. Лірычная мініяцюра як жанр беларускай літаратуры / Г.М. Кісліцка; навук. рэд. І.Э. Багдановіч. – Мінск: Бел. навука, 2000. – 118 с.
2. Маськова, Е.В. Эссе как жанр и метод. автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филолог. наук / Е.В. Маськова. – Минск: БГУ, 1994. – 21 с.
3. Федарэнка, А. Сечка [Эсэ] / А. Федарэнка // Маладосць. – 2004. – № 1. – С. 109–114.
4. Федарэнка, А. 3 кошыкам, або Гісторыя ненапісанай аповесці [Эсэ] / А. Федарэнка // Дзеяслоў, 2005. – № 1. – С. 99–114.
5. Федарэнка, А. Сечка-4 [Эсэ] / А. Федарэнка // Польшча. – 2005. – № 4. – С. 130–135.
6. Федарэнка, А. Terra incognita [Эсэ] / А. Федарэнка // ЛіМ. – 2005. – 29 красавіка. – С. 9, 15.

Summary

The article deals with the problems of the contemporary byelorussian literature. The subject of paper is peculiarity of style in the essay of A. Fedorenko. The author states that receptions of postmodernism are emphasizing the main idea of the works.

Паступіла ў рэдакцыю 14.11.05.

УДК 808.2-07

О.И. Ревуцкий

СЛОЖНЫЕ ТРОПЫ: СЕМАНТИКА И СТРУКТУРА

В учении о тропах, несмотря на его многовековую историю, остаётся много неясного. И от этой неясности страдает прежде всего методика филологического анализа художественных текстов, где зачастую абсолютно доминирует образность, основывающаяся на разных приёмах троповости.

Традиционная, существующая ещё со времён античности классификация тропов основывается на учёте ряда факторов: характера положенных в основу переноса наименования психологических ассоциаций (по сходству – метафора, по смежности – метонимия); логических факторов (наличия эффектов преувеличения – гипербола, преуменьшения – литота; внутреннего контраста, несовместимости понятий – оксюморон и др.); отчасти факторов языкового характера (например, учёт наличия или отсутствия показателей образного сравнения, развёрнутости или неразвёрнутости метафоры и др.). Языковой критерий доминирует и при распределении средств образности по фигурам. При этом

принимаются во внимание экспрессивные в силу отступления от привычных норм и стабилизировавшиеся в поэтическом стиле модели языкового выражения, такие, как инверсия, параллелизм, хиазм и др.

Подобный подход ориентирует на поиск главного, наиболее очевидного признака тропа и не учитывает всей сложности смысловых механизмов, лежащих в основе троповости в поэтических текстах двадцатого и начала двадцать первого столетия. Традиционная классификация проистекает из трактовки тропа прежде всего как слова, как переноса наименования и не вполне согласуется с фактами, иллюстрирующими вовлечение в процесс тропообразования единиц, больших, чем слово, что не даёт возможности адекватно описывать сложные единицы тропеического характера (тропеические комплексы), которые составляют важную примету стиля современной поэзии.

При рассмотрении сложных тропеических комплексов мы будем исходить из положений современной семиотики о двоичности семиотических объектов, т. е. таких, которые рассчитаны на непрямую передачу информации [3, 128]. С этой точки зрения весьма типичными семиотическими объектами являются именно тропы, поскольку они представляют собой средства не прямой номинации и основываются на бинарности, часто выражающейся в «противостоянии» явно выраженного, но условного, иносказательного, и скрытого, но мыслимого как истинное, достоверное. Такое понимание допускает рассмотрение в кругу тропов значимых единиц языка разных уровней (морфем, слов, высказываний), если они оказываются семиотическими, т. е. такими, которые заключают в себе совмещение разных смысловых представлений об означаемых объектах.

Мысли о бинарности как принципе организации тропа высказывались и ранее. На этой идее основана интеракционистская теория метафоры М. Блэка [1]. И. Р. Гальперин считает, что почти все виды тропов основаны на принципе удвоения значения [2, 274].

Семиотический подход к тропам оказывается более широким, чем традиционный. Согласно ему, к числу тропов должны быть причислены и такие семиотические объекты, где отношения между двумя обозначаемыми предметами (денотатами) в составе целого не могут квалифицироваться как «чистое» сходство (метафора) или смежность (метонимия), а как соединение того и другого или даже как отношения иного рода, например, приблизительного соответствия, обусловленности и т. д. Учитывается также возможность сближения в составе тропеической конструкции денотатов, принадлежащих к разным поэтическим «мирам», например, к реальному и воображаемому, фантастическому.

Наиболее исследованными с лингвистической точки зрения являются тропы словесного характера, основанные на переносе наименований. В их числе простые (бинарные) метафорические словосочетания, с достаточно чётко выраженными составляющими (объектом и субъектом сравнения), которые имеют словесные обозначения. Подобные метафоры способны образовывать цепочки. Цепочечный принцип построения тропеических бинарм может выходить на уровень целого текста. В качестве примера можно назвать стихотворение С. Кирсанова «На кругозоре», где даётся ряд уподоблений: *Кавказ – караван, Эльбрус – верблюд, маленькие горы – верблюжата* и др. Несмотря на то, что такой текст обладает известной образной целостностью, его тропеичность носит исключительно словесный характер; каждое из слов-метафор имеет свой конкретный денотат (отдельное понятие) и легко определяемое основание сравнения. Следует заметить, что метафорические цепочки подобного типа можно встретить уже в древних памятниках письменности, например в текстах религиозного характера.

Иной, более сложный тип троповости, который в большей степени присущ современной поэзии, не сводится к чисто количественному росту метафорических бинарм, а к качественному усложнению структуры и семантики средств её выражения. Приведём некоторые примеры: *Ловит память тонким клювом первый снег и первопуток; Лижет телёнок горбатый вечера красный подол (С. Есенин); Малярная бродит луна / рыжей кошкой по тёмным крышам (П. Коган); Склон горы, опрокинувшись и обмлев, / дышит жабрами щелей и бронхами сосен (Б. Ахмадулина).*

В синтаксическом плане подобные образные фрагменты равнозначны предложениям, однако предложение – это только языковая форма тропа, не раскрывающая сама по себе сущности тропа как бинармы, рассчитанной на генерацию образности. Понятно, что при интерпретации таких фрагментов принцип пошагового декодирования отдельных слов-метафор не срабатывает.

Едва ли здесь сможет помочь и более подробная синтаксическая характеристика. На наш взгляд, адекватное данным тропеическим объектам описание образного смысла может быть получено, если исходить из того, что в тропеические отношения вступают не понятия (как в словесных метафорах), а целые предметные ситуации, имеющие соответствующие им способы языкового выражения. В качестве базовой модели такой ситуации можно постулировать типовую схему высказывания, включающую субъект, объект, действие или состояние, различные обстоятельства и т. д.

С этой точки зрения все рассмотренные выше тропы интерпретируются как результаты моделирования одной ситуации по образцу другой, с использованием необходимых для выражения этой вторичной ситуации лексических элементов и синтаксических форм. В результате этого создаётся эффект наложения и пересечения двух семантических планов, но уже не на уровне слов, а на уровне целых высказываний. В первом из приведенных примеров ситуация «память выхватывает из прошлого события (о первом снеге)» пересекается с другой «птица ловит (клювом) летающих насекомых». Во втором примере пересекаются элементы ситуаций «телёнок лижет подол хозяйки» и «вечером небо на закате красное» (разумеется, при реконструкции ситуаций вариативность толкований не исключается).

Троповость на уровне ситуаций исключает строгую симметрию в отношениях между элементами, связанными с разными, отображающими данные ситуации семантическими планами. При этом возможны разные случаи отсутствия такого рода координации. Например, в субъектный план тропа могут включаться слова, которые не имеют соотносимых с ними элементов в объектной части. Так, слово *клюв* в первом из примеров относится только к птице, но никак не к памяти; в понятии «память» нет ничего, что могло бы хотя бы отдалённо соотноситься с клювом. Аналогичный пример мы находим у А. Вознесенского: *По министрам, по актёрам / жёлтой пяткою своей / солнце жарит полотёром / по паркету из людей (А. Вознесенский)*. В данном фрагменте наблюдается пересечение двух ситуаций: «солнце опалает людей, загорающих на пляже» и «человек (хозяйка) натирает полотёром паркет». Если же обратиться к слову *полотёр*, то оно целиком относится ко второй из названных ситуаций, поскольку в понятии «солнце» у него не находится никаких аналогов.

Таким образом, при моделировании одной ситуации по образцу другой некоторые элементы последней могут оказываться как бы «лишними» в плане прямого соответствия словам, относящимся к первой ситуации.

При образовании сложных тропов указанного типа подобного рода несоответствие может специально акцентироваться, выходя на уровень приёма комизма. В этом плане показателен такой пример: *Наседкой сидят корифеи на яйцах, в тупухах высиживая звезду. Она ж вылупляется и является совсем непристойному свистуну (А. Вознесенский)*. Выражение *сидят на яйцах* может быть отнесено только к наседке («нормально» было бы *сидят, как наседка на яйцах*). В результате такого употребления создаётся впечатление алогизма, а отсюда и комический эффект.

Подход к сложным тропеическим комплексам как к средствам образности, основывающимся на контаминации языковых элементов, которые соотносятся с разными предметными ситуациями, позволяет объяснять и факты непрямого метафоризации, где создаётся впечатление загадки из-за отсутствия некоторой требующей восстановления информации (соотносимой с обоими семантическими планами тропа), которую обязательно требуется восстановить. Например, упоминание о клюве памяти в приведенных выше строках С. Есенина требует восстановления имплицированного звена «память – птица», которое семантически заполняет незамещённую позицию субъекта.

Опора на понятие предметной ситуации является условием правильного «прочтения» фрагментов, иллюстрирующих весьма сложные средства передачи образности, которые, на первый взгляд, могут показаться «парадоксальными» и не подлежащими какому бы то ни было декодированию. Такое впечатление может произвести, например, следующий фрагмент есенинского стихотворения: *стынет поле в тоске волоокой, / телеграфными столбами давясь*. Более или менее чёткое объяснение механизма тропа как двуплановой структуры здесь можно получить, допустив соединение в нём элементов разных ситуаций: «поле с телеграфными столбами стынет от мороза» «вол, давясь, жуёт сено». Прилагательное *волоокая* создаёт представление о глазах вола или коровы, а деепричастие *давясь* связано с темой принятия пищи. Это и даёт основание реконструировать субъектный план тропа именно таким образом, как показано выше, одновременно признав, что данная ситуация обозначена нечётко, лишь отдельными штрихами. Заметим, что правомерность такого толкования становится более убедительной, если сопоставить рассмотренный пример с другим, сходно организованным словесным образом С. Есенина: *Имба-старуха челюстью порога / жуёт пахучий мякиш тишины*.

Этот же подход помогает адекватно интерпретировать и такие случаи, когда в составе тропа оказываются ряды тематически разнородных смысловых элементов, число которых превышает два. Так, в фрагменте из стихотворения Н. Тихонова «Руки сборщицы чая»: *Быть может, так вот / пальцы пианистки, / По клавишам летая наизусть, / Как ласточки, срезают низко-низко / Мелодии зауценную грусть* таких ситуаций обнаруживается три: первая – «женщина срезаёт чайные стебли», вторая – «пианистка играет (пробегаёт пальцами по клавишам)», третья –

«ласточки в полёте режут крыльями воздух». В данном отрывке обнаруживается тройное моделирование как бы по цепочке; руки сборщицы чая по производимым действиям сравниваются с руками пианистки, движения которых, в свою очередь, уподобляются полёту ласточек. Показательно, что третья из эксплицированных в данном фрагменте ситуаций оказывается соотносимой не только со второй, но и с первой, поскольку в глаголе *срезать* «оживает» не только переносное значение (резать крыльями воздух), но и прямое (срезать чайные стебли). Кроме того, представление о низком полёте (благодаря наречию *низко-низко*) ассоциативно связывается с представлением о безупречной работе, срезании стеблей под корень. Таким образом, правомерно считать, что первая (реальная) ситуация подвергается двукратной образной трансформации в результате включения в неё элементов из двух других ситуаций.

Представляет интерес вопрос о квалификации сложных тропических комплексов с точки зрения теории ассоциаций, делящей тропы на две разновидности – метафору и метонимию. При обращении ко многим из них становится очевидным, что метафоризацию или метонимизацию в чистом виде здесь обнаружить невозможно. Например, трудно сказать, что память у Есенина сравнивается с птицей, а вечер – с хозяйкой. Легче допустить, что здесь сравниваются целые реконструируемые в процессе анализа таких тропов ситуации (например, память выхватывает из прошлого картины весны подобно тому, как птица ловит клювом насекомых). Однако правомерность и такого толкования остаётся под вопросом.

Другой из рассмотренных есенинских примеров убеждает, что трактовка его как скрытого сравнения вовсе недопустима; нельзя сказать, например, что красный вечер похож на хозяйку с красным подолом, который лижет телёнок, поскольку общий признак «красный цвет» оказывается по отношению к обеим ситуациям внешним, не затрагивающим их сути как высказываний. Грамматическая (в смысле типовой модели) безупречность данного предложения находится в противоречии с его семантическим наполнением, где отдельные элементы контрастируют друг с другом, создавая эффект контаминации разных смысловых планов, относящихся не к одной, а к двум ситуациям.

Правильным с точки зрения ассоциативного подхода представляется понимание двуплановости подобных тропов не как факта скрытого сравнения, а как одновременного отображения двух ситуаций в виде некоего единого целостного представления, что полностью соответствует критерию образности. При их восприятии создаётся эффект не сравнения, а соположения, сближения в пространстве и времени (одно вызывает в памяти другое, в чём-то близкое ему и производящее сходное впечатление, например, вечерняя заря и хозяйка, идущая кормить корову: одиноко стоящая в тишине изба и старуха, жующая хлебный мякиш). Такого рода ассоциации являются, скорее, не метафорическими, а метонимическими. Тем не менее здесь едва ли правомерно полностью отрицать факты сравнения, о чём говорилось выше.

Анализ показывает, что функцию сравнения здесь выполняют лишь отдельные слова, которые, однако, необходимы для того, чтобы обеспечить целостность образного восприятия всего фрагмента.

Таким образом, наблюдения над семантикой и структурой используемых в современной поэзии сложных тропов позволяют утверждать, что раскрытие их сущности на основе концепции переноса наименования на новый предмет, сходный по каким-либо признакам с упомянутым в тексте, невозможно. Механизм семантической двуплановости подобных средств образности способна раскрыть концепция взаимодействия смысловых элементов, относящихся к разным ситуациям. Именно такой подход, основывающийся на знании типовой модели ситуации, позволяет восстанавливать «недостающие» звенья и тем самым реконструировать всю сеть смысловых связей, составляющих основу образа. С точки зрения ассоциативной теории, тропы рассматриваемого типа нельзя однозначно относить к метафоре или метонимии, поскольку они представляют собой интегрированные комплексы, где сочетается ассоциативность различного характера.

Литература

1. Блэк, М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 153–172.
2. Гальперин, И.Р. О принципах семантического анализа стилистически маркированных отрезков текста / И.Р. Гальперин // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 267–269.
3. Почепцов, Г.Г. Семиотика / Г.Г. Почепцов. – Рефл-бук, Ваклер. – М., Киев, 2002. – 430 с.

Summary

The structure and semantics of complex tropes in the modern Russian poetry is investigated.

Поступила в редакцию 13.03.06.

И.А. Юрченко

АРЕАЛЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ АДЪЕКТИВНЫХ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ РУССКОГО И ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ, БАЛТИЙСКИХ, ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Структурно-семантические соответствия адъективных устойчивых сравнений (АУС), как и любое языковое явление, имеют свои определенные границы распространения в рамках той или иной группы родственных и неродственных языков, что предполагает установление и интерпретацию различных ареалов, объединяющих те или иные языки на основе наличия общих для них фразеологических структурно-семантических соответствий. На это впервые обратили внимание Л.И. Ройзензон и Ю.Ю. Авалиани, которые указали, что «материалы фразеологии некоторых языков, носители которых составляют известный географический район языковой и культурно-исторической общности, позволяют предположить наличие определенных ареалов, характеризующихся общностью фразеологии этих языков» [1, 79]. Такие фразеологические ареалы, как и ареалы распространения других лингвистических единиц, не конструктивные абстрактные понятия, а непосредственно данная языковая действительность [2, 60]. В данной статье мы определим широту связей русского с другими языками исследования в форме ареалов, выявим язык, наиболее «близкий» исходному, попытаемся выяснить причины появления структурно-семантических соответствий АУС в представленных языках.

В качестве исходного материала, на базе которого происходило выделение структурно-семантических соответствий АУС и установление ареалов их распространения, были рассмотрены устойчивые сравнения всех исследуемых нами как близко-, так и неблизкородственных языков. Часто исследователи составляют списки анализируемых единиц в алфавитном порядке со всеми лексическими и структурно-грамматическими вариантами и с указанием всех значений в случае полисемии фразеологизмов. Исследуемый нами фактический материал расположен по тематическим группам, причем в каждой такой группе устойчивые сравнения располагаются в алфавитном порядке по второму компоненту. Для последующего выделения структурно-семантических соответствий и ареалов их распространения списки АУС располагаются и привлекаются к исследованию в определенной последовательности на основе генетической классификации сопоставляемых языков: русский → белорусский → чешский → болгарский → сербскохорватский → латышский → английский → шведский.

Отбор структурно-семантических соответствий устойчивых сравнений исследуемых языков и распределение их по ареалам осуществляется в несколько этапов [3, 25], количество и последовательность которых представлены в таблице ниже.

Таблица 1

№ этапа	Языки, подвергаемые сравнению на каждом этапе исследования (исходным языком является русский)							
	русск.	бел.	чешск.	болг.	с.-хорв.	лат.	англ.	швед.
1	русск.	бел.	чешск.	болг.	с.-хорв.	лат.	англ.	швед.
2	русск.	чешск.	болг.	с.-хорв.	лат.	англ.	швед.	
3	русск.	болг.	с.-хорв.	лат.	англ.	швед.		
4	русск.	с.-хорв.	лат.	англ.	швед.			
5	русск.	лат.	англ.	швед.				
6	русск.	англ.	швед.					
7	русск.	швед.						

Как видно из таблицы 1, на каждом этапе выделения структурно-семантических соответствий для АУС русского языка – исходного языка исследования – подбираются соответствующие по значению обороты с общими эталонами сравнения во всех языках, следующих за исходным.

Однако совпадение значения и наличие общего эталона не всегда бывает достаточным для того, чтобы говорить о соответствии тех или иных устойчивых сравнений. Для выяснения этого вопроса следует подвергнуть анализу как первый, так и второй компоненты устойчивого сравнения

для того, чтобы определить, совпадают ли созданные ими фразеологические образы. Так, например, русское *прожорливый как утка* и белорусское *ненаедны як качка* со значением «испытывать чувство голода» имеют общий эталон сравнения – существительное «утка». Однако последующий анализ данных АУС показывает, что они создают разные фразеологические образы: сравнение русского языка характеризует того, кто поглощает большое количество пищи, а белорусское относится к тому, кому недостаточно любое количество еды. Из-за различия фразеологических образов, созданных этими устойчивыми сравнениями, мы не можем считать их структурно-семантическими соответствиями русского и белорусского языков.

Существует еще один факт, на который необходимо обратить внимание при выборе соответствий АУС, – вариантность сравнения. Можно выделить как варианты, так и безвариантные устойчивые сравнения в исследуемых языках, причем структурно-семантические соответствия последних сразу же можно включить в тот или иной ареал. Так, например, АУС русск. *холодный как лёд* – бел. *халодны як лёд* – чешск. *studený jako led* – болг. *студен като лёд* – сербск. *hladan kao led* – лат. *auksts kā ledus* – англ. *as cold as ice* – швед. *kall som is* не имеет вариантов в каждом отдельно взятом языке и входит в ареал, охватывающий все 8 исследуемых языков.

Однако безвариантных АУС относительно немного, поэтому поиск структурно-семантических соответствий устойчивых сравнений усложнен широкой вариантностью плана их выражения, свойственной практически всем исследуемым языкам. Речь, главным образом, идет о вариантности первого компонента разноязычных адъективных устойчивых сравнений. Согласно А.Д. Зинькову, «в тот или иной ареал должны входить разноязычные ФЕ не со всеми своими вариантами, а лишь их межъязыковые инварианты, определяемые на основе наиболее полного совпадения формы и значения варьируемых компонентов и синтаксических структур разноязычных вариантовных ФЕ в максимальном для данного фразеологического варианта количестве языков» [3, 28].

Рассмотрим устойчивое сравнение русского языка *упрямый как осел* и болгарского языка *упорит, инат като магаре*. В данном случае устойчивое сравнение болгарского языка *упорит като магаре* не входит ни в один из ареалов: русск. *упрямый как осел* – чешск. *paličatý jako osel* – болг. *инат като магаре* – сербскох. *tvrdoglav jako magarac* – швед. *envis som en åsna*.

Выявление структурно-семантических соответствий АУС восьмью исследуемых нами языков и распределение сравнений по ареалам проводится в несколько этапов в соответствии с рассмотренными выше принципами. На первом этапе всем АУС русского языка (исходного языка сравнения) подбираются структурно-семантические соответствия белорусского, чешского, болгарского, сербскохорватского, латышского, английского и шведского языков, то есть всех оставшихся семи исследуемых языков. Таким образом, мы получаем восьмизычный ареал: русск. *твердый как камень* – бел. *цвёрды як камень* – чешск. *tvrdý jako žula* – болг. *твърд като камък* – сербскох. *tvrd kao kamen* – лат. *ciets kā akmens* – англ. *as hard as a stone* – швед. *hård som sten*.

Второй этап заключается в выявлении семизычных ареалов, в которых не присутствует сравнение одного из перечисленных выше языков за исключением русского: русск. *бледный как смерть* – чешск. *bledý jako smrt* – болг. *бледен като смърт* – сербскох. *blijed kao smrt* – лат. *bāls kā nāve* – англ. *as pale as death* – швед. *blek som döden*.

Следующий шаг состоит в поиске структурно-семантических соответствий устойчивых сравнений в шести языках, пять из которых могут быть представлены любым сочетанием, а русский остается константой: русск. *трусливый как заяц* – бел. *труслівы як заяц* – болг. *страхлив като заек* – сербскох. *plašljiv kao zec* – лат. *bailīgs kā zaķis* – англ. *as scared as a rabbit*.

Четвертый этап заключается в выявлении структурно-семантических соответствий пяти языков: русск. *точный как часы* – чешск. *přesný jako hodiny* – сербскох. *točan kao ura* – англ. *as regular as the clock* – швед. *punktlig som klockan*.

Пятый шаг направлен на поиск соответствий, образующих четырехязычные ареалы: русск. *тонкий как блин* – бел. *тонкі як блін* – англ. *as flat as pancake* – швед. *plat som en pannkaka*.

Следующий этап заключается в выявлении установленных трехязычных ареалов, в которых варьируют два языка, а русский остается неизменным: русск. – *голодный как собака* – бел. *галодны як сабака* – болг. *гаден като куче*; русск. – *неисчислимый как морской песок* – англ. *as numberless as (the) sands* – швед. *tällos som sanden I havet*.

В ходе заключительного шага осуществляется поиск структурно-семантических соответствий в двух языках, где русский язык исходный: русск. *нужен как рыбе зонтик* – бел. *патрэбен як рыбе парасон*; русск. *лохматый как медведь* – чешск. *hunať jako medvěd*; русск. *белый как известь* –

болг. *бял като вар*; русск. *кроткий как овца* – с.-хорв. *krotak kao ovca*; русск. *пьяный как сапожник* – лат. *pilns kā zabaks*; русск. *черные как угли* – англ. *as black as coals*; русск. *глупый как бревно* – швед. *dum som en stock*.

Следуя описанной выше методике поиска структурно-семантических соответствий АУС восьми языков исследования, один из которых является исходным, можно выявить максимальное количество таких соответствий и распределить их по ареалам. Отметим, что анализу подвергались устойчивые сравнения в каждом из четырех больших идеографических блоков в отдельности («Человек», «Предмет», «Природа» и «Абстрактные понятия»). Итак, мы выявили 325 структурно-семантических соответствий в блоке «Человек», 65 в блоке «Предмет», 16 в блоке «Природа» и 8 в блоке «Абстрактные понятия». Общее количество соответствий не приводится в связи с тем, что в разных идеографических блоках может употребляться одно и то же АУС, например, русск. *холодный как лед* – бел. *халодны як лёд* – чешск. *studený jako led* – болг. *студен като лед* – сербск. *hladan kao led* – лат. *auksts kā ledus* – англ. *as cold as ice* – швед. *kall som is* служат для описания темперамента человека, температуры предмета или жидкости. Такое явление вызвано тем фактом, что тот или иной образный стержень может являться эталоном для целого ряда различных предметов или явлений действительности. Следовательно, мы можем говорить об ареалах, выделенных нами, в тех же четырех больших идеографических блоках. Наиболее широко представлен блок «Человек» – 66 ареалов, почти в два раза уступает блок «Предмет» – 31 ареал, а в блоках «Природа» и «Абстрактные понятия» обнаружено 6 и 7 ареалов соответственно.

Итак, мы выделили 70 ареалов, которые включают в себя обнаруженные структурно-семантические соответствия исследуемых языков. Очевидно, что комбинаций из семи языков (восьмой остается неизменным) значительно больше представленных 70, поэтому были применены математические методы [15], применение которых способствует достижению большей объективности и достоверности ареальных исследований. Элементы комбинаторики и теории графов в ареальной фразеологии были впервые применены А.Д. Зиньковым на материале германских и славянских языков [3, 34–37].

Таким образом, математическими методами устанавливается возможность существования в группе из восьми языков, один из которых, в данном случае русский, выступает константой, 127 ареалов, из которых 7 двухязычных, 21 трехязычный, 35 четырехязычных, 35 пятиязычных, 21 шестязычный, 7 семязычных и 1 восьмязычный. Анализ нашего материала подтвердил существование 70 из 127 ареалов, что составляет 55,1% от общего количества всех вероятных ареалов. Так, восьми- и двухязычные ареалы представлены стопроцентно. Самая непродуктивная группа – семязычные ареалы, где обнаружены только 2 конструкции из 7. Полученные в ходе исследования данные приведены в таблице 2.

Таблица 2

Ареал	«Человек»	«Предмет»	«Природа»	«Абстрактные понятия»	Количество возможных конструкций	Количество выявленных конструкций	
						единицы	%
двухязычный	177	29	15	4	7	7	100
трехязычный	76	10	0	3	21	18	85,7
четырёхязычный	28	10	0	1	35	18	51,4
пятиязычный	24	5	0	0	35	13	37,1
шестязычный	13	6	0	0	21	11	52,4
семязычный	3	0	0	0	7	2	28,6
восьмязычный	4	5	1	0	1	1	100
	325	65	16	8			

Исходя из полученных экспериментальным путем данных, чешский язык можно считать наиболее «активным» по отношению к русскому, так как именно в нем наиболее часто встречались структурно-семантические соответствия адъективных устойчивых сравнений. Данное явление возможно, отчасти, благодаря широкой вариативности первого компонента АУС этих двух языков, что повышает вероятность соответствия единиц.

На втором месте по продуктивности расположен белорусский язык, генетически более близкий русскому языку, нежели чешский. Однако отметим, что разница в количестве соответствий АУС белорусского и чешского языков незначительна.

Третью строчку занимает неблизкородственный русскому языку представитель германской группы языков – английский. Отчасти этот факт можно объяснить тем, что современный исторический период характеризуется интенсификацией фразеологического обмена между языками мира. По данным ряда исследований, особенно важная роль в этом процессе отводится английскому и русскому языкам [4, 2].

Далее идут сербскохорватский, болгарский, латышский, шведский языки. Данные результаты можно объяснить двумя, по сути, противоположными процессами: «1) независимым параллельным возникновением ... и 2) калькированием ФЕ одного языка другим или рядом других языков, что имеет место при культурно-исторических контактах народов-носителей этих языков» [5, 221–222]. Современные ученые называют второй путь «лингвомиграцией», то есть заимствованием. В данном процессе различают три вида фразеологической миграции: 1) фразеологические кальки; 2) фразеологические единицы, заимствованные без перевода; 3) семантические фразеологические заимствования [6; 29].

Как показали исследования в области возникновения и ассимиляции фразеологических калек в языке-рецепторе, наибольшее сопротивление к сближению при калькировании проявляется в области грамматики в силу ее системности и консерватизма, а также лексики, поскольку значения слов связаны с экстралингвистическими явлениями.

Исследования А.Д. Некрот особенностей фразеологического калькирования чешским языком с русского позволяет сделать вывод о том, что при взаимодействии близкородственных языков преобладает точное калькирование, не сопровождающееся значительными нарушениями норм заимствующих языков, что сводит к минимуму ассимилятивные преобразования калек. Эта особенность обусловлена структурным сходством близкородственных языков [7; 111].

В случае полных или значительных структурных расхождений между взаимодействующими языками установить факт фразеологического калькирования оказывается трудным или невозможным. Фразеологическое калькирование является основным и наиболее продуктивным способом формирования эквивалентных устойчивых сочетаний по линии заимствования.

Фразеологическое заимствование может происходить с передачей максимального объема характеристик языка-донора, то есть с максимально однородным звуковым и графическим сходством. Иными словами, устойчивые сравнения, заимствованные без перевода и с неоднородным частичным звуковым и / или графическим сходством. Однако подобного явления на примере АУС русского и других языков исследования нами обнаружено не было.

Образование параллельных АУС посредством «семантического фразеологического заимствования» основано на универсалиях мыслительного, психологического процесса, то есть на способности человека создавать одинаковую образную идею под действием внешних стимулов, а также на предполагаемом существовании потенциальных языковых моделей переменных словосочетаний, возникающих под действием компонентов языковых и экстралингвистических преобразов, взаимодействие которых диктует одинаковые схемы вербального выражения в различных языках. При этом большое значение имеет информация о получивших широкую известность явлениях, реалиях, событиях и т. д.: русск. *богатый как Поттильдь* – чешск. *bohatý jako Rothchild*; русск. *ревнивый как Отелло* – чешск. *žárlivý jako Othello*.

Другим основным способом появления межъязыковых фразеологических эквивалентов, как уже упоминалось ранее, является независимое развитие устойчивых сравнений в каждом из сопоставляемых языков.

Универсальность основных видов семантических преобразований определяется общечеловеческим характером логико-мыслительных операций и ассоциаций, связанных с установлением различных типов сходств, отношений, функций, их замен, комбинаций и прочее, относящихся к внеязыковой действительности и мыслимых как реальные или нереальные:

русск. *черный как ворон* – бел. *чорны як крук*; русск. *твердый как камень* – чешск. *tvrd kao kámen*; русск. *немой как рыба* – болг. *ням като риба*; русск. *красный как кровь* – с.-хорв. *crven kao krv*; русск. *белый как лен* – лат. *balti kā lini*; русск. *сладкий как мед* – англ. *as sweet as honey*; русск. *красный как вареный рак* – швед. *röd son kott kräfta*.

Итак, в данной статье нами описаны выявленные ареалы, в состав которых входят АУС русского языка и других славянских, балтийских, германских языков. На имеющемся фактическом материале нами было выделено 70 ареалов, что является лишь половиной от общего возможного их числа. Данный факт свидетельствует о значительной степени специфичности АУС русского языка в сравнении с другими языками, представленными в исследовании. Также было выявлено участие каждого языка в построении ареалов и выдвинуты предположения, объясняющие причины появления структурно-семантических соответствий АУС русского и других языков исследования.

Литература

1. Ройзензон, Л.И. Современные аспекты изучения фразеологии / Л.И. Ройзензон, Ю.Ю. Авалиани // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. – Вологда, 1967.
2. Бородина, М.А. Ареалогия и некоторые вопросы романского языкознания / М.А. Бородина // Вопросы языкознания. – 1975. – № 2.
3. Зиньков, А.Д. Общий фразеологический состав западнославянских языков / А.Д. Зиньков. – Зелена Гура, 1989.
4. Розен, Е.В. Новое в лексике немецкого языка / Е.В. Розен. – М., 1976.
5. Солодуб, Ю.П. Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования (на материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица): дисс. ... докт. филол. наук / Ю.П. Солодуб. – М., 1985.
6. Коробка, П.Л. Идиоматическая фразеология как лингвистическая и культурологическая проблема / П.Л. Коробка. – М., 2004.
7. Некрот, А.Д. Фразеологические кальки русского происхождения в чешском литературном языке: вопросы семантики фразеологических единиц славянских, германских и романских языков / А.Д. Некрот. – Новгород, 1972.

Summary

This article deals with Russian, Belorussian, Bulgarian, Serbo-Croat, Latvian, English and Swedish similes. The author tries to describe the areas of spreading items and single out the language which is closer to the Russian one in the sphere of idioms. The reasons for appearing common similes in different languages are also given in the paper.

Поступила в редакцию 28.05.05.

ПЕДАГОГІКА І ПСИХОЛОГІЯ

УДК 37.01

*Е.А. Башаркина***УСЛОВИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МОДЕЛИ ВОСПИТАНИЯ ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ**

Модель воспитания гуманистических отношений реализуется посредством деятельности милосердных объединений. Милосердная деятельность опосредует воспитание гуманистических отношений соответственно влияет на эффективность данного процесса. «Деятельностью опосредованное управление развитием ребёнка неэффективно, если среда затрудняет деятельность» [2, 36]. Чтобы исключить противоречие со средой, необходимо учитывать и использовать возможности среды в воспитании.

Средовой подход в воспитании исследовал Ю.С. Мануйлов, определив, что «в научном плане он представляет собой теорию и технологию опосредованного управления (через среду) процессами формирования и развития личности ребёнка» [2, 37].

Д.В. Григорьев, Л.И. Новикова, Н.Л. Селиванова исследуют среду как воспитательное пространство. «Воспитательное пространство – это среда, «механизмом» организации которой является сеть педагогических событий» [3, 21]. Чтобы среда обладала воспитывающим влиянием и ребёнок мог её осваивать и присваивать, необходимо педагогизировать среду. «Педагогизация среды, а также освоение её ребёнком как раз и происходит в процессе целе- и ценностно-ориентированной встречи педагога и ребёнка, их со-бытия в данной среде» [3, 22].

В соответствии с указанными положениями средового подхода мы определили условия функционирования модели воспитания гуманистических отношений между подростками в процессе милосердной деятельности.

Основными условиями функционирования модели являются:

1. Локальность программ милосердной деятельности.

Локальные программы позволяют конкретизировать целеполагание, планирование и осуществление милосердной деятельности в соответствии с особенностями воспитательного пространства конкретного учреждения образования, на базе которого создано милосердное объединение. Милосердное объединение участвует в реализации общих целей, традиционных дел учреждения образования, согласует свои действия с общешкольным управлением и самоуправлением. Значит, программы работы милосердного объединения должны учитывать и отражать особенности воспитательной работы учреждения образования, что возможно при разработке программ милосердной деятельности локального значения.

2. Сочетаемость милосердной деятельности с особенностями природной среды микрорайона и региона в целом.

Влияние природной среды, в условиях которой подростки проживают, испытывается ими постоянно. Милосердная деятельность разворачивается в условиях микрорайона школы, микрзоны милосердной заботы, неотъемлемой частью которой является природная среда. Экологическое улучшение условий существования человека сегодня является общественным приоритетом, поэтому участие милосердных формирований в решении проблем окружающей среды придаёт деятельности милосердного объединения общественно-одобряемый и социально-значимый характер.

Таким образом, одним из условий функционирования модели в милосердной деятельности является учёт особенностей природной среды.

3. Взаимовлияние подростков, участвующих в милосердной деятельности, и субъектов социальной среды.

Активное взаимодействие с субъектами социума определено жизнедеятельностью подростков. Участники милосердных объединений являются учащимися, воспитанниками учреждений образования, которые общаются со многими педагогами. На их гуманистическую позицию оказывают влияние родители: они поддерживают, или не замечают, или не разделяют взглядов, действий своих детей. Подростки, участники милосердных объединений, являются членами общественных организаций. В связи с этим милосердная деятельность должна согласовываться, координироваться,

удовлетворять требованиям связанных с милосердным объединением социальных субъектов. Значит, к условиям функционирования модели мы можем отнести взаимовлияние подростков, участников милосердной деятельности и социальной среды, её социально-активных субъектов. Рассмотрим каждое из названных условий подробнее.

Локальный уровень соотносится с масштабом одного, отдельно взятого учреждения образования, и в соответствии с этим определяются основные этапы программирования милосердной деятельности: гностический, конструктивный, деятельностный, аналитический.

Гностический этап способствует формированию правильных представлений об актуальности, назначении, сущности содержания милосердной деятельности.

Конструктивный этап предполагает оформление программы деятельности милосердного объединения.

На деятельностном этапе активизируется деятельность милосердного объединения, её участников, направленная на самореализацию, самовыражение, самоутверждение подростков и популяризацию милосердной деятельности в учреждениях образования.

На аналитическом этапе осуществляется совершенствование программы, определение её стабильных и подвижных компонентов, которые создают возможности зарождения гуманистических традиций и творческого поиска.

Реализация гностического, конструктивного, деятельностного, аналитического этапов обеспечивает разработку локальных программ милосердной деятельности, тем самым выполняется первое условие функционирования модели воспитания гуманистических отношений.

Второе условие функционирования модели определяется деятельностью милосердных объединений, ряд направлений которых, отраженных в программах «Для своего города», «Для своей школы», «Для окружающего мир», «Для окружающей среды», «Для животных», имеют природосообразный характер и нацелены на решение экологических проблем г. Могилёва.

Через отношение к природе мы рассматриваем отношение подростков к другим людям (посторонним, близким, сверстникам). Бережное, заботливое, внимательное отношение к объектам живой и неживой природы – это соответствующее отношение к названным категориям людей, жизнедеятельность которых напрямую связана с природными условиями.

Таким образом, природная среда оказывает значимое влияние на гуманизацию отношений между подростками. Участие подростков в направлениях природоохранной деятельности милосердных объединений способствует воспитанию гуманистического сознания, гуманистических чувств, гуманистического поведения через экологизацию личности подростка.

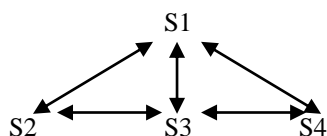
Деятельность природоохранного характера милосердных объединений и подростка в этих объединениях, на наш взгляд, должна осуществляться по следующим направлениям, в которых выражаются основные позиции подростка в деятельности: самоисполнение собственных планов; соучастование в проектах местного уровня; соорганизация с основными координаторами, участвующими в решении вопросов охраны окружающей среды.

Этапы экологического самоисполнения, соучастования и соорганизации милосердного объединения в природоохранной деятельности обеспечивают реализацию второго условия функционирования модели воспитания гуманистических отношений.

Третье условие функционирования модели в воспитании гуманистических отношений: взаимовлияние подростков, участников милосердной деятельности, и субъектов социальной среды определяется социальными условиями. Участники милосердных объединений находятся в постоянном взаимодействии с субъектами социума. Влияние субъектов социума на деятельность милосердных объединений различно. Одни оказывают детским милосердным формированиям информационное содействие, другие осуществляют совместное проведение мероприятий, третьи влияют на становление личностной гуманистической позиции подростков, участников милосердной деятельности.

Социальные условия функционирования милосердных объединений определяются взаимодействием четырёх основных субъектов: S1 – подросток – участник милосердного объединения; S2 – школа; S3 – семья; S4 – общественные организации и объединения и т. д.

Взаимодействие субъектов раскрывает схема 1.

Подросток является основным субъектом (S1) гуманистических отношений, которые воспитываются в процессе милосердной деятельности. Школе (S2) необходимо выполнить следующие условия по предоставлению возможности участия подростка в милосердной деятельности: предоставить время, свободное от учебной занятости, интегрировать педагогический коллектив в осуществлении поддержки деятельности милосердных объединений, обеспечить поддержку участникам милосердной деятельности со стороны родителей.

В интеграции педагогического коллектива по поддержке участников милосердной деятельности, на наш взгляд, необходимо выполнение трёх направлений:

1. Освещение проблемы гуманизации воспитания посредством милосердной деятельности;
2. Приобщение к гуманистическим тенденциям в осуществлении отношений внутри педагогического коллектива;
3. Создание и укрепление гуманистических общешкольных традиций.

Гуманистические отношения между педагогами задают тон школьной жизни, определяют гуманистический подход во взаимодействии с учащимися, являются примером подражания для учеников. Гуманизация педагогического процесса учебного заведения создаёт условия для активизации милосердной деятельности, способствует тем самым развитию и укреплению гуманистических отношений между её участниками-подростками. Обеспечение поддержки подростку, участнику милосердной деятельности, со стороны родителей связывает двух субъектов социума: школу (S2) и семью (S3).

Семья (S3) – субъект социума, от которого зависит участие подростка в милосердной деятельности, возможность воспитания гуманистического отношения к своим сверстникам. В связи с чем школе (S2) необходимо обеспечить поддержку подростку – участнику милосердной деятельности – со стороны семьи (S3).

Мы считаем, что для этого необходимо сотрудничество школы и семьи, способствующее интегрированию гуманистических идей в практику семейного воспитания. Процесс сотрудничества включает в себя три этапа: информационный, организационный, аналитический.

Информационный этап предполагает: организацию лекториев с привлечением преподавателей вузов, методистов отделов образования, педагогов-практиков, участвующих в решении вопросов организации милосердной деятельности; включение вопросов по данной проблеме в обсуждение на общешкольных и классных родительских собраниях; подготовку и демонстрацию видеоматериалов, отражающих практическую милосердную деятельность; открытие постоянно действующих книжных выставок для родителей в учреждениях образования; информирование родителей о позитивных достижениях самореализации, самоутверждения их детей через милосердную деятельность; распространение лучшего опыта семейного воспитания, описанного в педагогической литературе и выявленного среди данной категории родителей.

Организационный этап взаимодействия S2 и S3 способствует улучшению условий функционирования детских милосердных объединений, направлен на организацию совместной деятельности семей. Организационный этап предполагает: организацию семейных гостиных, родительских университетов; консультирование родителей по вопросам воспитания ребёнка в семье с учётом направлений воспитания в школе и в детском милосердном объединении; создание советов отцов, советов матерей, способствующих укреплению воспитательной значимости роли отца и матери в различных жизненных ситуациях; проведение родительских встреч по обмену имеющегося опыта в поддержке детей – участников милосердного объединения; организация взаимной помощи семей по вопросам тактичного и компетентного оказания родительской поддержки детям подросткового возраста; проведение семейных хозяйственно-бытовых мероприятий и совместного досуга как дел, продолжающих традиции милосердной деятельности и реализацию направлений «Для себя» и «Для своей семьи».

Организационный этап позволяет семье познакомиться с практическими образцами поведения других родителей, подходить к решению проблем в семейном воспитании благодаря приобретённому опыту, поддерживать участие своих детей в милосердной деятельности, приобщаться через возможные формы к её осуществлению в семье.

Аналитический этап взаимодействия школы и семьи мы определили как этап сравнительного анализа позитивных возможностей просоциальной деятельности и негативных последствий асоциальной деятельности. Аналитический этап позволяет анализировать статистические данные своевременно, использовать результаты анализа в совместном решении образовательных проблем, активизируя сотрудничество с родителями по поддержке социально-одобряемой деятельности, которой является милосердная деятельность.

Под S4, влияющим на милосердную деятельность и на подростка в ней, мы определили общественные объединения, взаимодействующие с детскими милосердными объединениями в г. Могилёве. Милосердные объединения координируют свои действия по программам: «Детский Орден Милосердия» (БРПО); «Милосердие» (БМООСП); «Олимпия» (БРСМ); «Творить добро» (Могилёвский фонд милосердия и здоровья). Милосердные объединения осуществляют с общественными объединениями совместное целеполагание, взаимопроникновение основных направлений работы; согласование и проведение совместных проектов; соуправление деятельности в акциях гуманности и милосердия; ресурсное обеспечение милосердной деятельности; материальную поддержку активных участников милосердной деятельности.

Активное позитивное взаимодействие обозначенных субъектов социума (S1, S2, S3, S4) обеспечивает выполнение третьего условия функционирования модели воспитания гуманистических отношений.

Разработка и внедрение модели воспитания гуманистических отношений между подростками, обеспечение педагогических условий её функционирования в милосердной деятельности позволили получить желаемый результат: увеличение количества подростков с высоким уровнем воспитания гуманистических отношений.

По результатам констатирующего эксперимента подростки находились на среднем (45,8%) или низком (34,2%) уровне сформированности гуманистических отношений. После участия в милосердной деятельности подростки демонстрируют значительно более высокие показатели сформированности гуманистических отношений со сверстниками (рис. 1).

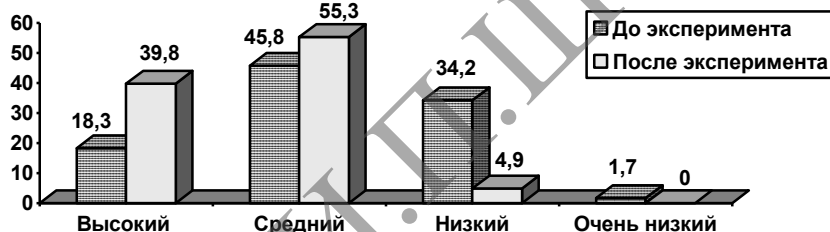

Рис. 1. Уровни сформированности гуманистических отношений до и после эксперимента, %

Как свидетельствуют представленные на рисунке данные, количество подростков, оказавшихся на высоком уровне, увеличилось более чем в два раза в экспериментальных группах по сравнению с контрольными, за счет уменьшения количества респондентов на низком и очень низком уровнях.

Наиболее существенно динамика изменений фиксируется в высоком и низком уровнях (табл. 1).

Таблица 1

Различия в уровнях сформированности гуманистических отношений до и после эксперимента, %

Уровни	Различия
Высокий	21,5
Средний	9,5
Низкий	-29,3
Очень низкий	-1,7

Представленные в таблице данные интерпретируются следующим образом: на 21,5% увеличилось число подростков, находящихся на высоком уровне сформированности гуманистических отношений до и после эксперимента, и одновременно на 29,3% уменьшилось число тех, кто находится на низком уровне развития.

Для более глубокого анализа рассчитан индекс сформированности гуманистических отношений, значения которого находятся в пределах от 1 до 4, где 1 – самый низкий уровень; 4 – самый высокий. При интерпретации индекса необходимо учитывать, что, чем выше его значение, тем более развиты гуманистические отношения (рис. 2).

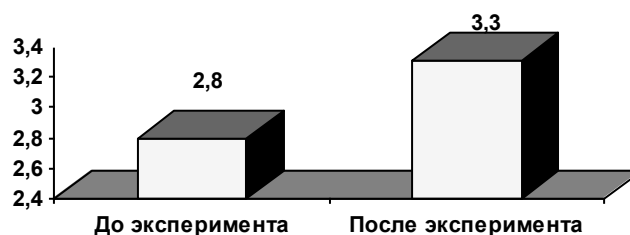

Рис. 2. Индекс сформированности гуманистических отношений до и после эксперимента

Результаты расчетов показывают, что представители контрольных групп находятся на уровне между низким и средним, участники же экспериментальных групп значительно повысили свое положение и находятся уже между средним и высоким показателями сформированности гуманистических отношений.

Таким образом, милосердная деятельность повлияла на развитие гуманистических отношений между подростками. Статистический анализ полученных в ходе констатирующего и формирующего эксперимента данных свидетельствует о том, что различия в сформированности у респондентов контрольных и экспериментальных групп гуманистических отношений являются существенными и значимыми.

Литература

1. Караковский, В.А. Воспитание? Воспитание ... Воспитание!: теория и практика школьных воспитательных систем / В.А. Караковский, Л.И. Новикова, Н.П. Селиванова. – М.: Новая школа, 1996. – 157 с.
2. Мануйлов, Ю.С. Средовой подход в воспитании / Ю.С. Мануйлов // Педагогика. – 2000. – № 7. – С. 36–41.
3. Словарь-справочник по теории воспитательных систем / сост. П.В. Степанов. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Педагогическое общество России, 2002. – 32 с.

Summary

The model of upbringing of the humanic relations is realized in process of mercy activity in the upbringing area with optimal possibilities of model functioning. The main circumstances of model functioning of upbringing humanic relations are the localization of mercy programmers; combineability of mercy activity with the peculiarities of micro regional environment and the whale region; the influence of teenagers, who take part in the mercy activity, and the subjects of social surrounding. Following these circumstances provides an important pedagogical result: the level of human relations between teenagers.

Поступила в редакцию 22.11.05.

УДК 159:9

В.В. Гульчик

УСЛОВИЯ КОНСТРУКТИВНОГО И ДЕСТРУКТИВНОГО ВЛИЯНИЯ СИТУАТИВНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ НА ПРОДУКТИВНОСТЬ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ

Современный мир с характерным для него ускорением и усложнением социальной жизни, с одной стороны, требует от человека творческих, оригинальных идей, с другой стороны, включает множество факторов, способствующих возникновению у него ряда неблагоприятных эмоциональных проявлений, в числе которых ситуативная тревожность. Исследование закономерностей влияния ситуативной тревожности на продуктивность творческой деятельности необходимо признать своевременным и значимым, поскольку оно направлено на поиск конструктивных способов оптимизации творчества в зависимости от динамических и содержательных аспектов ситуации решения.

Вместе с тем анализ литературных источников по проблеме влияния тревожности на умственные процессы позволяет констатировать малочисленность и одноплановость исследований, разрабатывающих проблему. Одноплановость исследований заключается в том, что в качестве важнейшего (а порой и единственного) выявляемого свойства тревоги, влияние которого на творческую деятельность анализируется, выступает её интенсивность. Очевидно, с этим фактом связана та противоречивая картина, которая обнаруживается во взглядах исследователей при сопоставительном анализе их теоретических построений.

Так, большинство исследователей при описании связи тревоги, а точнее её интенсивностной характеристики – возбуждения, исходят из закономерности, установленной экспериментальным путём Д.О. Хеббом: между эмоциональным возбуждением и эффективностью деятельности существует криволинейная, «колоколообразная» зависимость, т. е. для достижения наивысшего результата в деятельности нежелательны как слишком слабые, так и очень сильные эмоциональные возбуждения. Подобной позиции придерживались Ф.Б. Березин, Л.А. Китаев-Смык, Т.А. Немчин, Н.В. Самоукина и др.

Многочисленные исследования ставят под сомнение отрицательную роль тревоги высокой интенсивности в продуктивности творчества. Прежде всего, это исследования сублимации, причём как клинические наблюдения, идущие от З. Фрейда, так и более поздние исследования сублимации (Г. Мэрфи, А.А. Налчаджян, П.Ф. Секорд, Дж. Чейн), а также исследования феномена «немотивированной надситуативной активности» (Е.Г. Алексеенкова, Д.Б. Богоявленская, В.Т. Кудрявцев, В.А. Петровский и др.).

Представленные исследователями аргументы наводят на мысль о том, что при решении проблемы влияния тревожности на творческую продуктивность недостаточно произвести анализ лишь динамического аспекта, который позволяет вскрыть поверхностную, визуально усматриваемую картину, но не раскрывает всей глубины и направляющей силы влияния тревоги. Как заметил С.Л. Рубинштейн, «... в содержательных отношениях индивида нужно искать причину того или иного распределения динамических соотношений, а не наоборот» [1, 563]. Не секрет, что в ряде случаев при напряжённости очень высокой интенсивности человек находит в себе силы для осуществления новых попыток решения, направляет тревогу в конструктивное русло.

Результаты констатирующего эксперимента, проведенного нами в 2004–2005 гг. со студентами Мозырского государственного педагогического университета, показали, что экспериментальное решение проблемы влияния тревоги на творческую продуктивность должно производиться с учётом:

- причины возникновения тревоги (той ситуации, которая способствовала появлению тревоги);
- интенсивности тревоги;
- её пластичности, т. е. сопряжённости с другими эмоциями. Следует отметить, что на этапе констатирующего эксперимента было доказано, что ситуативная тревожность не может быть обозначена как эмоциональное состояние отрицательной модальности. Её сопутствующими могут выступать неудовольствие и удовольствие, безразличие и интерес, огорчение и радость, неуверенность и уверенность.

Предложенный подход представляется наиболее эффективным в решении проблемы влияния ситуативной тревожности на продуктивность творческой деятельности, поскольку ряд параметров тревоги как эмоционального состояния представлен практически всеми основными характеристиками, при этом особое внимание уделено качественным характеристикам, отражающим сущность тревоги как специфического вида отражения.

Сравнительный анализ индивидуальных показателей интенсивности ситуативной тревожности испытуемых, продемонстрировавших высокопродуктивные, среднепродуктивные и низкопродуктивные решения задач из тестов Э.П. Торренса и С.А. Медника, позволил утверждать:

1. *Деструктивное* влияние, оказываемое ситуативной тревожностью на продуктивность творческой деятельности, обнаруживается при высокой интенсивности тревоги на всех этапах творческого процесса и недостаточной выраженности или отсутствии тревоги на этапе принятия решения. Деструктивное влияние предрбочей ситуативной тревожности значительной интенсивности на продуктивность творческой деятельности носит *опосредованный характер*, определяющийся *экстринсивностью мотивации* решения, *низкой степенью осмысленности* требования, *негативной модальностью ретроспективного опыта* творческой деятельности.

2. Условием конструктивного влияния предрбочей ситуативной тревожности значительной интенсивности на творческую продуктивность является наличие у субъекта *уверенности в себе и интереса к решению*.

Корреляційний аналіз (по Спирмену) показателів інтенсивності ситуативної тривожності (с використанням методики «Стандартизований ретроспективний самоочіт»), виявлених у студентів відділень «Практична психологія» (79 дівчаток), «Пієння і музика» (60 дівчаток), «Фізична культура» (46 юнаків) і показателів оригінальності рішення ними задач із тестів Е.П. Торренса (незавершені малюнки № 1, 2) і С.А. Медника (тройки слів № 1, 2) дозволило встановити ряд закономірностей взаємозв'язку тривожності різних форм і оригінальності. Загальними закономірностями, виявленими у всіх испытуємих, незалежно від приобретаємої спеціалізації і їх статевої приналежності, явилися:

- наявність статистички достовірної оберненої зв'язку між показателями передрабочей ситуативної тривожності і оригінальності рішення задач Е.П. Торренса і С.А. Медника; відсутність статистички значимої оберненої зв'язку між показателями робочей ситуативної тривожності і оригінальності рішення задач Е.П. Торренса і С.А. Медника (см. рис. 1);
- наявність оберненої зв'язку між показателями особистісної тривожності і оригінальності рішення задач Е.П. Торренса і С.А. Медника (см. табл. 1);
- наявність статистички достовірної прямої зв'язку між показателями особистісної тривожності і передрабочей ситуативної тривожності, прямої зв'язку між показателями особистісної тривожності і післярабочей ситуативної тривожності; відсутність статистички достовірної прямої зв'язку між показателями особистісної тривожності і робочей ситуативної тривожності (см. табл. 1).

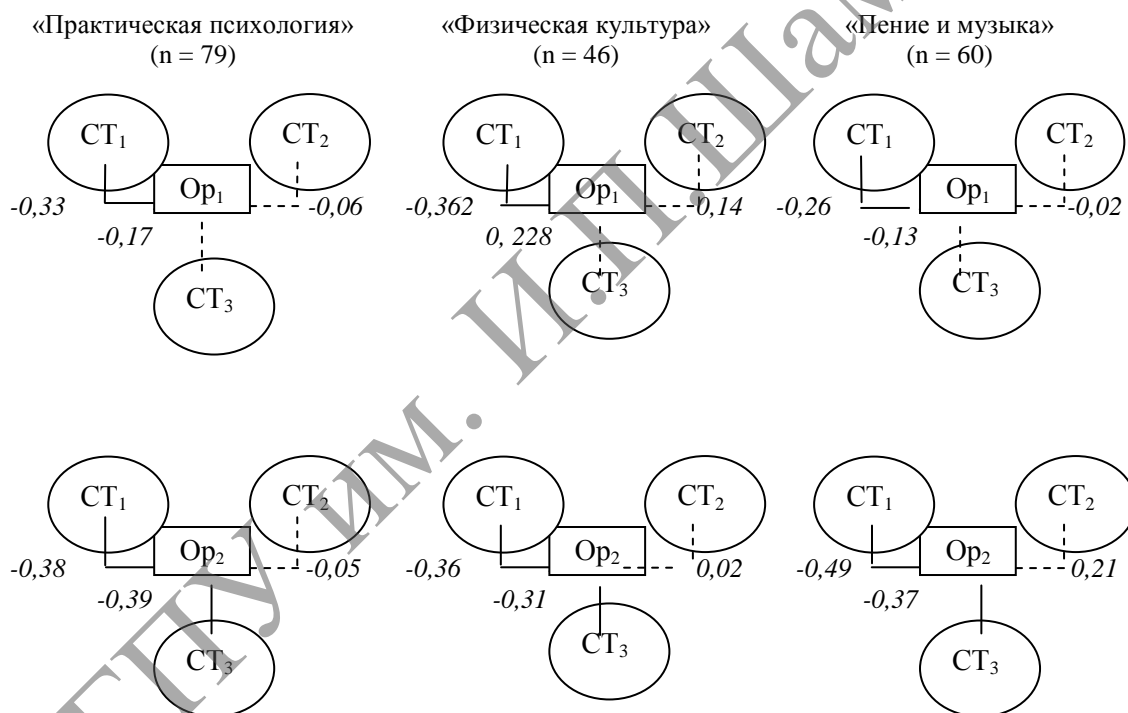

Рис. 1. Эмпирические значения γ_s для показателей оригинальности интенсивности ситуативной тривожности, полученных в результате обследования студентов отделений

Условные обозначения:

n – количество наблюдений;

Op – оригинальность;

Op₁ – оригинальность определялась с помощью теста Э.П. Торренса;

Op₂ – оригинальность определялась с помощью теста С.А. Медника;

СТ₁ – передрабочая ситуативная тривожность;

СТ₂ – рабочая ситуативная тривожность;

СТ₃ – послерабочая ситуативная тривожность;

— статистически достоверные связи ($p \leq 0,01$, $p \leq 0,05$);

- - - статистически недостоверные связи.

Таблица 1

Эмпирические значения коэффициента ранговой корреляции Спирмена r_s для показателей, полученных в результате обследования студентов отделений «Практическая психология», «Пение и музыка» и «Физическая культура»

Контингент выборки	Коррелирующие переменные				
	ТП _{обр.} и ЛТ	ТП _{верб.} и ЛТ	ЛТ и СТ		
			СТ ₁	СТ ₂	СТ ₃
Студенты отделения «Практ. психология» (n = 34)	-0,45*	-0,32°	0,44*	-0,04	0,55*
Студенты отделения «Пение и музыка» (n = 31)	-0,26	-0,31	0,36°	-0,11	0,37
Студенты отделения «Физическая культура» (n = 30)	-0,11	-0,33	0,37°	-0,51*	0,02

Условные обозначения:

n – количество наблюдений;

ТП_{обр.} – образная творческая продуктивность;

ТП_{верб.} – вербальная творческая продуктивность;

ЛТ – личностная тревожность;

СТ – ситуативная тревожность;

* связи достоверны на уровне значимости $p \leq 0,01$;

° связи достоверны на уровне значимости $p \leq 0,05$.

Полученные в ходе констатирующего эксперимента данные об отсутствии статистически значимой обратной связи между показателями рабочей ситуативной тревожности и творческой продуктивности как образного, так и вербального характера, а также об отсутствии статистически значимой прямой корреляции между показателями личностной тревожности и рабочей ситуативной тревожности обусловили необходимость детального исследования функций, осуществляемых рабочей тревогой в ходе выработки гипотез и принятия решения. С этой целью нами была реализована серия экспериментальных ситуаций, разработанных на основе идей Я.А. Пономарёва, Л.В. Пугляевой, О.К. Тихомирова. Экспериментальные ситуации имели специфическую организацию и реализовывались на выборке студентов факультета «Педагогики и методики начального обучения» (N = 60) Мозырского государственного педагогического университета.

Суммируя результаты проведенных экспериментов, мы пришли к выводу, что рабочая ситуативная тревожность незначительной интенсивности оказывает конструктивное влияние на продуктивность творческой деятельности, способствуя усилению поисковой активности, направленной на снижение неопределённости ситуации и решение поставленной задачи. Подтверждение данного вывода содержится в теориях эмоций, постулирующих гедонистический принцип максимизации положительных и минимизации отрицательных эмоций (П.К. Анохин, П.В. Симонов и др.).

Вместе с тем остаётся невыясненным вопрос о причинах, обуславливающих специфику во влиянии рабочей ситуативной тревожности на продуктивность творческой деятельности, по сравнению с предрабочей тревогой. Мы усматриваем их в качественном своеобразии рабочей тревоги.

Во-первых, согласно результатам корреляционного анализа показателей интенсивности ситуативной тревожности и ряда эмоций, корреляция интенсивности безразличия с интенсивностью предрабочей ситуативной тревожности прямая ($R_p = 0,27$, $v = 56$, $R_{p \text{ эмп.}} > R_{p \text{ кр.}}$, $p \leq 0,01$), с интенсивностью рабочей ситуативной тревожности обратная ($R_p = -0,23$, $v = 56$, $R_{p \text{ эмп.}} < R_{p \text{ кр.}}$, $p \leq 0,05$), что позволяет утверждать: на этапе выработки и принятия решения разворачивается мотивационный процесс, качественно отличный от мотивации «включения» в решение, приобретающий преимущественно интринсивный характер.

Во-вторых, согласно результатам обсуждаемого выше корреляционного анализа, предрабочая ситуативная тревожность прямо коррелирует с неудовольствием ($R_p = 0,18$, $v = 56$, $R_{p \text{ эмп.}} < R_{p \text{ кр.}}$, $p \leq 0,05$), тогда как связь рабочей ситуативной тревожности с неудовольствием – обратная ($R_p = -0,201$, $v = 56$, $R_{p \text{ эмп.}} < R_{p \text{ кр.}}$, $p \leq 0,05$). Общеизвестно, что функция удовольствия выражается

в побуждении действий, поддерживающих контакт с позитивным для субъекта событием, неудовольствия – в побуждении действий, направленных на устранение контакта с негативным для субъекта событием. Рабочая ситуативная тревожность, сопровождаемая удовольствием, способна оказать мобилизующее влияние на умственную деятельность.

Полученные в ходе экспериментов результаты позволяют утверждать неэффективность релаксационных процедур по снижению ситуативной тревожности в целях повышения продуктивности творческой деятельности и аргументируют рациональность использования другого способа внутренней регуляции мыслительной деятельности, заключающегося в снижении личностной тревожности, способствующей сопутствующему изменению интенсивности предрабочей ситуативной тревожности (ввиду достоверной прямой корреляции указанных видов тревожности) и не оказывающей существенного воздействия на интенсивность рабочей ситуативной тревожности.

Выявленный опытным путём механизм повышения творческой продуктивности средствами внутренней (эмоциональной) регуляции требует экспериментальной апробации. С этой целью в 2005 г. со студентами отделения «Практическая психология» ($n = 66$) факультета педагогики и методики начального обучения Мозырского педагогического университета был проведен формирующий эксперимент. Учитывая тот факт, что личностная тревожность порождается наличием противоречия между высокими притязаниями и значительной неуверенностью в себе, возникает в ситуации угрозы самооценке личности, образу Я, снижение личностной тревожности студентов должно осуществляться путём повышения их уверенности в себе. Реализация отмеченного способа снижения личностной тревожности явилась основой для создания программы психологического тренинга уверенности в себе [4]. Поддержка позитивных мыслей о собственной личности в ходе тренинга осуществлялась путём переосмысления студентами собственных качеств, через переоценку идеалов и анализ представленности идеального Я в реальном Я личности, через осознание перспектив самосовершенствования, возможностей реальной помощи других и «вкладов» в других. Тренинг проводился со студентами экспериментальной группы № 1 (выборка студентов отделения «Практическая психология» 4 курса группы № 5 ($n = 22$)).

Для сравнения эффективности тренинга уверенности в себе в экспериментальной группе № 2 (выборка студентов отделения «Практическая психология» 4 курса, группы № 3 ($n = 22$)) проводился релаксационный аутотренинг, направленный на выработку навыков и умений самостоятельного контроля и регулирования психофизиологических состояний, на снятие ситуативной тревожности. В контрольной выборке – студенческой группе № 2 4 курса – никаких экспериментальных воздействий не осуществлялось.

Во всех группах были проведены констатирующий (до) и контрольный (после экспериментальных воздействий) замеры оригинальности, интенсивности ситуативной тревожности предрабочей и рабочей форм, личностной тревожности, мотивации успеха, потребности в достижениях. По результатам выполнения диагностических заданий для оценки продуктивности творческой деятельности (из тестов Э.П. Торренса и С.А. Медника) в ходе констатирующего замера было осуществлено уравнивание выборок испытуемых экспериментальных и контрольной групп по показателям оригинальности решений.

В ходе контрольного замера были получены результаты, подтверждающие достоверность выявленных закономерностей влияния ситуативной и личностной форм тревожности на продуктивность творческой деятельности. Было установлено, что уровень творческой продуктивности студентов экспериментальной группы № 1 (после реализации тренинга уверенности в себе) существенно повысился. Об этом свидетельствует достоверность эмпирических значений критерия Вилкоксона для сопоставления показателей, выявленных до и после проведения тренинга уверенности в себе ($T_{1\text{ эмп.}} = 23,5$, $v = 18$, $T_{1\text{ эмп.}} < T_{\text{кр.}}$, $p \leq 0,01$ (для показателей образной продуктивности), $T_{2\text{ эмп.}} = 17$, $v = 15$, $T_{2\text{ эмп.}} < T_{\text{кр.}}$, $p \leq 0,01$ (для показателей вербальной продуктивности)¹).

Вместе с тем у испытуемых экспериментальной группы № 1 было зафиксировано значительное повышение потребности в достижении ($T_{\text{эмп.}} = 9,00$, $v = 18$, $T_{\text{эмп.}} < T_{\text{кр.}}$, $p \leq 0,01$) и мотивации успеха ($T_{\text{эмп.}} = 21$, $v = 17$, $T_{\text{эмп.}} < T_{\text{кр.}}$, $p \leq 0,01$), а также снижение индексов личностной тревожности ($T_{\text{эмп.}} = 25,5$, $v = 19$, $T_{\text{эмп.}} < T_{\text{кр.}}$, $p \leq 0,01$). Кроме того, произошли существенные изменения в интенсивности ситуативной тревожности как предрабочей ($\chi^2_{\text{эмп.}} = 18,23$, $v = 3$, $\chi^2_{\text{эмп.}} > \chi^2_{\text{кр.}}$, $p \leq 0,01$), так и рабочей ($\chi^2_{\text{эмп.}} = 19,28$, $v = 3$, $\chi^2_{\text{эмп.}} > \chi^2_{\text{кр.}}$, $p \leq 0,01$)

¹ Сдвиг в «типичную» сторону по интенсивности достоверно преобладает, если $T_{\text{эмп.}}$ меньше или равен $T_{\text{кр.}}$

форм. При этом интенсивность предробочей тревоги снизилась, тогда как интенсивность рабочей ситуативной тревожности повысилась.

Таким образом, снижение уровня личностной тревожности, снижение интенсивности предробочей ситуативной тревожности, усиление потребности в достижении и мотивации успеха оказали позитивное влияние на продуктивность решения студентами творческих задач.

В экспериментальной группе № 2 в ходе контрольного замера статистически достоверных изменений в показателях оригинальности $T_{\text{эмп.}} = 73$, $\nu = 17$, $T_{\text{эмп.}} > T_{\text{кр.}}$ (по тесту Э.П. Торренса), $T_{\text{эмп.}} = 50$, $\nu = 18$, $T_{\text{эмп.}} > T_{\text{кр.}}$ (по тесту С.А. Медника), личностной тревожности ($T_{\text{эмп.}} = 70$, $\nu = 21$, $T_{\text{эмп.}} > T_{\text{кр.}}$), потребности в достижении ($T_{\text{эмп.}} = 69,5$, $\nu = 16$, $T_{\text{эмп.}} > T_{\text{кр.}}$), мотивации успеха ($T_{\text{эмп.}} = 91,5$, $\nu = 18$, $T_{\text{эмп.}} > T_{\text{кр.}}$) зафиксировано не было. Существенно снизились показатели интенсивности как предробочей ($\chi^2_{\text{эмп.}} = 11,1$, $\nu = 3$, $\chi^2_{\text{эмп.}} > \chi^2_{\text{кр.}}$, $p \leq 0,01$), так и рабочей ($\chi^2_{\text{эмп.}} = 16,61$, $\nu = 3$, $\chi^2_{\text{эмп.}} > \chi^2_{\text{кр.}}$, $p \leq 0,01$) форм ситуативной тревожности. Таким образом, релаксационные упражнения способствовали снижению тревожности обеих форм и не обеспечили существенного повышения продуктивности творческой деятельности.

В контрольной группе различий по факторам «творческая продуктивность», «личностная тревожность», «мотивация успеха», «потребность в достижении» обнаружено не было. Контрольный замер показателей ситуативной тревожности испытуемых контрольной группы выявил отсутствие существенных изменений интенсивности предробочей ситуативной тревожности ($\chi^2_{\text{эмп.}} = 4,34$, $\nu = 3$, $\chi^2_{\text{эмп.}} < \chi^2_{\text{кр.}}$, $p \leq 0,01$) и значительные изменения интенсивности рабочей тревоги в сторону её повышения ($\chi^2_{\text{эмп.}} = 23,71$, $\nu = 3$, $\chi^2_{\text{эмп.}} > \chi^2_{\text{кр.}}$, $p \leq 0,01$). Вместе с тем обнаруженное распределение показателей тревоги не оказало воздействия на достоверное изменение продуктивности решения испытуемыми творческих задач.

Несмотря на эмпирически доказанную, статистически достоверную эффективность тренинга уверенности в себе в повышении продуктивности творческой деятельности студентов средствами эмоциональной регуляции, нами не отрицается тот факт, что устойчивость полученных в ходе проведения тренинга личностных изменений у испытуемых может быть поставлена под сомнение. Устойчивость сформированных изменений зависит от возможностей их переноса в условия повседневной жизни и деятельности студентов.

Изучение и анализ исследований по дидактике высшей школы, опыта вузов показывают, что недостатками традиционной системы образования являются превалирование научно-содержательного аспекта в детерминации целей образования в ущерб гуманистическому аспекту, доминирование монологического метода обучения в ущерб самостоятельной поисковой деятельности студентов, недостаточность внимания к личности субъекта учебной деятельности [5]. Сложившаяся ситуация препятствует созданию условий самопродвижения студентов в своём развитии, снижает их уверенность в себе, мотивацию успеха и повышает личностную тревожность, что обуславливает необходимость пересмотра основных компонентов образования в вузе: его назначения и смысла, критериев эффективности, форм, методов и образовательных технологий.

Результаты проведенного нами исследования позволяют утверждать, что в целях повышения творческой продуктивности студентов акценты в образовательном процессе должны быть смещены на утверждение личности студента в качестве субъекта собственной деятельности, на предоставление ему возможностей саморефлексии, самоактуализации и саморазвития.

Литература

1. Рубинштейн, С.Л. Основы психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2002. – 720 с.
2. Анохин, П.К. Узловые вопросы теории функциональной системы / П.К. Анохин. – М.: Наука, 1980. – 196 с.
3. Симонов, П.В. Эмоциональный мозг / П.В. Симонов. – М.: Наука, 1981. – 215 с.
4. Качалко, А.В. Тренинг уверенности в себе как способ повышения продуктивности творческой деятельности студентов / А.В. Качалко, В.В. Гульчик // Беларуская пачатковая школа: праблемы і перспектывы развіцця: матэрыялы V Міжнар. навукова-практ. канферэнцыі, Мазыр, 20–21 кастр. 2005 г. / МазДПУ. – Мазыр, 2005. – С. 128–131.
5. Гульчик, В.В. О некоторых проблемах изучения психологических дисциплин в вузе / В.В. Гульчик // Материалы Междунар. научно-практ. конференции «Качество высшего педагогического образования: проблемы и пути повышения», Минск, 15 апреля 2004 г. / БГУ. – Минск, 2004. – С. 273–276.

Summary

The article analyses the results of the experimental research of the conditions of constructive and destructive influence of situational anxiety on students' productivity in solving creative tasks.

It's for the first time in the research on the problem of connections of situational anxiety and productivity of creative activity, that a number of parameters of anxiety as an emotional state have been represented by practically all main characteristics with a special stress on the qualitative characteristics showing its essence as a specific kind of reflection.

The possibility of increasing productivity of students, creative activity by means of regulating intensity of situational and personal anxiety has been proved.

Поступила в редакцію 13.02.06.

УДК 378

А.А. Евтюгина

ТЕХНОЛОГИЯ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-РЕЧЕВОЙ ОБРАЗОВАННОСТИ СТУДЕНТОВ

Профессионально-речевая образованность представляет интегративное качество человека, формирование которой целесообразно осуществлять в образовательных учреждениях. На технологическом уровне повышение уровня образованности реализуется как последовательность стадий взаимодействия студентов и преподавателей. Обязательной составляющей технологии является владение научным стилем речи, поскольку интегрирование образовательного процесса с научным предстает как образовательная среда, в которой осуществляется развитие профессионально-речевой образованности студента как системы. Научно-исследовательская работа студентов, выражающаяся в создании таких речевых произведений, как курсовая работа, выпускная квалификационная работа, реферат, тезисы, устный доклад, предполагает владение соответствующими навыками языкового оформления данных текстов. Как научить студентов создавать произведения научной речи?

Профессионально-речевая образованность, помимо знания языковых норм, включает достаточно полное представление о стилях и стилевых нормах русского литературного языка. Уровень профессионально-речевой образованности должен позволять студенту создавать тексты, полноценные как с точки зрения языковых норм и коммуникативных качеств речи, так и в плане жанрово-стилистической адекватности. Обучение научному стилю речи и созданию научных речевых произведений должно стать обязательным компонентом программы вузовского образования.

Цель дисциплины «Стилистика научной речи» – обучение студентов создавать научные тексты в соответствии с жанрово-стилевыми требованиями, нормами литературного языка. Признаки научных текстов специфичны в зависимости от характера науки и выполняемых задач, и, для того чтобы данные тексты адекватно решали поставленные задачи, обязательным признаком является их культурность. С этой точки зрения были проанализированы реферативные и дипломные работы (всего 68) студентов таких факультетов, как социология, психология, машиностроение, электроэнергетика, юриспруденция, экономика и др., и выявлены недостатки, связанные с композиционным и структурно-содержательным аспектами научной речи (Ср.: Васильева, 1990) [1].

Процесс формирования профессионально-речевой образованности более высокого уровня, включающий языковую и коммуникативную компетенции студентов в области стилистики научного текста, содержит четыре блока: композиционный и структурно-содержательный, стилистический, нормативный и коммуникативный, блок правописания. Далее представлено описание блоков, которое сопровождается указанием на соответствующие недочеты в проанализированных квалификационных работах.

Итак, первый блок связан с композицией. Одна из частотных ошибок – неполноценность вводной и заключительной частей. Введение не имеет в своей основе необходимой композиционной модели и не включает требуемых содержательных компонентов (описание степени исследованности темы, обоснование актуальности, обозначение объекта исследования, формулировка цели и задач

исследования, указание методов исследования, описание структуры работы). Требования, предъявляемые к тексту введения, нарушаются в разной степени – от отсутствия одного-двух необходимых содержательных компонентов до абсолютной неадекватности жанру (например, введение дипломной работы студента юридического факультета, начинающееся с пересказа притчи и не имеющее ни одного необходимого компонента содержания).

Заключение в ряде дипломных сочинений либо вообще не содержит выводов, полученных в ходе работы, либо представляет собой формальный повтор введения или других предыдущих частей без каких-либо изменений, либо является в целом кратким и малосодержательным.

Несоразмерность частей предметно-логической структуры текста наблюдается в 60% проанализированных работ. Недостаток выражается, прежде всего, в несоответствии объема введения и заключения объему основной части работы. Нередко вводная и заключительная части составляют 1–2 страницы из 100–200 страниц общего объема.

Наиболее распространенный недостаток – недостаточная мотивирующая экспликация связанности содержательно-композиционных частей, выражающаяся в отсутствии выводов в конце глав, обобщающих абзацев по подглавам и логических переходов от одной главы к другой. Кроме того, в некоторых работах структура основной части не соответствует задачам, сформулированным во введении. Малосодержательны начальные фразы разделов, фактически повторяющие их заглавия (*Рассмотрим теперь СПК с точки зрения отечественных психологов* (к разделу «Теории СПК в отечественной психологии»)).

Таким образом, обучение созданию научного текста определенного жанра (в данном случае дипломной (курсовой) работы – жанра, наиболее актуального и показательного в процессе вузовского образования) должно, прежде всего, включать в себя выработку умения адекватно организовывать текст в композиционном и структурно-содержательном отношении.

В ходе анализа квалификационных работ всех факультетов были выявлены многочисленные недочеты в оформлении библиографического аппарата (ссылки, сноски, список литературы). В частности, это:

- а) подача библиографического списка не по алфавиту;
- б) разнообразные ошибки в оформлении цитат и ссылок (отсутствует фамилия автора, не указана страница, с которой взята цитата и пр.);
- в) отсутствие необходимых знаков и элементов или включение лишних при библиографическом описании работы (напр.: *М.К. Бункина, В.А. Семенов; Г.Л. Шагинян «Общая экономическая теория» курс лекций Ростов-на-Дону. 1999*).

Таким образом, складывается впечатление, что студенты в подавляющем большинстве не умеют системно и последовательно работать с библиографическим аппаратом.

Предварительный этап завершается выработкой основной идеи работы, обдумыванием композиции будущего текста и созданием его первоначального плана. В задачи руководителя здесь входит разъяснение функционально-содержательной сути таких частей жанровой структуры работы, как введение и заключение, помощь в оформлении предметно-логической структуры основной части текста.

Следующий этап работы связан с созданием первичного текста. Здесь весьма значимым методическим моментом следует признать обучение студентов приемам реферирования, компрессии текста, соотнесения в рамках своей работы собственного и чужого текстов.

Нередко работы представляют собой переписанные фрагменты чужого текста, зачастую с сохранением вводных слов и фраз, эксплицирующих личность создателя. Созданные самостоятельно и чужие текстовые фрагменты никак не разграничиваются, этика цитирования нарушается, так что в большинстве случаев неясно, анализируется какой-либо первоисточник или чужие мысли выдаются за свои: фамилии авторов не вводятся, не ставятся кавычки при прямом цитировании, нет ссылок, в лучшем случае используются формулировки «*одни авторы ... другие авторы*» (но без указания фамилии), практически не используются языковые средства, выражающие рефлексию автора дипломной работы (реферата) по поводу приводимых фрагментов чужого текста. Умение создавать текст реферативного характера без указанных нарушений складывается из ряда составляющих и может быть выработано последовательно, практическим путем. Прежде всего, важную роль здесь играет способность аналитически воспринимать читаемый текст, членить его на смысловые фрагменты, выделять главное и второстепенное, видеть тезис и аргументы и т. п. Эта способность является основой навыка переработки прочитанного текста. Переработка может выражаться в компрессии текста путем вычленения и формулирования его главных мыслей,

в использовании соответствующих фрагментов текста для подтверждения собственных тезисов и иллюстрации высказываний, в сопоставлении фрагментов текстов различных авторов для выведения собственных аналитических суждений и т. п. Данный навык должен подкрепляться наличием в лексиконе автора, создающего реферативный текст, клишированных конструкций для описания чужого текста (*в статье автор освещает ... , суть статьи сводится к следующему ... и др.*), а также соответствующих единиц вербального оформления собственной личности (*на наш взгляд /с нашей точки зрения, ценность работы заключается в...*). Указанные навыки переработки чужого текста и включения его фрагментов в текст, создаваемый самостоятельно, могут быть выработаны в процессе выполнения соответствующих упражнений, предполагающих работу с чужим научным текстом в различных аспектах (создание конспектов различных типов, создание реферата статьи (ряда статей), создание развернутой аннотации к монографии и т. п.).

Наконец, после того как первичный текст создан целиком, важно сориентировать студента на дальнейшую поэтапную работу с полученным первичным текстом, предполагающую неоднократное возвращение к написанному, редактирование.

Известно, что письменная работа, как правило, создается не одним усилием, а является процессом длительным, разделенным на отрезки (А.Н. Васильева, Л.К. Граудина, Н.А. Купина, Е.Н. Ширяев). Текст сначала создается в «черновом» варианте (первичный текст), а затем на его основе порождаются новые, более совершенные варианты, каждый из которых соответствует определенной стадии речемыслительного процесса грамматического синтаксиса с учетом восприятия текста адресатом [2].

При создании текста научного стиля указанная поэтапность имеет особую значимость, и выявленные недостатки выпускных квалификационных работ могут быть устранены именно на этапе редактирования, когда создание первичного текста завершено. В частности, в процессе редактирования законченного текста дипломного сочинения может быть устранен такой систематически проявляющийся недостаток, как недоработанность и малосодержательность вводной и заключительной частей. Введение в контексте написанного целого почти всегда обнаруживает свою недоработанность, а иногда требует и коренной переработки. При этом типичными следует считать недоработки трех родов: краткое (формальное, неинформативное), гипертрофированное (избыточное) и дефективное вступление. Последнее представляет собой сочетание гипертрофированности в одних и недостаточности в других моментах предваряющего обоснования актуальности проблематики и ориентирования адресата в существе и структуре работы. Недостатками заключения являются, судя по анализу работ, либо его формальный характер (заключение по способу суммирующего повторения без необходимого синтеза выводного знания), либо общая информационная дефективность (неадекватность акцентирования наиболее важных моментов выводного знания) [3]. Работа над текстом заключения, помимо формулировки выводов и указания на перспективы исследования, предполагает его соотнесение с заключительными фрагментами глав и также может быть полноценно осуществлена в ходе редактирования.

Повторная работа над созданным первичным текстом направлена на устранение информативной недостаточности и информативной избыточности, поскольку оценка текста в целом позволяет обнаружить те его содержательные части, которые были упущены или не укладываются в рамки предметно-логической структуры научного произведения

Взгляд на текст как на целостное произведение позволяет также устранить недочеты, связанные с несоразмерностью частей текстовой предметно-логической структуры, избавиться как от гипертрофии, так и от редукции некоторых составляющих. Параллельно с этим может осуществляться корректировка расположения частей текста, т. е. устранение недостатков его композиции. Композиционные нарушения могут влиять на содержательную структуру, затрудняя ее восприятие. Содержательная структура вне текста в принципе синхронна, но в тексте приобретает линейность и соответственно диахронность продуцирования и восприятия. Максимальное сближение предметно-логической и композиционно-текстовой структур является законом научного стиля.

Создание студентом самостоятельного научного текста (в том числе и текста реферативного характера) сопряжено с трудностями, касающимися стилистических норм литературного языка, а именно – стилистических норм научного текста. Теоретические знания относительно стилистики русского языка вообще и стилистики научного текста в частности здесь следует уметь сопрягать с практическим навыком последовательного и четкого следования требованиям стиля.

Как показал анализ, студенты в подавляющем большинстве не обладают соответствующими знаниями и навыками, что ведет к нарушению стилистических норм, стилевой интерференции (смешению научного стиля с публицистическим и разговорным). Указанный недостаток

систематически проявляется во фрагментах текста, создаваемых студентами самостоятельно (например, вступление, заключение), а также в тех случаях, когда студент привлекает чужие тексты публицистического или научно-популярного характера и оказывается неспособным должным образом их адаптировать. Примеры иноязычных включений многочисленны и связаны с различными уровнями языковой системы:

– газетно-публицистические клише: *до этого времени все шло в славных традициях упадка и застоя; от нас всех, как рядовых членов коллектива, тоже очень многое зависит; концепция риска, как и его существование, стара как мир; методическая деятельность, методическое руководство – выражения, привычные для уха и глаза современного человека); экологические значения необходимы каждому человеку, чтобы сбылась мечта многих поколений мыслителей; потери от брака (...) особенно нежелательны – в деталь уже вложено много труда.*

– метафорические выражения (типичные для публицистической речи): *надо коренным образом изменить дух законов о труде;*

– высказывания, оформленные с привлечением синтаксических средств выразительности, типичных для публицистического стиля: *Каждый человек рано или поздно начинает задумываться о собственной квартире или доме. Только где же взять средства на покупку?; Надо ли в наши дни говорить о том, что цвет влияет на настроение человека?; Но под этим понятием некоторые предполагают и систему воспитательных мероприятий, и систему воспитательной работы, и систему коллективных творческих дел, и систему педагогических воздействий. Это одни. А другие считают, что);*

– слова и выражения, принадлежащие разговорному стилю: *ютятся в битком набитых «коммуналках»; хотя и годовалый уже может проявить «характер»; кстати говоря, даже на базовом уровне не обязательно наличие модных систем контроля усвоения знаний в виде всякого рода тестов; жаль, конечно, что теперь уже больше деревья рубят;*

– разговорные парцелированные и ненормативные конструкции: *И все это было тогда, в 60–70-е г. Теперь же многое что изменилось; И еще, что следует отметить, говоря о несовершеннолетних правонарушителях, то, что кредо многих из них – повеселее пожить; Много что надо будет изменить, а главное принять меры, направленные на повышение эффективности.*

Кроме того, во многих работах эпизодически (в самостоятельно написанных фрагментах) используется форма 1-го лица единственного числа (*отмечу, напомним, мне бы хотелось в своей работе, на мой взгляд, мои рекомендации*).

Обучение созданию адекватного и однородного со стилистической точки зрения текста является достаточно серьезной научно-методологической проблемой. Отсутствие у обучаемых «чувства стиля» можно преодолеть путем длительной и целенаправленной работы, связанной с выполнением системно подобранных упражнений. На первоначальном этапе могут быть предложены упражнения по стилистическому анализу определенного научного текста, в котором студентам нужно будет обнаружить проявление стилеобразующих факторов научной речи (абстрактность, точность, логичность, отсутствие эмоциональной оценки и др.) и указать на типичные языковые особенности – лексические (термины, общенаучная лексика, абстрактные и отглагольные существительные, выражения-экспликанты интеллектуальной оценки и пр.) и синтаксические (использование слов и выражений, обеспечивающих связь мыслей, причастные и деепричастные формы, безличные предложения, конструкции в пассивном залоге и пр.). На следующем этапе весьма целесообразной будет серия упражнений, направленных на актуализацию в ходе речемыслительного процесса конкретных языковых черт стиля. Здесь для редактирования могут предлагаться тексты, в которых последовательно нарушается какая-либо одна стилистическая черта (например, используется эмоционально окрашенная лексика либо абсолютно преобладают глаголы в личной форме); студент должен устранить обнаруженный недостаток (заменить экспрессивы на лексику интеллектуальной оценки; личные формы глаголов преобразовать в более сложные синтаксические конструкции – причастные обороты, пассивные конструкции и пр.). Далее, по мере усложнения заданий, текст должен быть дефективен по нескольким признакам; здесь для комментированного редактирования уже можно использовать реальные тексты студенческих работ. На заключительном этапе развития стилевой грамотности студент должен уметь создавать научный текст, полноценный в отношении стилистических норм, обладать навыками рефлексии и самостоятельного редактирования своего текста.

Особое место в рамках курса должно занять обучение стилистике устной научной и научно-педагогической речи. Серьезным недостатком устных научных докладов и сообщений следует

признать неадаптированность письменного текста для устной формы речи: текст в процессе выступления либо зачитывается, либо заучивается наизусть и произносится без необходимых трансформаций. Выступающий при этом зачастую терпит коммуникативную неудачу вследствие того, что его речевое произведение не вполне соответствует ситуации общения и противоречит законам слухового восприятия. Студент должен владеть такими основными приемами адаптации письменного текста для устного выступления, как перестройка безличных и обобщенно-личных конструкций в личные (*я рассмотрю ... предпочтительнее, чем следует рассмотреть ... или мы рассмотрим ...*), частичная замена причастий и деепричастий глаголами в личной форме, использование средств диалогизации (различные формы обращения к слушателям, фразы в повелительном наклонении и пр.). Выработка соответствующих навыков построения устной научной речи может осуществляться с помощью ряда упражнений, направленных на обучение приемам трансформации письменного текста в устный, а также – на заключительном этапе – путем подготовки и осуществления пробных устных выступлений, которые подвергаются анализу со стороны преподавателя и аудитории.

Нормативный и коммуникативный аспекты: лексические и грамматические нормы русского литературного языка, коммуникативные качества речи. Полноценный научный текст должен быть безупречен с точки зрения языковых норм, и обучение созданию научного речевого произведения неотделимо от повышения уровня общей языковой грамотности и речевой культуры студентов вуза.

Следует констатировать, что студенты допускают в своей письменной речи значительное число речевых ошибок различных типов. Стремление к наукообразности, абстрагированию от разговорного уровня приводит к нарушению норм литературного языка и коммуникативных качеств речи (таких, как точность, логичность, информативность, богатство речи).

Нарушение норм словоупотребления и лексической сочетаемости (в том числе при использовании терминологической лексики): *подписка с предупреждением о такой ответственности ... у них не отбирается; попытка ... столкнулась со многими трудностями; бизнес еще не привык к данной сфере деятельности*. Нарушение информативности речи (речевая избыточность: повторы, тавтология, плеоназм): *адаптация к необычным экстремальным условиям; при выборе стратегии личности оценивается потенциал личности*. Нарушение норм управления: *свое неуважение к родителям проявляет на всех взрослых людей; разработан технологический процесс, который достигает технологические требования*. Нарушение норм согласования: *ряд ученых полагают; одними из основных направлений развития литейного производства является ...* К вышеприведенным примерам можно также привести случаи парцелляции, неправильного употребления деепричастного оборота, неправильного порядка слов, влекущего за собой нарушение логичности речи.

Представляется, что определенное количество присутствующих в работах речевых ошибок является не столько следствием незнания студентами языковых норм, сколько результатом недостаточно ответственного подхода к создаваемому тексту: многие ошибки, вероятно, могли бы быть исправлены самими авторами в результате тщательной проверки и редактирования собственных произведений. С другой стороны, нельзя не указать на недостаточный уровень грамотности некоторых студентов и на необходимость его повышения в ходе образовательного процесса, и прежде всего – в рамках данного курса.

В первую очередь здесь должна быть создана или восстановлена теоретическая база, заключающаяся в знании основных грамматических норм и правил русского языка (правила употребления деепричастного оборота, норм согласования при употреблении причастных оборотов и придаточных предложений, правила порядка слов в предложении и пр.). Далее внимание должно быть направлено на формирование навыков практической грамотности студентов. Выявление наиболее распространенных типов ошибок позволяет создать соответствующие упражнения, нацеленные на освоение ряда конкретных трудностей языка (например, отработка правила согласования при употреблении клишированных конструкций; ср. частотность ошибки при использовании фразы *один из ...*). Повторим, что основной целеустановкой образовательного процесса в рамках данного курса должна стать ориентировка студентов на длительную, тщательную и многоэтапную работу с создаваемым текстом. В ходе такой работы будут развиваться навыки авторедактирования, что позволит сделать конечный вариант научного текста полноценным с точки зрения общенормативного и коммуникативного аспектов.

Четвертый блок включает орфографические и пунктуационные правила русского языка. Письменный научный текст должен быть эталоном грамотной речи; это в полной мере касается и оформления текста с точки зрения норм правописания.

Практически во всех проанализированных квалификационных работах в той или иной степени нормы правописания нарушаются. В меньшей степени это касается норм орфографии, в большей – норм пунктуации.

В рамках курса «Стилистика научной речи» данный блок наиболее целесообразно осваивать пролонгированным способом, на каждом занятии уделяя внимание какому-либо правилу. Поскольку данный материал не является новым для студентов, преподаватель должен в большей степени активизировать их самостоятельную работу.

Итак, дисциплина «Стилистика научной речи» имеет своей целью повысить уровень профессионально-речевой образованности языковой личности студентов для создания полноценного речевого произведения научного стиля. Стратегической доминантой курса является ориентация студентов на длительную, тщательную, поэтапную работу по созданию научного текста, предполагающую охват нескольких разноуровневых аспектов: композиционное и структурно-содержательное оформление текста, стилистические требования, языковые нормы, коммуникативные качества речи, нормы требования орфографии и пунктуации.

Литература

1. Васильева, А.Н. Основы культуры речи / А.Н. Васильева. – М.: Русский язык, 1990. – 247 с.
2. Культура русской речи: учеб. для вузов / под ред. проф. Л.К. Граудиной и проф. Е.Н. Ширяева. – М.: Издательская группа Норма-Инфа, 1998. – 560 с.
3. Купина, Н.А. Дипломная работа по русскому языку: методические рекомендации / Н.А. Купина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 36 с.

Summary

The article covers the graduate research works analysis and classification of mistakes that students make in their scientific speech. The concept of practical course “Scientific speech stylistics” learned by all specializations of 3–4 year is presented to that point. The aim of the course is improving the competence of professional speaking among students of high educational institutions.

Поступила в редакцию 22.02.06.

УДК 373.3

В.Г. Кухаронак

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННО-ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Одной из важнейших задач современной школы является формирование у ребенка способности быть творцом новых ценностей, что позволит ему достичь успехов в различных видах деятельности. Однако прочно обосновавшаяся в педагогической практике система воздействия на ребенка (а не взаимодействия с ним) не позволяет последнему приобрести опыт творческой деятельности.

Погружение ребенка в атмосферу творчества способствует удовлетворению его потребности в активном познании нового. Именно с начальных классов следует включать ребенка в творческую деятельность. Процесс и результаты данной деятельности во многом зависят от творческой активности ребенка, развитие которой становится одной из главных задач в рассматриваемом нами возрастном периоде.

«Творчество – деятельность человека, создающая новые материальные и духовные ценности, обладающие общественной значимостью» [1, т. 42, 54].

В процессе творчества как развитие можно рассматривать и результат, и сам процесс. Мысль о том, что творчество – это, прежде всего, процесс, характер деятельности, прослеживается в работах Л.С. Выготского, Л.Н. Когана, Я.А. Пономарева и др. Нам ближе данная точка зрения, ибо, по меткому замечанию Л.С. Выготского, «основной закон детского творчества заключается в том, что ценность его следует видеть не в результате, не в продукте творчества, но в самом процессе. Важно не то, что создадут дети, важно то, что они создают, творят, упреждаются в творческом воображении и его воплощении» [2, 63].

Для реализации и развития субъекта в творческой деятельности и, в частности, для развития его воображения необходимым условием является свобода. Недаром психологи для более эффективного стимулирования развития воображения у детей рекомендуют игры с самыми простыми предметами, чтобы дать возможность ребенку «домыслить», «досочинить».

Необходимо развивать в ребенке такие качества, которые открывают в нем создателя. Основными при этом являются творческая активность, оригинальность, способность и стремление к внесению новизны, комбинированию идей, перевоплощению; мобилизации сил и прошлого опыта; наличие развитого воображения и эмоциональная отзывчивость.

Качества творческой личности развиваются непосредственно в творческой деятельности. Ряд исследователей рассматривает понятие «деятельность» в тесном единстве с понятием «активность». Активность – побудитель и стимул деятельности. Но факт участия субъекта в какой-либо деятельности не является показателем активности, тем более творческой.

Мотивы включения младшего школьника в творческую деятельность подтверждают, что ребенок более заинтересован процессом, чем результатом деятельности. Однако именно мотивации деятельности школьников в творческом процессе обычно уделяется недостаточное внимание.

У младших школьников прослеживается сильнейшая эмоциональная связь с продуктами их творческой деятельности. Ребенок осознает их как возможность своего воплощения, и их дальнейшая судьба имеет для него огромное значение. Для возникновения у младшего школьника желания творить огромное значение имеет степень его заинтересованности в деятельности и ее конечном продукте.

В качестве двигателя творческой активности часто выступает интерес. Иногда субъект включается в творческую деятельность, руководствуясь только интересом, а результатом становятся продукты творческой деятельности. Происходит своеобразное смещение мотивов. Интерес и вдохновение, вызывающие у ребенка эмоциональный подъем, должны быть неременными спутниками творческого развития.

Младшие школьники с удовольствием включаются в творческую деятельность, ибо она реализует их любопытство, потребность в познании мира, в общении и желание проявить себя, но, по нашим данным, высокий уровень активности у первоклассников наблюдается гораздо чаще, чем у второклассников.

Процесс включения младших школьников в творческую деятельность должен быть организован так, чтобы, затрагивая эмоциональную сферу ребенка, он побуждал к действию. Детям этого возраста близки конкретные образы, мир природы, сказок, душевный мир их ровесников. Это глубоко затрагивает ребенка и способствует развитию его воображения, которое является неременным условием любого творчества.

Эмоциональность, подвижность и наличие неизжитой активности способствуют быстрому включению младшего школьника в творческую деятельность. Правильно организованная творческая деятельность вызывает у него эмоциональный отклик. Младшие школьники включают весь свой потенциал: наглядно-образное мышление, память, воображение, наблюдательность, активность. При этом необходим процесс взаимодействия, взаимовлияния педагога и детей, ибо даже деятельность воображения в рассматриваемом возрасте, по мнению Л.С. Выготского, редко возникает без помощи и участия взрослого. На начальном этапе детям требуется возможность выбора из чего-то, помощь педагога в актуализации прошлого опыта и, безусловно, постоянная поддержка и похвала. После приобретения достаточного опыта, уровня знаний, умения создавать и комбинировать образы младшие школьники от деятельности с элементами творчества переходят к творческому акту. В нем ребенок, опираясь на приобретенный потенциал, «отдавая» его, создает, развивает окружающий себя мир и через эту самоотдачу развивается сам. Этот закономерный переход осуществится лишь при условии, что начальному желанию ребенка творить будут всегда сопутствовать похвала и успех, ибо Л.С. Выготский указывал, что чувство и фантазия – это, в сущности, один и тот же процесс. При этом фантазия рассматривалась им как центральное выражение эмоциональной реакции.

Ребенок эмоционален, но его фантазия бедна творческими моментами. В синтезе эмоционального и интеллектуального, так необходимом для творчества, у младшего школьника преобладают эмоциональные моменты. Эмоциональные проявления могут быть вызваны чувствами либо подвижностью, активностью ребенка.

Развитая эмоциональная сфера является необходимым условием творчества, ибо последнее невозможно без переживания. В творческой деятельности ребенка можно выделить два направления

эмоционального переживания: эмоциональное переживание творческого объекта и эмоциональное переживание самого процесса деятельности.

Эмоции являются отражением отношения младшего школьника к окружающему миру, к людям, к выполняемой им деятельности, поэтому одним из условий успеха творческой деятельности ребенка нужно рассматривать эмоциональное переживание.

Как мы уже отмечали, для успешного творческого развития младшего школьника необходимо расширение его опыта (эмоционального, интеллектуального, социального и т. д.). В соответствии с возрастными особенностями рассматриваемого нами возраста наиболее приемлемым является включение ребенка в игровую деятельность, во все виды художественной деятельности.

Одной из задач эстетического воспитания является развитие творческого потенциала личности, выражающегося в стремлении к внесению красоты в окружающую жизнь. Именно эту задачу наиболее часто игнорирует педагогическая практика, рассматривая потребность человека в общении с прекрасным лишь как потребность в созерцании, приобретении красочных впечатлений. Таким образом, школьная практика часто ограничивается только восприятием либо стимулированием воспроизводящей деятельности (чаще всего – чтением стихов и хоровым пением), которая не позволяет в полной мере развить творческий потенциал детей. Часто именно на примере воспроизводящей деятельности младшим школьникам стремятся дать определенный «набор» знаний, но это мало способствует полноценному развитию ребенка. Ученику необходимо получать удовольствие от восприятия и передачи содержания и настроения произведения. В любой процесс воспитания должен вносить что-то свое, творить окружающий мир. Это возможно лишь в случае, когда произведение затронуло эмоциональную сферу, вызвало определенные чувства.

Рассматриваемый нами возраст имеет счастливую особенность: ребенок обостренно чувствителен, расположен к восприятию прекрасного. Красота окружающего мира способна пробудить в нем самые лучшие чувства, которые позволяют активизировать художественно-творческую деятельность, создавать предпосылки для творческого самовыражения.

Для художественно-творческой деятельности, как и для других видов деятельности, необходим опыт эмоционально-ценностного отношения к миру. Такой опыт дети приобрели уже в детском саду. Недостаточное присутствие художественно-творческой деятельности в жизни первоклассников нарушает преемственность с дошкольным возрастом, неблагоприятно сказываясь не только на творческом и художественном, но и на психическом развитии ребенка.

Детей данного возраста отличает эмоциональная непосредственность. Их часто затрагивает степень реалистичности произведения, побуждая к оценке. Творческий подход не только к организации активного творения художественного образа, но и к его восприятию позволит от неуверенности и следования образцам перейти к активному поиску новых оригинальных решений. Это позволит развить художественно-творческую активность личности, проявившуюся, по мнению Б.М. Неменского, в самостоятельности [3, 230].

Методические ошибки, допущенные в наиболее сензитивном периоде для развития умения видеть и понимать прекрасное, наносят особый ущерб и могут способствовать «затуханию» у детей желания быть создателем. А желание это велико, несмотря на элементарно-эстетичные мотивы оценки художественного произведения при его восприятии.

Формирование своего собственного «Я» как центра микрокосма маленького человека начинается с подражания. Однако преподнесение чужого опыта в своей интерпретации несет в себе элементы творчества. Опыт самого младшего школьника еще невелик, поэтому, если на занятиях первоклассник попадает в атмосферу полной творческой свободы, его активность может резко снизиться. Утверждение о том, что от степени свободы зависит уровень творческой активности, для младших школьников имеет относительный характер.

Из-за ограниченности опыта невелик и полет фантазии ребенка. Однако, в отличие от взрослого, она не скована общепринятыми нормами. Отсюда возникает ошибочное мнение о том, что фантазия ребенка богаче фантазии взрослого. Несмотря на это, фантазирование – частое явление в данном возрасте. Младший школьник может создать оригинальный продукт при наличии определенного опыта, а на начальном этапе его следует включить в деятельность с элементами творчества.

Если дошкольникам и первоклассникам в силу их возрастных особенностей практически неизвестен голос внутреннего критика, то для детей 8–10 лет он часто является разрушителем творчества. Младшие школьники ориентируются на мнение взрослых и, услышав критические замечания в свой адрес, часто не могут не только творить далее, но и исправить высказанные замечания.

При организации художественной деятельности важно, чтобы внешняя сторона не стала основным результатом воспитания. Мы не делаем попытки вычеркнуть интерес ребенка к мнению окружающих его людей, но радость от творческого поиска должна быть первичной, а оценка зрителей – вторичной. Хорошо, если оценка будет настолько тактична, чтобы стать поводом для самосовершенствования, а не причиной нежелания ребенка заниматься деятельностью или показывать ее результаты.

Губительно действует на художественное творчество и соперничество внутри творческого коллектива. Сопоставление детских работ между собой, имеющее место в педагогической практике, несет лишь отрицательный воспитательный эффект.

Окончание детской работы может завершиться выставкой (обязательно на ней присутствие всех работ), показом спектакля, концертом и т. д., где каждый участник будет оценен по достоинству. Работы на выставке должны располагаться так, чтобы каждая рядом стоящая работа выгодно дополняла другую. Пусть ребенок ощущает гордость за созданное им изделие, ибо в силу возрастных особенностей младших школьников только деятельность, приносящая радость и успех, является для них развивающей. Именно художественно-творческая деятельность при правильной ее организации таит в себе ситуацию максимального успеха.

В связи с вышеперечисленным при организации художественно-творческой деятельности младших школьников необходимо соблюдать следующие условия: стимулирование стремления к индивидуальной заинтересованности и самовыражению; проникновение в эмоциональное содержание произведения; мобилизация интеллектуальных и эмоциональных сил учащихся; ориентация на поиск и самостоятельность; возникновение интеллектуальной и эмоциональной потребности в активном созидании; использование активных форм деятельности, актуализация игровых творческих ситуаций; наличие положительных переживаний, которые порождает художественно-творческая деятельность; гарантия защищенности, свободы и открытости; создание на занятиях атмосферы созидания, заинтересованности, непринужденности, определяющей процесс художественного открытия и состояния вдохновения; организация обстановки, соответствующей требованиям эстетичности.

Соблюдение этих условий поможет сформировать положительное отношение учащихся к художественно-творческой деятельности и развить творческую активность и желание ребенка заниматься этой деятельностью.

Литература

1. Большая советская энциклопедия: в 49 т. / гл. ред. Б.А. Введенский. – 2-е изд. – М., 1956. – 42 т.
2. Выготский, Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте / Л.С. Выготский. – Санкт-Петербург: Союз, 1997. – 96 с.
3. Неменский, Б.М. Мудрость красоты: о проблемах эстетического воспитания / Б.М. Неменский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1987. – 255 с.

Summary

Role of artistic activities in school child development, psychological and pedagogical conditions of artistic activities organization primary school children as well as main characteristics of a creative individual are described in the article.

Поступила в редакцию 02.09.04.

УДК 159.922.8

Л.В. Шабалина

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ПЕРЕЖИВАНИЙ У ДЕТЕЙ ИЗ СЕМЕЙ, ЗЛОУПОТРЕБЛЯЮЩИХ АЛКОГОЛЕМ

В последние годы наблюдается повышение интереса к исследованию психологических особенностей детей, родители которых злоупотребляют алкоголем, а также к проблемам оказания им специализированной помощи.

Долгое время исследовательский интерес к детям из семей, злоупотребляющих алкоголем, подкреплялся сообщениями о высокой частоте различных отклонений среди них, в первую очередь – психопатологического характера, включая алкогольную и другие формы зависимости [5], [10], [14], [15], а также данными о наличии поведенческих проблем у сыновей и эмоциональных проблемах у дочерей [1], [5], [6].

На начальном этапе исследования в этой области фокусировали внимание на наличии у детей из семей, злоупотребляющих алкоголем, тех или иных отклонений, на их плохой адаптации и высоком риске развития аддиктивного поведения [1, 5, 6]. В последующем стали накапливаться данные о том, что дети родителей, злоупотребляющих алкоголем, могут оставаться здоровыми, достигать значительных успехов в жизни, быть хорошо адаптированными и практически не отличаются от детей, родители которых не злоупотребляют алкоголем [6, 10]. Как отмечает В.Д. Москаленко, «несмотря на сходную психотравмирующую ситуацию, в подростковом и зрелом возрасте дети злоупотребляющих алкоголем родителей значительно различаются по личностно-психологическим параметрам, уровню социальной адаптации и характеру психической и наркологической патологии» [6].

Существующий подход, при котором о последствиях алкоголизма судят, соотнося напрямую пьянство родителей с состоянием ребенка, а также сравнивая детей алкоголиков с детьми не злоупотребляющих алкоголем родителей, игнорирует важные механизмы детско-родительских отношений, которые определяют реакцию ребенка на психотравмирующую ситуацию в семье. Как известно, один из центральных компонентов социально-психологической структуры личности составляет ее отношения к самой себе и к людям, составляющим ее непосредственное социальное окружение. Согласно *концепции отношений личности*, разработанной В.Н. Мясищевым, именно система отношений «определяет характер переживаний личности, особенности восприятия действительности, характер поведенческих реакций на внешние воздействия» [7]. С точки зрения В.Н. Мясищева, система отношений, развиваясь в течение всей жизни человека, оказывает решающее влияние на социальное функционирование личности и, в частности, на возникновение и характер ее патологических нарушений [8].

В этой связи изучение взаимосвязи особенностей отношения к родителям и наличия у подростков из семей, злоупотребляющих алкоголем, определенных эмоциональных переживаний и поведенческих тенденций представляется нам весьма важной задачей.

Материалы и методы исследования

Исследования проводились на базе Кризисного центра для созависимых при Гомельском областном наркологическом диспансере. В исследовании участвовало 284 подростка в возрасте 12–14 лет. Из них дети из семей, в которых алкоголем злоупотребляет отец, – 100 (50 – девочек и 50 – мальчиков); дети из семей, в которых алкоголем злоупотребляет мать, – 42; дети из семей, в которых алкоголем злоупотребляют оба родителя, – 42.

Первичный сбор информации о семьях испытуемых в рамках работы с ними в кризисном центре для созависимых при Гомельском областном наркологическом диспансере позволил выявить три типа семей:

- *семьи, в которых алкоголем злоупотребляет отец.* Семья полная. Состав семьи: мать, отец, двое и более детей. Характер злоупотребления алкоголем – систематическое употребление спиртных напитков 7 и более лет. Начало злоупотребления алкоголем у отцов относилось чаще к возрасту после 20 лет, течение болезни носило менее прогрессивный характер, что позволяло иногда достаточно длительное время сохранять относительную социальную адаптацию;

- *семьи, в которых алкоголем злоупотребляет мать.* 87% – неполные семьи. Родители в разводе. Дети проживают с матерью. С отцом общаются эпизодически. Характер злоупотребления алкоголем – систематическое употребление спиртных напитков 5 и более лет. Начало злоупотребления алкоголем у матерей относилось чаще к возрасту после 20 лет. На момент обследования детей социальный статус семьи снижен. Семья находится под патронажем социально-педагогических центров-приютов с целью предупреждения социального сиротства;

- *семьи, в которых алкоголем злоупотребляют оба родителя.* Семьи полные. Характер злоупотребления алкоголем – систематическое употребление спиртных напитков обоими родителями 5 и более лет. На момент обследования детей социальный статус семьи снижен. Семья находится под патронажем социально-педагогических центров-приютов с целью предупреждения социального сиротства. Родители направлены в наркологический центр для прохождения противоалкогольного курса лечения.

Контрольную группу составили учащиеся СШ № 3, № 24 г. Гомеля в возрасте 12–14 лет, проживающие в семьях, неотягощенных алкогольными проблемами (девочек – 50, мальчиков – 50).

Выбор основных методических подходов психодиагностического исследования определялся тем, что исследование построено на основе выявления личностной позиции испытуемого по отношению к рассматриваемому явлению. Так как у детей из семей, злоупотребляющих алкоголем,

рядом исследователей отмечены сложности в дифференцировании и адекватном выражении эмоций, а также отрицание как способ психологической защиты [16], целесообразным является использование в исследовании, помимо личностного опросника проективных методик.

Для изучения эмоциональных компонентов отношения к значимым людям и отражающего как сознательный, так и частично неосознаваемый уровни этого отношения мы использовали цветовой тест отношений (ЦТО) [12]. Следующая, использованная нами методика – психодиагностический тест /ПДТ/, разработанный Л.Т. Ямпольским, представляет собой многомерный инструментарий, основанный на принципе стандартизированного самоотчета испытуемого [2]. Тест предназначен для изучения структуры личности в границах определенных факторов. В соответствии с целями нашей работы нами использовались шкалы «невротизм», «психотизм», «депрессия». Показатели по этим шкалам использовались для описания особенностей эмоциональных переживаний у испытуемых. Для изучения особенностей проявления негативных эмоциональных переживаний подростков в определенных поведенческих тенденциях использовалась проективная методика исследования личности «Тест руки» [9].

Статистическая обработка полученных по предъявляемым методикам результатов осуществлялась при помощи корреляционного анализа и двухвыборочного t-теста с различными дисперсиями Стьюдена.

Результаты исследования

По результатам исследования в группе детей из всех типов алкогольных семей в возрасте 12–14 лет наличие негативных эмоциональных переживаний преимущественно наблюдается у мальчиков. Сыновей, чьи отцы злоупотребляют алкоголем, характеризуют неуверенность в себе, нерешительность, ипохондричность, раздражительность, склонность к колебаниям настроения. Высокие показатели по шкале «психотизм» указывают на замкнутость, своеобразную отчужденность, недоступность для общения с другими. Сыновья отцов, злоупотребляющих алкоголем, находятся в постоянных внутренних конфликтах с собой, постоянном напряжении и возбуждении вне зависимости от степени напряженности реальной ситуации. Такое хроническое напряжение может без всякого повода проявиться в неожиданных аффективных реакциях озлобления, ярости, страха и т. д.

Достаточно высокие показатели по шкале «депрессия» характеризуют сыновей, отцы которых злоупотребляют алкоголем, как старательных, добросовестных и обязательных, но неспособных к принятию ответственных решений, неуверенных в себе, с низкой фрустрационной толерантностью. Отличительная особенность – наличие глубоких субъективных переживаний, возникающих при снижении доминирующего фона настроения. Сыновьям злоупотребляющих алкоголем отцов свойственно стремление к поверхностным социальным контактам, без направленности на глубокие искренние эмоциональные чувства.

В ситуации, когда алкоголем в семье злоупотребляет мать, у сыновей возрастает уровень тревожности и неуверенности в себе. Они более раздражительны. Испытывают в силу наличия постоянного внутреннего конфликта и напряжения определенные трудности в общении. Их отличает высокая вероятность возникновения аффективных реакций страха и гнева. Увеличивается риск социальной дезадаптации. Они в большей степени испытывают потребность в помощи и поддержке со стороны других людей. Сыновьям злоупотребляющих алкоголем матерей в большей мере присуще чувство физической неадекватности. Они проявляют меньшую активность. Чаще, чем сыновья из семей, в которых оба родителя злоупотребляют алкоголем, испытывают страх перед внешней агрессией.

В ситуации алкоголизации обоих супругов у сыновей сохраняется достаточно высокий уровень тревожности, неуверенности в себе, нерешительности. Отмечается наличие внутреннего конфликта и высокого риска социальной дезадаптации. Однако они в меньшей степени, чем сыновья злоупотребляющих алкоголем матерей, испытывают чувство страха перед внешней агрессией. Они более активны и испытывают меньше проблем с общением.

В отличие от дочерей из семей, неотягощенных алкогольными проблемами, которым свойственна способность к активной социальной жизни, стремление не контролировать и доминировать, а сотрудничать с другими, а также повышенная эмоциональность и развитая эмпатия, способность к самовыражению и демонстративность, девочки из семей, в которых алкоголем злоупотребляет отец, испытывают сложности в открытом выражении эмоций. Для них характерно стремление к контролю ситуации. Им свойственно вполне реальное проявление агрессии в поведении.

Дочери злоупотребляющих алкоголем матерей, в отличие от дочерей из других типов алкогольных семей, чаще испытывают чувство страха перед внешней агрессией, нуждаются в

помощи и поддержке со стороны других людей. При наличии выраженного чувства физической неадекватности могут быть демонстративными. У них менее вероятно проявление агрессии в поведении.

В ситуации алкоголизации обоих родителей девочки испытывают в большей степени тревогу, напряжение, внутренний дискомфорт. Они более зависимы и менее активны, чем девочки из семей, в которых алкоголем злоупотребляет отец.

Структурный анализ корреляционных связей показал, что эмоциональное отношение к себе у мальчиков и девочек из семей, в которых алкоголем злоупотребляет отец, в одинаковой степени связано с удовлетворенностью сложившимися эмоциональными отношениями с созависимой матерью и злоупотребляющим алкоголем отцом. При этом на формирование негативного отношения к отцу, злоупотребляющему алкоголем, в значительной мере влияет эмоциональное отношение к матери. Чем меньше удовлетворяют сложившиеся эмоциональные отношения с созависимой матерью, тем больше степень эмоционального отвержения пьющего отца. Эмоциональное отвержение семьи (неудовлетворенность семейными взаимоотношениями) определяется степенью удовлетворенности эмоциональными отношениями с созависимой матерью, а не с пьющим отцом.

У дочерей отцов, злоупотребляющих алкоголем, эмоциональное отвержение семьи, негативное отношение к матери положительно коррелирует с невротизацией девочек и обуславливает появление психической неуравновешенности. Степенью эмоционального отвержения отца обусловлено отсутствие в поведении у девочек «демонстративности» и появление агрессивных тенденций.

У сыновей отцов, злоупотребляющих алкоголем, неудовлетворенность сложившимися эмоциональными отношениями с созависимой матерью, а также эмоциональное отвержение семьи обуславливает наличие высокого уровня депрессивности, способствует формированию психической неуравновешенности. Негативное отношение к пьющему отцу и неудовлетворенность сложившимися эмоциональными отношениями с созависимой матерью обуславливает наличие в поведении сыновей «демонстративности» и агрессивных тенденций.

У дочерей из семей, в которых алкоголем злоупотребляет мать, эмоциональное отношение к себе в большей степени связано с удовлетворенностью сложившимися эмоциональными отношениями с отцом и степенью эмоционального отвержения семьи. В меньшей степени выражена связь самооценки дочерей с удовлетворенностью сложившимися эмоциональными отношениями с пьющей матерью. Эмоциональное отвержение семьи связано со степенью неудовлетворенности сложившимися эмоциональными отношениями с матерью и отцом в равной степени и обуславливает наличие у дочерей высокого уровня невротизма и психической неуравновешенности. Неудовлетворенность сложившимися эмоциональными отношениями со злоупотребляющей алкоголем матерью обуславливает высокий уровень «ущербности» и «демонстративности» у дочерей. Эмоциональное отношение к отцу связано с эмоциональным отношением к злоупотребляющей алкоголем матери. Неудовлетворенность сложившимися отношениями с отцом обуславливает наличие у дочерей высокого уровня депрессии, невротизма и психотизма и связано с низкой «коммуникативностью».

Эмоциональное отношение к себе у сыновей из семей, в которых алкоголем злоупотребляет мать, в большей степени связано с уровнем эмоционального отвержения семьи и в меньшей – с удовлетворенностью сложившимися эмоциональными отношениями с обоими родителями. Удовлетворенность семейными взаимоотношениями (эмоциональное принятие семьи) определяется наличием позитивного эмоционального отношения к отцу, не злоупотребляющему алкоголем. Связь между удовлетворенностью сложившимися эмоциональными отношениями со злоупотребляющей алкоголем матерью и эмоциональным отвержением семьи не выявлена. Связь между удовлетворенностью сложившимися эмоциональными отношениями со злоупотребляющей алкоголем матерью и эмоциональным отношением к отцу незначительна (практически отсутствует). Эмоциональное отвержение семьи, наличие негативного эмоционального отношения к себе, а также неудовлетворенность сложившимися эмоциональными отношениями с матерью, злоупотребляющей алкоголем, связаны с наличием у сыновей высокого уровня депрессивности. Неудовлетворенность сложившимися эмоциональными отношениями со злоупотребляющей алкоголем матерью связана с наличием у сыновей высокого уровня психотизма и проблем с общением. Степень неудовлетворенности сложившимися эмоциональными отношениями с отцом связано с наличием в поведении сыновей «демонстративности», «аффективности», «ущербности» и проблем с общением.

Эмоциональное отношение к себе у дочерей из семей, в которых оба родителя злоупотребляют алкоголем, в большей степени связано с удовлетворенностью сложившимися

эмоциональными отношениями с отцом. При этом эмоциональное отношение к отцу положительно коррелирует с эмоциональным отношением к матери. Неудовлетворенность сложившимися эмоциональными отношениями с матерью обуславливает наличие в поведении дочерей высокого уровня «агрессивности» и «директивности».

Эмоциональное отвержение семьи связано с наличием у дочерей высокого уровня *невротизма*, а также отсутствием «демонстративности» в поведении. В значительной степени наличие страха у дочерей, оба родителя которых злоупотребляют алкоголем, связано со степенью неудовлетворенности сложившимися эмоциональными отношениями с отцом. Неудовлетворенность сложившимися эмоциональными отношениями с матерью и отцом в равной степени связана с наличием у дочерей высокого уровня *депрессивности*. Эмоциональное отвержение отца связано со стремлением дочерей к множеству эмоционально окрашенных контактов. Незначительна, практически отсутствует связь между эмоциональным отношением к семье и удовлетворенностью эмоциональными отношениями с отцом и матерью, злоупотребляющими алкоголем.

С эмоциональным отношением к себе у *сыновей из семей, в которых алкоголем злоупотребляют оба родителя*, связана удовлетворенность сложившимися эмоциональными отношениями с матерью и отцом. Негативное эмоциональное отношение к себе связано с наличием у сыновей, злоупотребляющих алкоголем родителей высокого уровня *депрессивности*. Эмоциональное отвержение семьи обусловлено неудовлетворенностью сложившимися эмоциональными отношениями между матерью и отцом в равной степени. Эмоциональное отношение к отцу положительно коррелирует с эмоциональным отношением к матери. Неудовлетворенность сложившимися эмоциональными отношениями с матерью связана с наличием у сыновей страха и «аффектации». Наличие «аффектации» в поведении сыновей также связано с неудовлетворенностью сложившимися эмоциональными отношениями с отцом. Высокий уровень «аффектации» отражает стремление к поиску во множестве социальных контактов эмоциональной удовлетворенности и является способом избегания страха. Неудовлетворенность сложившимися эмоциональными отношениями с отцом обуславливает наличие в поведении сыновей «агрессивности» и «директивности».

Таким образом, в группе детей 12–14 лет, из всех типов алкогольных семей в возрасте наличие негативных эмоциональных переживаний преимущественно наблюдается у мальчиков. При этом очевидна связь наличия негативных эмоциональных переживаний у детей из семей, злоупотребляющих алкоголем, не только с неудовлетворенностью сложившимися эмоциональными отношениями с пьющим родителем, но и с зависимым родителем.

Литература

1. Горьковая, И.А. Нарушения поведения у детей из семей алкоголиков / И.А. Горьковая // *Обозр. психиат. и мед. психол.* – 1994. – № 3. – С. 49.
2. Мельников, В.М. Введение в экспериментальную психологию личности / В.М. Мельников, Л.Т. Ямпольский. – М., 1985. – 319 с.
3. Москаленко, В.Д. Семья больного алкоголизмом как система / В.Д. Москаленко, Т.И. Милосердова // *Вопросы неврологии и психиатрии.* – 1993. – № 5 – С. 41–45
4. Москаленко, В.Д. Ребенок в «алкогольной» семье: психологический портрет / В.Д. Москаленко // *Вопр. психологии.* – 1991. – № 4. – С. 65–73.
5. Москаленко, В.Д. Дети больных алкоголизмом (возраст от 0 до 18 лет) / В.Д. Москаленко // *Обз. Инф. Медицина и здравоохранение. НПО «Союзмединформ».* Серия: обзоры по важнейшим проблемам здравоохранения и медицины. – М.: Медицина, 1990. – С. 1–68.
6. Москаленко, В.Д. Личностно-психологические особенности детей, родители которых больны алкоголизмом / В.Д. Москаленко, А.В. Новиков, Е.В. Татаринская // *Вопросы наркологии.* – 1996. – № 1. – С. 49.
7. Мясищев, В.Н. Проблема отношений человека и ее место в психологии / В.Н. Мясищев // *Вопросы психологии.* – 1957. – № 5. – С. 142–154.
8. Мясищев, В.Н. Социальная психология и психология отношений / В.Н. Мясищев // *Проблемы общей психологии.* – М.: Наука, 1965. – С. 64
9. Практическая психодиагностика: методики и тесты / под ред. Д.Я. Райгородского. – Самара: БАХРАХ-М, 2000. – 672 с.
10. Рожнова, Т.М. Психопатологические расстройства у детей, отцы которых страдают алкоголизмом // *Вопросы наркологии.* – 1996. – № 1. – С. 49.

11. Эйдемиллер, Э.Г. Психология и психотерапия семьи / Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкий. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2001. – 656 с.
12. Эткин, А.М. Цветовой тест отношений: методические рекомендации / А.М. Эткин. – Л.: Наука, 1985.
13. Beecnel, B.C. The co-dependent parent: free yourself by freeing your child, 1991 / B.C. Beecnel. – Harper. San Francisco. A. Division of Harper Collins Publishers. – 260 p.
14. Jagoda, G. Children and alcohol – a developmental study in Glasgow / G. Jagoda, I. Grammond // Health Bull. Edinb. – 1973. – № 31.
15. Mendenhall, W. Co-dependency definitions and dynamics / W. Mendenhall // Alcohol. Treat. Quart. – 1989. – Vol. 6. – № 1. – P. 37–57.
16. Robinson, B.E. Working with children of alcoholics (The practitioners handbook) / B.E. Robinson. – Lexington Books. Massachusetts / Toronto. – 1989. – 254 p.

Summary

This article represents the research results of children's and parent's relationships in alcohol abusing families, the correlation of their emotional satisfaction extent and negative emotional experience. The research results have demonstrated that the presence of negative emotional experience of 12–14 year old children from alcohol abusing families on emotional dissatisfaction of the relationships not only with an alcoholic parent but for most part with a codependent parent.

Поступила в редакцию 07.10.05.

УДК 394.3-053.2(476)

А.Д. Якубинская

ГУЛЬНЯВАЯ КУЛЬТУРА ДЗЯЦЕЙ ЯК ФАКТАР САЦЫЯЛІЗАЦЫІ Ў ТРАДЫЦЫЙНЫМ ГРАМАДСТВЕ БЕЛАРУСАЎ ДРУГОЙ ПАЛОВЫ XIX-ПАЧАТКУ XX СТАГОДДЗЯЎ

Традыцыйна адным з найважнейшых фактараў працэсу ўключэння дзіцяці ў грамадства з'яўляецца яго гульнявая культура, якая фарміруецца пад уплывам вопыту папярэдніх пакаленняў і вопыту аднагодкаў і носіць пазнавальны, адаптацыйны і выхаваўчы характар. Сацыяльнае сталенне дзяцей у сучасным індустрыяльным грамадстве беларусаў вельмі складаны і шматгранны працэс, які не можа быць апісаны толькі з боку трансмісіі гульнявой традыцыі. Але без сувязі з гульнявой спадчынай продкаў сучасная гульнявая культура здольна ўзнаўляць толькі гульні спартыўна-спаборніцкага характару, як гэта адбываецца ў групоўках гарадскіх дзяцей. Многія даследчыкі дзіцячай гульнявой культуры адзначаюць істотнае збядненне і нават павелічэнне жорсткасці свету гульні, выкліканае адхіленнем дзяцей ад удзелу ў працоўных працэсах некалькіх пакаленняў, падзелам дзяцей на фармальныя ўзроставыя групоўкі, выключэннем дарослых з гульнявога выхавання і заменай яго на кніжнае, тэлевізійнае або камп'ютарнае [1, 66]. Незваротнасць гэтага працэсу, неабходнасць захаваць гульнявую спадчыну продкаў выклікае неабходнасць звярнуцца да вывучэння гульнявых фактараў сацыялізацыі дзяцей ў традыцыйным грамадстве беларусаў.

Асноўнымі элементамі гульнявога фактару, пад уплывам якіх ажыццяўлялася сацыялізацыя дзяцей у традыцыйным грамадстве беларусаў, былі наступныя: гульні з групай сяброў, традыцыйныя дзіцячыя цацкі, дзіцячы фальклор. Трэба адзначыць, што гэтыя элементы нельга разглядаць асобна, бо яны ўзаемазвязаны, шчыльна пераплятаюцца і выпякаюць адзін з аднаго, што абумоўлена, у першую чаргу, творчым характарам гульнявой культуры. Спраба структурыраваць гульнявы фактар выклікана неаходнасцю вылучыць і прасачыць тыя скрытыя механізмы, якія ажыццяўляюць трансмісію традыцыйнай культуры.

Разгляд дзейнасці «механізму» сацыялізацыі трэба пачаць у першую чаргу з такога элемента, як група сяброў і гульні ў ёй. У беларускай вёсцы не існавала аднаўзроставых групак, што было звязана з дзейнасцю такога спецыфічнага сродку культуры, як «інстытут мацярынства», адной з праяваў якога быў абавязак шасці-васьмігадовай «нянькі» (хлопчыка або дзяўчынкі) даглядаць сваіх малодшых братоў ці сясцёр. Такая рознаўзроставасць фарміравала асаблівы парадак узаемаадносінаў, які грунтаваўся на прынцыпе: старэйшых баяцца, але

паважаюць і бяруць з іх прыклад, а малодшых саромеюцца, але даглядаюць і абараняюць. Справядлівасць гэтага прынцыпу падкрэслівалася самой структурай традыцыйнай беларускай дзіцячай гульні, якая складалася з двух асноўных кампанентаў: жэрабя або лічылка і ўласна гульні. Жэрабя, або лічылка, заўсёды насіла нарматыўны, заканадаўчы характар у дзіцячай суполцы і была, на нашу думку, важным сацыялізуючым кампанентам, бо падкрэслівала справядлівасць вынікаў гульні. Лічэнне адбывалася адпаведна прынятай формуле, якіх існавала вялікае мноства не толькі ў розных паветах, але нават у кожнай вёсцы. У якасці прыкладу можна ўгадаць адну з лічылак, якую прыводзіць Ул. Казлоўшчык, даследчык беларускіх гульняў пачатку XX стагоддзя:

Цок-цыгірок,
Пана Фіда футарок,
Пела-гарэла,
Вус-барадус,
Кіслы квас,
Лаві нас! [2, 42].

У некаторых выпадках да вызначаных кампанентаў далучаўся і трэці – сімвалічнае або канкрэтнае пакаранне: сцябанне пруцікам, цяганне за вушы, за валасы, штуршкі і выпяткі, якія суправаджаліся своеасаблівымі прыгаворамі. Напрыклад, гуляючы «ў ката», дзеці-мышкі, штурхаючы хлопчыка-ката, прыгаворвалі наступнае:

Апанас, Апанас!
Твая жонка ў нас
Увалілася ў квас –
Лаві сем год нас! [3, 171].

Наступным пасля лічылка кампанентам гульнявой дзейнасці дзяцей была ўласна гульня, якую таксама можна разглядаць як частку сацыяльна-нармаўнай культуры. Парадак і правілы гульні накіраваны на мадэліраванне ролявых адносін паміж яе ўдзельнікамі. В.А. Дзмітрыў, В.А. Іванова, выкарыстоўваючы інфармацыйна-камунікатыўны падыход да вывучэння традыцыйных дзіцячых гульняў, распрацавалі класіфікацыю імітацыйных гульняў адпаведна спосабу атрымання сацыякультурных устаноў [1, 59]. На думку Л.В. Ракавай, менавіта імітацыйныя гульні (гульні, у якіх дзеці імітуюць паводзіны, заняткі, працу, адносіны дарослых), былі важным спосабам узнаўлення вопыту папярэдніх пакаленняў праз перанос дзецьмі на іх уражанняў ад убачанага ў сям'і [4, 108]. Паэтапны разгляд развіцця дзіцячых гульняў ад найпрасцейшых перайманняў да складаных сімвалічных гульняў дазволіць прасачыць сам працэс сацыялізацыі дзіцяці ад нараджэння да 12–13 гадоў у традыцыйным грамадстве беларусаў.

Найпрасцейшыя імітацыі рэфлекторнага характару праз перайманне рухаў, гукаў на першым годзе жыцця дзіцяці з'яўляюцца першай яго рэакцыяй на навакольнае асяроддзе, узнаўленнем яго элементарнага вопыту [1, 60]. Так, дзіця ва ўзросце 1–2 гадоў паказвае, як «гаворыць» сабакка, коцік, кароўка, курачка, а старэйшыя дзеці і нават «падшпаркі» (так называлі дзяцей падлеткавага ўзросту ў другой палове XIX стагоддзя) ужо мэтанакіравана займаюцца галасавой імітацыяй, у тым ліку пры дапамозе свістулёк, пішчыкаў, дудак, жалеек. Да найпрасцейшых перайманняў можна аднесці і імітацыю розных рухаў, у якасці прыкладу якіх можа быць прыведзеная Е.Р. Раманавым гульня «Гусі ляцяць!», якую праводзіць старэйшая «нянька» са сваімі малодшымі брацікамі і сястрычкамі [5, 586]. Усе дзеці ставяць указальныя пальчыкі ў цэнтар стала, а «нянька» пачынае па парадку паўтараць: «Гусі ляцяць! Вуткі ляцяць! Вераб'і ляцяць!», – паказваючы пры гэтым, як яны махаюць крыламі. Меншыя падымаюць ручкі ўверх і паўтараюць рухі за ёй, адказваючы: «Ляцяць!» Раптам «нянька» гаворыць: «Шчупакі ляцяць!» І малыя радасна падымаюць ручкі ўверх. Няўважлівых гульцоў «нянька» пляскае па далоньках і адказвае: «Не ляцяць!»

Паступова рэфлекторная імітацыя перарастае ў «імітацыю аднамернай дзейнасці дарослых» [1, 61]. Яна суправаджаецца ўключэннем творчых здольнасцяў дзіцяці, накіраваных на спробу спраектаваць пэўную сацыяльную ролю на сябе. На нашу думку, гэты працэс адбываецца ва ўзросце 5–7 гадоў. Дзеці ўжо дакладна вызначаюць сваю палавую прыналежнасць, узмацняецца палавая дыферэнцыяцыя паводзінаў і напрамкаў іх далейшай дзейнасці [6, 194]. Менавіта з гульнявой дзейнасці для дзяўчынак пачынаюць званы «інстытут мацярынства» –

культурны феномен традыцыйнага грамадства, накіраваны на фарміраванне ў свядомасці і паводзінах дзяўчынкі жаночай адаптацыйнай стратэгіі. Дзяўчынкі калыхалі лялек, запрашалі адна адну «на абедкі», дзе «ласаваліся» пірагамі з пяску, зялёнымі яблыкамі. Паступова такія гульні ўскладняліся і ператвараліся ў імітацыю сямейных адносінаў, у сімвалічнае выкананне роляў жанчыны ў сям’і і сялянскай абшчыне беларусаў. На гэтых прынцыпах пабудаваны многія дзявочыя гульні, у тым ліку і гульня «Што робіш?», апісаная М.В. Доўнар-Запольскім [7, 208]. Праз імітацыю ў ёй асноўных жаночых абавязкаў дзяўчынка паступова атаясамлівала сябе з жаночай роляй у сям’і і грамадстве.

Што да хлопчыкаў, то іх гульні вылучаліся большай вонкавай накіраванасцю, што было звязана з дзейнасцю так звананага «інстытута пастухоўства» – культурнага феномена, накіраванага на фарміраванне ў хлопчыкаў мужчынскай адаптацыйнай стратэгіі: мужчынскай свядомасці і адпаведных паводзінаў, актыўнай сацыяльнай ролі. Хлопчыкі ва ўзросце 5–7 год пачыналі адыходзіць ад сваіх хатніх спраў, паступова пазбаўляючыся псіхалагічнага ўплыву маці. Узростала роля бацькі, які імкнуўся прыцягнуць сыноў да мужчынскіх спраў па-за межамі сям’і, такой першай справай быў абавязак пасвіць кароў, коней. Менавіта на пасьбе складваўся своеасаблівы мікраклімат хлапечай суполкі, які нараджаў адпаведныя гульні, якія мелі больш спартыўна-спаборніцкіх кампанентаў, чым імітацыйных. На наш погляд, аналіз пастухоўскай гульні «Каза» дазволіць вылучыць асноўныя кампаненты гульнявога элементу сацыялізацыі хлопчыкаў [2, 43–44]. На пачатку гульні хлопчыкі абіраюць «пастуха» пры дапамозе спецыяльнага спаборніцтва: шырока расставіўшы ногі кідаюць праз іх свае шапкі, чыя шапка ўпадзе бліжэй – той «пастух». Дзеці складаюць свае шапкі-козы каля ўбітага ў зямлю кала, і «пастух» іх «пасе» – сцеражэ. Астатнія павінны «ўкрасці коз», пакуль «пастух» не паспеў стукнуць іх пугай. А калі тры «казы ўкрадзены», пастуха-небараку гоняць праз «шых»: той павінен прапаўзці паміж ног астатніх на каленях, атрымаўшы ад кожнага некалькі ўдараў шапкай. Такім чынам, нельга не заўважыць, што кожны кампанент гульні падкрэсліваў справядлівасць яе вынікаў: выбар пастуха пры дапамозе спаборніцтва, пакаранне прагонам праз «шых» за «пакрадзеныя козы». Да таго ж спартыўна-спаборніцкі характар гульні фарміраваў ў свядомасці хлопчыкаў мужчынскія сацыяльныя каштоўнасці: перамагае той, хто мацнейшы, само імкненне да лідэрства, неабходнасць выконваць свой абавязак яе мага лепш, бо ў іншым выпадку цябе чакаюць негатыўныя вынікі, – і, безумоўна, садзейнічаў набываццю працоўных навікаў.

Трэба адзначыць, што спектр грамадскіх адносінаў, якія адлюстроўваліся ў дзіцячых гульнях, даволі шырокі, ён не абмяжоўваўся толькі жаночымі і мужчынскімі ролямі. У беларускіх дзяцей існавала вялікая колькасць гульняў, у якіх імітавалася гаспадарчая дзейнасць беларусаў, і ў іх прымалі ўдзел дзеці абодвух палоў. Напрыклад, у апісанай Л. Чарняўскай гульні «У мак» узгадваюцца ўсе этапы культывацыі маку, якія ўключаюць і мужчынскую, і жаночую працу на зямлі: пачынаючы ад арання зямлі і заканчваючы яго «трасеннем» – апрацоўкай [8, 13]. Існавалі таксама гульні, у якіх імітаваліся толькі жаночыя або толькі мужчынскія справы, але прымалі ўдзел у гульні і дзяўчынкі, і хлопчыкі. Напрыклад, у беларускай народнай гульні «Кросны» пры дапамозе рухаў імітуецца сам працэс ткацтва [9, 358]. Удзел дзяўчынак у гэтай гульні абумоўлены іх цікавасцю да выключна жаночай справы – ткацтва, а ўдзел хлопчыкаў выкліканы яе рухомым характарам.

Часам у дзіцячых гульнях адлюстроўвалася сістэма сацыяльных адносін: у гульні «Рэдзька» прасочваецца характар адносін паміж прадстаўнікамі асобных груп традыцыйнага грамадства. Захавалася некалькі варыянтаў гэтай гульні – «Рэдзьку вырываць», «Рэдзьку абіваць», «Рэдзьку каштаваць», якія не маюць істотных адрозненняў [2, 73–74]. Ва ўсіх гульнях узгадваюцца такія асобы, як пан, пані, якая «сына нарадзіла, на стоўб пасадзіла, а той зваліўся, на барану прабіўся», «матка» – сялянка, да якой пан звяртаўся з просьбай даць яму рэдзькі, каб суцешыць пані, а астатнія дзеці выконвалі ролю рэдзькі. Безумоўна, дзеці не асэнсоўвалі сацыяльную афарбоўку гульні, для іх была важна сама паэтапнасць працэсу, уласныя сімпатыі «маткі», якая выбірала лепшую «рэдзьку». Важна адзначыць, што дзеці выразна асэнсоўвалі ўзаемную залежнасць сялян і пана, сацыяльная перавага якога падкрэслівалася тым, што ён заўсёды прыязджаў па рэдзьку на імправізаваным «кані» – палачцы.

Кола грамадскіх адносінаў, якія адлюстроўваліся у гульнях дзяцей, надзвычай шырокае, часам яны неслі адбітак негатыўнага вопыту папярэдніх пакаленняў, напрыклад, гульні «Суд» і «Кароль і стараста» [2, 88–89]. Дзеючыя асобы – «кароль» ці «суддзя», «стараста», «злодзей» ці

«цыган» і «бедны чалавек» – абіраліся пры дапамозе запісак, якія выцягваліся з шапкі. «Бедны чалавек» павінен быў здагадацца, хто «ўкраў у яго карову» (атрымаў запіску з надпісам «цыган» ці «злодзей»). «Кароль» ці «суддзя» прызначалі даволі жорсткае пакаранне ў выглядзе «пяці гарачых» (пяці балючых удараў па далонях) або «беднаму чалавеку» за спробу «падмануць справядлівы суд» (ігрок не здагадаўся, хто злодзей), або «злодзею» ці «цыгану» за «пакражу». Як бачым, роля і паводзіны ўсіх дзеючых асоб цалкам імітуюцца ў дзіцячай гульні і фарміруюць у дзіцячай свядомасці адпаведныя стэрэатыпы паводзінаў.

Побач з гульнямі, якія адлюстроўваюць сацыяльную структуру традыцыйнага грамадства, неабходна разгледзець гульні, якія нясуць адбітак характару ўзаемаадносін паміж рознымі нацыянальнымі меншасцямі Беларусі і з прадстаўнікамі іншых народаў. Такія гульні з кансерватыўнай структурай характэрны для кантактных рэгіёнаў і рэгіёнаў са змешаным складам насельніцтва, якім і з'яўляецца тэрыторыя Беларусі [1, 63–64]. Тут у якасці прыклада ўзгадаем гульні, назвы якіх гавораць самі за сябе – «Жыд», «Дзікары і беларусы», «Французы і беларусы» [2, 87]. Так, гульня «Французы і беларусы» змяшчае закансерваваны вопыт папярэдніх пакаленняў у вайне 1812 года. Цікава, што хаця гульня носіць спартыўна-спаборніцкі характар, але яна пабудавана такім чынам, што групоўка дзяцей, якія ў гульні – «беларусы», заўсёды перамагае.

Яшчэ адным элементам гульнявой культуры дзяцей у традыцыйным грамадстве беларусаў з'яўляецца ўласны дзіцячы фальклор – выкарыстанне імі дражнілак і прыгаворак, галоўныя рысы якіх: імпрывізацыйнасць, накіраванасць на захаванне маральных якасцей і абарону сацыяльных нормаў паводзінаў, прынятых у дзіцячым асяроддзі. На прыкладзе беларускіх дражнілак можна прасачыць супрацьпастаўленне хлапечай і дзявочай суполак:

Дабы-дабы,
Дзеўкам – жабы,
Тыры-тыры,
Хлопцам – сыры! [10, 387].

Цікава, што большасць такіх дражнілак адлюстроўвае накіраванасць на высмейванне дзяўчынак і падкрэслівае перавагу хлопчыкаў. Такая акалічнасць была абумоўлена вылучэннем у хлапечай свядомасці накіраванасці на больш актыўную мужчынскую сацыяльную ролю ў грамадстве, як ужо адзначалася намі вышэй.

Неабходна адзначыць, што ў традыцыйнай сялянскай абшчыне беларусаў існавалі асаблівыя адносіны да дзіцячай гульнявой культуры з боку дарослых. Так, сяляне верылі, што чалавек у дзіцячым узросце валодае прароцкімі якасцямі і сваімі гульнявымі дзеяннямі (імітацыяй заняткаў дарослых) можа прадказаць, што чакае сям'ю ў будучым годзе. Беларусы верылі, што Бог кіруе дзіцячымі справамі, каб данесці сваю волю да дарослых аб будучым ураджаі, хуткім нараджэнні дзіцяці або смерці каго-небудзь з родных, аб набліжэнні вайны або эпідэміі [11, 30–31].

Асаблівацямі беларускага характару з'яўляюцца ўшанаванне продкаў і пачцівыя адносіны да старых людзей, якія фарміраваліся ў дзіцячым узросце, у тым ліку і сумеснымі гульнямі дзяцей з дзядзямі і бабулькамі, «здзяцінелі». Лічылася, што такія сумесныя гульні быццам бы прынясуць дзіцяці доўгія гады жыцця, таму яны ўсяляк абараняліся беларусамі ад насмешак і кпінаў, бо Боская кара можа спасцігнуць сям'ю такога «даўгавечніка» [11, 56–57].

А.К. Байбурын падкрэслівае асаблівую ролю «візуальнага коду» прадметаў матэрыяльнай культуры (гаспадарчыя рэчы і інвентар), якія выкарыстоўваліся ў традыцыйным грамадстве для перадачы сацыяльна важнай інфармацыі [12, 225]. У дзіцячых суполках трансляцыя сацыяльнага вопыту адбывалася пры дапамозе прадметаў дзіцячай матэрыяльнай культуры, у першую чаргу, цацак. На нашу думку, эвалюцыя функцыі цацкі ад абрадавай, у старажытнасці (цацка, як ахоўны сродак – засцерагаць), да гульнявой, у традыцыйным грамадстве, сфарміравала асаблівыя адносіны да дзіцячых цацак і веру сялян у прадказальныя ўласцівасці дзяцей, як транслятараў Боскай волі. Н.Д. Бартрам адзначае, што найгалоўнейшымі рысамі цацак сялянскіх дзяцей былі элементы радасці саміх дарослых сялян [13, 48]. Такім чынам, традыцыйная дзіцячая цацка, як прадукт творчага асэнсавання дзецьмі ўласнага культурнага вопыту, служыла адначасова транслятарам усвядомленых культурных традыцый іншым дзецям і была індикатарам жыцця ўсёй сям'і і нават сялянскай абшчыны.

Такім чынам, разглядаючы гульнявую культуру дзяцей як фактар сацыялізацыі ў традыцыйным грамадстве беларусаў, можна вылучыць наступныя элементы, якія суправаджаліся

творчай дзейнасцю дзіцяці: традыцыйныя дзіцячыя гульні, уласны дзіячы фальклор, традыцыйныя дзіцячыя цацкі. Дзіячыя гульні складаліся з наступных кампанентаў: жэрабля, або лічылкі, сімвалічнага або канкрэтнага пакарання, якія выконвалі сацыянаарматыўную функцыю, і ўласна гульні. Развіццё імітацыйных гульняў адбывалася ад прасцейшых рэфлекторных імітацый рухаў і гукаў да складанай імітацыі дзейнасці дарослых у сям’і і грамадстве. Спробы дзяцей адпаведнага полу ў працэсе гульні спраектаваць на сябе пэўную сацыяльную ролю мужчыны ці жанчыны прыводзілі да фарміравання адпаведнай адаптацыйнай стратэгіі. З аднаго боку, дзейнасць такіх спецыфічных сродкаў культуры, як «Інстытут мацярынства» і «Інстытут пастухоўства», вызначала характар гульні: імітацыйныя рысы гульні пераважалі ў дзявочым калектыве, а спартыўна-спаборніцкія – у хлопчым. З другога боку, сумесныя гульні маглі мець і спартыўна-спаборніцкі характар, і элементы імітацыі адначасова. Яны з’яўляліся адлюстраваннем сістэмы грамадскіх і сацыяльных адносін, пазітыўнага і негатыўнага вопыту папярэдніх пакаленняў, характару адносінаў да нацыянальных меншасцяў і іншых народаў, што прыводзіла да фарміравання адпаведных стэрэатыпаў паводзінаў. Вынікам усвядомленага культурнага вопыту дзяцей была іх уласная творчая дзейнасць, якая праяўлялася ў дзіячым фальклоры і дзіячай вытворчасці цацак, а таксама гульнях з імі.

Літаратура

1. Дмитриев, В.А. Опыт сравнительно-типологического анализа детских игр / В.А. Дмитриев, В.А. Иванова // «Мир детства» в традиционной культуре народов СССР: сб. науч. тр.: в 2 ч. – Л.: ГМЭ народов СССР, 1991. – Ч. 2. – С. 56–66.
2. Казлоўшчык, Ул. Аб фізічным выхаванні ў беларусаў / Ул. Казлоўшчык. – Вільня: Беларуская крыніца, 1928. – 126 с.
3. Материалы по этнографии Гродненской губернии / под ред. Е.Р. Романова. – Вильно: Изд. упр. Виленского учеб. округа, 1911. – Вып. 1. – 237 с.
4. Ракава, Л.В. Гульні і забавы ў дзіячай традыцыі / Л.В. Ракава // Традыцыйная фізічная культура беларусаў: гісторыя, тэорыя, практыка: матэрыялы II рэсп. канф. па праблемах традыц. фіз. культуры беларусаў. – Мінск: БДПУ, 1999. – С. 108–110.
5. Романов, Е.Р. Белорусский сборник / Е.Р. Романов. – Вильно, 1912. – Вып. 8.: Быт белоруса. – 724 с.
6. Кон, И.С. Ребёнок и общество: историко-этнографическая перспектива / И.С. Кон. – М.: Наука, 1988. – 269 с.
7. Довнар-Запольский, М.В. Крестьянские игры в Минской губ. / М.В. Довнар-Запольский // Живая старина. – 1894. – Вып. 3–4. – С. 203–208.
8. Дзяціныя гульні / сабрала і апрацавала Л. Чарняўская. – Вільня: Друкарня «ZNICZ», 1919. – 16 с.
9. Гульні, забавы, ігрышчы / склад.: А.Ю. Лозка. – Мінск: Беларуская навука, 1996. – 532 с.
10. Дзіячы фальклор / склад.: Г.А. Барташэвіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1972. – 734 с.
11. Никифоровский, Н.Я. Дяциныя бавы / Н.Я. Никифоровский // Этнографическое обозрение. – 1897. – № 3. – С. 21–66.
12. Байбурин, А.К. Семиотический статус вещей и мифология / А.К. Байбурин // Материальная культура и мифология: сб. Музея антропологии и этнографии. – Л.: Наука, 1981. – Т. XXX. – С. 215–226.
13. Бартрам, Н.Д. Игрушка / Н.Д. Бартрам // Избранные статьи. Воспоминания о художнике. – М.: Советский художник, 1979. – 173 с. – С. 45–57.

Summary

The article is dedicated to the research of children culture of play as a socialization factor in the tradition byelarusian society of the second half of the 19th and the beginning of the 20th century. The analyses of such elements of playing culture as traditional children games, children folklore and toys allowed to identify their major role in the children’s process of social upbringing.

Паступіла ў рэдакцыю 31.01.06.

ПЕРСАНАЛІІ

Валетов Валентин Васильевич

Валентин Васильевич родился 23 февраля 1951 года в д. Остров Ельского района Гомельской области. В 1968 г. окончил Ельскую среднюю школу. В 1969–1971 гг. служил в рядах Советской Армии, в Мозырской ракетной бригаде, которая дислоцировалась в Приморском крае. В 1976 году окончил Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины.

Кандидат сельскохозяйственных наук (1983), доктор биологических наук (1992), профессор (1998), заведующий кафедрой ботаники и физиологии растений (1994–1997) ГГУ им. Ф. Скорины. С ноября 1997 года ректор УО «Мозырский государственный педагогический университет». Автор более 160 научных трудов, в том числе 10 монографий по проблемам лесного болотоведения и экологии лесов, совершенствования системы управления образовательным, воспитательным и научным процессами в вузе.

Служивцы, друзья и знакомые знают, какой сложный и в то же время закономерный путь прошел Валентин Васильевич в науке и на административном поприще: от аспиранта – до доктора биологических наук, от младшего научного сотрудника – до профессора, от студента – до ректора университета, который является крупным образовательным и культурным центром уникального региона – Белорусского Полесья.

Ещё во время учебы в ГГУ постоянно следил за новинками научной литературы, формировал свою личную библиотеку. Преддипломную практику проходил в Березинском заповеднике. Здесь написал дипломную работу, которая была защищена на «отлично». Во время учебы в университете нашел понимание и творческую поддержку известных ученых (профессоров Ф.Н. Харитоновича, И.В. Жаркова, А.С. Паламарчука, Б.П. Савицкого). Все это послужило поводом к тому, чтобы на имя руководства университета был сделан запрос о распределении молодого специалиста в заповедник, что и произошло.

В Березинском государственном заповеднике проработал 17 лет. Здесь прошел путь от студента-практиканта до ведущего научного сотрудника, доктора наук. Березинский заповедник – старейший в нашей стране. С точки зрения фундаментальной науки и практики природопользования территория заповедника является уникальным местом стационарных исследований болот и лесов.

В 1977 году в заповеднике создается лаборатория гидрологии и болотоведения, и Валентин Васильевич становится её сотрудником. Вначале ему было поручено разрабатывать тематику водно-болотных экосистем. Под влиянием гидробиологических идей и на основании того, что курсовая работа была посвящена гидрохимии и первичной продукции водоемов, эти направления и были выбраны для исследования. Со временем возникает идея исследования первичной продукции не только водоемов, но и наземных экосистем – ресурсов естественных болот, разнообразие которых вызывает удивление и предполагает неисчерпаемый поиск и многогранность проблем. В этот период и позднее стали поддерживаться творческие и научные связи со многими выдающимися учеными Беларуси – академиками И.Д. Юркевичем, Л.М. Сушеной, Л.В. Хотылевой, В.И. Парфеновым, В.А. Ипатьевым, членами-корреспондентами Е.А. Сидоровичем, М.М. Пикуликом, Б.И. Якушевым, А.А. Махначом, докторами наук В.С. Гельтманом, М.С. Долбиком, Д.С. Голодом и др.

Расширение научных контактов происходило во время учебы в аспирантуре БТИ им. С.М. Кирова на кафедре профессора, доктора биологических наук Леонида Петровича Смоляка, ведущего болотоведа Белоруссии, научного руководителя при написании кандидатской диссертации. С этого времени окончательно формируется научная проблематика Валентина Васильевича – лесное болотоведение. В 1983 году им была защищена кандидатская диссертация.

За время работы в заповеднике вырос в крупного ученого-эколога и болотоведа, обогатившего белорусскую науку трудами большой теоретической и практической значимости. В этой отрасли науки с наибольшей полнотой раскрылись такие черты Валентина Васильевича, как профессионализм и способность к воплощению задуманного. Все эти качества в полной мере

проявились и были реализованы им при выполнении биопродукционных исследований безлесных и лесных болот в рамках Национальной программы «Человек и биосфера».

Научные исследования охватывают широкий круг проблем болотоведения. Впервые получены количественные данные о биопродукционном потенциале болот. Определены закономерности сезонного роста ассимиляционных органов болотных растений. Созданы алгоритмы и таблицы для определения продуктивности древесного яруса болот, что имеет важное практическое значение. Решен ряд проблем, связанных с осушительной мелиорацией лесных болот. Получены данные о степени биопродукционной трансформации всех ярусов болотных лесов при их осушении. Проведен глубокий сравнительный анализ биопродуктивности трех основных типов экосистем – болотных естественных, болотных осушенных и плакорных (суходольных). Полученные материалы внедрены в практику лесоустройства республики, охраны видов и сообществ растений. Биопродукционные и экологические сведения составили основу кадастровой оценки болотных экосистем и их экспертного анализа с целью рационального природопользования.

Защита докторской диссертации состоялась в 1992 году в Институте лесоведения Российской академии наук. Единогласное голосование – и через три месяца получен диплом доктора биологических наук. Результаты проведенного им исследования нашли отражение в монографии «Фитомасса и первичная продукция безлесных и лесных болот» (В 2 ч., 1992 г.).

После защиты диссертации возникают новые идеи обобщения и систематизации огромного материала по фитомониторингу и биоразнообразию сосновых лесов заповедного режима функционирования. Интенсивная работа увенчалась успехом. К 1993 году издана монография «Фиторазнообразие и состояние сосновых лесов Березинского заповедника».

В 1993 году получает приглашение на работу в Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины в качестве профессора кафедры ботаники и физиологии растений. Через год был избран заведующим этой кафедры. Под его руководством была организована крупнейшая научно-практическая конференция по экологическим проблемам региона. Организуется постоянно действующий семинар на факультете, издается серия методических рекомендаций, сборников статей, лекций и монография «Ядовитые растения и грибы».

В 1997 году получает предложение возглавить Мозырский государственный педагогический институт имени Н.К. Крупской. С первых дней работы в этой должности зарекомендовал себя хорошим организатором. Ему присущи высокая требовательность, демократический подход к решению вопросов, компетентность. Важнейшими принципами работы считает системность, последовательность и исполнительность. В результате институт вышел на новые рубежи учебной, научной и воспитательной работы: в 2002 году вуз получил статус университета.

Представляет МГПУ в республиканском и областном советах ректоров, является членом общего Собрания НАН Беларуси, членом двух Советов по защите диссертаций и Совета Гомельского областного института повышения квалификации, является членом Правления республиканского общества «Знания».

Возглавляет редколлегию научного журнала «Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта». Являлся председателем оргкомитета Международных научно-практических конференций «Проблемы экологии и экологического образования в постчернобыльский период» (1998, 2000), а также ряда других научных конференций, проведенных на базе УО МГПУ.

Своим трудом, отношением к порученному делу и доброжелательностью к людям заслужил глубокое уважение в городе Мозыре, области и республике. Является депутатом Гомельского областного и Мозырского городского Советов депутатов. Валентину Васильевичу близки и понятны проблемы разных возрастных групп населения: молодежи, людей зрелого возраста, пожилых людей, ветеранов войны и труда. Он плодотворно сотрудничает с ОО «Белорусский республиканский союз молодежи», с ветеранскими организациями, с общественными движениями социальной помощи малообеспеченным семьям и инвалидам.

Впереди ещё много интересных дел и перспективных результатов. В интересах процветания родной Беларуси он активно работает и передает свои знания и опыт студентам и коллегам.

Рылушкин Виктор Иванович

2006 год для заведующего кафедрой агроинженерии и методики преподавания агроинженерных дисциплин Виктора Ивановича Рылушкина юбилейный. 21 марта Виктор Иванович отметил свое 70-летие, в этом году он также празднует другое событие – 45-летие научно-педагогической деятельности.

Факультет химии, биологии и основ сельского хозяйства Гомельского педагогического института Виктор Иванович окончил в 1959 году, аспирантуру при Целиноградском сельхозинституте – в 1963 году, защитил диссертацию в 1970 году, в 1973 году получил звание доцента.

В.И. Рылушкин работал учителем химии и биологии средней школы, методистом в Гомельском, а позже в Целиноградском краевом институте усовершенствования учителей. После окончания аспирантуры и защиты диссертации – доцентом в Целиноградском СХИ, затем – заведующим отделом, заместителем директора Полесской сельскохозяйственной опытной станции.

В Мозырском пединституте В.И. Рылушкин работает с 1988 года. В настоящее время он является доцентом, заведующим кафедрой агроинженерии и МПАД на инженерно-педагогическом факультете.

Наукой В.И. Рылушкин начал заниматься уже на 1 курсе учебы в институте. Его первые научные исследования были связаны с жидким кислородом, оптическим сенсбилизаторам (сущность процесса проявления фотопленки) и сортоиспытанием огурцов.

Круг научных интересов Виктора Ивановича весьма широк: это химия почв, агрохимия, земледелие, кормопроизводство, технология выращивания сельхозкультур.

По результатам научно-исследовательской работы ученым опубликовано 120 научных и научно-методических работ

Высокая квалификация ученого-педагога, его доброжелательность и тактичность в отношении со студентами и коллегами хорошо известны в коллективе университета и вызывают уважение, желание учиться у В.И. Рылушкина.

Нуждзіна Тамара Сяргееўна

Магчыма, колькі будзе існаваць свет, столькі будзе існаваць святое слова – **НАСТАЎНІК**. Мы не задумваемся аб значэнні гэтага слова, не задумваемся аб чалавеку, якога так называем. А гэтае слова своеасабліва сінтэзуе ў сабе прафесійнае майстэрства чалавека, стыль яго жыцця, маральна-этычныя якасці.

Гэтае слова пра настаўніка – загадчыка кафедры беларускай літаратуры, дацэнта Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта Нуждзіну Тамару Сяргееўну, пра яе талент, пра яе творчыя пошукі.

Нарадзілася Тамара Сяргееўна ў звычайнай беларускай вёсцы, расла сярод простых і працавітых людзей. Характар фарміраваўся пад уплывам сям'і. А сям'я гэтая складалася з адных жанчын, якія цягнулі на сабе ўвесь пасляваенны цяжар. З маленства Тамары Сяргееўне прыйшлося працаваць, а ў хвіліны адпачынку побач была кніга. Вось адтуль, з маленства, засталіся ў яе цягавітасць і працавітасць. Усяго ў жыцці ёй даводзілася дабівацца самой.

Тамара Сяргееўна закончыла Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт і трапіла на работу ў Мазырскі дзяржаўны педагагічны інстытут, затым была аспірантура, абарона кандыдацкай дысертацыі. І сёння студэнтам нашага ўніверсітэта яна аддае свой талент, розум, цяпленне.

Калі трапляеш на заняткі да Тамары Сяргееўны, то адразу адчуваеш, што перад табой чалавек, які апантаны сваёй працай, які спрабуе навучыць студэнтаў думаць, разважаць, ацэньваць крытычна з'явы літаратуры і жыцця.

Тамару Сяргееўну ведаюць у школах горада, яна рэгулярна выступае перад настаўнікамі з прэзентацыяй і абмеркаваннем навінак сучаснага літаратурнага працэсу.

Даследаванні Тамары Сяргееўны маюць вялікую навуковую каштоўнасць. Яны друкуюцца ў рэспубліканскіх выданнях, такіх, як «Полымя», «Крыніца», «Літаратура і мастацтва».

Юбіляр – творчы чалавек. Літаратурныя вечары, падрыхтаваныя ёю, вызначаюцца мастацкасцю і лірызмам.

Сёння многія выпускнікі гавораць ёй «дзякуй» за веды, за патрабавальнасць, за майстэрства.

Прыемна працаваць з такім чалавекам побач, вучыцца ў яго.

ХРОНІКА

24–25 февраля 2006 года на базе кафедры психологии инженерно-педагогического факультета УО «Мозырский государственный педагогический университет» состоялся республиканский семинар «Психологические проблемы профессионализации молодежи», время проведения которого совпало с 10-летним юбилеем кафедры.

Основная цель семинара – обмен результатами деятельности, идеями ученых, для которых значимы исследования психологических проблем профессионализации. О своем желании участвовать в семинаре заявили около 40 представителей различных учебных заведений Республики Беларусь.

Мы рады были встрече с известными в стране учеными-психологами и педагогами, такими, как доктора наук Л.А. Пергаменщик, Ф.В. Кадол, кандидаты наук А.А. Амельков, Г.В. Гатальская, С.Н. Жеребцов, А.П. Лобанов и другие.

На семинаре обсуждались методологические и теоретические основы исследования проблемы профессионализации молодежи, проблемы профессионального развития студентов, психологические особенности профессионализации педагога, психолога, отдельных групп молодежи (старшеклассников, сельской молодежи, спасателей, безработных граждан).

Доклады участников семинара привлекли и преподавателей, и студентов новыми идеями и исследовательскими направлениями в области профессионализации молодежи.

За «Круглым столом» участники семинара делились опытом использования современных образовательных технологий в процессе профессиональной подготовки студентов в вузе.

Одним из принятых решений было решение об организации раз в два года конференции по психологическим проблемам профессионализации, а также о выходе на международный уровень сотрудничества.

Тот, кто не смог побывать на семинаре, но хотел бы познакомиться с вопросами, затронутыми на нем, может обратиться к сборнику научных статей «Психологические проблемы профессионализации молодежи», который был издан накануне семинара.

Семинар стал поводом для подведения определенных итогов развития кафедры психологии за 10 лет существования. Основным результатом ее деятельности – это создание дружного, трудолюбивого, творческого коллектива преподавателей, который способен решать самые разные задачи, поставленные руководством нашего вуза.

Значительным событием в научной жизни университета явилась Международная научно-практическая конференция «Современные подходы к подготовке учителя в высшей школе», которая состоялась 6–7 апреля 2006 года и была организована кафедрой педагогики УО «МГПУ».

Со вступительным словом к гостям и присутствующим обратился проректор по учебно-воспитательной работе и социальным вопросам Щур С.Н. На пленарном заседании выступили: **Петушкова Евгения Васильевна**, доктор философских наук, профессор (тема доклада «Ценностные ориентиры идеологического воспитания будущих педагогов»), **Андреев Владимир Иванович**, доктор педагогических наук, профессор (тема доклада «О компетенциях и компетентностях в структуре профессионализма педагога»), **Сенько Егор Егорович**, кандидат физико-математических наук, профессор (тема доклада «Реализация межпредметных связей как условие качественной подготовки преподавателя»), **Левко Анатолий Игнатьевич**, доктор социологических наук, профессор (тема доклада «Культура педагогического общения в профессиональной подготовке современного учителя в высшей школе (теоретико-методологический аспект)»), **Русецкий Василий Федорович**, доктор педагогических наук (тема доклада «Основные направления развития языковой личности будущего учителя в вузе»).

Работали секции по следующим научным направлениям: «Теоретико-методологические основы профессиональной подготовки будущего педагога», «Модели подготовки учителя в отечественных и зарубежных образовательных системах», «Содержание педагогической подготовки и деятельности учителя общеобразовательной школы», «Проблемы формирования профессиональных компетенций

будущего учителя», «Инновационные технологии в процессе подготовки педагога». Обсуждение докладов прошло в доброжелательной обстановке.

Выступающие отметили актуальность педагогического образования в Беларуси и Полесском регионе и пришли к заключению, что современная ситуация требует от учителя высокой профессиональной компетентности и готовности действовать с учетом гуманизации и демократизации, непрерывности и вариантности педагогического образования. Очевидна необходимость изучения зарубежного педагогического опыта, использование положительных аспектов культурной глобализации, что будет содействовать повышению качества знаний и построению поликультурного образования с учетом сохранения национально-культурной идентичности.

Значительный интерес, как известных ученых, так и студентов, начинающих педагогов вызвали мастер-классы, которые провели преподаватели кафедры педагогики: «Регуляция внутреннего эмоционального состояния учителя» (доцент Т.Н. Савенко), «Игровые технологии в процессе подготовки учителя» (доцент И.В. Журлова).

По итогам конференции был издан сборник научных работ, который порадовал авторов содержанием и высоким полиграфическим исполнением.

Гости также познакомились с достопримечательностями нашего города, посетив историко-археологический комплекс на горе Коммунар – свидетельство богатого прошлого города над Припятью.

В УО МГПУ 13–14 апреля на базе факультета физической культуры проводилась Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы физического воспитания, спорта и туризма начала III тысячелетия».

В работе конференции принимали участие ученые в области физической культуры, спорта и туризма Республики Беларусь и стран СНГ, из них 8 докторов наук, профессоров, а также представители отдела физической культуры, спорта и туризма Мозырского горисполкома, отдела образования, директора спортивных школ, Учреждения «Гомельское государственное училище олимпийского резерва».

Ведущие ученые, участники конференции были приняты ректором УО МГПУ профессором Валетовым В.В., который поздравил всех с открытием конференции, а также пожелал успешной работы. Ученые высказали пожелание дальнейшего сотрудничества с Учреждением образования «Мозырский государственный педагогический университет».

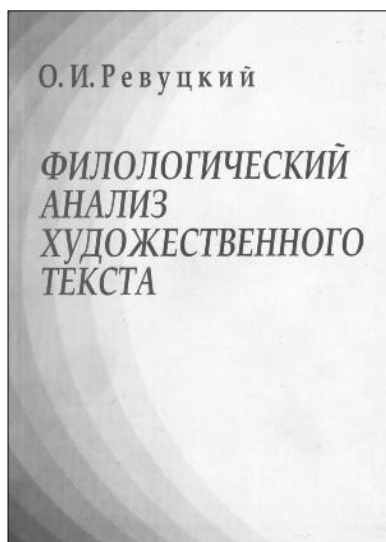
На пленарном заседании с интересными и содержательными докладами о перспективах развития спорта и совершенствования системы контроля спортсменов выступили представители Всероссийского научно-исследовательского Института физической культуры и спорта профессора Никитушкин В.Г. и Квашук П.В., доктор педагогических наук, профессор БГПУ им. М. Танка Глазырина Л.Д. с докладом на тему «Инновационные процессы в системе профессиональной подготовки в области физической культуры» приват-профессор Босенко А.И. (Южноукраинский ГПУ им. К.Д. Ушинского, Одесса) своим докладом «Сверхмедленные процессы мозга в оценке адаптивных реакций юных спортсменов на тренировочные нагрузки» заинтересовал многих специалистов своей областью.

Секционная работа велась по четырем направлениям. Особо оживленное обсуждение велось по докладам заместителя директора научно-исследовательского Института физической культуры и спорта Республики Беларусь доцента Прилуцкого П.М. и профессора Глазыриной Л.Д.

Во второй день конференции проводился круглый стол, где была дана высокая оценка проведению и организации конференции, а также высказаны пожелания, чтобы подобное мероприятие стало традицией для факультета физической культуры.

Надеемся, что обмен научной информацией, идеи, предложения и рекомендации всех участников конференции будут способствовать распространению передового педагогического опыта, внедрению в учебный процесс эффективных образовательных технологий, новых методов, идей в области физической культуры, спорта и туризма.

БІБЛІЯГРАФІЯ

Ревуцкий О.И. Филологический анализ художественного текста: учеб. пособие

Ревуцкий О.И. Филологический анализ художественного текста: учеб. пособие / О.И. Ревуцкий. – Минск: РИВШ, 2006. – 320 с.

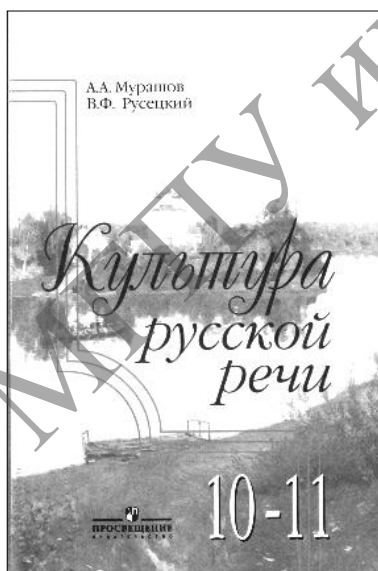
ISBN 985-500-015-3.

В пособии излагается методика многоаспектного, целостного в своей основе филологического анализа художественных текстов. Новым является рассмотрение художественного текста как дискурса, коммуникативно обусловленного связного целого, что соответствует современным подходам к тексту, ставшему предметом междисциплинарных взаимодействий.

В основу данной работы положен системный принцип организации дидактического материала, что позволяет эффективно решать различные учебные задачи, способствовать развитию каждого обучающегося как творческой личности. Предназначается студентам филологических специальностей высших учебных заведений, преподавателям языка и литературы, всем, кто интересуется проблемами теории текста и методики его изучения

УДК [801.7+821.09](075.8)

ББК 80/84я73

Мурашов А.А., Русецкий В.Ф.**Культура русской речи: учеб. пособие для учащихся 10-11 кл. гуманитар. профиля**

Мурашов А.А. Культура русской речи: учеб. пособие для учащихся 10–11 кл. гуманитар. профиля / Мурашов А.А., Русецкий В.Ф. – М.: Просвещение, 2006. – 239 с.

ISBN 5-09-014066-9.

Активный диалог, живое взаимодействие авторов с читателями – отличительная черта этого пособия. Книга с опорой на краткую теорию обобщает и систематизирует основные сведения о культуре речи. Грамматическая правильность, стилистические нормы, логика построения высказывания – вот далеко не полный перечень тем, представленных в пособии.

С помощью проблемных, нестандартных заданий книга учит яркой, выразительной, правильной русской речи, предлагает увлекательные коллективные (в творческих экипажах) и индивидуальные формы работы.

Пособие адресовано старшеклассникам, но представляет интерес и для широкого круга читателей.

УДК 373.167.1:811.161.1

ББК 81.2 Рус-922

Р Э Ф Е Р А Т Ы

УДК 512.44

Гойко, В.И. О классе конечных нильпотентных групп / В.И. Гойко // Веснік Мазырсакага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. – № 1(14). – 2006. – С. 3–7.

Возьмем счетное множество F_i классов Фиттинга ($i = 1, \dots, n, \dots$) и возьмем множество всех таких конечных разрешимых групп, у которых F_i – инъекторы нормальны в группе. Доказано, что такой класс является классом Фиттинга и содержит класс всех конечных нильпотентных групп. Исследуются условия нормальности инъекторов в конечных разрешимых группах.

Библ. – 4 назв.

УДК 512.542

Задорожнюк, Е.А. Конечные группы с p -эквиливантными минимальными подгруппами / Е.А. Задорожнюк // Веснік Мазырсакага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. – № 1(14). – 2006. – С. 7–11.

Основным результатом данной работы является следующая теорема. В p -разрешимой группе G любая ее минимальная подгруппа P является p -эквиливантной в G тогда и только тогда, когда либо группа G является p -сверхразрешимой, либо G – такая не p -сверхразрешимая группа, что $G = [P]M$, где P – нециклическая минимальная нормальная подгруппа группы G , являющаяся ее силовской p -подгруппой, причем $P = C_G(P) = O_p(G) = F(G)$, M – p -сверхразрешимая подгруппа нечетного порядка, каждая нетривиальная подгруппа которой действует неприводимо на P .

Библ. – 5 назв.

УДК 517.925.51

Кожуренко, Н.В. О старшем показателе линейной дифференциальной системы с возмущениями, суммируемыми со степенью и весом / Н.В. Кожуренко // Веснік Мазырсакага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. – № 1(14). – 2006. – С. 11–16.

Рассмотрены классы возмущений $I^p[\varphi]$, $p \geq 1$ (т. е. возмущения, суммируемые на полюсы со степенью и весом) и $L^p[\varphi]$, $p \geq 1$ (т. е. возмущения, бесконечно малые в среднем со степенью и весом). Вычислены достижимые верхние границы для возмущений из указанных классов в случае монотонного веса и получены достаточные условия для вычисления таких границ по алгоритму Н.А. Изобова в случае немонотонного веса.

Библ. – 15 назв.

УДК 519.21

Юдин, М.Д. К вопросу об аппроксимации распределений сумм зависимых случайных величин безгранично делимыми распределениями / М.Д. Юдин // Веснік Мазырсакага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. – № 1(14). – 2006. – С. 16–20.

Строится пример системы серий зависимых случайных величин, удовлетворяющих условию теоремы, позволяющей аппроксимировать распределения сумм зависимых случайных величин безгранично делимыми распределениями, заданными формулой, обобщающей формулу Колмогорова.

Библ. – 2 назв.

УДК 535.42

Навныко, В.Н. Дифракционная эффективность отражательных голограмм в кристалле $\text{Bi}_{12}\text{SiO}_{20}$ произвольного среза / В.Н. Навныко, В.В. Шепелевич // Веснік Мазырсакага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. – № 1(14). – 2006. – С. 21–25.

Исследована зависимость дифракционной эффективности отражательной голограммы в кубическом фоторефрактивном кристалле $\text{Bi}_{12}\text{SiO}_{20}$ произвольного среза от толщины кристалла. Определены срезы кристалла фиксированной толщины, для которых дифракционная эффективность отражательной голограммы достигает наибольшего значения.

Библ. – 14 назв.

УДК 534.8:535.5

Кулак, Г.В. Особенности оптико-акустической диагностики твердых тел в условиях термоупругости / Г.В. Кулак, Т.В. Николаенко // Веснік Мазырсакага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. – № 1(14). – 2006. – С. 25–29.

Теоретически исследовано возбуждение ультразвуковых волн в изотропных твердых телах за счет термоупругого эффекта при воздействии интенсивного лазерного излучения. Исследована зависимость амплитуды деформаций продольной и сдвиговой ультразвуковой волны от полярного угла по отношению к нормали плоской границы звукопровода. Показано, что ультразвуковые волны, возбужденные лазерными импульсами и рассеянные на дефектах круглой формы, могут быть обнаружены гетеродинным методом или методом Photo-EMF.

Библ. – 11 назв.

УДК 595.384.16(476)

Лебедев, Н.А. Длиннопалый рак *Astacus leptodactylus* Esch в оз. Гудшие Мозырского района / Н.А. Лебедев, В.Г. Сикорский, В.А. Дегтярев // *Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта*. – № 1(14). – 2006. – С. 30–35.

В статье рассмотрены экологические условия обитания и биологические особенности популяции длиннопалого рака в оз. Гудшие Мозырского района. Установлено, что в целом химический состав воды в оз. Гудшие соответствовал нормам для рачьих водоемов. В то же время отдельные гидрохимические параметры превышали предельно допустимые концентрации. Превышение предельно допустимых концентраций хлоридов составило 1,5–2,7 ПДК, нитратов – 1,2–9,5 ПДК, азота аммонийного – 1,2–2,3 ПДК. Улов на раколовку за ночь составил 0,3 шт., промысловая плотность раков – 28 кг/га. Рабочая плодовитость самок в оз. Гудшие варьировала от 118 до 452 (в среднем 258,2) штук эмбрионов. В 2005 г. выклев молоди проходил в первой декаде июня. Сеголетки раков в конце августа достигли длины $3,83 \pm 0,36$ см и массы $1,62 \pm 0,37$ г. Содержание ^{137}Cs и ^{90}Sr в образцах раков из оз. Гудшие в полной мере удовлетворяет требованиям существующей инструкции для пищевых продуктов. Уровень содержания в раках ^{137}Cs был всего 3,1%, ^{90}Sr 9,7% от предельно допустимых концентраций.

Библ. – 12 назв.

УДК 631.432:504.53.054:338.24

Лекунович, С.Н. Зависимость накопления Cs-137 зеленой массой многолетних трав от водного режима корнеобитаемого слоя почвы / С.Н. Лекунович // *Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта*. – № 1(14). – 2006. – С. 35–39.

Данная статья посвящена разработке математической модели, позволяющей рассчитать накопление радионуклидов Cs-137 в любой промежуток вегетационного периода многолетних трав, а также выполнить прогнозные расчеты при запланированной урожайности. Выполненные проверочные расчеты по данной модели показали хорошую сходимость рассчитанных и измеренных величин накопления радионуклидов зеленой массой трав.

Библ. – 8 назв.

УДК 634.738(476):581.19

Рупасова, Ж.А. Влияние географического фактора на макроэлементный состав плодов *Vaccinium corymbosum* L. на фоне внесения минеральных удобрений в Беларуси / Ж.А. Рупасова [и др.] // *Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта*. – № 1(14). – 2006. – С. 39–42.

Приведены результаты исследования макроэлементного состава плодов ранне-, средне- и позднеспелого сортов голубики высокорослой в южной, центральной и северной агроклиматических областях Беларуси в полевых опытах с идентичной 8-вариантной схемой внесения N_{60} , P_{60} , K_{60} . Установлено, что при продвижении культуры в северном направлении происходило усиление на 27–45% аккумуляции азота в плодах ранне- и позднеспелого сортов, сопровождавшееся ослаблением на 17–20% накопления фосфора в плодах ранне- и среднеспелого сортов, при более выраженных для второго элемента различиях южного района с центральным, нежели с северным. Наряду с этим отмечена активизация в пределах 25% накопления калия в плодах средне- и позднеспелого сортов голубики в северном районе относительно центрального, тогда как для кальция и магния – преимущественное ослабление аккумуляции первого из них на 23–50% в плодах раннеспелого сорта и второго – у всех модельных сортов.

Библ. – 5 назв.

УДК 630*181.31

Хмелевский, В.И. Сукцессионные процессы в лесах Национального парка «Припятский», связанные с заболачиванием его территорий / В.И. Хмелевский // *Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта*. – № 1(14). – 2006. – С. 42–47.

В статье приводятся данные 4-летних исследований по изучению влияния процессов заболачивания на лесные экосистемы Национального парка «Припятский». Установлены причины, вызвавшие заболачивание, выявлены масштабы этого явления и дана характеристика современного состояния древостоев и сукцессионных процессов в лесах парка.

Библ. – 3 назв.

УДК 591.69-881.6

Чайковский, А.И. Таксономическое разнообразие паразитов грача (*Corvus frugilegus l.*) Беларуси / А.И. Чайковский // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. – № 1(14). – 2006. – С. 47–49.

В результате проведенных исследований установлено наличие 7 видов пухоедов с различной степенью встречаемости и обилия. Выявлено, что для нидиколоценоза грача характерно большое видовое богатство энтомофагов и сапрофагов двукрылых. Показано, что инвазированность птиц гельминтами в Беларуси наблюдается на протяжении всего года с различной экстенсивностью и интенсивностью инвазий.

Библ. – 8 назв.

УДК 613+546.15 (476.2)

Яблонская, И.В. Использование «йодтеста» в эколого-биологическом мониторинге йодной обеспеченности детского населения Полесья / И.В. Яблонская [и др.] // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. – № 1(14). – 2006. – С. 49–53.

Проведение эколого-биологического мониторинга йодной обеспеченности населения с использованием доступного для широкого практического применения метода «Йодтест» позволяет оценивать в динамике индивидуальную, популяционную йодную обеспеченность и контролировать адекватность поступления йода в пищевые цепи различных возрастных групп, что особенно актуально для населения Полесья, проживающего в экологодестабилизированной радионуклидами среде и испытывающего избыточные нагрузки на щитовидную железу.

Библ. – 7 назв.

УДК 613 + 546.15(476.2)

Яблонская, И.В. Йодная обеспеченность территории Гомельской области / И.В. Яблонская // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. – № 1(14). – 2006. – С. 53–55.

Гомельская область является йододефицитным регионом, однако практически повсеместно на территории области отсутствуют сведения о содержании йода в объектах окружающей среды.

С целью определения йодной обеспеченности регионов области, нами были проанализированы почвообразующие породы, почвы и содержание в них общего йода в пределах каждого административного района области.

В результате проведенного исследования выявлено, что территория области неравнозначна по содержанию йода в окружающей среде. В результате исследования, на территории области выделены территориальные кластеры, население которых может испытывать выраженную йодную недостаточность и испытывать наибольший риск развития йододефицитных заболеваний.

Данные исследования позволяют оценивать йодную обеспеченность населения каждого из районов области и учитывать её при внесении корректирующих добавок йода в рацион питания.

Библ. – 6 назв.

УДК 39(476)

Олони́на, И.В. Полесская экспедиция Юзефа Обрембского (1934–1937 гг.) и традиция изучения белорусского Полесья / И.В. Олони́на // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. – № 1(14). – 2006. – С. 56–60.

В статье рассматривается научное наследие польского антрополога Юзефа Обрембского, проводившего полевые исследования на территориях Восточных Балкан, Полесья и Ямайки. Основной акцент сделан именно на этапе 1934–1937 гг. – Полесской экспедиции Обрембского – практически неизвестном этапе исследований польскими учеными белорусских земель. Результаты этих исследований впервые включены в отечественную историографию.

Библ. – 11 назв.

УДК 947.6

Сувалаў, А.М. Этнастатыстычнае вывучэнне беларусаў у XIX – пачатку XX ст. / А.М. Сувалаў // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. – № 1(14). – 2006. – С. 60–64.

Статья посвящена проблеме становления комплексного подхода к изучению белорусского этноса и выработке критериев этнической идентификации белорусов в историографии XIX – начала XX века. Рассматриваются вопросы, связанные с первыми попытками проведения статистических исследований белорусского народа.

Бібл. – 17 назв.

УДК 93(476)

Толочко, Д.М. Мероприятия советской власти по национализации промышленности в западных областях БССР (сентябрь 1939–1940 гг.) / Д.М. Толочко // *Вестник Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта*. – № 1(14). – 2006. – С. 64–68.

В статье исследуется вопрос национализации промышленности западных областей республики в сентябре 1939–1940 гг. Автор приходит к выводу, что национализация содействовала росту объемов производства, ликвидации безработицы. Наряду с этим национализация всех мелких предприятий не была в полной мере оправдана. Последние, перейдя в собственность государства, работали зачастую неэффективно и не могли полностью обеспечить потребности региона в товарах широкого потребления.

Бібл. – 17 назв.

УДК 882.6

Даніленка, С.І. Топіка «Скалы» ў патрыятычнай лірыцы беларускіх савецкіх паэтаў 30-х гг. XX ст. / С.І. Даніленка // *Вестник Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта*. – № 1(14). – 2006. – С. 69–73.

У артыкуле на матэрыяле беларускай паэзіі 30-х гг. XX ст. аналізуецца міфалагема «скала», якая выступае ў якасці адной з найбольш пашыраных персаніфікацый велічы і магутнасці савецкай дзяржавы, а таксама яе ваенна-палітычнага кіраўніцтва ў атачэнні варожых сіл. Вытокі гэтай вобразнасці, што з’яўляецца архетыпічнай для іудэа-хрысціянскай культурнай традыцыі, выводзяцца з вобразнасці партыйных дакументаў таго часу, якія з’яўляліся для беларускіх савецкіх паэтаў зыходным пунктам белетрыстычнага асэнсавання і адлюстравання рэчаіснасці. Тым самым вызначаецца адна з найбольш значных рыс спецыфікі сацыяльнай міфатворчасці ў паэзіі паслярэвалюцыйнага часу.

Бібл. – 9 назв.

УДК 882.6.09

Дзенісюк, Н.В. Праблема постмадэрнісцкага героя / Н.В. Дзенісюк // *Вестник Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта*. – № 1(14). – 2006. – С. 73–77.

В статье дается обобщающая характеристика постмодернистского героя, анализируются причины, предопределившие появление в произведениях современных белорусских прозаиков персонажей нового типа.

Бібл. – 15 назв.

УДК 882.09:801.73

Гришкова, О.Н. Интертекстуальность как основа систематизации поэтических текстотипов (на материале русского поэтического дискурса) / О.Н. Гришкова // *Вестник Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта*. – № 1(14). – 2006. – С. 78–83.

В статье рассматривается один из аспектов интертекстуальности – её организующее, системообразующее начало. На материале русского поэтического дискурса XIX–XX веков освещается проблема текстотипологических оснований интертекстуальности. Выделяются три основные по отношению к феномену интертекста текстотипа поэзии: собственно интертекстуальные тексты; тексты, склонные к интертекстуальности; смежно-интертекстуальные тексты. Показано, как между этими текстотипами распределяются различные поэтические жанры (пародия, центон, антифраза, анаграмма, посвящение), а также переводимые тексты.

Бібл. – 22 назв.

УДК 882.6.09

Іваноў, Я.Я. Да праблемы ўкладання слоўніка афарызмаў мовы твораў Якуба Коласа / Я.Я. Іваноў // *Вестник Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта*. – № 1(14). – 2006. – С. 83–88.

Разглядаюцца індывідуальна-аўтарскія афарызмы, прыказкі і крылатыя выразы ў творах Якуба Коласа. Вызначаецца метадыка лексікаграфічнага апісання афарыстыкі мовы твораў пісьменніка.

Бібл. – 15 назв.

УДК 808.26-541.2

Карніловіч, І.В. Фонавая інфармацыя і катэгарызацыя / І.В. Карніловіч // *Вестник Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта*. – № 1(14). – 2006. – С. 88–93.

Даследуюцца працэсы маўленчай катэгарызацыі і інфарматыўная прырода тэкстаўтваральных адзінак – імён (назваў) і іменных выразаў. Вылучаны тыпы адфразавых (дэлакутыўных) утварэнняў, аб'яднаных паняццем прэцэдэнтнасці.

Бібл. – 9 назв.

УДК 811.161.3-5-087

Кліменка, В.У. Лексікалізацыя форм назоўнікаў у беларускай дыялектнай мове / В.У. Кліменка // *Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта.* – № 1(14). – 2006. – С. 93–97.

Аналізуюцца прычыны лексікалізацыі форм назоўнікаў у беларускіх гаворках, раскрываюцца спосабы ўтварэння новых лексічных адзінак шляхам лексікалізацыі памяншальна-ласкавых форм і форм множнага ліку назоўнікаў.

Бібл. – 14 назваў

УДК 811.161.1'373.611'0

Кожевникова, А.А. Сложное слово в истории русского языка как объект изучения номинативной деривации / А.А. Кожевникова // *Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта.* – № 1(14). – 2006. – С. 97–101.

В статье рассматриваются проблемы появления сложной номинации в истории русского языка в рамках антропоцентрической парадигмы, с позиции говорящего человека. Сложное слово предстает конечной целью номинативного и словообразовательного актов.

Библ. – 10 назв.

УДК 821.112.2

Коновод, Л.М. Конкретная поэзия Э. Яндля в историко-культурной парадигме XX века / Л.М. Коновод // *Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта.* – № 1(14). – 2006. – С. 101–105.

В статье рассматривается проблема эстетического и поэтического своеобразия немецкоязычной конкретной поэзии Э. Яндля во взаимосвязи с художественными исканиями русской формальной школы, учением швейцарского языковеда Ф. де Соссюра, аналитической философией Л. Витгенштейна. Очерчиваются вопросы, связанные в целом с лингвистическим критицизмом авангардистских литературных течений XX века: УЛИПО, ОБЭРИУ, дадаизма, семиотической поэзии. Отмечается, что оригинальные приемы конкретистской поэтики Э. Яндля работают на раскрытие ассоциативных возможностей поэтического слова, усиливают акустическую и визуальную мотивированность поэтического высказывания.

Библ. – 12 назв.

УДК 882.6

Літвінава, Ю.М. Колеравая гама паэзіі Уладзіміра Караткевіча / Ю.М. Літвінава // *Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта.* – № 1(14). – 2006. – С. 105–110.

Артыкул прысвечаны вывучэнню ролі колеру ў паэзіі У. Караткевіча. Зроблена спроба даследаваць колеравую гаму, якой карыстаецца паэт, прасачыць аўтарскія адносіны да колеру як стылёвую адметнасць яго творчасці.

Бібл. – 20 назв.

УДК 808.26-3

Мінакова, Л.М. Спосабы ўтварэння намінацый у тэхнічнай тэрміналогіі беларускай мовы / Л.М. Мінакова // *Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта.* – № 1(14). – 2006. – С. 111–117.

У артыкуле аналізуюцца спосабы ўтварэння намінацый у тэхнічнай тэрміналогіі беларускай мовы. На канкрэтным матэрыяле ў даследаванні раскрываецца сутнасць сінтаксічнага, марфалагічнага, лексіка-семантычнага, марфалага-сінтаксічнага спосабу дэрывацыі. Адзначаецца, што найбольш прадуктыўным выступае сінтаксічны спосаб, пры якім спецыяльныя назвы ўзнікаюць шляхам утварэння словазлучэнняў. Актыўным сродкам фарміравання найменняў з'яўляецца афіксацыя (у прыватнасці, суфіксацыя, прэфіксальна-суфіксальны спосаб утварэння), узнікненне кампазітаў з тэрмінаэлементамі класічных моў і назваў з прапазіцыйнымі прыметнікавымі марфемамі грэка-лацінскага паходжання. Значнае месца адводзіцца тэрмінам, утвораным шляхам метафарызацыі, метанімізацыі і спецыялізацыі агульнаўжывальнай лексікі.

Бібл. – 9 назв.

УДК 882.09+929

Морозова, И.И. К. Леонтьев и Л. Толстой: антиномии имморализма, или парадоксы нравственности / И.И. Морозова // *Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта.* – № 1(14). – 2006. – С. 117–120.

Объектом исследования данной статьи является изучение специфики реализации моральной проблематики в художественных произведениях К. Леонтьева и Л. Толстого («Исповедь мужа», «Крейцеров соната»).

В статье представлен сравнительный анализ, освещающий реализацию концепции неморального эстетизма К. Леонтьева и панморалистического мироощущения Л. Толстого, отражающей поляризованность авторских концепций и сходство отдельных тематических мотивов.

Библ. – 5 назв.

УДК 882.6

Ненадавец, А.М. Уладзімір Караткевіч – міф і прырода / А.М. Ненадавец // *Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта.* – № 1(14). – 2006. – С. 120–125.

У артыкуле расказваецца пра станаўленне Караткевіча, як празаіка, падкрэсліваецца тое, якую вялікую ролю пры гэтым адыграла глыбокае разуменне ім сутнасці спрадвечных міфаў, пазнанне ўзаемаадносін спрадвечных сувязяў чалавека (чалавецтва) і прыроды.

Бібл. – 2 назв.

УДК 882.6-4

Паўлоўская, А.А. Жанр эсэ ў сучаснай беларускай прозе (на матэрыяле твораў Андрэя Федарэнкі) / А.А. Паўлоўская // *Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта.* – № 1(14). – 2006. – С. 125–128.

Артыкул прысвечаны даследаванню мастацкіх асаблівасцей сучаснага беларускага эсэ.

Пры разглядзе твораў А. Федарэнкі мы звяртаем увагу на ступень засвоенасці маладым пісьменнікам вопыту заходнееўрапейскай эсэістыкі, на сувязь эсэ з яго папярэднімі празаічнымі творамі, спрабуем вызначыць наватарскія элементы федарэнкаўскага эсэ.

Бібл. – 6 назв.

УДК 808.2-07

Ревуцкий, О.И. Сложные тропы: семантика и структура / О.И. Ревуцкий // *Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта.* – № 1(14). – 2006. – С. 128–131.

Обосновывается принцип интегрированного подхода к тропам. Излагается концепция сложных тропов как знаковых комплексов, основывающихся на комбинации языковых элементов, принадлежащих разным ситуациям. На конкретных примерах рассматриваются особенности их семантической и структурной организации.

Библ. – 3 назв.

УДК 801.3

Юрченко, И.А. Ареалы распространения структурно-семантических соответствий адекватных устойчивых сравнений русского и других славянских, балтийских, германских языков / И.А. Юрченко // *Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта.* – № 1(14). – 2006. – С. 132–136.

Данная статья посвящена проблеме ареального распространения структурно-семантических соответствий адекватных устойчивых сравнений русского, а также белорусского, чешского, болгарского, сербскохорватского, латышского, английского и шведского языков. Предпринята попытка определить широту связей русского языка – исходного в исследовании, выявить наиболее «близкий» ему язык, а также выяснить причины появления структурно-семантических соответствий адекватных устойчивых сравнений в представленных языках.

Библ. – 7 назв.

УДК 37.01

Башаркина, Е.А. Условия и результаты функционирования модели воспитания гуманистических отношений / Е.А. Башаркина // *Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта.* – № 1(14). – 2006. – С. 137–141.

Модель воспитания гуманистических отношений реализуется в процессе милосердной деятельности – воспитательном пространстве с оптимальными возможностями функционирования модели. Основными условиями функционирования модели воспитания гуманистических отношений являются: локальность программ милосердной деятельности; сочетаемость милосердной деятельности с особенностями природной среды микрорайона и региона в целом; взаимовлияние подростков-участников милосердной деятельности и субъектов социальной среды. Выполнение данных условий обеспечивает значимый педагогический результат: высокий уровень сформированности гуманистических отношений между подростками.

Библ. – 3 назв.

УДК 159.9

Гульчик, В.В. Условия конструктивного и деструктивного влияния ситуативной тревожности на продуктивность творческой деятельности студентов / В.В. Гульчик // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. – № 1(14). – 2006. – С. 141–147.

В статье проанализированы результаты экспериментального исследования условий конструктивного и деструктивного влияния ситуативной тревожности на продуктивность решения студентами творческих задач.

Впервые в исследовании по проблеме связи ситуативной тревожности и продуктивности творческой деятельности ряд параметров тревоги как эмоционального состояния представлен практически всеми основными характеристиками, при этом особое внимание уделено качественным характеристикам, выражающим её сущность как специфического вида отражения.

Доказана возможность повышения продуктивности творческой деятельности студентов путём регуляции интенсивности тревожности ситуативной и личностной форм.

Библ. – 5 назв.

УДК 378

Евтюгина, А.А. Технология повышения уровня профессионально-речевой образованности студентов / А.А. Евтюгина // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. – № 1(14). – 2006. – С. 147–152.

В статье представлены анализ дипломных работ и классификация ошибок, которые допускаются в научной речи студентов. В связи с этим представлена концепция практического курса «Стилистика научной речи», который проводится на 3–4 курсах всех специальностей университета. Владение научным стилем речи – это часть технологии повышения образованности. Целью данного курса является повышение уровня профессионально-речевой образованности студентов высших учебных заведений.

Библ. – 3 назв.

УДК 373.3

Кухаронак, В.Г. Психолого-педагогические условия организации художественно-творческой деятельности младших школьников / В.Г. Кухаронак // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. – № 1(14). – 2006. – С. 152–155.

Формирование творческой личности является одной из актуальных проблем современности. В статье раскрывается роль художественно-творческой деятельности в развитии и формировании личности школьника. Рассмотрены психолого-педагогические условия организации художественно-творческой деятельности младших школьников. Выделены основные показатели творческой личности, которые способствуют ее гармоничному развитию.

Библ. – 3 назв.

УДК 159.922.8

Шабалина, Л.В. Особенности эмоциональных переживаний у детей из семей, злоупотребляющих алкоголем / Л.В. Шабалина // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. – № 1(14). – 2006. – С. 155–160.

В статье представлены результаты исследования взаимосвязи удовлетворенности сложившимися эмоциональными отношениями с родителями и наличием негативных эмоциональных переживаний у детей из семей, злоупотребляющих алкоголем.

Исследования проводились на базе Кризисного центра для созависимых при Гомельском областном наркологическом диспансере.

В соответствии с результатами исследования наличие негативных эмоциональных переживаний у детей из семей, отягощенных алкогольными проблемами, связано не только с неудовлетворенностью сложившимися эмоциональными отношениями с пьющим родителем, но и в значительной степени с созависимым.

Библ. – 16 назв.

УДК 394.3-053.2(476)

Якубинская, А.Д. Гульнявая культура дзяцей як фактар сацыялізацыі ў традыцыйным грамадстве беларусаў другой паловы XIX – пачатку XX стагоддзяў / А.Д. Якубинская // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. – № 1(14). – 2006. – С. 160–164.

У артыкуле разглядаецца гульнявая культура дзяцей другой паловы XIX – пачатку XX ст. як фактар сацыялізацыі ў традыцыйным грамадстве беларусаў. Аналізуючы фальклорныя матэрыялы, аўтар вызначае ролю ў механізме трансмісіі народнай культуры такіх элементаў гульнявой культуры, як традыцыйныя дзіцячыя гульні, уласны дзіцячы фальклор і дзіцячая цацка.

Бібл. – 13 назв.

АЎТАРЫ НУМАРА

Гойко Владимир Иосифович	кандидат физико-математических наук, доцент докторант Белорусского государственного университета
Задорожнюк Елена Андреевна	кандидат физико-математических наук, ассистент кафедры высшей математики УО «БелГУТ»
Кожуренко Наталья Владимировна	аспирант института математики НАН Беларуси. Научный руководитель – кандидат физико-математических наук, зав. кафедрой МАИВТ Н.П. Морозов
Юдин Михаил Дмитриевич	доктор физико-математических наук, профессор Мозырского государственного педагогического университета
Навныко Валерий Николаевич	аспирант кафедры теоретической физики Мозырского государственного педагогического университета. Научный руководитель – доктор физико-математических наук, профессор кафедры теоретической физики В.В. Шепелевич
Шепелевич Василий Васильевич	доктор физико-математических наук, профессор кафедры теоретической физики Мозырского государственного педагогического университета
Кулак Геннадий Владимирович	доктор физико-математических наук, профессор кафедры общей физики и МПФ Мозырского государственного педагогического университета
Николаенко Татьяна Викторовна	аспирант Мозырского государственного педагогического университета кафедры общей физики и МПФ. Научный руководитель – доктор физико-математических наук, профессор Мозырского государственного педагогического университета Г.В. Кулак
Лебедев Николай Александрович	кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры экологии и основ медицинских знаний Мозырского государственного педагогического университета
Сикорский Валерий Геннадьевич	ассистент кафедры экологии и основ медицинских знаний Мозырского государственного педагогического университета, соискатель при аспирантуре МГЭУ им. А.Д. Сахарова на кафедре биологии человека. Научные руководители – В.В. Валетов, А.П. Голубев
Дегтярев Владлен Александрович	студент биологического отделения Мозырского государственного педагогического университета. Научный руководитель – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры экологии и основ медицинских знаний Мозырского государственного педагогического университета Н.А. Лебедев
Лекунович Светлана Николаевна	младший научный сотрудник Брестского филиала РНИУП «Института радиологии» в г. Пинске, аспирант РНИУП «Института радиологии» г. Гомель. Научный руководитель – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, ученый секретарь РНИУП «Института радиологии» Н.В. Гребенщикова

Рупасова Жанна Александровна	доктор биологических наук, профессор, заведующий лабораторией химии растений и технологии лекарственного сырья ЦБС НАН Беларуси, член-корреспондент НАН Беларуси
Варавина Наталья Петровна	научный сотрудник лаборатории химии растений и технологии лекарственного сырья
Рудаковская Раиса Николаевна	научный сотрудник лаборатории химии растений и технологии лекарственного сырья
Рубан Николай Николаевич	кандидат сельскохозяйственных наук, заведующий лабораторией интродукции плодово-ягодных растений
Пятница Федор Степанович	научный сотрудник лаборатории интродукции плодово-ягодных растений ЦБС НАН Беларуси
Яковлев Александр Павлович	кандидат биологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории экологической физиологии растений ЦБС НАН Беларуси
Хмелевский Валерий Иванович	научный сотрудник ГПУ Национальный парк «Припятский»
Чайковский Александр Иванович	лаборант лаборатории паразитологии Института зоологии НАН Беларуси
Яблонская Ирина Викторовна	старший преподаватель кафедры экологии и основ медицинских знаний Мозырского государственного педагогического университета
Валетов Валентин Васильевич	доктор биологических наук, профессор, ректор Мозырского государственного педагогического университета
Кравченко Виктор Иванович	доктор медицинских наук института эндокринологии и обмена веществ
Кардаков Николай Леонидович	заведующий лабораторией кафедры информатики и МПИ Мозырского государственного педагогического университета
Олюнина Ирина Владимировна	бакалавр гуманитарных наук, аспирант кафедры этнологии, музеологии и истории искусств. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент П.В. Терешкович
Сувалаў Алег Мікалаевіч	старшы выкладчык кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Акадэміі МУС Рэспублікі Беларусь
Толочко Дмитрий Михайлович	старший преподаватель кафедры общественно-гуманитарных наук Гомельского государственного медицинского университета
Даніленка Сяргей Іванавіч	кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускай літаратуры Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта ім. А. Куляшова

- Дзенісюк Наталля Вячаславаўна
малодшы навуковы супрацоўнік аддзела тэксталагіі і выданняў Інстытута літаратуры імя Я. Купалы НАН Беларусі
- Гришкова Оксана Николаевна
соискатель кафедры русского языка Мозырского государственного педагогического университета. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент С.Б. Кураш
- Іваноў Яўген Яўгенавіч
кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры рускай мовы факультэта славянскай філалогіі Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова
- Корнилович Инна Вячеславовна
ассистент кафедры русского и белорусского языков с методикой преподавания УО «Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина»
- Кліменка Вікторыя Уладзіміраўна
кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры замежных моў Гомельскага дзяржаўнага медыцынскага ўніверсітэта
- Кожевникова Антонина Александровна
магистр гуманитарных наук, аспирант кафедры русского языка БГУ. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Е.И. Янович
- Коновод Людмила Михайловна
старший преподаватель кафедры классической и современной зарубежной филологии Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка С.М. Шардыко
- Літвінава Юлія Міхайлаўна
аспірант кафедры беларускай літаратуры і культуры БДУ. Навуковы кіраўнік – кандыдат філалагічных навук, дацэнт А.Л. Верабей
- Мінакова Людміла Мікалаеўна
кандыдат філалагічных навук, дацэнт, дактарант кафедры беларускай мовы УА «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны»
- Морозова Инесса Ивановна
доцент кафедры русской и мировой литературы, зам. декана по научной работе УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»
- Ненадавец Аляксей Міхайлавіч
доктар філалагічных навук, прафесар, загадчык кафедры грамадскіх дысцыплін Бабруйскага філіяла БДЭУ
- Паўлоўская Алена Аляксеёўна
аспірант кафедры беларускай літаратуры УА «Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава». Навуковы кіраўнік – кандыдат філалагічных навук, дацэнт В.Ю. Бароўка
- Ревуцкий Олег Игоревич
доцент, профессор кафедры русского языка Мозырского государственного педагогического университета

Юрченко Ирина Анатольевна	соискатель кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета им. М. Машерова, преподаватель кафедры иностранных языков Витебского государственного университета им. П.М. Машерова
Башаркина Елена Александровна	старший преподаватель кафедры педагогики МГУ им. А.А. Кулешова
Гульчик Виктория Валентиновна	аспирант Национального института образования, отделение психологии. Научный руководитель – доктор психологических наук, профессор кафедры общей и детской психологии Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка Л.А. Кандыбович
Евтюгина Алена Александровна	кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка и культуры речи Российского государственного профессионально-педагогического университета
Кухаронак Вия Геннадьевна	кандидат педагогических наук, доцент кафедры юридической психологии учреждения образования «Минский институт управления»
Шабалина Людмила Васильевна	психолог, руководитель Кризисного центра для созависимых при ГОНД
Якубінская Алеся Дзмітрыеўна	аспірант кафедры этналогіі, музеялогіі і гісторыі мастацтваў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Навуковы кіраўнік – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры этналогіі, музеялогіі і гісторыі мастацтваў Т.А. Наваградскі

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Вниманию авторов статей!

С выхода следующего номера журнала в правила для авторов внесены дополнения и изменения. Без их учета статьи к опубликованию не принимаются.

1. Статьи объемом до 8 страниц печатного текста на русском или белорусском языке в одном экземпляре направлять по адресу: 247760 Гомельская обл., г. Мозырь, ул. Студенческая, 28. В этот объем входят таблицы, фотоснимки, графики, рисунки, список использованной литературы. Текст должен быть набран на компьютерной технике (Word 98, 2000 for Windows); шрифт Times New Roman, 14; одинарный межстрочный интервал; абзацный отступ 1,27; подписи к фотоснимкам, графикам, рисункам, диаграммам набирать шрифтом Times New Roman.

2. В левом верхнем углу размещается индекс УДК.

3. Через 1 интервал в центре страницы помещаются инициалы и фамилия автора (авторов).

4. Далее через 1 интервал заглавными буквами без переносов печатается название статьи. Название статьи должно отражать основную идею выполненного исследования, быть по возможности кратким, содержать ключевые слова, позволяющие индексировать данную статью.

5. Ниже через один интервал, с абзацного отступа, печатается текст.

6. Термины и основные понятия печатаются жирным шрифтом.

7. Поля – левое, правое, нижнее, верхнее – по 25 мм.

8. К статье прилагаются:

а) сведения об авторе (фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень и звание, место работы, должность, адрес для переписки, рабочий и домашний номера телефона, для аспирантов и соискателей сведения о научном руководителе);

б) рекомендация кафедры, научной лаборатории или учреждения образования;

в) рецензия специалиста в данной области с ученой степенью (заверенная печатью);

г) реферат (аннотация) на русском или белорусском языке (объемом 100–150 слов, ясно излагающая содержание статьи и пригодная для опубликования в аннотациях к журналам отдельно от статьи);

д) резюме на английском языке;

е) перечень принятых обозначений и сокращений;

ж) электронный вариант статьи на дискете 3,5".

9. Список цитированных источников оформляется по правилам оформления библиографического списка диссертаций. Список располагается в конце текста, ссылки нумеруются согласно порядку цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок должны быть написаны внутри квадратных скобок (например: [1], [2]).

Примеры:

1. Котаў, А.І. Гісторыя Беларусі і сусветная цывілізацыя / А.І. Котаў. – 2-е выд. – Мінск: Энцыклапедыкс, 2003. – 168 с.

2. Шакун, Н.С. Кірыла-Мяфодзіеўская традыцыя на Тураўшчыне: (да праблемы лакальных тыпаў старажытнаславянскай мовы): аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук: 10.02.03 / Н.С. Шакун; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2005. – 16 с.

3. Бандаровіч, В.У. Дзеясловы і іх дэрываты ў старабеларускай музычнай лексіцы / В.У. Бандаровіч // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2004. – № 2. – С. 49–54.

4. Козулько, Г. Беловежская пуца должна стать мировым наследием / Г. Козулько // Беловежская пуца – XXI век [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа: <http://bp21.org.by/ru/art/a041031.html>. – Дата доступа: 02.02.2006.

Подробнее о требованиях к научной статье см.: ИНСТРУКЦИЯ по оформлению диссертации, автореферата и публикаций по теме диссертации. УТВ. Постановление президиума государственного высшего аттестационного комитета Республики Беларусь 24.12.1997 № 178 (в редакции постановления Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 22.02.2006 № 2).

10. Редколлегия журнала проводит экспертизу полученных материалов и может дополнительно рецензировать статьи. Основными критериями при оценке являются новизна, актуальность и информативность материала. Если по рекомендации рецензента рукопись возвращается на доработку, то она вновь рассматривается редколлегией и датой поступления считается день представления последнего варианта.

Редакция оставляет за собой право отклонения статьи, если значительная часть ее содержания не соответствует профилю журнала, а также не вести дискуссии по мотивам отклонения.

Редколлегия